Историческая грамматика русского языка

проф. П. Я. Черных

Историческая грамматика русского языка

УЧПЕДГИЗ • 1962

проф. П. Я. Черных

Историческая грамматика русского языка

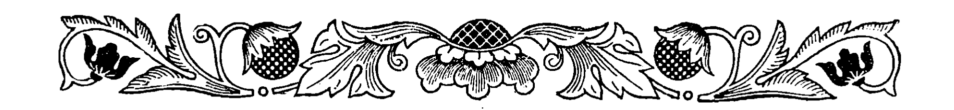
Краткий очерк

ПОСОБИЕ
ДЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
ИНСТИТУТОВ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА · 1962

I. ВВЕДЕНИЕ

1. „ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА". ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ЭТОЙ НАУКИ

§ 1. „Историей (или иногда исторической грамматикой[1]) русского языка" называется наука о внутренних законах развития русского языка, о том, как сложился современный русский язык, его грамматический строй и словарь, его фонетическая система и письмо, как в результате постепенных изменений из того качественного состояния, в котором находилась восточнославянская речь на заре истории нашей страны, возникло современное качественное состояние русского языка.

Развитие языка, постепенное накопление нового качества заключается в том, что элементы грамматического строя и словарного состава языка: звуки речи, словообразовательные морфемы (например, суффиксы), формы склонения и спряжения, наконец, сами слова с их значениями с течением времени одни исчезают, другие появляются, одни раньше, другие позже, меняется их место в целом в языке, их участие, их роль в выражении мысли.

Не все эти изменения в одинаковой степени з а м е т н ы для людей, говорящих на том или другом языке. Более всего заметны л е к с и ч е с к и е изменения и в особенности н о в ы е явления в словаре, н о в ы е с л о в а и н о в ы е з н а ч е н и я слов. Т е м п ы лексического, словарного обновления языка являются

[1] Термин „историческая грамматика", в нашей научной литературе существующий по крайней мере больше ста лет, со времени выхода в свет „Опыта исторической грамматики русского языка" Ф. И. Буслаева (1858), понимается по-разному. Мы употребляем его здесь в смысле „исторический комментарий" к курсу „Русский литературный язык".

более быстрыми, чем темпы обновления других сторон языка. Однако и здесь следует различать, с одной стороны, основной (так сказать, отстоявшийся за время существования данного языка) словарный фонд, заключающий в себе такие слова, как *вода, земля, рука, человек, делать* и т. п., без которых язык не мог бы служить средством общения между людьми, и, с другой — группы слов, находящихся за пределами основного словарного фонда. Тогда как лексические группы, не являющиеся принадлежностью основного словарного фонда, отличаются большой и постоянной подвижностью, основной словарный фонд накапливается очень медленно, в течение веков. Еще медленнее протекают изменения в области грамматического строя языка (морфологии и синтаксиса), в области словообразования, склонения и спряжения, в структуре предложения. Поэтому и заметить их труднее, и часто человеку в конце его жизненного пути не без основания кажется, что язык, на котором он говорит, в грамматическом отношении не подвергся никаким изменениям.

Очень медленными темпами отличается также развитие звуковой стороны слов и форм, если, конечно, развитие языка не нарушается изменениями „внешнего“ характера, обусловленными исторической жизнью народа, следствием чего является, например, полное или частичное вытеснение территориального (местного) диалекта литературным языком или даже другим территориальным диалектом. Фонетические изменения обыкновенно становятся заметными только в течение длительного отрезка времени, выходящего далеко за пределы одной человеческой жизни. Эта устойчивость фонетической системы языка, фонетической стороны слов и форм, конечно, находится в прямой связи с устойчивостью основного словарного фонда и грамматического строя языка.

Только на первый взгляд может показаться, что изменения, происходящие с течением времени в языке, имеют беспорядочный характер. Если бы так обстояло дело, то, конечно, в этом случае никакой язык невозможно было бы изучать в его развитии. Но дело обстоит иначе. В результате долгого, кропотливого и упорного труда языковедам удалось доказать, что изменения, наблюдающиеся в языке, происходят закономерно. При этом было обнаружено, что закономерности развития разных сторон языка (звуковой, или фонетической, морфологической и т. д.) не являются одинаковыми. Другими словами, звуковая

сторона того или иного языка изменяется по своим законам (фонетические законы), которые по своему характеру и природе отличаются от законов развития, например, морфологической стороны языка (законы грамматической ассимиляции, или „аналогии“, и диссимиляции, или „омонимического отталкивания“; законы контаминации, опрощения и переразложения основы, законы грамматикализации и пр.); своими собственными закономерностями характеризуются изменения реальных значений слов (сужение и расширение значений и др.) и развитие словаря и т. д. В то же время наблюдается взаимодействие разных сторон языка: фонетические и лексические изменения часто влекут за собой изменения в области грамматического строя, морфологические изменения оказываются связанными с синтаксическими, не говоря уже о связи, например, фонетических изменений с изменениями в алфавите и в орфографии.

Все это позволяет языковедам утверждать, что всякий язык представляет собой нечто цельное, части которого связаны между собой, как связаны части механизма, или что, другими словами, язык является системой.

В итоге действия всех этих законов, как уже сказано, одни элементы языка (звуки, слова, грамматические формы и пр.) исчезают, каждый в свое время, другие вновь возникают, изменяются их место и роль в процессе речи. Но это не есть беспорядочная замена одних элементов другими. Развитие языка не есть бесцельное и бессмысленное топтание на месте. В конечном счете одни элементы языка вытесняются другими потому, что новые элементы, при новом их использовании в целом, в предложении, позволяют людям выражать свои мысли лучше, чем прежде. Таким образом, внутренними законами развития языка следовало бы считать не любые закономерности его изменений, а законы его усовершенствования, законы, которые управляют движением языка вперед, по восходящей линии, от низшего к высшему.

Одним из основных положений марксистского учения о языке следует считать то положение, что язык (звуковой язык, или язык слов), как «важнейшее средство общения»[1], представляет собой общественное явление, жизнь и развитие которого неразрывно связаны с жизнью и

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 17, стр. 428.

развитием общества, которое в свою очередь также не может существовать без языка.

Принимая во внимание, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, и подводя итоги всему, что было сказано выше, мы можем в окончательном виде определить задачи и содержание истории русского языка как научной дисциплины таким образом: история русского языка есть наука о внутренних законах, о закономерностях развития русского языка, развития всех его сторон и элементов, в течение его многовековой жизни, начиная с древнейшего его качественного состояния, в неразрывной связи с историей русского народа, с историей его государственной жизни, его культуры и т. д.

Выражение „русский язык" в данном случае понимается в широком смысле. Исторически — это язык, начало формирования которого было обусловлено возникновением Великой Руси и великорусской народности на севере и северо-востоке распавшейся в XIII столетии „империи Рюриковичей". Ввиду того, однако, что историю русского языка невозможно построить отдельно от истории языка восточного славянства в целом, в отрыве от изучения языка восточнославянского населения древней Руси, история русского языка (как и история украинского и белорусского языков) обыкновенно начинается с изучения древнерусского языка, т. е. языка восточных славян древнерусской эпохи, сначала — племенных диалектов восточнославянских племен, потом — языка древнерусской народности, когда еще не сформировались братские восточнославянские народы — русский (великорусский), украинский и белорусский. Потом прослеживают развитие уже собственно русского (великорусского) языка вплоть до наших дней.

Однако термин „язык" и, в частности, *древнерусский язык* (под которым мы понимаем язык восточнославянского населения древней Руси) требует уточнения также в другом отношении.

Древнерусские люди, построившие Киевское государство, создавшие много культурных ценностей непреходящего значения, не только говорили, т. е. произносили слова, разговаривали на своем древнерусском языке, — они также писали, создавали литературные произведения на этом языке, имели письменность. Но они не всегда писали только на своем родном восточнославянском языке. После крещения Руси они стали пользовать-

ся для этой цели также старославянским языком, т. е. тем всеславянским литературным языком, который сложился в IX—X столетиях на базе славянских говоров Македонии и вообще древнеболгарских. Правда, на этом литературном языке древней Руси писали главным образом книги церковного содержания, связанные с христианским культом. Так или иначе, у древнерусских людей была своя литература, отличавшаяся заметным разнообразием в жанровом отношении.

Таким образом, существовали, собственно говоря, две формы древнерусского языка: письменный язык, имевший две разновидности: литературный (книжно-литературный) и канцелярский (деловой) языки, и разговорный — народный, устная, не получившая обработки для употребления в письменности, главным образом диалогическая речь.

История русского языка является наукой о народном древнерусском языке и его судьбах, и прежде всего о разговорном языке восточнославянского населения древней Руси, о народном языке в его коммуникативной функции, как важнейшем средстве общения, а, кроме того, также о формах и способах литературной обработки народной речи, о нормах литературного языка в древней Руси и его развитии, тем более что о живом разговорном языке восточнославянского населения древней Руси мы имеем возможность судить главным образом постольку, поскольку он получил отражение в памятниках нашей древней письменности.

В новейшее время, однако, в связи с усложнившимся пониманием задач лингвистического (или, как иногда говорят, лингво-стилистического) анализа литературных текстов (труды акад. В. В. Виноградова и др.), история литературного русского языка у нас начинает выделяться в самостоятельную филологическую дисциплину, связанную почти в одинаковой мере, с одной стороны, с историей народного „просторечия“, а с другой — с историей русской литературы и русского искусства вообще. Можно сказать, что историческое изучение литературного, в частности художественно-литературного, языка лишь постольку относится к «истории языка», поскольку этот литературный язык является общенародным и поскольку изучается именно общенародная основа языка.

§ 2. Из сказанного можно сделать также некоторые выводы относительно тех связей, в которых „история русского языка“

как научная дисциплина находится с другими, в первую очередь языковедческими, или лингвистическими, научными дисциплинами.

Поскольку история русского языка как наука строится главным образом на основе сравнения древнерусского (древневосточнославянского) языка с современным русским (великорусским), она теснейшим образом связана с наукой о современном русском языке во всем его многообразии: с наукой о письменно-литературном и разговорно-литературном общерусском языке образованных людей (научная грамматика), с наукой о современных русских говорах (диалектология), о профессиональных и вообще социально-групповых русских диалектах и пр. Обе науки — о развитии русского языка и о современном его состоянии — настолько тесно связаны одна с другой, что трудно себе представить ученого, который задумал бы стать специалистом в области истории какого-нибудь живого языка, не имея четкого представления о современном состоянии этого языка, или, наоборот, специализироваться в области, скажем, научной грамматики, в области изучения „системы", строя современного русского или какого-либо другого языка на данном этапе его развития, не желая знать его истории и не понимая ее. Правда, такое изучение языка иногда (в отношении некоторых языков) бывает вызвано необходимостью (отсутствие памятников древней письменности, родственных связей и пр.). Но результаты такого изучения не являются полноценными: они не дают полного понятия об этом языке.

Как учил В. И. Ленин, основным правилом научного подхода к каждому вопросу является „...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь"[1].

В свою очередь наука о русском языке в той и другой ее разновидности находится в связи с общим учением о языке как явлении общественной жизни людей — с „общим языкознанием", с „философией языка", т. е. с наукой, обобщающей опыт изучения отдельных языков разного типа в их развитии.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 29, стр. 436.

С другой стороны, наука о р а з в и т и и русского языка не в меньшей степени связана с науками и с т о р и ч е с к о г о цикла, прежде всего с историей СССР, особенно с историей русского народа, — с экономической и политической историей, с историей культуры, и в частности материальной (орудия производства, постройки, одежда и пр.), с археологией, как важной отраслью истории материальной культуры, а также с этнографией и фольклором.

Что касается словарного состава, то историческое изучение его, вообще говоря, немыслимо без теснейшей увязки лексических данных с данными истории Русского государства, истории культуры русского народа и других народов СССР.

Такие исторические события, как возникновение древнерусского государства под властью Рюриковичей и, как одно из следствий этого факта, крещение Руси и развитие христианской культуры, повлекшей за собой утверждение старославянского языка в качестве нового литературного языка в древней Руси; такие исторические явления, как, в более позднее время, возвышение Москвы и процесс собирания Русской земли вокруг этого нового мощного центра народной жизни, образование великорусской нации, получившей вскоре ведущую роль в жизни страны, процессы, повлекшие за собой в свою очередь возникновение великорусского языка, и, на основе народной московской речи, возникновение нового литературного общерусского языка с его все увеличивающимся воздействием на диалекты; такие исторические факты, как многонациональный состав населения нашей необъятной родины, длительный характер и трудности процесса освоения государственной территории, как экономические и политические отношения с древнейших времен русского народа с его соседями внутри страны и за ее пределами и т. д. — все это, вместе взятое, непосредственно и коренным образом повлияло на русский язык, глубочайше отразилось на самом направлении и темпах его развития.

§ 3. Из того, что было сказано выше о связи истории русского языка с наукой о современном русском языке, вытекает, что и в школьной практике преподавание основ научной грамматики современного русского литературного языка не может быть оторвано от основных данных и выводов науки о п р о ш л о м русского языка.

Этот вопрос об историзме в преподавании русского языка в средней школе впервые в полной мере был поставлен более

ста лет назад Ф. И. Буслаевым в его замечательной книге „О преподавании отечественного языка“ (1844). Позже по этому вопросу последовал целый ряд развернутых выступлений как со стороны ведущих языковедов, историков русского языка, в шестидесятых годах — И. И. Срезневского, а позже — А. А. Шахматова и др., так и со стороны работников средней школы. К началу Великой Октябрьской социалистической революции, в результате длительной дискуссии, вопрос о введении элементов исторического изучения в преподавание русского языка в средней школе принципиально был решен в положительном смысле, но не было достигнуто полного соглашения относительно способов реализации этого важного решения: в форме ли введения в учебные планы средней школы исторического курса русского языка или путем „пронизывания“ школьных занятий по языку принципом историзма.

После Великой Октябрьской социалистической революции этот вопрос был снова поставлен в связи с перестройкой всей системы народного образования и выдвижением основной задачи советской школы — коммунистического воспитания молодежи на основе диалектико-материалистического мировоззрения.

Идея историзма, идея развития, идея вечного движения, как следствия борьбы внутренних противоречий, борьбы противоположностей, идея поступательного движения, как перехода „от старого качественного состояния к новому качественному состоянию“, как развития „от простого к сложному, от низшего к высшему“, является одним из основных положений диалектического материализма. Отсюда и понимание языка как поступательно, прогрессивно изменяющегося явления общественной жизни, постоянно пребывающего в движении, постоянно развивающегося, в течение ли столетий или в течение того короткого промежутка времени, которые мы имеем в виду, когда говорим, например, „современный русский язык“. Чем продолжительнее период жизни языка, тем более полно и всесторонне обнаруживаются сущность и характер языкового развития. Вот почему и в средней школе, для того чтобы учащиеся могли составить достаточно ясное представление о языке как поступательно развивающемся явлении, необходимо дополнять изучение основ науки о современном русском языке некоторыми важнейшими данными, касающимися древнерусского языка и истории его развития в связи с историей народа.

Как это сделать, в какой дозе, на котором году обучения и пр. — все это вопросы чисто педагогического свойства. Рассмотрением этих вопросов занимается методика преподавания русского языка. Но одно обстоятельство все же необходимо отметить и подчеркнуть: историзм в преподавании русского языка в средней школе не есть нечто постороннее, не увязанное органически с изучением современного русского языка — бесспорно главной и основной задачей школьных занятий по языку. Если преподавание русского языка в средней школе действительно строится на научных началах и, следовательно, на объяснении рассматриваемых фактов, сознательное, осмысленное (а не основанное только на механическом запоминании, на зубрежке „правил") изучение норм современного русского языка и письма невозможно без исторического освещения.

Это относится не только к разного рода пережиточным явлениям в морфологии и в синтаксисе, которых всегда бывает достаточно во всяком живом языке на каждом этапе его развития. Являясь осколками прежней, изжитой системы данного языка, характерной для отдаленного прошлого, они противоречат его современной системе (а иногда и здравому смыслу).

Почему, например, мы говорим *два* письменных *стола́*, *две сестры́* и т. п., употребляя форму родительного падежа единственного, а не множественного числа существительного (ср. *двое рабочих*), как следовало бы по смыслу, поскольку речь идет не об одном предмете? Ведь говорят же украинцы *два столи* (*ли* произносится почти как *лы*) и т. п., да и мы в косвенных падежах употребляем формы множественного числа: *двух столов, двум столам* и т. д. — Только потому мы так говорим, что в русском языке когда-то существовало двойственное число и эти словосочетания с *два, две* и *оба, обе,* а также по аналогии более поздние — с *три, четыре* представляют собой своеобразный пережиток этой разрушенной с течением времени старой системы чисел в склонении существительных.

Почему у нас не спрягаются (т. е. не изменяются по лицам) глаголы в прошедшем времени (*я писал, ты писал* и пр.), тогда как в настоящем и будущем спрягаются, и всегда ли так было? — Потому, что в древнерусском языке носителем спряжения в прошедшем времени был вспомогательный глагол *есмь,* кото-

рый присоединялся к причастным формам с суффиксом *-л* от спрягаемого глагола и который по ряду причин постепенно вышел из употребления (см. § 100). Поэтому нам и приходится теперь пользоваться личными местоимениями в прошедшем времени (***я*** *писал*, ***ты*** *писал*, ***мы*** *писали*, ***вы*** *писали* и пр.), без которых мы легко обходимся в настоящем и в будущем (*пишу, пишешь* и т. д.).

Почему нельзя сказать о себе: „*войдя* в комнату, Ваня сидел у окна"? — Потому, что получается не „когда я вошел в комнату", а „когда Ваня вошел в комнату" (он же [Ваня] и сидел у окна). У Л. Н. Толстого, например, в „Хаджи Мурате" встречается такая фраза, заимствованная им из просторечия: „*накурившись*, между *солдатами* завязался разговор". Следовало бы сказать: „*накурившись, солдаты* завязали разговор". Иначе получается, что р а з г о в о р может к у р и т ь. Дело в том, что в личном предложении (т. е. с подлежащим) деепричастие всегда у нас тяготеет к подлежащему, согласовано с ним по смыслу. Происходит же это потому, что наше деепричастие исторически представляет собой краткое причастие в форме именительного падежа, употреблявшееся в личном предложении как член сложного сказуемого и впоследствии утратившее способность изменяться по падежам, родам и числам (см. § 108).

Но, конечно, дело не только в разного рода пережиточных явлениях в грамматике, в грамматическом строе языка. Не имеется вообще ни одного раздела школьного курса русского языка, при „объяснительном" изучении которого можно было бы обойтись без данных исторической грамматики. При изучении таких явлений, как чередование звуков речи, как закономерности склонения существительных, как сосуществование полных и кратких прилагательных, как особенности склонения и словообразования местоимений и числительных, спряжения глаголов и т. д., — во всех случаях, где требуется о б ъ я с н е н и е грамматических фактов, учителю приходится углубляться в прошлое русского языка.

Как это было хорошо разъяснено еще А. А. Шахматовым в его замечательной лекции „К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях" (1903): „...как только исследователь начинает группировку, сопоставление наблюдаемого им материала в живом языке или письменном, он приходит к необходимости установления последовательности в за-

меченных явлениях; установление последовательности ведет к выяснению причинности"[1].

Трудно, даже невозможно по-настоящему наладить в школе изучение правил литературного произношения и правил правописания, не прибегая к помощи исторической грамматики. Нельзя ограничиться одной лишь констатацией глубокого расхождения между орфографией и орфоэпией, между правильным написанием слов и правильным их произношением.

Например, слово *еще* пишется так, что по его письменному изображению нельзя составить правильного понятия о его произношении в литературном языке (*иш'ш'ó*). По большей части мы вообще пишем теперь слова не так, как их произносим, а так, как их произносили наши предки в более или менее отдаленное от нас время. Наше правописание по своему характеру, по своим принципам может быть названо *историческим, традиционным.* Оно почти не отражает тех фонетических изменений (кроме „падения глухих", изменения *ѣ* в *е* и некоторых других), которые произошли в сравнительно позднее историческое время. Мы пишем *моего*, а произносим *мъивó*; пишем *легко*, а произносим *л'ихкó*; пишем *что*, а произносим *што* и т. д.

Если мы хотим правила правописания преподавать не в порядке механического усвоения этих правил учащимися, а осмысленно, нам не удастся обойтись без данных исторической грамматики (конечно, в соответствующей методической обработке). Почему *полагать* нужно писать с *а* (ср. *положим*), также *касаться* (но *коснусь*)? Только потому, что в силу исторического характера нашего правописания в этих глагольных формах при определенных условиях (в положении перед ударенным *а*) сохранился старый вокализм „итеративных" глаголов (см. § 105). Почему *достоин* нужно писать с *и*, а *спокоен* — с *е*, хотя у них имеется одинаковый суффикс? Потому, что *достоин*, как отчасти свидетельствует и его семантика, является давним заимствованием из старославянского языка. И так далее, на каждом шагу.

Действительно, как говорил Ф. Энгельс, «„...материя и форма родного языка" только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собствен-

---

[1] „Труды первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях", П., 1904, стр. 408.

ные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»[1]. Автор „Анти-Дюринга“ решительно и горячо выступал против старомодной, выкроенной в духе древней классической филологии, «технической грамматики», „со всей ее казуистикой и произвольностью, порождаемыми отсутствием в ней исторического основания“[2].

Разумеется, данные исторической грамматики русского языка могут и должны найти себе место не только на уроках русского языка. Без этих данных нельзя обойтись также и на уроках по русской литературе и русской устной народной словесности. Не говоря уже о таких произведениях, как „Слово о полку Игореве“, и вообще о памятниках допетровского времени, анализ которых (если они изучаются не в переводе на современный русский язык) немыслим без основательного знания древнерусского языка, преподавателю русской литературы в сущности постоянно приходится иметь дело с наблюдениями и выводами, относящимися к истории русского (особенно литературного) языка и к русской диалектологии, к русской исторической лексикологии, к этимологии слов.

Воспитательное значение школьного курса русского языка может быть поднято на должную высоту только при условии введения в доступной учащимся форме в школьное преподавание элементов истории языка, не оторванной от истории народа, а связанной с ней. По словам Шахматова в упомянутой лекции, такое преподавание языка в школе „может дать едва ли не столь же заметные результаты, как преподавание отечественной истории“.

2. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПОСОБИЯХ ПО КУРСУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В РОССИИ

§ 4. Историческое изучение языка как научная дисциплина возникло в начале прошлого столетия, одновременно в ряде европейских стран, в частности и в России. По своему происхождению и в дальнейшем своем развитии историческое изучение таких языков, как русский, неразрывно связано со „сравнительной грамматикой“ родственных языков той группы, той семьи, к ко-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 327.
[2] Там же.

торой относится данный, исторически изучаемый язык. Так, история русского языка и в особенности такие важные ее разделы, как историческая фонетика и этимологическое изучение слов, теснейшим образом связаны со сравнительной грамматикой славянских языков.

История русского языка в течение XIX в. развивалась как отрасль сравнительно-исторической грамматики славянской семьи языков. Успехи этой новой научной дисциплины были связаны с разработкой сравнительно-исторического метода.

Много потрудились на этом поприще такие виднейшие наши языковеды прошлого времени, как А. Х. Востоков, автор первого труда по сравнительной и, следовательно, исторической грамматике славянских языков „Рассуждения о славянском языке", напечатанного в 1820 году, И. И. Срезневский (1812—1880), работавший, как и Востоков, в Петербурге, и Ф. И. Буслаев (1818—1897), жизнь и деятельность которого протекала в Москве. Они наметили задачи и программу исторического изучения русского языка (книга Срезневского „Мысли об истории русского языка", вышедшая в свет в 1850 г.), указали важнейшие источники такого изучения и начали их разработку, создали (опираясь главным образом на показания письменных памятников) первые пособия по истории русского языка (труды Буслаева: „Опыт исторической грамматики русского языка", 1858, и „Историческая хрестоматия церк.-сл. и рус. языков", 1861), подготовили первые научные кадры.

Самым выдающимся из представителей следующего поколения русских языковедов был профессор Харьковского университета А. А. Потебня (1835—1891), интересовавшийся главным образом вопросами философского языкознания, но оставивший также ряд очень ценных лекций и исследований по исторической фонетике („Два исследования о звуках русского языка", 1866; „К истории звуков русского языка", 1876—1886, и др.) и особенно по историческому синтаксису русского языка („Из записок по русской грамматике", 1874 и сл.). Потебня положил начало также историческому и этимологическому изучению словарного состава русского языка.

В 1872 г. М. А. Колосов (1840—1881) напечатал „Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI ст.".

К последней четверти XIX и к началу XX в. относится расцвет научной деятельности двух крупнейших историков русского язы-

ка — воспитанников Московского университета — акад. А. И. Соболевского (1856—1929) и акад. А. А. Шахматова (1864—1920). Благодаря необыкновенной работоспособности, неутомимой научной деятельности этих талантливых языковедов и их учеников историческое изучение русского языка было поднято на значительную высоту. Созданные этими учеными общие курсы исторической грамматики русского языка: „Лекции по истории русского языка“ А. И. Соболевского (1888, последнее издание вышло в 1907 г.) и „Курс истории русского языка“, тт. I—III (литографированное издание, 1910—1912) и примыкающий к нему „Очерк древнейшего периода истории русского языка“ („Энциклопедия славянской филологии“, т. 11, П., 1915) А. А. Шахматова — до сих пор являются важнейшими пособиями.

Правда, в настоящее время в некоторых отношениях (не только в методологическом) они несколько устарели. В особенности это следует сказать о „Лекциях“ Соболевского, хотя заключающийся здесь фактический материал по истории звуков и по истории форм склонения и спряжения — обильные выписки из памятников письменности, расположенные в хронологическом порядке по отдельным явлениям (например, „исчезновение глухих“, „смешение падежей“ и т. п.), а нередко и объяснение этих данных — до сих пор еще не утратили научного значения.

Именно для А. И. Соболевского и его школы (проф. Н. М. Каринский, автор исследования „Язык Пскова и его области в XV в.“, П., 1909, „Очерки из истории псковской письменности и языка“, т. I, Л., 1916 и др., Н. В. Волков, Леонид Васильев и др.) можно считать характерной чертой некоторую переоценку роли и значения письменных источников исторического изучения языка и излишне сдержанное отношение к данным сравнительной грамматики.

Напротив, Шахматов является представителем той школы русских языковедов (она называется „школой Фортунатова“, или „московской школой“), с деятельностью которой главным образом и связана у нас разработка сравнительно-исторического метода в языкознании. Историческое изучение русского языка в трудах Шахматова, его учеников (С. П. Обнорский и др.) и вообще близких к нему в методологическом отношении языковедов (проф. Е. Ф. Будде в Казани) строится на основе диалектологических данных и вообще данных живой речи, на основе сравнительного изучения диалектов, говоров русского

языка и сравнительного изучения русского языка и других славянских; материал же письменных памятников древнерусского языка привлекается прежде всего как источник вспомогательный, хотя и очень важный. Шахматов, как историк языка, занимался изучением главным образом звуковой стороны языка, разработкой исторической фонетики русского языка и оставил блестящие образцы применения сравнительно-исторического метода в этой области.

В эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции в связи с общим подъемом научной жизни в СССР сравнительно-историческое изучение русского языка продолжало развиваться в направлении, намеченном этими двумя языковедами.

Акад. С. П. Обнорский, энергично продолжавший исследования своего учителя Шахматова, перенес внимание главным образом на разработку исторической морфологии русского языка, на изучение форм именного склонения и глагольных форм в их историческом развитии. Он является автором двух больших монографий: „Именное склонение в современном русском языке" (т. I, 1927; т. II, 1931) и „Очерки морфологии русского глагола" (1953), и книги „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода" (1946).

В этой книге заключается описание языка некоторых древнерусских литературных произведений и излагается новая теория происхождения литературного языка в древней Руси, возникшего, как доказывает С. П. Обнорский, на народной, восточнославянской, а не на старославянской основе.

Развитие исторической грамматики русского языка многим обязано крупнейшим нашим славяноведам — Б. М. Ляпунову, автору ценной монографии по истории глухих гласных в русском языке „Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи", вып. I, 1899, А. М. Селищеву и Л. А. Булаховскому.

Проф. А. М. Селищев (1883—1942) является автором пособия „Западнославянские языки", 1941, составляющего первый том капитального (но оставшегося незаконченным) труда „Славянское языкознание", имеющего большое значение для углубленного исторического изучения русского языка. То же следует сказать и о пособии Селищева „Старославянский язык" (ч. I, 1951; ч. II, 1952). Этому ученому принадлежит еще целый ряд книг (в частности, „Диалектологический очерк Сибири", 1921), статей

и рецензий, имеющих прямое отношение к исторической грамматике русского языка.

Действительный член Академии наук УССР Л. А. Булаховский (1883—1961), известный исследователь в области истории восточнославянских языков, особенно много потрудившийся над разработкой такого важного раздела сравнительной грамматики славянских языков, как акцентология (учение об ударении и количестве), в 1937 году напечатал учебное пособие „Исторический комментарий к русскому литературному языку“ (4-е издание этой книги вышло в 1953 г. в качестве второго тома „Курса русского литературного языка“). Полезным пособием по истории русского языка является также книга Булаховского „Русский литературный язык первой половины XIX века“, особенно т. II, 1953.

В течение последних пятидесяти лет и особенно в советское время появилось, вообще говоря, немало пособий по истории русского языка, в том числе и более или менее полных курсов.

Например, в предреволюционные годы были изданы „Лекции по истории русского языка“ Е. Ф. Будде (можно пользоваться только 2-м изданием, Казань, 1914) и некоторые другие. В советское время вышла в свет книга Н. Н. Дурново „Очерк истории русского языка“, М.—Л., 1924. После 1950 г., кроме упомянутого „Курса“ Л. А. Булаховского, были напечатаны пособия: Л. П. Якубинского „История древнерусского языка“, Учпедгиз, 1953; П. С. Кузнецова „Историческая грамматика русского языка. Морфология“, 1953, и др.

Наиболее полным, охватывающим основные разделы программы и в то же время доступным по изложению, из новых пособий можно считать „Исторический комментарий“ Л. А. Булаховского. Что касается упомянутой книги ленинградского языковеда Л. П. Якубинского (1892—1945), то, как отчасти свидетельствует ее название, она является пособием главным образом по изучению древнерусского, в частности письменного языка, и прежде всего с точки зрения процесса его формирования.

Книга П. С. Кузнецова, сначала задуманная как часть большого коллективного курса истории русского языка, оставшегося неосуществленным, посвящена рассмотрению (иногда несколько схематическому) только вопросов исторической морфологии русского языка в связи с вопросами морфологии общеславянского языка. В 1959 г. вышли в свет того же автора „Очерки исторической морфологии русского языка“. Они отличаются

от упомянутого пособия тем, что (как говорится в предисловии) „не содержат изложения всех разделов исторической морфологии, а охватывают лишь некоторые из них, но разработаны эти последние более детально, причем основное внимание уделено материалам, почерпнутым из памятников".

После 1923 г., когда было напечатано выдающееся исследование Е. С. Истриной „Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи"[1], изучение синтаксиса древнерусского языка продвинулось настолько значительно, что стало возможным появление таких обобщающих трудов, как „Очерки по историческому синтаксису русского языка" (М., 1956) Т. П. Ломтева.

Трудами целого ряда ученых — в советское время В. В. Виноградова и др. — было положено начало научной разработке и такого „запущенного" раздела, как русская историческая лексикология. Отметим, в частности, исследование Ф. П. Филина „Лексика русского языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей)", вышедшее в 1949 г.[2].

Лучшей хрестоматией по нашему курсу является „Хрестоматия по истории русского языка" С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова. Первая часть, заключающая тексты XI — XVII столетий, вышла в свет в 1938 г. и вторым изданием — в 1952 г. Часть вторая, в двух выпусках (вып. 1 — 1949, и вып. 2 — 1948), относится к истории литературного русского языка XVIII в.

Для справок по истории отдельных слов в памятниках письменности XI—XV вв. следует пользоваться монументальным трудом акад. И. И. Срезневского „Материалы для словаря древнерусского языка", в трех томах (1897 — 1907), и более поздним, советского времени, словарем общественно-политической и экономической терминологии Г. Е. Кочина „Материалы для терминологического словаря древней Руси", 1937.

Незамененным на русском языке до сих пор остается „Этимологический словарь русского языка" А. Г. Преображенского. Бо́льшая часть (от „а" до „сулея") этого полезного по-

---

[1] В „Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР", т. 24 и 26.

[2] „Ученые записки педагогического института имени Герцена," т. 80. Перечень работ Виноградова по лексикологии см. в сборнике статей „Академику В. В. Виноградову", М., 1956.

собия по истории русского языка была напечатана в дореволюционное время (1910—1914), окончание („тело“ — „ящур“), недоработанное автором при жизни, с большими пропусками, вышло в свет в 1949 г. в „Трудах Института русского языка АН СССР“, т. I. В 1958 г. этот словарь был полностью переиздан. Но лучшим этимологическим словарем русского языка в настоящее время можно считать трехтомный „Russisches etymologisches Wörterbuch“ немецкого профессора М. Р. Фасмера, печатавшийся в Гейдельберге с 1953 по 1958 г.

В этой связи следует отметить, что научное изучение русского языка давно и плодотворно ведется также в зарубежных (и не только славянских) странах. В области истории русского языка на Западе работают такие известные слависты, как Б. О. Унбегаун[1], Хр. С. Станг, В. А. Кипарский и др.

Еще несколько слов об одной из вспомогательных (по отношению к исторической грамматике) научных дисциплин, о палеографии. Имеется несколько пособий по кирилловской (посвященной изучению рукописей, писанных кириллицей) палеографии. Наиболее полным из них является труд академика Е. Ф. Карского „Славянская кирилловская палеография“, Л., 1928. Сравнительно недавно вышел в свет новый большой курс „Русской палеографии“ известного историка Л. В. Черепнина, ценный главным образом как пособие по палеографии актовой письменности XII — XVII столетий[2].

3. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 5. Письменные памятники. Как было отмечено в предыдущей главе, усилия историков русского языка в XIX в. были направлены на разработку „источников“ исторического изучения русского языка, и в первую очередь такого источника, как письмен-

[1] См. его монографию „La langue russe au XVIe siècle“, P., 1935.

[2] Здесь и в дальнейшем мы ограничиваемся лишь очень краткими и самого общего характера библиографическими указаниями. За справками по отдельным вопросам истории русского языка следует обращаться к библиографическим указателям. См. „Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год“, т. 3, 1955; „Библиографический указатель литературы по языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1957 год“, вып. I, 1958; „Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию“, изд. МГУ, 1960, и др.

ные памятники, и это не случайно. Памятники древней письменности (книги, грамоты, надписи и пр.), когда их изучают в связи и в сопоставлении с данными современной нам живой речи, могут служить исключительно важным источником наших познаний о прошлом языка, о его древнейшем состоянии, об этапах его развития, о хронологии тех или иных изменений в языке. Чем больше датированных памятников письменности сохранилось от прошлого времени, чем они древнее (т. е. раньше начинаются), чем они содержательнее, значительнее по объему и разнообразнее в жанровом отношении, чем лучше они отражают живую народную речь своей эпохи, тем больше их значение.

Первые данные, свидетельствующие о наличии письменности у восточных славян, относятся к середине IX в. В житии (жизнеописании) Константина Философа (Кирилла), прославившегося впоследствии изобретением старославянского алфавита, рассказывается, что около 860 г., во время своего путешествия из Константинополя в Хозарию, этот ученый-византиец со своими спутниками на некоторое время задержался в Корсуни (в Крыму), где с давнего времени жило много восточных славян, принявших христианскую веру, и видел там две богослужебные книги, евангелие и псалтырь, написанные какой-то русской азбукой („русьскыми письмены“) и, по всей видимости, на древнерусском языке. Он познакомился в Корсуни и с человеком, который умел читать эти книги, и сам быстро научился читать книги, написанные русскими буквами. В этом не было ничего удивительного, если принять во внимание, что Константин и его брат Мефодий не только хорошо знали древнеболгарский язык, но, как полагают некоторые их биографы, и по рождению могли быть македонскими болгарами, следовательно — славянами.

Об этих корсунских книгах мы больше ничего не знаем. Но те евангелия и псалтыри, которые сохранились от XI и следующих столетий, несомненно, представляют собой списки с более ранних (IX — X вв.) рукописных книг, причем не только старославянского, балканского, но также и отечественного происхождения (см. ниже об Остромировом евангелии).

От первой четверти X в. сохранилась надпись (кирилловскими буквами) на глиняной корчаге (кувшине), обломки которой были найдены при раскопках Гнездовского кургана (близ Смоленска) в 1949 г. Это всего лишь одно слово *горуша* (видимо, остаток словосочетания — *зьрна горушьна*, т. е. „горчичные зерна“).

Кроме того, к X в. относятся несколько договорных грамот Руси с греками, с Византией (начиная с 907 г.), которые, однако, дошли до нас не в подлинном виде, а в дословном пересказе автора „Повести временных лет“, вероятно еще читавшего их (в начале XII в.) в подлиннике.

Таким образом, наиболее содержательные, объемные и поэтому особенно важные для изучения древнерусского языка письменные памятники — книги — дошли до нас в подлинном виде только с XI столетия, и это, вообще говоря, довольно раннее время, если письменные памятники древнерусского языка в отношении их древности сравнивать с письменными памятниками других славянских и не славянских европейских народов.

Но в качестве источника исторического изучения русского языка памятники древнерусской письменности не вполне отвечают и некоторым другим требованиям, которые предъявляет к ним историк языка.

Во-первых, памятников датированных, т. е. заключающих точное указание на время, место и обстоятельства появления данной рукописи и на лицо или лиц, которые над ней трудились, у нас меньше, чем недатированных. Так, например, от XI в. древнейших наших датированных книг сохранилось не больше 7, а недатированных, предположительно относимых к этому столетию, — около 20. Правда, на основании датированных рукописей можно приблизительно определить по крайней мере, к какому столетию может быть отнесена та или другая недатированная рукопись. Но известная вероятность ошибки при определении даты написания такой рукописи заставляет с осторожностью относиться к языковым данным, которые могут заключаться в этой рукописи.

Во-вторых, самая датировка рукописей (в „послесловиях“, в „записях“ и т. д.), принадлежащая людям, которые над ними трудились, писали их или переписывали, с нашей точки зрения, оставляет желать лучшего. Часто древнерусский книжник ограничивался только сообщением своего имени и социального положения. В лучшем случае он называл еще год написания рукописи и даже день и месяц начала и окончания работы. Так поступил, например, дьякон Григорий (со своими помощниками), переписавший, главным образом со старославянского оригинала, евангелие-апракос для новгородского посадника Остромира в 1056—1057 гг. (см. послесловие к этому памятнику). Но

он не счел нужным сообщить о себе, был ли он новгородцем или киевлянином, и о том, где была проделана эта работа — в Новгороде или в Киеве — стольном городе, куда богатый новгородский посадник Остромир, родственник киевского князя Изяслава, мог обратиться со своим заказом. А между тем знать, где была написана рукопись, для историка языка иногда не менее важно, чем знать, когда она была написана.

Но главное, никогда не следует упускать из виду того обстоятельства, что наши древние рукописи, особенно книги, являются, как правило, памятниками не народного просторечия, а литературного (т. е. обработанного книжниками) языка древней Руси. Литературный же язык, если даже он сложился на народно-речевой основе, всегда в той или иной степени является продуктом специальной обработки, произведением „мастеров слова", хотя бы это был только официально-канцелярский язык.

Еще сложнее обстоит дело, если древний литературный язык, памятники которого случайно сохранились, к тому же не является народным на данной почве. А ведь почти так дело и обстоит с языком нашей церковно-книжной письменности в эпоху после крещения Руси и даже некоторых памятников более или менее светского характера.

Наши древнерусские книги, памятники книжной письменности XI — XIV вв., в своем большинстве представляют собой произведения литературы церковно-богослужебной (евангелия, псалтыри, служебные минеи и пр.) и церковно-учительной и написаны главным образом на старославянском языке, хотя и подвергшемся уже некоторому воздействию со стороны народной восточнославянской речи. Памятников древнерусской книжной литературы светского характера, представляющих особенный интерес для исторического изучения русского языка, сохранилось очень немного[1].

Сюда относятся такие литературные произведения, как летописные своды, „Русская правда", сочинения Владимира Мономаха, „Слово о полку Игореве", „Моление Даниила Заточника", описание путешествий и др.

---

[1] По данным Н. К. Никольского (1902), из 708 пергаменных книг XI—XIV столетий 470 являются богослужебными, остальные (не меньше 218) — богословскими и церковно-четьими (прологи, палеи, четьи-минеи и т. п.). Только около 20 не имеют прямого отношения к церкви, к религии.

Изучая именно эти письменные памятники, акад. С. П. Обнорский пришел к выводу, что литературный язык в Киевском государстве сложился в своих существенных чертах еще до крещения Руси на народной восточнославянской основе.

К сожалению, ни одна из упомянутых рукописных книг на собственно древнерусском литературном языке не сохранилась в подлиннике. Все они дошли до нас в позднейших списках, на языке, уже подвергшемся при списывании известной переделке в духе усиления старославянских элементов языка.

Что касается произведений деловой, актовой письменности древней Руси (главным образом грамот: дарственных, вкладных, духовных, договорных, судных, купчих и т. д.), то они почти всегда писались на языке, очень близком к народной разговорной речи той или другой древнерусской области, той или другой местности, потому что этого требовало содержание и самое назначение документа. Следует, однако, учитывать их небольшой объем и малоподвижную структуру, изобилующую застывшими, трафаретными стилистическими формулами, почти без изменений передававшимися из поколения в поколение.

Еще ближе к разговорной речи язык разного рода частных писем, расписок и т. п., вроде новгородских грамоток на бересте, являющихся простой записью просторечия.

§ 6. Перечислим некоторые памятники, преимущественно северного и северо-восточного происхождения, книжной и актовой письменности, главным образом XI—XIV вв., наиболее важные с точки зрения исторического изучения русского языка [1].

К XI столетию относятся наши древнейшие рукописные книги:

1) Остромирово евангелие — книга евангельских чтений, расположенных в том порядке, в каком они читались в церкви в течение года, начиная с пасхи (евангелие-апракос). Написано в 1056—1057 гг., для новгородского посадника Остромира (по летописи: Стромила) дьяконом Григорием, как полагают, киевлянином. Возможно, однако, что дьякон Григорий проделал эту работу в Новгороде, будучи специально вызван туда из Киева, и что у него были помощники. Он пользовался при этом оригиналом на старославянском языке, за исключением первых 24—25 листов, которые были списаны с древнерусского евангельского текста. Сначала рукопись хранилась в Новгороде, потом попала в Москву, а при Петре I — в Петербург и в конце

[1] Подробный перечень письменных памятников с библиографическими указаниями см. в книге Н. Н. Дурново „Введение в историю русского языка", ч. I (Брно, 1927). Древнейшие кирилловские рукописи, хранящиеся в Ленинграде, в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, описаны в работе Е. Э. Гранстрем „Описание русских и славянских пергаменных рукописей", Л., 1953.

ЄВА· Ѿ ИОАНА· ГЛА· А·

Искони бѣ слово
и слово бѣ отъ
ба и бъ бѣ
слово. се бѣ
искони у
ба. и тѣмь вьса бы
шА. и без него ни
чьто же не бысть.
еже бысть. въ то
мь животъ бѣ. и
животъ бѣ свѣтъ
чловѣкомъ. и свѣ
тъ въ тьмѣ свьти
тьсА. и тьма его
не обАтъ. бысть
чловѣкъ посъланъ
отъ ба. имА емоу
иоанъ. тъ приде
въ съвѣдѣтел
ьство. да съвѣдѣте

Первая страница Остромирова евангелия.

концов (в начале XIX в.) была передана в Рукописное отделение Гос. Публичной библиотеки (ныне имени Салтыкова-Щедрина), где она хранится и в настоящее время. Остромирово евангелие — древнейшая из наших сохранившихся рукописных книг; оно может служить великолепным образцом древнерусского книжного искусства. Лучшее издание этого драгоценнейшего памятника восточнославянской письменности — фотолитографическое 1883 и 1889 гг.[1].

2) Два Изборника князя Святослава — 1073 и 1076 гг. Две большие книги, написанные дьяконом Иоанном, которому в 1073 г. помогал еще какой-то другой писец.

Первая книга представляет собой сборник разнообразных статей, сведений и пр. (например, о размерах Соломонова храма, о драгоценных камнях на

[1] По языку Остромирова евангелия имеется ряд исследований, отчасти еще не опубликованных. Общее описание памятника сделано М. М. Козловским („Исследование о языке Остромирова евангелия“, 1885).

одежде ветхозаветного первосвященника, о тропах и фигурах художественной речи, о том, какую пищу в каком месяце можно употреблять и т. п.). Она была написана (точнее, переписана со старославянского подобного же Изборника) для великого князя Святослава Ярославича, по всей видимости, в Киеве. По праву считается одной из наиболее роскошных по оформлению древнерусских книг. Издана (не очень точно) Обществом любителей древней письменности (ОЛДП) в 1888 г.

Второй Изборник — сборник статей религиозно-нравственного, назидательного содержания, составленный также в Киеве, на основе каких-то „княжих книг", видимо, из библиотеки великого князя Святослава, предназначался для широкого круга неискушенных в философии и богословии читателей-мирян. Написан и оформлен очень просто. Издан ни разу не был.

Первый Изборник, 1073 г., хранится в Москве, в рукописном отделении Гос. Исторического музея. Второй, 1076 г., — в Ленинграде, в Гос. Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, в рукописном отделении.

3) Архангельское евангелие (апракос) 1092 г., написанное, как многие полагают, на юге древней Руси, но попавшее каким-то образом на север и в конце концов — в Архангельск. Оттуда оно было привезено в Москву, где и хранится в настоящее время в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в рукописном отделении. Имеется образцовое фотоцинкографическое издание 1912 г., точно воспроизводящее эту рукопись в целом, включая и ее внешнее оформление (переплет и пр.).

Над этим евангелием трудилось несколько переписчиков, но главным образом двое, причем второго (лл. 77 — 175) звали Мичько. Дату (1092 г.) поставил третий писец[1].

4) Новгородские служебные Минеи 1095 или 1096 (сентябрь), 1096 (октябрь) и 1097 (ноябрь) гг. — сборники церковных песен в честь святых, почитаемых в православной церкви, религиозных гимнов, расположенных по дням и месяцам. Первая (сентябрьская) Минея не заключает даты, но писал ее тот же книжник-новгородец, монах Яков, по-мирскому Дъмъка, который написал и октябрьскую Минею и поставил дату (1096 г.). Минею 1097 г. писал не Дъмъка, а другой монах-переписчик, и даже не один, а несколько. Все три Минеи хранятся в Москве, в рукописном отделении Гос. Исторического музея. Изданы В. И. Ягичем в 1886 г.[2].

Другие рукописные книги, обыкновенно относимые по особенностям письма и языка к XI в., не имеют даты. Среди них такие памятники, как например:

1) Чудовская Толковая псалтырь (толкования на псалмы Давида, приписываемые Феодориту Киррскому), принадлежавшая некогда Чудову монастырю в Москве, теперь хранящаяся в Историческом музее;

---

[1] Язык Архангельского евангелия исследован М. А. Соколовой в работе „К истории русского языка в XI в." „Известия по русскому языку АН СССР"; т. 3 (1930 г.).

[2] Изучению языка этих Миней посвящены следующие работы: 1) М. Корнеевой „Язык служебной Минеи 1095 г.", „Русский филологический вестник", т. 75, кн. 1—3, 1916, и т. 78, кн. 3—4, 1918; 2) В. Л. Комаровича „Язык служебной Минеи, 1096 г.", „Известия отд. рус. яз. и сл. АН СССР", т. 30, 1925; 3) С. П. Обнорского „Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 г.", „Известия отд. рус. яз. и сл. АН СССР", т. 29, 1924.

2) Путятина Служебная минея на май месяц, написанная каким-то Путятой около 1100 г., судя по данным языка, в Новгороде („Поутята пьсаль да чс криво да исправито, а не кльните“);

3) Евгеньевская псалтырь (20 листов); хранится, как и предыдущая рукопись, в Ленинграде, в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, и др.

4) Кирилловская, т. е. написанная кириллицей, часть (16 листов) знаменитого Реймского евангелия, хранящегося в Реймсе (во Франции). На этом евангелии (кирилловские листы которого были написаны где-то на юге древней Руси) в течение ряда столетий, вплоть до революции 1789 г., в Реймском соборе во время коронации приносили присягу французские короли.

Книг, которые были написаны в XI столетии, несомненно, было гораздо больше, чем сохранилось, если даже включить сюда все недатированные книги, а также и те книги (как, например, „Книга малых пророков“ новгородского попа Упыря Лихого 1047 г.), которые дошли до нас только в позднейших списках. Что этих книг уже в первой половине XI в. было написано много, об этом прямо говорится в летописи. Например, под 6545 г. (1037) имеется такая запись о Ярославе Мудром, о его „прилежании“ к книгам, к литературе:

„И собра (Ярослав Мудрый) письцѣ многы и прекладаше отъ грекъ на словѣньское письмо, и списаша книгы многы“.

К XI в., возможно, относится одна (самая древняя) из найденных А. В. Арциховским во время раскопок в Новгороде берестяных грамоток — № 9[1] — письмо некоего Гостяты к какому-то Василю, жалоба на отца, отнявшего у Гостяты имущество.

От XII в. рукописных книг сохранилось несколько больше, но и это почти исключительно церковные книги. Среди них роскошное Мстиславово евангелие, написанное около 1117 г. для новгородского, а позже — киевского князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха, хранящееся в Историческом музее в Москве, и там же хранящееся очень бедное в смысле оформления Юрьевское евангелие, написанное, вероятно, в Киеве около 1120 г. для Юрьевского монастыря близ Новгорода. От второй половины этого столетия дошло до нас Добрилово евангелие, написанное также, по-видимому, на юге в 1164 г. — ценнейший памятник с орфографией, отражающей падение глухих гласных (хранится в Москве в Библиотеке имени В. И. Ленина). Большое значение для истории русского языка имеют разно-

[1] См. А. В. Арциховский и М. П. Тихомиров, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), изд. АН СССР, 1953. После упомянутого издания 1953 г., заключающего № 1—10, вышли в свет в 1954 г.: „Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.)“ (№ 11—83); в 1958 г. — „Новгородские грамоты на бересте“ (из раскопок 1953—1954 гг.) (№ 84—136); в том же году — „Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.) (№ 137—194). — Описание графики, орфографии и языка этих грамот по двум первым выпускам (№ 1—83) заключается в коллективном труде Института языкознания АН СССР „Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот“ (1955 г.). На польском языке отметим труд W. Kuraszkiewicza „Gramoty nowogrodzkie na brzozowej korze” (с описанием языка 106 грамот). Warszawa, 1957.

образные сборники церковных песен: служебные минеи, трефолои (избранные религиозные гимны), триоди, стихирари, кондакари, в том числе Нижегородский нотный кондакарь (с нотными знаками), хранящийся в Ленинграде, в Публичной библиотеке. Сохранились также „апостолы“ (или „деяния апостольские“ с толкованиями на них), псалтыри (собрания псалмов), прологи и другие сборники житийной литературы (в частности, Успенский сборник, заключающий „Сказание о Борисе и Глебе“ и „Несторово житие Феодосия Печерского“; хранится в Историческом музее в Москве); „Ефремовская кормчая“ (сборник церковно-юридического характера) и др. (всего около 70).

Из памятников светского (нецерковного) характера к концу XII в. относится „Слово о полку Игореве“, дошедшее до нас, однако, не в оригинале, а в одном из позднейших (XVI в.) списков, погибшем во время московского пожара в 1812 г.

К первой половине XII в. относится также древнейший датированный памятник актовой письменности, так называемая „Мстиславова грамота“ — дарственная грамота упомянутого выше киевского князя Мстислава Владимировича и его сына новгородского князя Всеволода Юрьевскому монастырю под Новгородом. Можно полагать, что Мстиславова грамота написана в Киеве, по-видимому, в 1130 г., когда оба князя встретились в стольном городе (во всяком случае не позже 1132 г., потому что в этом году Мстислав умер).

Написанная золотом на пергамене, эта грамота хранилась (до 1941 г.) в упомянутом Юрьевском монастыре.

Некоторые ученые относят к XII в. еще „Вкладную грамоту“ чернеца (монаха) Варлаама Хутынскому монастырю (близ Новгорода), где она и хранилась до последнего времени. Полагают, что эта (недатированная) грамота была написана (в Новгороде) около 1192 г. или вскоре после этого года, но, пожалуй, следует считать более правильным мнение, что она была написана Варлаамом перед смертью, около 1211 г.

К XII в. относятся также некоторые новгородские грамоты и грамотки (письма) на бересте.

От XIII и XIV вв. памятников книжной письменности сохранилось значительно больше, чем от предшествующего столетия. Среди них — написанные (возможно, даже одними и теми же книжниками) в Ростове Великом (ярославском) „Житие Нифонта“ 1219 г. и Апостол 1220 г.; суздальские Пандекты (справочник юридического характера) Никона Черногорца 1296 г. и др. Из более поздних памятников этой группы отметим Лаврентьевский список летописи, сделанный монахом (как полагают, нижегородцем) Лаврентием в 1377 г. и заключающий в себе древнейший летописный свод — „Повести временных лет“, утраченный оригинал которого был составлен в начале XII в. (хранится в Ленинграде в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина[1]); далее: евангелие 1354 г., написанное в Переяславле-Залесском; московские: евангелие 1339 г. (принадлежавшее сначала Сийскому Антониеву монастырю, теперь хранящееся в Ленинграде, в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, первый памятник с отражением акающего произношения); евангелие 1358 г.; Чудовский Новый завет XIV в., древнейший рукописный памятник с ударениями над словами;

[1] Имеются „Заметки о языке „Повести временных лет“ по Лаврентьевскому списку“ Н. П. Некрасова в „Известиях отд. рус. яз. и сл. АН СССР“, т. I, кн. 4. и т. II, кн. 1.

Духовная грамота вел. кн. Симеона Гордого. 1353 г.

(Размеры подлинника)

ряд новгородских: Милятино евангелие 1215 г., евангелие 1270 г., Кормчая 1282 г., одной из составных частей которой является „Русская правда" (в так называемой пространной редакции), составленная, как полагают, в середине XI в., если не раньше, но ни в подлиннике, ни в более ранних списках (до 1282 г.) не известная; хранится в Москве, в Историческом музее; Синодальный список I Новгородской летописи (первая часть, до середины 62 листа, — XIII в., остальные написаны позже[1]; псковский (по другому мнению — новгородский) Паремейник 1271 г. (сборник назидательных чтений, преимущественно на темы из „Ветхого завета", из библии), первый памятник, отражающий процесс распространения окончаний ***-амъ, -ами, -ахъ*** во множественном числе из склонения типа *сестра, земля* на другие склонения; ряд других псковских рукописей (более поздних) с характерным „псковским" смешением свистящих и шипящих согласных: Апостол 1307—1312 гг., Шестоднев 1374 г., Пролог 1383 г. и др. Большинство псковских рукописей относится к XV в.

К XV в., между прочим, относится и Ипатьевский (или Ипатский) список летописи, составленный около 1425 г., по-видимому, где-то на северо-западе (может быть, в Пскове), и наиболее ранний (Кирилло-Белозерский 1470 г.) из списков „Задонщины", или „Слова" о Куликовской битве рязанца Софония[2].

Важной отраслью древнерусской письменности являются описания путешествий, или „хожений", русских людей. Следует отметить в особенности „Хожение за три моря" тверского купца Афанасия Никитина (1466—1472), сохранившееся в списках XVI — XVII столетий.

От XIII и XIV столетий, не говоря уже о более поздних, сохранилось много разнообразных по содержанию и по месту написания грамот: а) смоленские, начиная с большой договорной грамоты Смоленска с Ригой 1229 г., древнейшие списки которой (А и Б), сделанные около этого же времени, хранятся в Риге, в городском архиве; б) новгородские пергаменные и берестяные, начиная с договорной грамоты Александра Невского с немцами 1262—1263 гг.[3]; в) северодвинские XIV и XV столетий[4]; г) тверские; д) ярославская Жалованная князя Василия Давидовича до 1345 г.; е) рязанская Жалованная князя Олега Ивановича 1356 г. и др., а также большое количество московских грамот[5], начиная с двух духовных великого князя Ивана Калиты 1339 г., хранящихся в Москве, в Центр. Гос. архиве древних актов (ЦГАДА)[6]. Еще больше сохранилось грамот, особенно московских, от XV—XVI вв.

---

[1] Новейшее издание по Синодальному и другим спискам — „Новгородская I летопись старшего и младшего изводов", под ред. А. Н. Насонова (издание Академии наук СССР, 1950).

[2] Язык этой летописи описан А. А. Никольским в работе „О языке Ипатской летописи", „Русский филологический вестник", т. 16 и 17, 1899.

[3] Лучшее издание пергаменных грамот Новгорода — А. А. Шахматов, Исследование о языке новгородских грамот, П., 1885.

[4] Лучшее издание — А. А. Шахматов, Исследование о двинских грамотах XV в., П., 1903.

[5] Новейшее издание — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, изд. АН СССР, 1950.

[6] Общего характера описание небольшой части этих грамот сделано П. Г. Стрелковым в работе „О языке семи древнейших завещаний московских великих князей XIV в.", Пермь, 1927.

Во второй половине XVI в., при Иване Грозном, в Москве, после некоторых предварительных опытов печатания дьяконом Иваном Федоровым и его сотрудниками была основана книгопечатня. В 1564 г. в этой типографии была напечатана первая книга — „Апостол", за которой последовали и другие книги на церковнославянском языке, называемые „старопечатными", в том числе недавно обнаруженная первая старопечатная азбука „Начало учения детем, хотящим разумети писание". В первой половине XVII в. были напечатаны (кирилловским шрифтом) в Москве и две светские книги на московском приказном языке: „Учение и хитрость ратного строя" 1647 г., наш первый (правда, переводный с немецкого) учебник военного дела [1], и Соборное Уложение 1649 г., первый печатный свод законов Московского государства, утвержденных Земским собором [2].

Но вместе с тем и в XVI в., и позже продолжали появляться и рукописные книги, в частности и на общенародном русском языке. Например, в XVI в.: Судебник царя Ивана Грозного 1550 г., дошедший в списках, начиная с XVII в., большое рукописное сочинение „Домострой" и др. [3]; в XVII в.: „Книга Большому Чертежу" 1627 г. (по спискам со второй половины XVII в.), „Повесть об Азовском осадном сидении" донских казаков в 1641 г., появившаяся вскоре после падения Азова; написанное в Швеции сочинение „О России в царствование Алексея Михайловича" бывшего московского приказного человека Гр. Котошихина (относящееся к 60-м годам), „Житие протопопа Аввакума, им самим написанное" (между 1667 и 1682 гг.), являющееся, как и письма этого замечательного человека, по словам А. М. Горького, „непревзойдённым образцом пламенной и страстной речи бойца" (автограф „Жития", два основных списка этого произведения и другие сочинения и письма Аввакума напечатаны в „Памятниках истории старообрядчества XVII в.", кн. 1, 1916) [4] и многие другие. Большой интерес для историка языка представляет „Космография" 1670 г. [5]. Ценный материал не только по исторической лексикологии дает издание „Крестьянская война под предводительством Степана Разина", т. I (1954), т. II, ч. 1 (1957), ч. 2 (1959) и сл.

§ 7. Некоторые сведения по палеографии. Наши древнейшие рукописные книги и грамоты XI — XIV вв. написаны на специально выделанной тонкой коже (обыкновенно телячьей), обычно называемой *пергамен(т)ом*, а в древней Руси называвшейся по-разному: *кожей* или просто *телятиной, мехом, хартией* или *харатьей* (греческое слово, откуда выражения *харатейная грамота* и *харатейное письмо*). С середины XIV столетия постепенно входит в употребление бумага, сначала ближневосточного

---

[1] Имеется описание языка этого памятника: Хр. С. Станг «La langue du livre „Учение и хитрость ратного строения пехотных людей" 1647», Oslo, 1952.

[2] По языку этого памятника имеется исследование П. Я. Черных „Язык Уложения 1649 г. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги", М., 1953.

[3] Изучению языка этого памятника посвящено исследование М. А. Соколовой „Очерки по языку деловых памятников XVI в.", Л., 1957.

[4] См. новое издание: „Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения", под ред. Н. К. Гудзия (М., 1960 г.), с подробным указанием научной литературы об Аввакуме, в частности по языку „Жития".

[5] Издана в 1881 г.

Оуказъ главамъ книги сея.

Глава, а҃, ѡ богохульникахъ, и ѡ церковныхъ мятежникахъ. а в неи, ѳ҃ статеи.

Уложение 1649 года. Первая страница оглавления.

происхождения, потом — западного. Само слово *бумага* (неизвестное в зарубежных славянских языках, где ему соответствуют: у южных славян, болгар и сербов, — *хартия,* у западных славян — у чехов papír, а у поляков papier — слова, восходящие к названию папируса), вероятно, в наш язык попало с Востока. Впрочем, уже с половины XVI столетия у нас начинаются попытки наладить отечественное производство бумаги.

Первой, самой старой рукописной книгой на бумаге считается „Поучение Исаака Сирина" 1381 г., а первой бумажной грамотой — Договорная грамота великого князя московского Симеона Гордого около 1350 г.

Иногда в старину в качестве писчего материала пользовались, между прочим, берестой, например в Новгороде (как показали раскопки 1951 и следующих годов). Кое-где такие писаницы, по-видимому, назывались *досками* (от *дъска, цка*) или *дощечками.* В Сибири, в глухих местах, берестой иногда пользовались еще в XVIII в. („свертки на деревце").

Следует при этом иметь в виду, что в Московском государстве, в Москве, в московских правительственных канцеляриях („приказах") и на периферии дела — акты, документы с текстом только на одной стороне листа — хранились не в виде книг и не в папках, а подклеивались один под другим, и потом „свивались", свертывались в рулоны или, по-старинному, *столбцы,* которые могли быть различного объема, иногда до полуметра в диаметре. Так, например, рукопись Уложения 1649 г. с подписями членов Земского собора 1648 г., хранящаяся в Москве, в Центр. Гос. архиве древних актов (ЦГАДА), представляет собой рулон из 959 отдельных листов-склеек, с текстом только на одной стороне, длиной в 300 с небольшим метров.

Писали в древней Руси книги и грамоты чернилами (или, как тогда говорили, *чернилом*) — „железистыми" или „растительного" происхождения (например, из ольховой коры или из дубовых „чернильных орешков" и т. д.), черного цвета, со временем, однако, несколько рыжевшими. Кроме чернил, пользовались иногда киноварью (слово греческое) — красной краской из ртути и серы. Она обыкновенно употреблялась для заглавий, начальных букв, заставок и пр., главным образом как элемент украшения рукописи. Отсюда выражение *красная строка,* отсюда и слово *рубрика* (от латинского ruber — красный) в смысле „отдел", „глава", „абзац".

В исключительных случаях пользовались киноварью как чернилами. Так, сплошь одной киноварью написана грамота Ивана IV (Грозного) в Казань архиепископу Гурию 1555 г.

Еще реже употребляли для этой цели золото (на клею). Как уже было отмечено выше, золотом написана Мстиславова грамота около 1130 г.

Орудием письма служили перья с расщепом, обыкновенно гусиные, реже — павьи. Конечно, эти перья особым образом приготовлялись, закаливались, очищались от перепонок и пр. Стальные перья, как известно, у нас вошли в обращение только с 40-х годов XIX столетия. Карандаши появились раньше, в Петровское время.

Письмо наших древнейших рукописей (книг и грамот XI — XIII вв.) по характеру букв и способам их сочетания заметно отличается от письма последующих столетий: буквы, как правило, стоят прямо[1], каждая сама по

[1] Если не считать легкого наклона в Изборнике 1073 г.

себе, друг с другом не сцепляются и не сливаются, чрезвычайно редко поднимаются над строкой. Соединительная черта у сложных букв, например йотированных гласных: ѥ, ꙗ, ю и др., приходится на середину вертикали |, например, у ѥ она совпадает с язычком є. Такое письмо называется „уставом“, „уставным письмом“. Примерно с середины XIV столетия „устав“ постепенно начинает вытесняться „полууставом“, а еще позже — „скорописью“, которые характеризуются отсутствием признаков, перечисленных выше, характерных для устава: буквы получают наклон (в правую сторону), начинают наступать и падать друг на друга, исчезает прежняя тщательность в рисунке отдельных букв, которые начинают изображаться по-разному, иногда даже в одном и том же тексте, соединительная черта у йотированных гласных начинает подниматься, доходя до вершины вертикали |, появляются выносные буквы, и чем дальше, тем все в большем количестве.

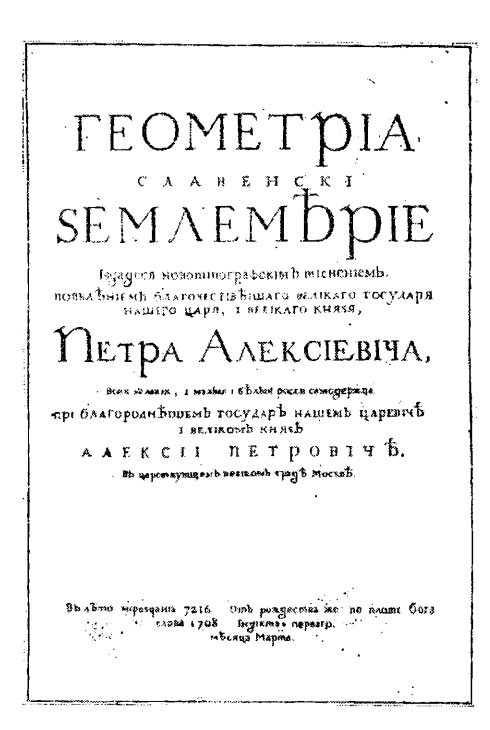
Эти явления сначала обнаруживаются в деловой (канцелярской) письменности — обстоятельство, которое, конечно, находится в связи с развитием общественной жизни, с ростом государственной мощи Московской Руси, с усложнением административного аппарата, с ускорением темпов жизни.

Таким образом, период „уставного“ письма сменяется периодом „полуустава“, который в свою очередь примерно с XVI в. переходит в „скоропись“, получившую свое высшее развитие в XVII столетии. Этот процесс развития письма не распространился, однако, на церковную письменность. Церковный, кирилловский полуустав, после некоторого упорядочения, во второй половине XVI в. был закреплен в печати (обычно его называют старопечатным шрифтом).

В начале XVIII столетия этот старопечатный шрифт был реформирован Петром I. С 1708 г. книги начинают печататься новым русским гражданским шрифтом, русской „гражданкой“, которой в настоящее время, кроме восточнославянских народов, пользуются (с некоторыми изменениями и дополнениями) также болгары и сербы. Русская типографская „гражданка“ в свою очередь оказала сильное влияние на скоропись в смысле ее упорядочения и удобочитаемости. На основе русского алфавита строят в настоящее время свое письмо многие неславянские народы СССР, не имевшие письменности до Октябрьской революции.

§ 8. Письменность (в широком смысле слова) не ограничивается книгами и грамотами, т. е. литературными произведениями. Памятниками письменности также являются всякого рода надписи: на камнях, на стенах древних храмов, на крестах, на монетах, на глиняных сосудах и т. д. Выше, в § 5, было упомянуто о нашем древнейшем (от первой четверти X в.) эпиграфическом памятнике — надписи на корчаге из Гнездовского кургана, при всей своей краткости все же свидетельствующей о начавшемся выпадении ъ, ь в слабом положении (*горушна* получилась из *горушьна*).

К середине XI столетия относится короткая надпись на Тмутороканском камне (беломраморной плите, хранящейся теперь

ГЕОМЕТРІА

СЛАВЕНСКІ

ЅЕМЛЕМѢРІЕ

Іздадеся новотипографским тисненіем.
повелѣніем благочестивѣишаго великаго государя
нашего царя, і великаго князя,

ПЕТРА АЛЕКСІЕВИЧА,

всея великія, і малыя і бѣлыя россіи самодержца.
при благороднѣишем государѣ нашем царевичѣ
і великом князѣ

АЛЕКСІИ ПЕТРОВИЧѢ.

въ царствующем великом градѣ Москвѣ.

Въ лѣто міроздания 7216. Отъ рождества же по плоти бога
слова 1708 Індикта перваго.
мѣсяца Марта.

Заглавный лист „Геометрии“ 1708 г., одной из первых книг, отпечатанных гражданским шрифтом.

в Ленинграде, в Эрмитаже), высеченная в 1068 г. Здесь сообщается, что князь Глеб производил измерение Керченского пролива. Как ни коротка эта надпись, все же она представляет интерес для историка русского языка (отсутствие ъ после к: *князь*, отсутствие связки в перфекте: *мѣрилъ*, форма *по леду*, т. е. *по льду*, и др.). Еще большее значение подобные надписи имеют для истории письма.

Сохранились надписи XI—XII столетий на жертвенниках, на гробнице Ярослава Мудрого в Киеве и в ризнице Софийского собора в Киеве и надписи X—XI вв. и позже (отчасти — глаголические) на столбах и стенах Софийского собора в Новгороде; надписи на крестах (например, на так называемом „Стерженском“, в истоках Волги, кресте 1171 г.), на колоколах, на предметах домашнего обихода, например на киевской амфоре XI в.; на кресте полоцкой княгини Евфросинии 1161 г.; на чаре черниговского князя Владимира Давидовича до 1151 г., хранящейся в Ленинграде, в Эрмитаже; на печатях, например на печати Смоленской грамоты 1229 г. (А) и др.; на разного рода украшениях и амулетах (так называемых *змиевиках*), например на „Черниговской гривне“, золотом змиевике XI в., и т. д. [1]. Сюда же, конечно, относятся и надписи на золотых и серебряных монетах времени в. кн. Владимира Святославича (978—1015), его сына Ярослава Мудрого (1019—1054) и др. Некоторые из этих надписей, например на монетах Владимира, сделаны на старославянском языке.

[1] См.: А. С. Орлов, Библиография русских надписей XI — XV столетий, М. — Л., 1952.

Большой интерес представляет подпись французской королевы, вдовы Генриха I, Анны Ярославовны, дочери Ярослава Мудрого, сделанная кирилловскими буквами на одной латинской грамоте 1063 года: ана ръина (т. е. Anna re(g)ina = Анна королева), — подпись, свидетельствующая, что с буквой ъ (ръина) в сознании киевлян связывалось представление о гласном звуке, похожем на латинское *e* в слове regina, и что произношение латинского взрывного *g* (*г*) для Анны представляло непреодолимые трудности, потому что в XI в. в Киеве *г*, вероятно, произносилось как фрикативный звук.

§ 9. Иногда в качестве источника исторического изучения языка могут быть использованы старые местные названия стран, рек, гор, городов, сел, деревень, улиц и пр., а также названия племен и народностей, прозвища и т. п.; словом, топонимические, этнонимические, ономастические термины. Ф. Энгельс широко пользовался этим источником в своем исследовании „Франкский диалект“.

Топонимика (от греческого topos — место и onyma — имя) имеет немалое значение прежде всего для истории лексических средств языка, для построения исторической лексикологии. Возьмем, к примеру, топонимику Москвы. Во многих случаях старые названия московских улиц, площадей и пр. нередко восходят к обиходным словам, некогда бытовавшим в московской речи, но впоследствии вышедшим из обращения: *Хамовники* (*хамовниками* в старину назывались в Москве мастера, изготовлявшие „белую казну“: ткачи, полотнянщики, скатерщики)[1]; *Басманная* (от *басман* — дворцовый хлеб с печаткой, откуда и *басманщик* — дворцовый пекарь); *Таганка* (здесь жили когда-то *таганщики*; от *таган* — треножник с обручем для котлов и горшков); *Бутырки* (в старину: *бутырки* — дом, поселок в стороне, на отшибе; в Бутырках в старое время находилась университетская типография, отсюда *бутырщик* — печатник); *Сивцев вражек* (=овражек; в старину говорили *вьрагъ* — вместо *овраг*, от *вьрити* — бурлить) и т. д. Представляют интерес также названия некоторых подмосковных населенных пунктов: *Мытищи* (в прошлом *Мытище* — место, где собирали *мыт* или *мыто* — особый вид торговой пошлины — на Яузском водном пути) и др.

---

[1] Происхождение этого слова не выяснено. Оно, несомненно, заимствованное и, надо полагать, с Востока. Может быть, оно по корню связано со среднерусским *хамьян* — „род дешевой шелковой ткани“ и прилагательным *хамьянный*.

Некоторые старые московские топонимические термины дошли до нас в искаженном виде. Так, исчезнувшее теперь название *Швивая горка* (местность у устья Яузы) восходит, по-видимому, к древнерусскому *ушь* — „сорная трава“, откуда прилагательное *ушивъ*.

В пределах Псковской области зарегистрированы такие редкие современные названия населенных пунктов, как *Ратаево* (ср. др.-русск. *ратай* — пахарь), *Смердий мост* (ср. др.-русск. *смьрдъ* — „крестьянин“), *Изгои* (ср. др.-русск. *изгой* — отверженный), *Исад Тиун* (ср. др.-русск. *тиўн* — должностное лицо; *исад* — пристань, торговое местечко), *Виры* (ср. др.-русск. *вира* — штраф), *Крём* (ср. название кремля в древнем Пскове: *кром*) и т. д.

В качестве географических терминов иногда сохраняются грамматические формы и категории, давно уже вышедшие из употребления в живом языке. Например, притяжательные прилагательные на ***ь, я, е:*** *Ярославль* город (=Ярославов город) и пр., Стан *Баянь* (под Можайском) и т. д. (см. § 76).

Иногда местные названия представляют материал даже для исторической фонетики. Так, известно, например, что *гончар* (откуда и фамилия *Гончаров*) получилось из *гърньчаръ*, откуда *горнчар*, причем в связи с развитием второго полногласия (см. § 49) была возможна и форма *горончар*. В живом языке этой формы не сохранилось. Но ср. *Горончары*, название населенного пункта в Псковской области. Представляет интерес также название одного населенного пункта Московской области *Белый Раст* (на картах иногда неправильно: *Рост*), явно старославянского, южнославянского происхождения (см. § 34), возможно, лишний раз свидетельствующее о широком распространении старославянского языка в древней Руси.

§ 10. Для воспроизведения старого русского языка, пройденных этапов его развития, в частности фонетического, иногда обращаются также к изучению слов, заимствованных в древности русским языком из других языков, и слов, заимствованных из древнерусского языка другими языками, особенно неславянскими, где они некогда употреблялись или до сих пор употребляются. Известно, например, что слова, явно заимствованные, попавшие в доисторическую или раннюю историческую эпоху в язык общеславянский из других языков с сочетаниями *ар, ор, ал, ол*, у нас звучат с *оро, оло*, а в других славянских — с сочетаниями *ра, ла* и *ро, ло*, например *король* из германского *Karl* (Карл

Великий) и т. п. Это может служить косвенным доказательством того, что и в других случаях сочетания *оро, оло* при тех же фонетических условиях возникли из первоначальных *ор, ол: город* из *гордъ, голова* из *голва* и т. д., как и предполагают историки языка (см. § 33). С другой стороны, в финских языках с давнего времени употребляются слова, некогда заимствованные, по всей видимости, из общеславянского языка или из языка восточных славян до того, как в этом языке получило развитие полногласие. Эти слова оказываются с сочетаниями *ар, ал*. Так, в финском-суоми: *palttina* из: **полтьно,* откуда у нас: *полотно*; *varpu* из: **ворбии*, откуда: *воробей,* и т. д.[1]. Тогда же были заимствованы финнами и другие восточнославянские слова. Например: *kuontalo*—„кудель", явно из *кǫдѣль* (с *о* носовым), откуда у нас: *кудель*; эстонское *und* — удочка, явно из *ǫдъ* (с *о* носовым), откуда у нас: *уда, удочка.* Таким образом, финские языки косвенно подтверждают давно установленный языковедами (см. § 31) факт существования в доисторическую эпоху во всех славянских языках носовых гласных звуков.

§ 11. С давнего времени в разных сочинениях иностранных авторов о нашей стране и нашем народе иногда в большей, иногда в меньшей степени встречаются древнерусские слова в чужеязычной, иностранной транскрипции и в том виде, в каком они были восприняты тем или другим чужеземцем, не знавшим древнерусского языка или знавшим его более или менее поверхностно, — следовательно, как правило, в искаженном виде.

Тем не менее, некоторые из таких иноязычных литературных источников исторического изучения русского языка получили широкую известность и все чаще привлекают к себе внимание исследователей. Сюда относится прежде всего сочинение Константина Порфирородного, впоследствии византийского императора, „О народах" (или, по другому названию, „Об управлении империей"), написанное в 949 г. Константин Порфирородный побывал в древней Руси, народ которой он называет *Рос* (Ρως) и о которой рассказывает в 9-й и 37-й главах своей знаменитой книги. У него мы находим немало древнерусских слов, записанных по-гречески: названия городов, днепровских порогов, имена князей и пр. Анализ этих слов позволяет сделать некоторые предполо-

---

[1] Звездочка вверху перед словом означает, что данная фонетическая форма слова лишь предполагается, но не засвидетельствована ни памятниками письменности, ни местными диалектами.

жения относительно их произношения в древней Руси, если они действительно являются древнерусскими, т. е. восточнославянскими словами. То обстоятельство, например, что имя *Святослав* автор сочинения „О народах" записал в форме Σφεντοσθλαβος, или, в латинской транскрипции: *Sfentosthlavos*, с сочетанием *en* в первой части, очевидно, свидетельствует о том, что это имя произносилось с *ę* носовым. Можно, однако, полагать, что так произносилось это имя, собственно говоря, по-южнославянски, а не по-древнерусски, и что Константина Порфирородного в его путешествии сопровождал какой-то южный славянин, болгарин или серб, от которого он записал и названия некоторых днепровских порогов, например Οστροβουνίπραχ („Островьный праг", т. е. порог у острова). Любопытно, что древнерусских слов с полногласием у Константина Порфирородного совсем не встречается. В соответствии с ожидаемыми полногласными сочетаниями мы находим у него или *ра*, или *ар*, или *ер*: Νεμογαρδάς (=Новгород), Δερβλενίνοϊ (деревляне) и т. п. Некоторые слова, однако, представляют собой попытку передать именно древнерусское произношение, например название днепровского порога Βερουτζη (*Verutzi*), т. е. *Вьручии* — „запирающий", см. § 31.

Такого же рода, а может быть, и еще менее надежный материал заключается в других иностранных сочинениях о Киевской Руси (например, у арабских и персидских географов IX, X и последующих столетий) и позже о Московской Руси.

Об этом источнике исторического изучения русского языка уже давно известно ученым. Этим источником пользовались, о нем писали такие выдающиеся историки русского языка, как А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново, Е. Ф. Карский и др.

С какими трудностями обыкновенно бывает сопряжено пользование этим источником наших сведений о прошлом русского языка, можно судить, например, по „Парижскому словарю" 1586 г., составленному капитаном Жаном Соважем из Дьеппа, некоторое время жившим в Архангельске. В этом словаре, изданном с комментариями (в 1948 г. в Риге) Б. А. Лариным, многие русские (возможно, севернорусские) слова записаны по французской орфографии почти в неузнаваемом виде: *seto* — что, *tourmachig* — тюремщик(?), *vocheman* — вотчина(?), *zeclaynisicg* — стеклянщик(?), *seuyetay* — цветы(?) и т. д. Достоверно мы ничего не знаем и о том, кто в данном случае являлся объектом наблюдений, при каких условиях производились эти любопытные записи и т. д.

В общем то же можно сказать и о других данных в этом роде, например о русско-английском словаре (1618-1619) Ричарда Джемса, для которого на севере кем-то были записаны великолепные образцы народных русских песен начала XVII в. Научно-комментированное издание этого ценного словаря (Л., 1959 г.) сделано также Б. А. Лариным и др.

„Русская грамматика" (Grammatica russica) Г. Лудольфа, напечатанная в Оксфорде в 1696 г., на латинском языке, но заключающая, между прочим, целый ряд записей разговорной русской речи в кирилловской транскрипции, занимает несколько особое место среди других подобных сочинений[1]. Однако и этот материал, собранный Лудольфом, может быть использован для истории русского языка только с надлежащей осторожностью и прежде всего постольку, поскольку он подтверждается письменными памятниками русского языка этой эпохи.

§ 12. Данные живой речи. Было бы, однако, не совсем правильно представлять себе дело таким образом, что, кроме письменных памятников и других упомянутых выше источников исторического изучения языка, не имеется никаких других способов познания его прошлого.

Как уже было отмечено выше, когда мы говорили об историческом характере нашего правописания, иногда простое сопоставление письменной формы слова с его произносимой, фонетической формой (вода: *вада́*, легко: *л'ихко́* и т. п.) в литературном языке может положить начало историческим изучениям в области русского языка. Когда же литературную форму того или другого слова (письменную и произносимую) мы начинаем сравнивать с его произносимой формой по говорам данного языка и далее — по родственным языкам, мы уже в сущности по-настоящему занимаемся историей языка, потому что такое сравнение неминуемо должно привести к определенным заключениям относительно развития этой формы.

Когда мы сравниваем по говорам, как произносятся там слова *лень* и *олень*, мы устанавливаем, что в то время как слово *олень* повсюду произносится с ***е*** после ***л***, слово *лень* в одних говорах звучит с ***е*** после ***л***, в других — с ***и*** (*линь*), в третьих — с дифтонгом ***ие*** (*лие́нь*) или с гласным, близким к нему. Естественно

[1] Недавно (в 1959 г.) „Русская грамматика" Лудольфа была переиздана в Оксфорде Б. О. Унбегауном.

думать поэтому, что первоначально эти слова (*лень* и *олень*) произносились неодинаково в том отношении, что *олень* звучало с ***е*** после ***л,*** а *лень* — с каким-то другим гласным, скорее всего с дифтонгом ***и͡е,*** из которого могли развиться и ***е,*** и ***и.*** То обстоятельство, что в литературном языке слово *леность* (едва ли книжное) произносится с ***е,*** а не с ***ё ('о)*** перед твердым ***н*** (ср. *лён*), косвенно подкрепляет наш вывод, что в слове *лень* первоначально после ***л*** произносилось не ***е,*** потому что перед твердыми согласными под ударением оно у нас обыкновенно переходит в ***ё ('о)***, а какой-то другой гласный, хотя и близкий к ***е.*** Чтобы окончательно убедиться в этом, следует обратиться к памятникам письменности и к показаниям родственных (славянских) языков, которые в данном случае не только полностью подтверждают наши наблюдения, так как слово *лень* в древнейших памятниках письменности имеет *ѣ* после ***л*** (да и по старой орфографии, до 1917—1918 гг., писалось с „ятем"), а слово *олень* имеет ***е*** после ***л,*** — но еще и помогают нам установить хронологию изменения ***ѣ*** в ***е*** или в ***и,*** а также установить и некоторые другие факты: что слово *олень* в старое время употреблялось с начальным ***е*** вместо ***о*** *(елень),* что *лён* произносилось как *льнъ,* и т. д.

О том, что шипящие ***ш, ж*** в древнерусском языке звучали мягко, свидетельствует простое сопоставление письменной формы таких слов, как *шило, мыши, ходишь, жизнь, ножи, рожь* и т. д. с их нормированным произношением *(шы́лъ, мы́шы, хо́д'иш, жыз'н', нажы́, рож)*. Но, оставаясь в рамках литературного языка, мы все же не можем быть уверены, что наше предположение соответствует действительности. Чтобы убедиться в том, что мы стоим на правильном пути, нужно обратиться к диалектологическим данным. И действительно, в некоторых говорах, даже не особенно отдаленных от Москвы, мы встречаемся с явлением мягкости всех шипящих согласных (не только ***ч***): *ш'ило, мыш'и, ж'из'н' нож'и,* также: *ход'иш', рож'* и даже: *ш'апка, ж'алко* и т. п.

Но иногда диалектологические данные нам не могут оказать той помощи, на которую мы рассчитываем. О том, что в древнерусском языке (и в других славянских) некогда существовали глухие гласные звуки ***ъ*** и ***ь*** и как они звучали, историки языка узнали только из письменных памятников. В современном русском языке (включая сюда и говоры) нигде не сохранилось этих гласных звуков. Правда, сопоставление таких слов с „беглыми" ***о*** и ***е,*** как ***сон*** (род. ед. *сна*), ***день*** (род. ед. *дня*), с такими, как ***сор***

(род. ед. *сора*), *олень* (род. ед. *оленя*) и т. п., где эти гласные обнаруживают устойчивость при изменении слова по падежам, уже до некоторой степени позволяет нам догадываться, что первоначально в таких словах, как *сон, день,* гласные ***о*** и ***е*** были какие-то „особенные“, „неполнозвучные“ и т. п., но отсюда еще далеко до предположения о том, что в этих словах произносились именно глухие гласные, тем более что во многих словах в современном русском языке гласные ***о*** и ***е*** из ***ъ*** и ***ь*** не являются беглыми: *долг* (из *дългъ*), *верх* (из *вьрхъ*) и т. д.

Впрочем, в подобных случаях на помощь историкам языка обыкновенно приходят данные родственных языков. Именно путем изучения определенной группы русских слов, которые в древнерусском и в старославянском языках были возможны с „юсами“ большим и малым: **ѫбѫ, пѫть, имѧ** и т. п. с соответствующими словами в польском языке и других живых славянских языках, А. Х. Востоков в свое время пришел к заключению, что „юсы“ звучали как носовые гласные звуки.

4. ПОНЯТИЕ „РУССКИЙ ЯЗЫК“. ЛИТЕРАТУРНЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК И ГОВОРЫ

§ 13. В предыдущей главе уже было отмечено, что понятие „русский язык“ более сложно, чем, может быть, это кажется с первого взгляда. Во-первых, этот термин неодинаково понимается в зависимости от того, говорим ли мы о древнерусском языке или о современном русском. В первом случае имеется в виду язык восточного славянства древнерусской эпохи, когда еще не существовало современных восточнославянских языков. Во втором случае речь идет об одном из трех современных восточнославянских языков — о великорусском, о языке русской нации.

Но „современный русский язык“ представляет собой сложное явление прежде всего потому, что не существует русского языка, совершенно одинакового для всех, говорящих по-русски в городе и в деревне. Обыкновенно в обиходной разговорной речи с термином „русский язык“ соединяют представление о литературном русском языке, иначе говоря, — образцовом, обработанном мастерами слова, нормированном русском языке, который поэтому и рекомендуется для общего употребления на всей русской национальной территории, — о едином общерусском языке, который

прежде всего является языком литературы, откуда и происходит его название. Но, кроме литературного русского языка, имеются еще говоры, на которых не только не печатают (и никогда не печатали), но и не пишут никаких литературных произведений. Это главным образом язык деревни, язык преимущественно старших поколений, тех групп негородского населения, которые еще не успели почему-либо усвоить нормы литературного языка или плохо владеют ими. Было бы, впрочем, глубоко неправильно думать, что в нашей советской колхозной деревне литературный язык не имеет большого распространения (см. § 10). Ошибочно также думать, что в городе все говорят только на хорошем литературном языке.

По словам А. М. Горького, „деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, „сырой" язык и обработанный мастерами". Этот „сырой", необработанный, нелитературный русский язык отличается от литературного не только в том отношении, что на нем не пишут литературных произведений, нет письменности, но и в том смысле, что на разных участках национальной русской территории он характеризуется своими местными особенностями, что он весьма многообразен в территориальном отношении. Необработанный русский язык — это главным образом русские говоры, объединяемые диалектологами по тем или иным признакам в наречия, поднаречия, диалектальные группы.

§ 14. Так, все русские говоры (в Европейской части РСФСР) принято делить на две основные группы: северную и южную, которые обычно называют наречиями. Севернорусскими называются говоры к северу от Москвы, а южнорусскими — к югу от Москвы. На севернорусской территории находятся такие большие и старые наши города, как (с запада на восток) Новгород, Вологда, Архангельск, Ярославль, Кострома, Киров (б. Вятка), Пермь, Горький (б. Нижний Новгород), Владимир и др. На южнорусской территории — Калуга, Тула, Орел, Курск, Воронеж, Рязань и др.

Севернорусские говоры отличаются от южнорусских главным образом тем, что: 1) на севере повсеместно говорят на *о*, „óкают", в частности сохраняют *о* в предударном слоге: *водá, могý*; в большинстве говоров сохраняется также и то неударяемое *'о*, которое получилось из *е* в положении перед твердыми согласными (*ё*): *сёстрá, нёсý* и пр., в южнорусских говорах *о*

в предударном слоге обычно звучит, как *а: вада́, маγу́*; такие говоры называются а́кающими (см. § 54); 2) только на севере, хотя и не повсеместно, наблюдается употребление *и* на месте старого *ѣ* при неодинаковых условиях в разных говорах; например, в говорах вологодского типа: *си́ять* (из *сѣяти*), *пи́сня, ми́сець,* но: *хлеб, се́но* и пр. (см. § 52); в говорах новгородского типа также: *хлиб, си́но* и пр.; в южнорусских говорах *и* на месте старого *ѣ* никогда и нигде не употребляется: *се́ять* и пр. (см. § 52); 3) на севере во многих говорах вследствие исчезновения неслогового *и* (*j*) между гласными звуками, а затем ассимиляции и стяжения гласных возникли сокращенные формы в таких случаях, как: *зла́* собака (из *злая*, т. е. *зла́-й-а*), *большо́* село, *дереве́нски* и́збы, *каки́ таки́* лошади, он *игра́т* (из *игра-й-эт*), *ду́мат, стреля́т,* мы не *уме́м* и т. п.; для южнорусских говоров это явление можно считать совершенно нехарактерным; 4) на севере согласный *г* почти везде и всегда произносится как взрывной (мгновенный) звук; в случае оглушения, например в конце слова, он чередуется с *к: гусь, нога, друк, лёк* (*л'ок*); в южнорусских говорах этот согласный произносится только как фрикативный, который в случае оглушения чередуется с *х: γу́сь, наγа́, аγреγа́т; друх, лёх* (см. § 59); 5) только на севере получило широкое распространение так называемое цоканье, т. е. употребление *ц*, по большей части мягкого, вместо *ч*, и значительно реже — чоканье, т. е. употребление *ч* вместо *ц*, и вообще смешение этих звуков; например, в говорах вологодского типа: *ця́сто,* в *ри́цьке, ноць* (ср. *лицё, ми́сець* и пр.) (см. § 57); в южнорусских говорах этого явления не наблюдается; 6) только на севере в склонении существительных, прилагательных и т. д. наблюдается совпадение формы творительного падежа с дательным во множественном числе: ходят с *пи́сням,* царапат *кохтя́м,* сними́ *ви́лам, с широ́ким рукава́м, с ма́лым де́тушкам,* полно́ *с края́м, с вам* и т. д.; в южнорусских говорах форма творительного на *-ми* сохранилась. Кроме того, только на севере встречаются такие формы существительных, как род. мн. типа *песен* (с твердым *н*), типа *времян* (на *-ян*), такие формы, как им. ед. *мати, дочи* и пр., тогда как, напротив, главным образом в южнорусских говорах возможны такие формы, как *свекры́* (свекровь), как им. мн. существительных мужского и женского рода *жука́, соловья́, зеленя́* и т. п. (см. § 67); 7) на севере, как правило, местоимения *я, ты* и возвратное оканчи-

ваются в род.-вин. ед. ч. на *'а* (=*я*): *меня, тебя, себя*; в южнорусских говорах — на *е*: *у мене́* (обычно: *мине*), вижу *тебе́, у себе́* (см. § 83); 8) на севере личные окончания глаголов в 3-м лице ед. и мн. ч., если они сохраняются, обычно за некоторыми исключениями, употребляются с твердым *т*: *несёт, идёт, сидит, берут, глядят*; южнорусские говоры сохранили мягкое *т* в этих окончаниях: *сиди́ть, несу́ть* (или *нясу́ть*), *беру́ть, сидя́ть, γлядя́ть* (отсюда „дразнилка": „*у нас в Ряза́ни γрибы з γлаза́ми: их ядя́ть, а ани γлядя́ть*") (см. § 97).

Кроме того, 9) в южнорусских говорах получила широкое распространение форма деепричастия прошедшего времени на *-мши*: *взя́мши* (вместо: *веземши*, из: *възьмъши*), *не спа́мши, уе́хамши, разу́мши*; „он *памяша́мши*" (помешался); на севере эта форма на *-мши* почти неизвестна; там говорят: *взявши* и т. д., причем и здесь, и там возможно употребление деепричастия в роли сказуемого: *он уехавши, мы не выспавшись* и т. п. (см. § 117); 10) только в южнорусских говорах наблюдается, как правило, явление утраты грамматической категории среднего рода: *больша́я сяло́, мая́ пля́чё* (или *пличё*), или: *мая́ пличя́, кака́я γря́зная стякло́, всю бильё* (и *бяльё*), *энта адна́ письмо́*, про *казачью жытьё-бытьё, пряма́я саапшшэ́ния* и т. п. (по памятникам — с XVI — XVII вв.); но с другой стороны: 11) на севере (однако не повсеместно) с давнего времени употребляется оборот типа *косить трава* (т. е. с дополнением в именительном падеже при переходных глаголах в форме инфинитива); (нужно) *труба закрыть, купить корова, топить печка, живая молодовая вода достать* и т. д. (см. § 119); в южнорусских говорах этого явления не наблюдается; 12) только на севере получил распространение оборот со страдательным причастием от переходных и непереходных глаголов прошедшего времени на *-о* и дополнением в родительном падеже с предлогом *у*: *у него уе́хано* (он уехал), *у ей сколько было ро́жано* (она рожала) и т. д. (см. § 114); в южнорусской области так не говорят.

Наконец, можно отметить, что: 13) на севере на широком пространстве употребляются изменяемые по родам и числам постпозитивные частицы, восходящие к указательному местоимению *тъ, та, то* (см. § 85); *старик-от, ключ-от где, сестра-та, село-то, через море-то, убить муху-ту, на ночь-ту, в Москву-ту, продавать огурцы-те, рядом озёра-те* и пр. На южнорусской территории этих форм почти не встречается.

Менее показательными, не только вследствие недостаточной их изученности, но и вследствие неустойчивости, „мобильности" словарного состава языка, приходится считать лексические признаки. Несомненно, однако, что некоторые слова (обыкновенно — из основного словарного фонда) известны только на севере, а некоторые употребляются лишь в южнорусских говорах, что, с другой стороны, имеются слова, которые преимущественно известны на севере, или наоборот, причем нет основания говорить о их широком распространении к северу или к югу от Москвы. Это относится прежде всего к терминам сельского хозяйства (которые в крестьянских говорах относятся к основному словарному фонду), к предметам домашнего обихода и т. д. Так, слова *хата* (изба), *рогач* (ухват), *дежа* (квашня), *виский* (волосы), надо полагать, известны только (или главным образом) на территории южнорусского наречия, тогда как на севере в этом отношении дело обстоит так же, как в литературном языке. Преимущественно к югу от Москвы говорят: *скородить* (бороновать), *„трясти сено"*; а на севере — *бороновать, боронить, волочить, „грабить сено"* и пр. Только на севере, хотя далеко не повсеместно, еще недавно употреблялось и кое-где еще употребляется быстро исчезающее слово *орать* (пахать), тогда как *пахать* — примерно в тех же севернорусских говорах — значит „мести" (иногда *орать* значит „пахать плугом", а *пахать* говорят о сохе). Почти исключительно в южнорусских говорах возможно слово *кочет*, которому на севере соответствуют *петух, пеун*. Только южнорус мог бы сказать (как крестьянин у Л. Н. Толстого в „Анне Карениной") о ком-нибудь: „как *сигает!*" или „как *сиганул!*" в смысле: *прыгает, скакнул* и т. д.

Таким образом, севернорусские говоры в целом могут быть противопоставлены южнорусским говорам в целом же, как два наречия русского языка.

§ 15. Но если взять оба эти наречия в отдельности, то окажется, что они сами по себе также не представляют полного единства. Севернорусское наречие, например, отличается большой пестротой в диалектологическом отношении.

Самой большой на севере является Восточная, или Вологодско-вятская, диалектальная группа (см. карту). Говоры этой группы (по крайней мере, в более западной их части) характеризуются:

1) употреблением *и* на месте старого *ѣ*, особенно под ударением, в положении перед мягким согласным и *и (j)*: *мисець, сиеть* и пр., но в остальных случаях *'э (е)*, иногда *ê* или *ие;*

2) вместо *о* под старым (общеславянским) восходящим ударением (см. § 30) возможно *ô* или *уо: куожа; вуоля, коруова, сёлуо,* но *полё* (здесь ударение было нисходящее) и пр. (это явление, как и произношение *ѣ* в виде дифтонга *ие,* небезызвестно и некоторым другим архаическим говорам, в частности южнорусским);

3) мягким произношением *ц,* которое при этом употребляется обычно и вместо *ч: лицё, мисець, цясто, в рицьке, ноць* и пр.;

4) вместо *в* в положении не перед гласными звуками, особенно в конце слога, произносится *у* (неслоговое); *деука, короу, зубоу,* а в некоторых говорах — в начале слова возможно и слоговое *у: удова, усех, у лес* (см. § 58);

5) вместо твердого *л* в положении после гласного звука в конце слога также звучит *у: стоу, воук, шоу, поузау* и т. п.;

6) местоимение *что* возможно в форме *шчё* (*щё, що*) и *штё*: „*щё* есь в пеци, всё на стоу меци" (см. § 87).

К Восточной группе с севера примыкает Северная, или Поморская, диалектальная группа, которая в некоторых отношениях отличается от Восточной и от других севернорусских.

Так, в говорах Поморской группы, как отчасти и в русских говорах Карельской АССР, в частности Заонежья:

1) в родительном падеже ед. ч. мужск. и средн. р. родовых слов вместо *в* (как в Восточной группе и в других севернорусских говорах) в окончании *о/его* произносится *г* (или иногда, особенно в говорах Карельской АССР, — соответствующий фрикативный): *слепого, синего, того* и пр. (см. § 80—81).

Имеются и другие расхождения:

2) старый *ѣ* звучит здесь, в Поморской группе, как *е,* обычно „узкое", напряженное; в конце слова вместо *ѣ* произносится *и: на дворú, в* моем *сундукú* (предл. ед.), *гди, ко мни* и т. п.;

3) согласные *в* и твердое *л* в большинстве говоров, кроме заонежских, сохраняются (не изменяются в *у*);

4) местоимение *что* употребляется или в форме *што,* или в форме *чё (чо, цё).*

С запада к Восточной группе примыкает группа говоров новгородского типа, которая и называется Западная или Новгородская, диалектальная группа. В этих говорах:

1) на месте старого звука *ѣ* под ударением произносится *и*: *хлиб* (хлип), *сино, ниту, писня, сиять, ко мни* и т. п.;

2) звуки *ц* и *ч* или (в одних говорах) различаются этимологически правильно (при твердом произношении *ц*), или (в других говорах) вообще не различаются, причем вместо *ч* употребляется *ц*: *цысто, ноц* и пр.; в некоторых говорах только в слове *у(:при)шотцы* (из *-шедчи*<*-шедши*);

3) местоимение *что* употребляется в форме *што*.

Русские говоры Карельской АССР являются в сущности переходными от говоров Западной группы к говорам Северной и Восточной групп, к которым они все-таки значительно ближе. Можно отметить, между прочим, что говоры олонецкого типа, как и поморского, характеризуются открытым произношением неударенного *о*: *водá, головá* (на слух: о[э]).

Особую группу составляют говоры Заонежья, характеризующиеся такими чертами, как яканье, особенно в заударных слогах (*дéнях, вúдяу*), употреблением γ вместо *г* в определенных случаях: *миоγо, ноγа, γолову*; употреблением γ: *х* в качестве предлога вместо *в*: γ *вóду*, γ *золотý ордý*; мягким окончанием *-ть* в 3-м лице глаголов первого спряжения: *идуть, поють, сказывають* и т. д.

От этих севернорусских говоров заметно отличаются говоры Поволжья (особенно под Торжком и ниже, по обоим берегам Волги) и ближайшие примыкающие к ним, например говоры Владимирской области и другие, составляющие Владимирско-поволжскую диалектальную группу.

От других севернорусских говоров они отличаются:

1) „неполным" оканьем: *о* не под ударением сохраняется только в предударном слоге; причем *о* произносится с некоторой долготой и несколько закрыто; в остальных неударяемых слогах наблюдается редукция гласных *а, о, е,* почти как в литературном произношении: *гъловá, зълотóй, в мълокé, гóрьд* и пр. (см. § 54);

2) совпадением старого звука *ѣ* с *е*, как в литературном произношении: *лес, хлеб, месяц* и пр.;

3) отсутствием изменения *а* в положении между мягкими согласными (*я*) под ударением в *е* (впрочем, этого изменения не знают также говоры новгородского типа);

4) этимологически правильным употреблением *ц* и *ч*;

5) употреблением местоимения *что* только в форме *тош* и т. д.

Говоры этой группы и в лексическом отношении отличаются от остальных севернорусских. Здесь говорят: *пахать* (а не *орать*), *золá* (а не *пóпел, пепёл*), *лошадь* (а не *конь*). Здесь отсутствуют такие слова (обычные, например, в говорах Восточной и Северной групп), как *обúлье* — хлеб на полях, на корню, *шáньга* — печеный хлебец, обмазанный сметаной, *лóпоть* — верхняя одежда, *баскóй* (или *бáской,* наречие: *бáско*) — пригожий, *лонúсь* — в прошлом году и т. д. Следует, однако, еще раз отметить, что лексические данные вследствие их недостаточной изученности пока еще не могут служить надежным основанием для классификации русских говоров.

§ 16. Южнорусские говоры в диалектологическом отношении представляют еще бóльшую пестроту, чем северные. Поэтому установить диалектальные зоны (хотя бы и без определенных и четких границ) к югу от Москвы гораздо труднее, чем на севере.

Во-первых, на фоне других южнорусских говоров резко выделяются говоры Юго-западной, или Курско-орловской, группы (т. е. говоры Орловской и Курской областей и прилегающих к ним соседних, а также донские). В наши дни эти говоры характеризуются (то в большей, то в меньшей степени) такими чертами, как:

1) диссимилятивный характер яканья, т. е. употребление в предударном слоге после мягких согласных вместо ***е*** и ***'а(я)*** то ***'а(я)***, то ***и*** (или ***ь***) в зависимости от качества ударенного гласного, причем ***'а(я)*** употребляется в случае, если под ударением находится один из гласных верхнего подъема: ***у, ы*** или ***и:*** *нясý, сястры́, нясú, часы́* и т. п., но ***и*** (или ***ь***), если под ударением ***а, 'а(я):*** *ниcлá, систрá, питáк* и пр. Следует, однако, иметь в виду, что на этой территории (особенно в пределах Орловской обл.) возможны и другие разновидности яканья, а также — иканье (см. § 54);

2) вместо ***в*** при тех же условиях, что и на севере, звучит ***у̑*** (неслоговое): *ау̑цá, дéу̑ка, карóу̑, любóу̑, раɣóу̑* и пр., и (в начале слова) ***у*** (слоговое): *уся́, унýк, у лясý, у пóлю* и т. д.;

3) произношение в части говоров ***с*** вместо ***ц:*** *яйсó, кансы́, кýриса;*

4) сохранение старого окончания *о/его* (с фрикативным *г*): *злóγъ* (или *дóбраγа*), *таγó, яγó, мъяγó*; в других южнорусских говорах в этом окончании по большей части употребляется ***в;***

5) употребление формы предл. ед. на ***-у, -ю*** (особенно при отсутствии ударения) в среднем роде: *у пóлю* (=*в поле*), *на óзиру, об училишшу* (в памятниках письменности отражается с XVII в.).

Остальные южнорусские говоры, за вычетом говоров юго-восточных — казачьих, донских, которые очень близки к говорам Орловской и Курской областей, — принято делить на две группы: Северо-западную и Восточную, которую по ее географическому положению правильнее было бы назвать Центральной (см. карту).

Восточная, или Рязанско-воронежская, группа характеризуется:

1) сильным и так называемым ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, т. е. употреблением в одних говорах — с сильным яканьем — в предударном слоге только ***'а (я)*** вместо ***е, 'а (я)*** после мягких согласных независимо от каких-либо фонетических условий: *нясý, нясú, сястрá, сястры́, пятáк, часы́* и пр.; в других говорах — почти всегда ***'а(я)***, за вычетом положения перед ударенными ***е*** и ***о***, когда в предударном слоге произносится ***и***: *висёлай* и т. д.;

2) отсутствием изменения ***в*** в ***ў, ў;*** в конце слова и перед глухими согласными произносится ***ф̆***: *дéфка, карóф* и пр.

Северо-западная (или Тульская) группа характеризуется: умеренным яканьем, т. е. употреблением в предударном слоге ***'а (я)*** или ***е***[а] вместо ***е, 'а(я)*** в положении перед твердыми согласными, но ***и*** или ***е***[и] — перед мягкими: *няслú, нясý*, но: *нисёть, нисú; пятáк*, но: *питú, питью́* и т. п. Однако этот тип яканья иногда встречается и в говорах Рязанской и Орловской областей, и в говорах среднерусских.

§ 17. Южнорусские говоры не имеют общей границы с северноруcскими, не соприкасаются с ними непосредственно. Их разделяет узкая, местами (особенно на востоке) расширяющаяся полоса так называемых среднерусских говоров, смешанных по происхождению. Они также не представляют чего-либо цельного и единого в диалектологическом отношении, причем в одних говорах преобладает южнорусская (а на западе — белорусская) стихия, а других — севернорусская.

Наиболее устойчивой чертой среднерусских говоров следует считать аканье (и яканье недиссимилятивного типа); эта черта сближает среднерусские говоры с южнорусскими, в частности с говорами Курско-орловской группы, которые, однако, характеризуются совсем другим типом аканья-яканья. Но другие особенности нельзя считать в такой же степени, как аканье, характерными для всех среднерусских говоров.

Говоры центральной части той среднерусской диалектальной зоны, которая простирается примерно от Пскова на западе через Москву до Пензы, говоры московского типа, характеризуются, кроме таких особенностей, возникших на базе южнорусского произношения, как: аканье и йканье (*нису́, систра́, питу́х, зилёный, пита́к*), произношение *е* вместо *ѣ*, различение *ц* и *ч*, также некоторыми севернорусскими чертами: 1) взрывным *г*; 2) формами: *меня, тебя, себя;* 3) твердым *т* в третьем лице глаголов.

Эти черты характерны и для литературного русского языка, который сложился на основе московского просторечия, и, следовательно, для национального общерусского языка.

§ 18. Современный русский литературный язык в фонетическом отношении почти ничем не отличается от среднерусских говоров московского типа, в частности подмосковных („почти" относится к таким явлениям, как, например, произношение *h* вместо *г* в словах церковнокнижного происхождения: *бог* (произносится: *бох,* род. ед. ч. *бо́hъ*), *господи, благо* и производных (см. § 59) и некоторым другим, возникшим или вследствие влияния письменной формы слов на произносимую, или под воздействием инодиалектного произношения и т. п.).

Но его богатейшие и искусно разработанные грамматические и лексические средства выражения мысли — вплоть до тончайших ее движений — заставляют отделять „литературную речь" от „просторечия" и говорить о качественно новом и лучшем русском языке, употребление которого справедливо и по праву предпочитается употреблению любого русского территориального диалекта (наречия, поднаречия, говора).

Говоря о современном русском литературном, т. е. образцовом, языке, иногда недоучитывают одного важного обстоятельства, которое поэтому необходимо здесь подчеркнуть. Будучи общерусским, представляя собой известное единообразие в географическом смысле и цельность, монолитность,

литературный язык в то же время заметно дифференцирован в жанровом отношении. Письменный литературный язык, монологический по своей природе, во многом отличается от устного, диалогического, разговорного языка образованных людей, умеющих пользоваться и нормами письменного. Письменно-литературный язык в свою очередь представляет несколько вариантов, различающихся главным образом в синтаксическом и лексико-фразеологическом отношениях: язык художественной литературы, в частности художественной прозы, отличается от языка научной прозы; язык деловой письменности (административно-юридического или иного характера) имеет свою специфику, свои особенности. Но этим не исчерпывается дифференциация письменно-литературной речи. Можно говорить о газетно-публицистической разновидности письменно-литературного языка и т. д. Но и устно-литературный, разговорный общерусский язык может дифференцироваться в зависимости от того, при каких условиях мы пользуемся им. Мы не совсем одинаково говорим в домашней, семейной обстановке, в общении с близкими или хорошо знакомыми людьми обиходно-разговорный язык, „просторечие“) и в условиях общественной жизни (общественно-разговорный язык). Ораторская речь является особой разновидностью устно-литературной речи.

Впрочем, с явлением жанровой дифференциации необходимо считаться и при изучении говоров деревни. Хотя объектом диалектологических наблюдений обыкновенно является обиходно-разговорный язык, деревенское просторечие, понятие „диалектальная речь“ на самом деле гораздо более сложно. Обиходно-разговорная речь и в этих условиях отличается от общественно-разговорной. Язык устной народной словесности (сказок, былин, песен, пословиц, загадок и пр.) почти повсеместно в той или иной степени отличается от деревенского просторечия в лексико-фразеологическом и в других отношениях и в то же время характеризуется некоторым (конечно, весьма относительным) единообразием на всей территории распространения русского языка.

§ 19. После Великой Октябрьской социалистической революции в развитии русского языка наблюдаются новые явления. В отношении диалектальной речи новый исторический период характеризуется прежде всего более быстрым, чем это было ранее,

процессом унификации (объединения) диалектов, сглаживания диалектальных различий. Процесс „унификации“ языка, конечно, находится в связи с ликвидацией неграмотности и малограмотности в Советском Союзе. В царской России грамотных было менее четверти всего населения. В Советском Союзе в настоящее время неграмотность полностью ликвидирована. Ставший народным достоянием литературный общерусский язык с его устойчивыми нормами произношения, с его хорошо разработанным грамматическим строем, с его неисчерпаемыми лексико-семантическими возможностями все в большей и большей мере, все быстрее распространяется повсеместно на русской территории, включая сюда даже самые отдаленные от столицы и больших городов населенные пункты, в частности на севере и в Сибири. Местные особенности произношения (*и* вместо *ѣ*, цоканье и пр.) и вообще местные особенности языка (формы вроде *с рука́м, за гриба́м*, местоимения *шчо, чо*, глагольные формы *даси́* (дашь), *иси́* (ешь) и т. п., областные слова вроде *корец* — „ковш“, *сигать* (⟨*сягать*) — „прыгать“ и т. д.) быстро исчезают, заменяются соответствующими литературными формами и словами. Разговорная речь колхозной деревни под влиянием разговорной речи передовой, ведущей группы колхозного населения быстро сближается с литературным языком. Следует полагать, что в недалеком будущем в нашей необъятной стране, которая на наших глазах не только стала страной сплошной грамотности, но и одной из самых культурных стран в мире, диалекты, диалектальные расхождения повсюду исчезнут, будут окончательно перемолоты в едином общенациональном языке, и русский литературный язык станет в одинаковой мере как языком города, так и языком новой, социалистической деревни.

Наиболее выдающимся явлением в области местных диалектов (говоров) в наши дни можно считать „вторжение“ в лексику новой, советской деревни множества новых слов, терминов, фразеологизмов, проникших из литературного языка и отражающих новые формы и условия труда, новые общественные отношения, новую бытовую обстановку: *колхоз, совхоз, МТС, график, гектар, агрегат, трактор, комбайн, (сельхоз)культуры, трудодни, бригадир, коллектив, горком, президиум, баллотироваться, клуб, радио, телевизор, кино, поликлиника, вуз* и т. п.

С другой стороны, многие слова, вроде какого-нибудь *уповод* (отрезок рабочего времени в период полевых работ), или такие

слова, как *соха, страдá* и т. п., или такие, как *азям, онучи, кабак, шкалик* и т. п., повсюду выходят из употребления, из действующего словаря и вообще забываются. Если иногда в деревне еще и скажут о женщине или о жене *баба,* то это теперь уже характерно не для языка колхозной деревни в целом, а только для отсталых групп деревенского населения. Колхозник из стариков, который употребил теперь бы выражение *мирская работа* вместо *общественная*, уже рискует быть осмеянным односельчанами.

5. РУССКИЙ ЯЗЫК В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ДРУГИМ СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКАМ

§ 20. Как уже было отмечено выше, развитие русского языка, чем дальше в глубь веков, тем в большей степени тесными узами связано с развитием других восточнославянских языков. Эти три славянских языка, возникших после распадения языка древнерусской (восточнославянской) народности, составляют единую языковую группу (восточнославянскую), которая и в настоящее время характеризуется многими общими чертами.

Но сначала посмотрим, в каких отношениях русский (великорусский) язык с исторической точки зрения отличается от других восточнославянских. Русский язык особенно заметно отличается от других восточнославянских языков, украинского и белорусского, в лексико-семантическом и фразеологическом отношениях. И в литературном русском языке, и в говорах находится в обращении большое количество слов, которые совсем неизвестны или необычны в украинском, и наоборот. Это относится и к бытовой лексике, и к политической терминологии и т. д. — ко всем случаям, когда одно и то же понятие по-разному выражается в современных восточнославянских языках, с одной стороны, в русском (общерусском), а с другой — в украинском и белорусском.

В этих языках, например, отсутствуют такие общерусские слова, как *бросать — бросить* (по-украински только *кúдати, кúнути, метнути,* по-белорусски: *кiдаць*), *ужин* (по-украински: *вечéря,* по-белорусски: *вячэ́ра*), *деньги* (по-украински: *грошi,* по-белорусски: *грóшы*), *роща* (по-украински и по-белорусски *гай*), *вор* (по-украински: *злóдiй,* по-белорусски: *злóдзей*), *бумага* (по-украински: *папíр,* по-белорусски: *папéра*), *печальный* (по-украински: *сумнúй,* по-белорусски: *сýмны, маркóтны*), *забота* (по-

украински: *журбо́та,* *кло́піт,* по-белорусски: *кло́пат*). Нашему *очень* в украинском соответствует *ду́же,* в белорусском *ду́жа.* Мы говорим: *до свиданья,* а украинцы: *до поба́чення,* белорусы: *да пабачэ́ння* или *да спатка́ння.*

В области политической терминологии: русскому (и белорусскому) *совет, советский* в украинском соответствует *ра́да, радя́нський,* русскому *красный* (о цвете): в украинском — *черво́ний,* в белорусском — *чырво́ны;* русскому *государство:* в украинском — *держава́,* в белорусском — *дзяржа́ва;* русскому *правительство:* в украинском — *у́ря́д,* в белорусском — *ура́д;* русскому *вопрос:* в украинском — *пита́ння,* в белорусском — *пыта́нне* и т. д.

В фонетико-грамматическом отношении русский язык в целом (литературный и говоры) отличается от украинского и белорусского, может быть, менее заметно, но на самом деле не менее существенным образом. Речь идет не об отдельных фонетических или грамматических расхождениях, а о различных языковых системах. В частности, от украинского и белорусского языков, вместе взятых, русский язык отличается:

1) изменением прежних сочетаний ***-ый, -ий*** в ***-ой, -ей*** в таких случаях, как: *злой* (из *зълый*), *слепой* (из *слѣпый*); на севере также: *до́брой* (человек), *прежней* (дом) и пр.; *мо́ю* (из *мыю,* т. е. *мы-й-у*), *пей* (из *пий*) и т. д. (см. § 50). Ср. в украинском: *злий, мию, пий* и т. д.; в белорусском: *злы, добры; мыю, пі* и пр.;

2) изменением старых сочетаний ***ръ, лъ, рь, ль*** в ***ро, ло, ре, ле*** в таких случаях, как: *кровавый* (из *кръвавый*), *блоха* (из *блъха*), *слеза* (из *сльза*) и пр. Ср. в украинском: *кривавий,* в говорах *слиза* (при литературном *сльо́за*) и пр., в белорусском: *крывавы, блыха* (но *слязá*) и пр. (см. § 48);

3) сохранением начального ***и*** (по большей части из *јь*) в таких словах, как: *иголка* (из *јьгълъка*), *играть, иметь* и др. Ср. в украинском: *голка, грати, мати* и т. д.; также в белорусском (см. § 51);

4) употреблением ***к, г, х*** вместо ***ц, з, с*** в таких грамматических формах, как: *на руке* (из *на руцѣ*), *на дороге* (из *на дорозѣ*), *в кожухе* (из *въ кожусѣ*), *пеки* (из *пеци*) и пр. (см. § 55, 70). Ср. в украинском: на *руці,* на *дорозі,* в *кожусі* и пр.; в белорусском: *на руцэ́* и т. д.;

5) отсутствием звательного падежа, уцелевшего в украинском и белорусском. Ср. в украинском: *брате, синку, Іване, сестро;* *„ой, місяцю мій, місяченьку“* и т. п. (см. § 67);

6) употреблением в широких масштабах новой формы им.-вин. падежа мн. ч. на *-а, -я* в склонении существительных несреднего рода: *леса́, острова́, города́, берега́, края́, учителя́* и пр.; в говорах: *ветра́, староста́, деревня́* и т. п. Но в украинском: *ліси, острови, береги, краї, учителі* и пр.; в белорусском: *дамы́, гарады́* и пр. (см. § 66, 69)[1];

7) употреблением существительных в форме род. ед. ч. в сочетании с *два, две* и *оба, обе,* а также с *три* и *четыре: два стола, две сестры* и т. п. В украинском (как и в белорусском) в этом случае или употребляется именительный (и винительный) мн. ч. в мужском роде, а иногда в женском и среднем: *два столи, воькú,* или сохраняются старые формы им.-вин. падежа двойств. ч. в женском и среднем роде: *дві сестрі, рибі, дві селі, вікні* и пр.; ср. в белорусском: *дзьве сястрэ́* и т. п. (см. § 66).

Кроме того, можно отметить еще целый ряд сравнительно поздних[2] явлений, которые в русских говорах известны теперь и на севере, и на юге, хотя не повсеместно, и которые совершенно чужды украинскому и белорусскому языкам:

1) дифтонгизация исконного *о* (т. е. не из *ъ*) под старым восходящим ударением: *во͡ля, ко͡жа* и пр. (см. § 30 и выше § 15);

2) смягчение заднеязычных согласных в положении после мягких согласных и *й: малёнькя, палочкя, Ванькя, Ольгя, чайкю* (в севернорусских говорах: *на верьхю*) и т. д.;

3) употребление инфинитива от *иду* в форме *итить* или *идить* (см. § 110) и др.

§ 21. Русский язык (в целом), как и белорусский (литературный и говоры в их большинстве), отличается от украинского:

1) сохранением исконных (т. е. не из *ъ* и *ь*) гласных *о* и *е* в новом закрытом слоге (т. е. закрывшемся после падения глухих); в украинском литературном языке (и в большей части говоров) в этом случае употребляется *і* (со смягчением предшествующего согласного): *кінь* (но *коня*), *сіль* (но *соли*), *піч* (но *печи*), *о́стрів* (но *о́строва*) и т. д. (см. § 44);

2) изменением гласного *е* (из *е, ь*) в *'о(ё)* перед твердым согласным в положении не только после шипящих и *й* (*j*), но и после других мягких согласных; в украинском языке

---

[1] Следует при этом учитывать изменения в словарном составе языка, в словаре: вместо *город* украинцы говорят *місто* (но ср. *горо̀д — огород*).

[2] По памятникам — только с XVI в.

в таких словах, как *зелений* (*=зэлэ́ный*), *весели́й* (*=вэсэ́лый*), *береза* (*=бэрэ́за*), *овес* (*=овэ́с*), произносится ***е (э)***, согласные перед которым, как вообще в украинском, звучат т в е р д о; ср.: *день* (*=дэнь*) и др. (см. § 53);

3) отсутствием такой весьма характерной для у к р а и н с к о г о языка сложной формы будущего времени, как: (*и*)*гра́тиму*, 2-е л. ед. ч. (*и*)*гратимеш* и пр.; *ходитиму, писатиму, робитиму* и пр.

§ 22. От б е л о р у с с к о г о языка русский язык в целом, к а к и у к р а и н с к и й (литературный и большая часть украинских говоров), отличается главным образом:

1) отсутствием того отвердения ***р***, которое так характерно для б е л о р у с с к о г о литературного языка: *тры, карэ́ння* (коренья), *бяро́за, гавару́, рака́* (река) и пр.;

2) отсутствием „цеканья“ и „дзеканья“, т. е. изменения мягких ***т, д*** в мягкие ***ц, дз***, как в белорусском языке: *дзе́ці, дзед, адзін, крычы́ць, спіць, ціхо, у лапцёх* и т. д. (изредка, впрочем, возможного и в отдельных русских говорах).

§ 23. Как бы, однако, ни были существенны расхождения, имеющиеся в настоящее время между русским, украинским и белорусским языками, всё же они не настолько значительны, чтобы русский, украинец и белорус не могли при желании свободно разговаривать друг с другом и понимать друг друга, потому что о б щ е г о, с х о д н о г о в этих языках гораздо больше, чем расхождений.

Это сходство в особенности становится ощутимым, когда в о с т о ч н о с л а в я н с к и е языки мы начинаем сопоставлять со славянскими языками других групп. Так, например, все восточнославянские языки (русский, украинский и белорусский) с давнего времени отличаются такими ф о н е т и ч е с к и м и особенностями, как:

1) „полногласие“, т. е. наличие сочетаний ***оро, оло, ере, ело*** в определенной группе слов, которые в д р у г и х с л а в я н с к и х я з ы к а х произносятся с сочетаниями или ***ра, ла, рѣ, лѣ***, или ***ро, ло, ре, ле*** и пр. Например: *город, голова* и т. д. при: *град, глава* и пр. в сербском, при *hrad, hláva* в чешском, при: *gród, głowa* и пр. в польском и т. д. (см. § 33);

2) употребление начального ***о*** в таких словах, как *один, осень, озеро* и др., которые в зарубежных с л а в я н с к и х я з ы к а х произносятся с начальным ***е (=je)***, например в сербском: *један, јесен, језеро* и пр., в польском: *jeden, jesień, jezioro* и пр. (см. § 32);

3) изменение общеславянских ***tj, кт'*** в ***ч*** и ***дj*** в ***ж:*** *свеча* (из *свѣтjа*), *межа, вижу* (из *видјǫ*) и т. д. Иначе в других славянских языках. Ср. в сербском: *свећа, међа*, в словенском *sveča, meja*, в польском: *świeca, miedza, widzę* и т. д. (см. § 35);

4) одинаковое во всех восточнославянских языках отражение сильных ***ъ*** и ***ь*** в виде ***о*** и ***е:*** *сон* (из *сънъ*), *день* (из *дьнь*) и пр. Ср. в сербском: *сан, дан*, в польском: *sen, dzień* (= *дзень*), в болгарском: *сън, ден* и т. д. (см. § 43);

5) произношение числительного *7* в виде *семь*, без ***д,*** которое сохраняется в этом слове во всех других славянских языках: сербском *седам*, польском *siedem* и т. д. И некоторые другие.

В морфологическом отношении:

1) распространение окончаний ***-ам, -ами, -ах*** за счет исконных окончаний дательного, творительного и предложного пад. мн. ч. в склонении существительных: вместо *по мѣстомъ — по местам*, вместо *въ городѣхъ — в городах* и т. д. (см. § 75); в других славянских языках это явление получило слабое развитие (польский) или вовсе отсутствует;

2) возникновение общей формы для всех трех родов в им.-вин. множественного числа родовых слов: *новые, синие, те, мои, они* и пр.; в других славянских языках полностью или частично (польский) сохраняются старые формы мужского, женского и среднего рода или мужского и женского рода (см. § 80);

3) исчезновение кратких (энклитических) местоимений *ми, ти, си, мę, тę, сę* (см. § 83), сохраняющихся в зарубежных славянских языках;

4) сохранение личного окончания ***-ть*** (на севере ***-т***) в третьем лице глаголов наст. и буд. вр.; в других славянских языках оно отсутствует; в сербском: *(он) плете, види; (они) плету, виде* и т. д. (см. § 97);

5) устранение связки (глагол ***есмь, еси*** и пр.) в перфекте, сохраняющейся в том или ином виде в других славянских языках. Русскому (и украинскому, и белорусскому) *я пил* соответствует, например, в болгарском: *пил съм*, в сербском: *пио сам*, в польском: *piłem* (из *пилъ есмь* и пр.) (см. § 100).

В общем можно сказать, что в морфологическом и вообще грамматическом отношении восточнославянские языки в целом сохраняют гораздо меньше старины, чем другие славянские языки.

В лексическом отношении русский, украинский и белорусский языки также обнаруживают много сходства. Имеется немало слов, широко распространенных в восточнославянских языках, причем по большей части с давнего времени, но больше нигде в других славянских языках неизвестных. Например: *семья,* в украинском *сім'я,* белорусском *сямья* (ср. в польском: *familia*, *rodzina*, в чешском: *rodina*, в сербском: *фамилиjа* и пр.), *хороший* (ср. в польском: *ładny*, *dobry*, *piękny*), *дешёвый,* в украинском: *дешевий* (ср. в польском: *tani*, в чешском: *laciný*, *levný* и т. д.)., *ковш,* по-украински: *ківш,* по-белорусски: *коўш* (ср. в польском: *czerpak*, в чешском: *naběračka*, т. е. то, чем набирают, и т. д.), *собака,* в украинском — мужского рода: *мій собака;* в других славянских языках это значение передается словами, соответствующими нашему *пес*: серб. *пас*, польск. *pies*; по-болгарски „собака" — *куче* и т. д. К этой группе слов относятся также: *сорок* и *девяносто* (во всех других славянских языках понятия *40* и *90* выражаются словами, восходящими к *четыре*(*и*) *десęти* и к *девęть десęтъ* (см. § 91).

Далеко не все явления, объединяющие теперь восточнославянские языки, восходят (как, например, полногласие) к доисторическому периоду. Некоторые из них получили развитие в историческую эпоху, в более или менее позднее время. Например, изменение сильных ***ъ, ь*** в ***о, е:*** *сон, день* и пр., распространение окончаний ***-ам, -ами, -ах*** и др. То же самое можно утверждать и относительно некоторых общих явлений в лексике.

§ 24. Таким образом, восточнославянские языки (русский, украинский и белорусский) могут рассматриваться как семья ближайше родственных славянских языков.

Как известно, славянские языки, к числу которых относится и русский язык, принято делить на три группы: восточную, западную и южную.

К западнославянской группе относятся языки: польский и кашубский (в Польше), чешский и словацкий (в Чехословакии), верхне- и нижнелужицкий (в восточной Германии, между Одрой (Одером) — в районе Франкфурта-на-Одере и Лабой (Эльбой) — в районе Дрездена.

К южнославянской группе относятся языки: болгарский (в Болгарии), сербский (в Югославии с ее частями, т. е. в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Черногории) и словенский (на северо-западе Югославии, в Словении).

Русский язык (и другие восточнославянские) находится в одинаково близких отношениях как с южнославянскими языками, так и с западнославянскими.

§ 25. С южнославянскими языками русский имеет такие общие черты, как:

1) наличие „вставочного" ***л'*** (*l* epenthetіcum) в положении после губных в таких случаях, как *земля* (из *земja*), *капля, сабля, люблю* (из *любjǫ*) и пр. Ср. в сербском: *земља, капља* (но болг. *земя́*!) и пр. В западнославянских языках ***l*** epentheticum в этих словах отсутствует; в польском: *ziemia* (*=зе́мя*), *lubię* (*=лю́бę=люблю*) (см. § 36);

2) изменение первоначальных сочетаний ***кв, гв*** в ***цв, зв*** перед ***ѣ*** в таких словах, как: *цвет* (из *квѣтъ*), *звезда* (из *гвѣзда*) и пр. Ср. в сербском: *цвет, звезда.* Также в болгарском и словенском. В западнославянских языках этого изменения не произошло: в польском: *kwiat* (*=квят*), *gwiazda* (*=гвя́зда*), в чешском: *květ*, *hvězda* и пр. (см. § 37);

3) утрата ***т*** и ***д*** в сочетаниях ***тл, дл*** во многих словах вроде: *молить* (из *модли́ти*), но в польском: *modlić* (*=мо́дл'иц'*); вроде: *сало, вел, плел* и т. п., ср. в сербском: *сало, вео* (из *вел*), *плео* (из *плел*), но в польском: *sadło, wiódł* (*=вюдл*), *plotł*. В западнославянских языках изменения ***тл, дл*** в ***л*** не произошло (см. § 38).

К этому следует прибавить еще некоторые общие явления в лексике. Так, слово *коровай* употребляется не только в восточнославянских, но и в южнославянских языках, конечно, с сочетанием ***ра*** (например, в сербском в форме *кра̀вај*), и совсем чуждо западнославянским языкам. Также и некоторые другие слова: *пир* при сербском *пир*, словенском *pir*, отсутствующее, однако, в западнославянских языках, например, в польском: *gody* (*=го́ды*), *uczta* (*=у́чта*); далее: *соты* (из *съти*, им. ед. *сътъ*); ср. в сербском: *сат,* в словенском: *set* или *sat*, но в западнославянских: в польском *plaster miodu*, в чешском *voštiny* и т. д.

§ 26. С западнославянскими языками русский язык имеет такие общие (с доисторической эпохи) черты, как: начальные сочетания ***ро, ло*** в определенной группе слов: *ровный, рост,* приставка *роз-* (*ро́звальни, ро́ссыпи* и пр., на севере: *розбойник* и т. п.), *лодка, локоть* и пр. Ср. в польском: *rowny, roz-*(*rozbojnik*), *łodka*, *łokieć* (*=ло́кец'*) и пр. В южнославянских языках

эти слова начинаются с сочетаний **ра, ла.** Например, в сербском: *равни, раст, лађа* (=*лад*[ж]*ся* — „ладья"), *лакат* (см. § 34).

Особо следует упомянуть о некоторых других явлениях этой же группы, в прошлом общих для языка всех восточнославянских племен, но в настоящее время уже не характерных для собственно русского (великорусского) языка:

1) окончание *-ѣ* в род. ед. и им.-вин. пад. мн. ч. в склонении существительных типа *земля* и вин. мн. ч. в склонении существительных типа *конь:* изъ *землѣ,* (вижу) *конѣ.* Ср. в украинском: *землі* (<*землѣ*), *вишні* и пр., *коні* и т. д. Ср. в польском: *ziemie* (им.-вин. мн. ч.), *konie.* В южнославянских языках этому *ѣ* в прошлом соответствовало *ę* (носовое *е,* в старославянском ѧ: конѧ, землѧ), которое потом изменилось в *е*;

2) формы дат.-предл. ед. ч. с гласным *о: тобѣ, собѣ.* В русском языке они теперь известны только в говорах. Эти формы, совсем неизвестные в южнославянских языках, являются нормальными в западнославянских (см. § 83).

И в лексическом отношении восточнославянские языки имеют немало общего с западнославянскими. Так, например, слова *пирог, правый* (например, о руке), *пыль* и др., употребительные в западнославянских языках в такой же мере, как и в восточных, не известны в южнославянских языках. Вместо *пирог* (польского *pirog,* чешского *piroh*) южные славяне, например сербы, говорят: *ко̏ла̄ч* или *пи̏та,* болгары: *млин* или тоже *пи́та;* вместо *правый* (о руке) сербы говорят *деснӣ,* болгары — *десен;* нашему *пыль* в сербском и болгарском соответствует слово *прах* (или в сербском: *прашина*), тогда как в западнославянских языках это слово известно (в польском: *pył,* в чешском: *pyl,* в значении „пыльца").

6. ДРЕВНЕЙШИЕ СУДЬБЫ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА

§ 27. Общепризнано, что славянские языки являются родственными языками и, следовательно, в основном восходят к какому-то единому праязыку.

Родственными принято называть языки какой-нибудь одной определенной группы, настолько близкие друг к другу в их современном состоянии, настолько похожие друг на друга, прежде всего в отношении грамматического строя и основного словарного фонда, что эту близость невозможно объяснить иначе,

как предположив, что в отдаленном прошлом, в доисторическое время, они составляли единое целое, один язык, который с течением времени распался. Этот процесс распадения первоначального языкового единства представляет собой обычное явление в истории народов и языков. Ф. Энгельс в книге „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ говорит: „На северо-американских индейцах мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному материку; как племена, расчленяясь, превращаются в народы, в целые группы племён, как изменяются языки, становясь не только непонятными один для другого, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства“[1].

Именно такими родственными языками являются славянские, которые даже в их современном состоянии поражают своей близостью.

Все это обязывает нас, прежде чем мы перейдем к специальной части курса, вкратце остановиться на вопросе о древнейших судьбах славянства.

История русского языка начинается с доисторической, дописьменной эпохи, со времени до появления письменности у восточных славян, с той эпохи, когда восточнославянские племена окончательно отделились от других (западно- и южнославянских) племен и когда вследствие этого прекратились некоторые важные языковые переживания, общие для всего славянства, касающиеся самого строя, структуры славянских языков. Было время, когда фонетические и прочие изменения переживались всеми славянскими племенами: возникшие на одном участке славянской территории, они сразу или постепенно получали широкое распространение, становились общеславянскими. Например, из более раннего (индоевропейск.) sēmen возникает *сѣмę* (с *ѣ* после *с* и с *е* носовым после *м*), из ŏu̯ĭka возникает *овьца* и т. д. Наиболее важные изменения, отличающие теперь все славянские языки в целом от других индоевропейских (балтийских, или аистских, — литовского, латышского, древнепрусского; германских — немецкого, скандинавских, древнеготского и др.; романских (латинских) — французского и т. д.; греческого; кельтских — бретонского, ирского и др.), по большей части относятся именно к этому времени.

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1947, стр. 108.

Невозможно со всей точностью определить, как долго продолжалась эта эпоха общеславянских языковых переживаний. Закончилась она к середине первого тысячелетия нашей эры.

Первые бесспорные показания, первые данные, касающиеся славян, — таких же старых, исконных жителей Европы, как и германские, романские и другие средне- и западноевропейские народы, — относятся (если не считать весьма неясного упоминания о *неврах* и *будинах* — у греческого историка Геродота) к первым столетиям нашей эры. Римский историк Плиний Старший, живший в I столетии, упоминает о славянах под именем *венедов*. Под тем же именем знает славян и другой римский историк Тацит (I—II вв.) и александрийский географ Птолемей Клавдий (II в.), свидетельствующий о многочисленности „венедов"-славян, называющий *Венедскими* Карпатские горы и *Венедским* Гданский (Данцигский) залив.

Под именем *венетов* упоминает о славянах (в своей „Истории готов") Йордан, живший в середине VI в., но с той существенной разницей, что, кроме этого славянского имени, он знает и другие, и говорит также о славянах-*антах* и о *словенах* (Sclaveni). Но современники Йордана, византийские историки Прокопий Кесарийский и Маврикий, говоря о славянах, называют только *антов* и *словен* (Σκλαβηνοι, в латинской транскрипции Sclavini).

Полагают, что в VI столетии славянские племена, многочисленность которых и раньше поражала и беспокоила соседние народы, занимали настолько обширную территорию, пересеченную большими реками, горами, лесами и болотами, что новые общие переживания в языке уже стали невозможны, хотя, может быть, еще не закончились (и продолжали развиваться в одинаковом направлении) некоторые изменения, начавшиеся в предшествующий период. Любопытно, что и Йордан, и Прокопий одновременно подчеркивают славянскую общность в прошлом. „Происходя из одного корня, — говорит Йордан, — они (т. е. славяне) имеют теперь три имени..." По словам Прокопия, — „словене и анты в прошлом имели одно имя... назывались *спорами*".

Полагают далее, что „венедами" („венетами") в VI в. называли западных славян, „словенами" („склавенами", „склавинами") — южных, „антами" же — восточных. Несомненно, однако, что первые два имени: *венеды* (*венеты*), усвоенное, как общее название для славян, их соседями, и *словене* (< *словѣне*), позже: *славяне* — имя, которым славяне сами себя

называли, употреблялись и как общеславянские. Финны и до сих пор называют нас, русских, *венетами* [venä (läinen), venäjän (kiele); ср.: puhua venättä — „говорить по-русски"], подобно тому как немцы и теперь называют лужичан Wenden, а словенцев — Winden (по-древневерхненемецки vinida).

Не исключено, что название одного из восточнославянских племен — *вятичи*, из *вętичи* (с *e* носовым), находится в какой-то связи со словом *венеты*. Было давно уже высказано предположение, что корнем этого слова является *вęт-*, сохраняющийся в старославянском „вѧщии", древнерусском *вяч(ьш)ий* — бóльший, высший — и в личном древнерусском имени *Вячеслав* (< *Вętjeславъ*). Возможно, в общеславянском языке существовало какое-то не дошедшее до нас слово с корнем *вęт-* — слово, отражением которого является чужеязычное *венеты*. Оно могло значить „человек выдающегося роста", „высокий". Но некоторые языковеды (например, Шахматов) считают, что слово *венеды: венеты* вовсе не славянского происхождения, а возникло на кельтской почве.

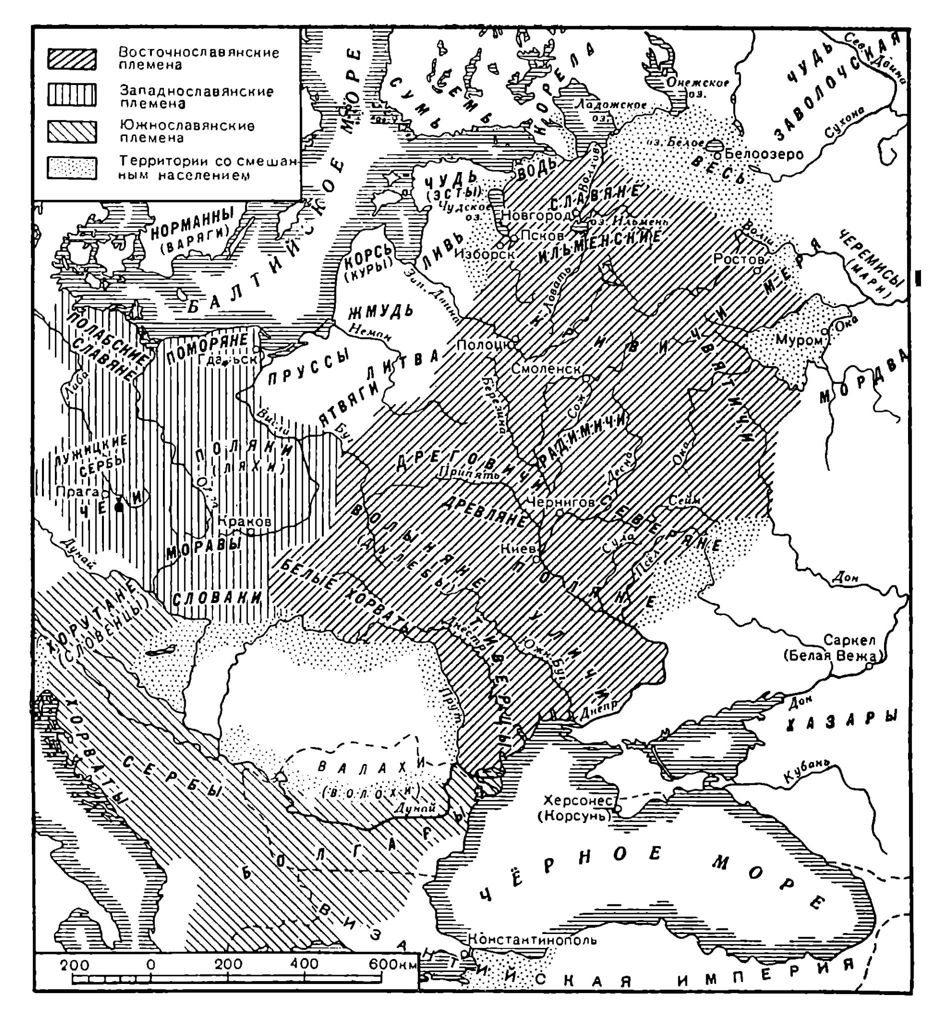
Припомним кстати, что русское *исполин* при старославянском и древнерусском сполинъ в фонетическом отношении представляет собой, по-видимому, вариант имени *споры*, которое, по словам Прокопия Кесарийского, было некогда общим именем для всех славян.

Загадочным по происхождению считают имя *анты* (Ἄνται), под которым восточнославянские племена впервые стали известны в истории. Может быть, и оно представляет собой чужеземную переделку того же предполагаемого общеславянского слова с корнем *вęт-* (*:вǫт-?*), производным от которого можно считать *вętичи*. У арабских географов IX—X вв. это имя встречается в форме v(a)ntit.

Что анты были славянами, в этом теперь никто не сомневается. Об этом свидетельствуют, между прочим, и антские личные имена, встречающиеся (в слегка искаженном виде) в исторических источниках: *Мегимир* (=Межимир, Мечимир?), *Всегорд, Боз* [бож(ий)?], *Доброгаст* и др.

§ 28. Многочисленный народ анты в VI в. занимал обширные пространства от Карпатских гор до Северного Донца и от низовьев Дуная до Таманского полуострова.

На этой громадной антской территории время от времени возникали племенные союзы, возможно вызванные к жизни внешней опасностью, — например, королевство антского вождя Божа, в IV в. погибшего, по словам Йордана, в борьбе с готским

Расселение славянских племен в IX веке.

королем Винитаром. Позже, в VI в., возникло, по свидетельству арабского писателя Масуди, новое племенное объединение антов, во главе которого некоторое время стояли волыняне (*валинан*).

В VII в. имя *анты*, как общее, собирательное название для всех восточнославянских племен[1], исчезает в исторических источниках. На смену ему вскоре появляется новое имя *русь,* происхождение которого пока еще остается неясным. Ясно только,

[1] Некоторые историки, впрочем, считают антов предками только украинцев, южной отрасли восточного славянства.

что это имя, известное и на севере, и на юге древней Руси, по крайней мере с середины IX в. как общевосточнославянское, не могло быть, как полагали некоторые ученые, заимствовано (в качестве одного из названий варягов) у финнов.

Таким образом, вслед за эпохой общеславянских языковых переживаний, закончившихся, во всяком случае, к VI в., если не раньше, последовал такой этап в развитии славянской речи, когда отдельные группы славянских племен, и в частности самая многочисленная из них — *анты,* позже — *русь, рус(ин)ы* (или *русичи,* как называет их автор „Слова о полку Игореве"), вступают в период обособленного (от других славян) языкового развития.

В начале этого периода восточнославянские племена продолжали свое расселение на широком пространстве, на территории Восточной Европы.

По данным „Повести временных лет", в IX в. восточные славяне „сидели" и в бассейне озера Ильмень — по рекам Волхову, Ловати, Мсте (*словене*), и в верховьях трех рек — Волги, Западной Двины и Днепра (*кривичи*). По верхнему и среднему течению Оки до самой Москвы-реки и на юго-восток от верхней Оки, в верховьях Дона и Донца и в Приазовье раскинулись поселения *вятичей.* Город Москва, основанный в 1147 г., находился на северной окраине прежней вятичской территории.

К Западу от вятичей по реке Сожу сидели *радимичи*, близость которых к вятичам летописец подчеркивает, сообщая, что, по преданию, те и другие происходят от братьев Радима и Вятко. Еще дальше на запад, за Днепром, на пространстве между Припятью и Западной Двиной, поселились дреговичи (по-видимому, от слова *дрегва* $<$ *дрьгва,* отмечаемого Далем как „смоленское", в форме *дрягвá* — „болото", „зыбун"; ср. белорусское *дрыгвá* — „трясина" и т. п.).

К югу от дреговичей, по реке Припяти, до самого Днепра, главным образом по правому ее берегу, в лесах, находились поселения *древлян* (или *деревлян*). Еще южнее, по правому берегу Днепра, в окрестностях Киева, сидели поляне. Летописец, автор „Повести временных лет", производит это имя от *поле* („зане в поли сѣдяху"), хотя занятая ими местность была лесная и холмистая. Но, может быть, с этим именем поляне пришли сюда с юга, из „*поля*", из степных просторов Причерноморья. Допустима, однако, связь этого слова с былинным *поленúца* — „богатырь" и т. п. и с глаголом *полевать* — „охотиться".

По другую (от полян) сторону Днепра, главным образом по рекам Десне и Сейму (Семи) и, возможно, дальше на восток, жили *северяне*, или *севера*, со столь же непонятным именем, едва ли от *сѣверъ*, потому что южнее северской земли в это время славянских поселений не было и начинались безбрежные степные просторы, по которым кочевали восточные народы: печенеги, потом половцы и др. Если бы имя *северяне* можно было возвести к *сѣверъ*, то это название указывало бы на другое расположение восточнославянских племен в более раннюю эпоху, чем та, о которой, по преданию, было известно летописцу.

К западу от древлян и полян, в верховьях Западного и Южного Буга, по соседству с поляками (= ляхами) жили *волыняне-бужане*, сменившие здесь *дулебов* (по Далю, это слово долгое время сохранялось в народной речи, особенно южновеликорусской, как бранное слово: „невежа“, „простофиля“ и т. п.). Наконец, на юго-западе, преимущественно по течению Днестра, сидели племена *уличей* и *тиверцев*.

Все эти восточнославянские племена, с их первобытнообщинным строем на стадии разложения, на грани возникновения новых, классовых отношений, находились в период, предшествующий возникновению Киевской державы, судя по тем же летописным данным, не на одинаковой ступени культурного развития и не в одинаково близких отношениях друг с другом.

Словене и кривичи на севере, предки севернорусов, составляли одну племенную группу, один союз. С течением времени к этой словенско-кривичской группе примкнули вятичи, отчасти — северяне и, как полагал Шахматов, еще какое-то племя, не названное летописцем, но, по археологическим и иным данным, некогда обитавшее на юго-востоке, в бассейне Дона и Донца и в районе Азовского моря (возможно, это была отрасль вятичского племени). Под напором кочевников, в X—XII вв., это славянское племя отошло с юго-востока, увлекая в своем движении на север и северо-запад вятичей и некоторую часть северян. Именно на почве объединения вокруг Москвы словен, кривичей, вятичей и (частично) других племен несколько столетий спустя, в связи с новой исторической обстановкой, сложившейся на северо-востоке древней Руси, и возникло новое этническое образование — русская народность с ее двумя основными группами — севернорусской и южнорусской.

С другой стороны, рано наметился и состав другого племенного объединения, в пределах нынешней Правобережной (т. е. на запад от Днепра) Украины. Поляне, древляне, волыняне, уличи и тиверцы и, возможно, часть северян — вот состав этой этнической группы, на основе которой с течением времени сложилась украинская народность.

В центральной части современной Белоруссии в древние времена, как упомянуто выше, „сидели" дреговичи и радимичи. На юге их поселения смыкались: к востоку от Днепра — с поселениями северян, а к западу от Днепра — с поселениями древлян. На севере территория дреговичей и радимичей соприкасалась с территорией кривичей, в частности на северо-западе, с поселениями их отрасли — *полочан*. Возможно, что в более позднее время, в связи с передвижением восточнославянских племен на юго-востоке, частично и вятичи были вынуждены несколько продвинуться на запад. Белорусская народность сложилась как следствие слияния этих племен в связи с возникновением новых исторических условий на западной окраине древней Руси, в связи с образованием союза западнорусских земель, вскоре захваченных Литвой.

Таким образом, вместо нескольких, даже многих мелких восточнославянских племен и племенных диалектов, в конечном счете образовались три крупные восточнославянские народности и три новых языка, с явно центростремительными, объединительными тенденциями в пределах новой языковой территории, тенденциями к слиянию диалектов и к установлению единых языков: общерусского, общеукраинского и общебелорусского.

Но прежде чем образовались эти народности, в жизни восточного славянства произошло много важных событий, которые серьезно отразились на развитии языка.

К таким важным событиям относится, во-первых, возникновение Киевского государства, объединившего в своих границах все восточнославянские племена и приобщившего их к новой, передовой по тому времени, христианской цивилизации (в ее византийских формах), втянувшего их в единое русло общественной жизни. В связи с крещением Руси (в 988 г., по летописным данным) находится появление письменности на старославянской (древнеболгарской) основе, единого литературного языка, понятного народу, всему многочисленному населению древней Руси. Эта письменность быстро вытеснила, вместе с другими

пережитками языческой культуры и языческого мировоззрения, другие системы буквенного письма, существовавшие у восточных славян в IX столетии, а может быть, и раньше.

Все это не могло не отразиться на судьбах древнерусского языка. Общие для всех восточнославянских племен переживания в языке, имевшие место в антскую эпоху (VI—VII вв.) и позже (широкое распространение полногласных сочетаний и пр.), но потом, в период расселения восточного славянства и перегруппировки племен, надо полагать, прекратившиеся, снова стали возможны после IX—X столетий и продолжались до самого распадения Киевской державы. Такие явления, как изменение во всех восточнославянских говорах сильных *ъ, ь* в *о, е* и исчезновение слабых и т. п., наблюдаются еще в XII и XIII столетиях.

В историческое время имели место также фонетические и прочие изменения, не получившие широкого распространения на восточнославянской территории, охватившие только ту или иную ее часть, в рамках той или иной области или даже на еще более ограниченном участке. Такие диалектальные изменения в языке были возможны и в дописьменный период, хотя трудно привести достоверные примеры подобных изменений[1]. Но они стали обычным явлением в историческое время, по мере укрепления нового общественного строя — феодально-крепостнических отношений в древней Руси, особенно же в период феодальной раздробленности, когда каждое княжество, каждая древнерусская область: Новгородская, Ростово-Суздальская, Муромо-Рязанская, Черниговская, Смоленская, Полоцкая и т. д. — в экономическом и политическом отношении начали жить своей обособленной жизнью, причем процесс дробления этих уделов все углублялся с течением времени. Если в дописьменный период распространение новых явлений в языке могло ограничиваться пределами племенной территории, то в период феодальной раздробленности Руси новые явления в языке, вероятно, не часто переходили границы того или иного удельного княжества. Не удивительно поэтому, что еще и до сих пор, например, граница между среднерусскими и южнорусскими говорами южнее Москвы приблизительно совпадает со старой границей между Ростово-

[1] По-видимому, сюда относится возникновение цоканья на севере восточнославянской территории в языке словен и западной части кривичей.

Суздальской областью, с одной стороны, и Муромо-Рязанским и Черниговским княжествами — с другой, что граница между умеренно-якающими говорами „тульского" типа и сильно-якающими „рязанского" типа совпадает со старой границей между Муромо-Рязанским княжеством, с одной стороны, и Черниговским — с другой, которая некогда проходила где-то на полупути между Тулой и Пронском, и т. д.

Татарское нашествие и народная борьба с захватчиками способствовали возникновению на севере и северо-востоке сильного, централизованного великорусского государства.

Новая концентрация народных сил началась в Ростово-Суздальской области. Но ни Ростов, ни Суздаль, ни Владимир, ни какой-либо другой город, а именно Москва, в значительной степени благодаря ее выгодному географическому положению на пересечении торговых дорог, вблизи удобных речных путей, благодаря ее относительной безопасности в смысле внешних нападений и другим благоприятным историческим условиям, стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство.

В XIV—XV вв. происходит быстрое возвышение Москвы, и на северо-востоке Руси, вокруг нового государственного центра, начинается формирование великорусской народности, — а потом, примерно с XVII в., нации — и русского (великорусского) языка. По словам А. И. Герцена, „около XIV в. в России образуется средоточие, около которого ... кристаллизуются все разнородные части государства. Это средоточие — Москва"[1].

Этот процесс прежде всего выразился в том, что целый ряд новых явлений в языке, возникших на русской почве в разное время, к XVIII столетию получает широкое распространение в пределах Московского государства, точнее говоря, русской национальной территории. Сюда можно отнести, например, новые сочетания ***-ой, -ей*** из ***-ый, -ий*** в таких случаях, как *злой* (из *зълый*), *слепой* (из *слѣпый*), *мою* (из *мыю*), *пей* (из *пий*) и т. п., новые формы им.-вин. мн. ч. имен существительных не среднего рода на ***-а, -я:*** *городá, краú,* новые образования прошедшего времени преимущественно от глаголов совершенного вида с *было: пошёл было, взял было* и т. п.; также такие слова, как *бросать:*

[1] А. И. Герцен, Старый мир и Россия (1854 г.). Полное собрание сочинений, т. 8, 1919, стр. 33.

бросить (в значении „метать“, „кидать“) и пр., союз *если* и целый ряд других.

Как правило, родиной этих языковых новшеств является не юг, юго-запад, а север, северо-восток и средняя часть великорусской территории. Главным передаточным пунктом на путях распространения упомянутых новых явлений в фонетике, в грамматическом строе, в лексике русских говоров служит Москва, в связи с усилением ее роли в процессе объединения разрозненных русских земель. На юго-западе, напротив, соседство с украинскими и белорусскими говорами способствовало тому, что упомянутые новые явления распространялись там более медленными темпами и установились позже, чем в центре и на севере.

Если, с другой стороны, в эту эпоху где-нибудь, на какомнибудь участке Московской государственной территории выходит из употребления та или иная старая грамматическая форма, то употребление ее иногда может прекратиться и на других участках, во всех русских говорах. Так случилось, например, со звательным падежом: *брате, учителю, сестро* и т. п.

Некоторые из этих языковых переживаний охватывают не все русские говоры, а только их большинство, на севере и на юге от Москвы, как например окончание *о/ево: злово* (или *злова, зловѣ*), *синево, тово* и т. п.

Возникновение и быстрое распространение на всей обширной территории Московского государства единого государственного письменного языка [на основе московского просторечия, т. е. разговорной речи исконного населения Москвы, — языка московских „приказов“ (государственных канцелярий), который вскоре стал употребляться и в качестве литературного языка в широком смысле этого слова] в свою очередь способствовало усилению процесса образования общерусского языка.

Уже с XIV столетия Северо-Восточную Русь соседи начинают именовать *Великой Русью* в отличие от *Малой Руси* (юго-западной) и *Белой Руси* (западной)[1]. Но особого распространения ни в XIV в., ни позже, в период собирания Русской земли вокруг Москвы, термин *Великая Русь* у нас не получил. Новое госу-

---

[1] Ср. *Червенская* или *Червонная Русь* (Западная Украина), *Чёрная Русь* и др.

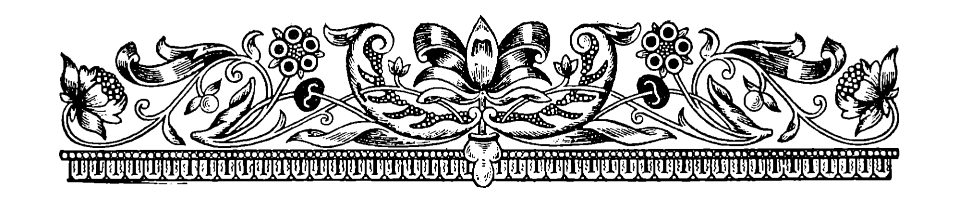
дарство долго называли просто *Русь,* потом, с конца XV стали называть его *Русия* и — с начала XVI в. — *Росия*[1]. Только с середины XVII в., после воссоединения Левобережной Украины с Москвой, на некоторое время входит в употребление в официальном языке термин *Великая Росия*[2] (в смысле „Великоросия").

---

[1] За рубежом, в сочинениях византийских авторов, термин *Росия* появился очень рано. Это слово (Ρωσία) наряду с *Рос* (Ρώς) встречается уже в X в. у Константина Порфирородного.

[2] С двумя *с Россия, российский* это слово стали писать со второй половины XVII в. Ср. в „Космографии 1670 года" (по изданию 1881 г.): *Рóссия,* 272, *российский* 88.

II. РАЗВИТИЕ ЗВУКОВОЙ СТОРОНЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

(В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ПИСЬМА)

§ 29. Звуки речи и их связь с грамматическим строем и словарем языка. Если можно говорить о „главном", о „сущности" в языке, то, по-видимому, „главным" следует считать грамматическую структуру языка и его основной словарный фонд. Что касается „звуков речи", то они представляют интерес для науки о языке не сами по себе, а лишь по тому участию, которое они принимают в выражении мысли, и прежде всего как средство закрепления и различения понятий.

Но именно поэтому вопросы исторического изучения звуковой стороны языка все время переплетаются с вопросами исторического изучения то грамматического строя языка, то словаря и значений слов. Фонетические изменения, когда, например, они влекут за собой совпадение в звучании слов или форм, продолжающих различаться по своему реальному или грамматическому значению, и во многих других случаях, нередко являются причиной новых явлений в грамматике и словаре, важных новшеств в формах склонения и спряжения, появления новых аффиксов, возникновения новых корней и, стало быть, новых слов и т. д. Благодаря фонетическим изменениям обогащаются средства выражения грамматических значений в языке (ср., например, в древнерусском языке: *реку : речешь : рьци*; в современном: *сестра́ : се́стры* и т. п.).

С другой стороны, с фонетическими изменениями находятся в теснейшей связи изменения в системе письма, история письма, т. е. алфавита и орфографии.

Таким образом, фонетические изменения в сущности можно было бы рассматривать и в разных частях курса истории языка:

или в исторической морфологии, или в разделе, посвященном изучению лексических и семантических изменений, или в главе о развитии алфавита и орфографии. Но из ряда соображений, не только для того, чтобы избежать бесконечного повторения одних и тех же наблюдений и выводов, но и вследствие внутренней взаимосвязанности фонетических явлений, в исторической грамматике их выделяют в особую группу и изучают отдельно от других изменений в языке, тем более что фонетические явления и по самой своей природе (главным образом благодаря своей связи с физиологией произношения) резко отличаются от грамматических и прочих явлений.

1. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

§ 30. Когда восточнославянские племена около VI столетия окончательно оторвались от своих западных и южных сородичей и вступили в период отдельного от них, самостоятельного существования, они говорили на языке, который, хотя и не был абсолютно одинаков и варьировал по племенам и родовым общинам, все же характеризовался целым рядом общих для всех племенных диалектов черт в произношении, в формах склонения и спряжения и пр. Эти общие черты сложились раньше, в предшествующую эпоху, когда все славяне еще жили одной языковой жизнью.

В фонетическом отношении язык восточного славянства в то время, около VI столетия, весьма заметно отличался, например, от современного русского языка (литературного и диалектов).

Гласных „звуков речи", т. е. словоразличительных основных звуков, первоначально было значительно больше. Кроме ***а, о, у, е (э), и, ы,*** к гласным звукам речи относились еще: 1) носовые ***о*** и ***е,*** например: *зǫбъ* (зуб), *пęть* (пять); 2) глухие гласные ***ъ*** и ***ь,*** например: *сънъ* (сон), *дьнь* (день); 3) ***ѣ,*** которое произносилось как долгое узкое ***е (ê),*** близкое к дифтонгу *͡ие* или даже как дифтонг, например: *лêсъ, сêяти, къ мънê.* Ударение при этом не играло роли: любой гласный мог быть употреблен как под ударением, так и в неударенном положении. В частности, в неударенном положении были возможны гласные ***о*** и ***е (э)***: *вода́, голова́, весна́* и т. п. (в современном русском литературном: *вада́, гълава́, в'исна́* и пр.).

Из гласных непереднего ряда *(а, о, у, ы, ǫ, ъ)* некоторые были недопустимы в положении после *j* и нетвердых согласных. Прежде всего это относится к гласному *о* (слово *лёд*, которое теперь произносится у нас *л'от*, тогда звучало *ľедъ*, с *е* и полумягким *л*, слово *моё* звучало *моjе*, *плечо* произносилось *пľеч'е* и т. д.). Не употреблялись после *j* и нетвердых согласных также ***ы*** и ***ъ***.

Кроме того, следует учесть, что гласные звуки в общеславянскую эпоху различались не только качественно, но и „количественно", т. е. по долготе и краткости.

Некоторые славянские языки (сербский, словенский, чешский, словацкий) в той или иной мере и до сих пор сохраняют эти количественные отношения в области вокализма. Гласные ***а, у,*** старые ***ы, и*** (не из ***ъ, ь***), а также ***о*** и ***е*** носовые и ***ѣ*** были долгими, а ***о*** и ***е*** неносовые — краткими. Гласные же ***ъ*** и ***ь*** были короче нормальных кратких ***о*** и ***е***. То же можно сказать и относительно ***ы, и*** из ***ъ, ь*** (в *слѣпый, синий, костий* и т. п.).

Некоторые гласные не были возможны в начале слова и слога: не только ***ы***, которое невозможно в начале слова и слога и в современном русском языке, но также ***а*** и ***е (э)***. Дело в том, что перед начальными ***а*** и ***е***, если эти гласные сами по себе не являлись односложными словами (союз *а*, местоименный элемент ***е (э)***; ср. наше *э-тот*, в говорах *э-вот*, *э-столько* и т. д.), очень рано развился *j* (йот) или *и̯* (неслоговое *и*). Так, вместо более раннего *агнę* (ягнёнок), ср. в латин. *agnus*, ст.-сл. агньць, установилось произношение с начальным *ja*: *ягнę*, откуда: *ягня́*, *ягнёнок* и т. д. Если в современном русском имеется немало слов с начальным ***а***: *август, ад, алмаз* и т. д., то все эти слова, как правило, более позднего происхождения и являются заимствованными из других (неславянских) языков (латинского, греческого, восточных и пр.), отчасти из старославянского *(агнец)*, где ***j (и̯)*** в начале слова в IX — XI столетиях мог в известных случаях исчезать. Не было возможно и начальное нейотированное ***е (э)***, так что, например, слово *ель* произносилось, как и в современном русском, с *jэ*: *jэ́ль*. Местоименный элемент ***е (э)*** в *этот* и т. п. первоначально звучал, как полагают, с гортанным звонким придыханием: *hэ*, как звучит он в современном белорусском. Начальное *э* в заимствованных словах: *эксперт, экстра, этаж, экспедиция* и т. п., у нас, конечно, позднего происхождения.

Консонантизм, т. е. состав словоразличительных согласных звуков речи, также отличался от консонантизма в современном русском, особенно литературном языке. Не было звука *ф* (в славянских, ниоткуда не заимствованных словах). Шипящие (***ч, ж, ш***) и ***ц*** произносились только мягко: *жяба* (*=ж'аба*), *душя* (*=душ'а*), *отьць* и т. д. Согласные ***к, г, х,*** напротив, были возможны только твердые. В таких словах, как *нести* и т. п., согласные ***н*** и ***т*** не произносились с такой же полной степенью мягкости, как в современном русском, и были вполне похожи в этом отношении на однотипные согласные звуки в положении перед гласными переднего ряда в некоторых современных славянских языках (сербском, чешском) и в западноевропейских (ср. в немецком *Nestel* — шнурок и т. п.). В частности, не было резкой разницы в произношении твердого и мягкого ***л***: нашему твердому ***л*** в *лапа* и мягкому ***л*** в *липа* соответствовало среднее „европейское“ ***л (l)***: *lapa*, *lipa*. Таким образом, эти слова звучали примерно так, как они теперь произносятся в некоторых славянских языках (например, в чешском *lapa*, *lipa*).

В этот период развития славянских языков, как полагают, уже действовал „закон открытого слога“, заключавшийся в том, что слог, как правило, не мог оканчиваться согласным; обыкновенно он оканчивался или гласным звуком: *во-да, лѣ-съ, съ-нъ, жь-нь-ць* и т. д., или слогообразующим плавным: *гор̥-дъ* (откуда в древнерусском языке: *городъ*).

Ударение в общеславянском языке было „свободное“, т. е. оно не было закреплено за каким-нибудь одним определенным слогом в слове: первым, предпоследним, последним, как это наблюдается в некоторых современных нам языках, в частности некоторых славянских (в чешском, где ударение приходится на первый слог, в польском, где ударение бывает всегда на предпоследнем слоге).

Однако в склонении и в спряжении с доисторического времени оно в известных случаях было подвижным (ср. в русском: *рука́*, но *ру́ку*); при сочетании существительных с предлогами (и с отрицанием ***не***), в глаголах с приставками в известных случаях оно переносилось на предлог или приставку (например, *за́ море*).

Характер ударения в славянских языках был музыкально-экспираторный, или интонационный, т. е. ударенный слог каждого слова выделялся не только благодаря усилению выдыхательного толчка воздуха, как например в современном рус-

ском, в современном польском и др., но также благодаря движению тона, в одних словах восходящему *(во́ля, наро́дъ, си́ла)*, в других — нисходящему *(са́дъ, по́ле, мо́ре, ло́дъка, ви́дъ)*, причем это движение тона не имело никакого отношения к общей интонации предложения (например, вопросительной, повелительной и пр.). Такой характер ударения из современных славянских языков сохранился в сербском и словенском языках.

В других славянских языках, в том числе и в русском, ударение получило чисто экспираторный характер. Но память о „тональности" старого ударения в той или иной степени еще сохраняется и в этих славянских языках (см. § 33 — 34, а также 61).

Наша современная русская система фонем установилась в результате разнообразных фонетических изменений в течение многих столетий. Важнейшие из этих изменений нам и предстоит теперь рассмотреть.

В первую очередь мы остановимся на древнейших фонетических изменениях, закончившихся, надо полагать, до XI в., пережитых всеми восточнославянскими племенами, изменениях, оторвавших их по языку от других славянских племен.

2. ДРЕВНЕЙШИЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

§ 31. Судьба носовых гласных. Во всех славянских языках первоначально, в эпоху до появления письменности, кроме нормальных, чистых гласных, какими являются гласные звуки в современном русском языке, существовали еще особого рода носовые гласные, произносившиеся „в нос", т, е. с участием носовой полости. Таких гласных, впрочем, было только два: ***о*** и ***е***. В научной транскрипции они обыкновенно обозначаются: ***ǫ*** и ***ę***. Эти носовые звуки ***о*** и ***е*** произносились в словах, которые в современном русском языке уже звучат с чистыми гласными ***у*** и ***'а (= я)***. Например: *зǫбъ* (зуб), *сǫдъ* (суд), *гǫсь* (гусь), *лǫкавый* (лукавый), *водǫ* (воду), *водојǫ* (водою); *несǫ* (несу), *слыш'ǫ* (слышу), *любл'ǫ* (люблю), *појǫ* (пою); *пęть* (пять), *мęсо* (мясо), *нач'ęти* (начать), *кънéзь* (князь), *имę* (имя), *ви́дę* (видя), *јęзы́къ* (язык).

Из слов с затемненной этимологией сюда относятся такие слова, как *тетива* (из *тęтива)*, ср. ст.-сл. тѧтива; ср. польское cięciwa, с индоевроп. корнем -temp- и основообразующими (формальными) принадлежностями *-т-*, *-ив-а* (ср. лит. temptýva — тж., tem̃pti — „натягивать"); *десна* (из *дęсна*; ср. ст.-польский. dziąsna;

ср. латин. dentes — „зубы“), южнорус. *сигáть* — „прыгать“, „перескакивать“, „достигать“ (из *сęгати*; ср. диал. *сягáть*; ср. ст.-сл. сѧщи, 1-е л. ед. сѧгѫ — „достать“; от того же корня: *сажень*, др.-рус. *сяжень*, из *сęжень*) и др.

Носовые гласные *ǫ* и *ę* возникли в общеславянскую эпоху. Они развились из первоначальных общеиндоевропейских сочетаний ***о, а, у, е, и*** с носовым согласным ***н*** или ***м***, в закрытом слоге. Следовательно, возникновение носовых гласных было вызвано стремлением к открытию закрытого слога.

Поэтому нашему *зуб* из *зǫбъ* в литовском соответствует žámbas — „конец“, „край“, а нашему *пять* из *пęть* — в литовском *penki*, в греческом *pente*, в немецком *fünf* ((pempe(penqe); нашему *гусь* из *гǫсь* в немецком соответствует *Gans*, а нашему *семя* из *сѣмę* в латинском — *sēmĕn*. В положении перед гласными звуками эти сочетания сохранились: от *сѣмę* — родительный ед. звучал: *сѣмене* (с сочетанием *ен*) и т. д. (отсюда — чередование *мя: мен* в склонении существительных на *мя*).

Из всех славянских языков в настоящее время носовые гласные ***о, е*** сохраняются в польском: *sąd (суд)* (буквой ą в польском обозначается *ǫ*), *pięć* (*пять*; произносится: п'э^{н}ц^{ч}'), *imię (имя)*. Однако современные польские *ą*, *ę* не всегда точно соответствуют общеславянским *ǫ*, *ę*. Например, *ręka* („рука“, вместо ожидаемого *rǫka*, с твердым ***r*** перед *ę*). Ср.: *rączka* („ручка“; ***cz = ч)***. Ср. также: gęs (гусь), lubię (люблю) и др.

Некоторое подобие носовых гласных (слогообразующие ***н, м*** на месте старого ***о*** носового) имеется также в славянских говорах Македонии (о чем см. § 42).

В восточнославянском произношении носовые ***о*** и ***е***, о существовании которых, между прочим, свидетельствуют финские заимствования из древнерусского [например, финское (суоми) kuontalo — „кудель“; ср. древнерусское ≤ общеславянское *кǫдѣль*] с течением времени перестали произноситься с участием носовой полости, утратили свой добавочный носовой оттенок, превратились в чистые гласные, причем одновременно изменилось и качество их. Вместо носового ***о*** установилось (вероятно, через стадию *оо* > *уо*, как свидетельствуют литовско-латышские и отчасти те же финские заимствования из древнерусского; ср., например, литовское kuodelis — „кудель“) произношение ***у***, а вместо носового ***е*** — сначала, по-видимому, ***е*** (сохраняющееся в некоторых

северноукраинских говорах), а потом (может быть, через стадию *ее* > *еа*) — *'а* (с мягкостью предшествующего согласного): *зǫбъ* (сначала с гласным ъ на конце > *зубъ*), *лǫкавый* > *лукавый*, *несǫ* > *несу*; *пęть* (произносившееся в два слога, с гласным ь на конце) > *п'ать* (т. е. пять), *jęзыкъ* > *jазыкъ* (= язык) и т. д.

Таким образом, в словах *дух, друг, муха* и т. п. ***у*** в русском языке восходит к общеславянскому ***у***, тогда как ***у*** в *зуб, путь, несу* и пр. получилось из *ǫ*; в словах *земля, всякий, стоять* и др. ***'а (я)*** восходит к общеславянскому ***'а (я)***, между тем как ***а (я)*** в *пять, мясо, имя* и пр. возникло из *ę*.

Это важное фонетическое изменение, охватившее все восточнославянские говоры, произошло и закончилось до того, как в древней Руси, после ее крещения, возникла письменность на старославянской основе. Оно получило известное отражение уже в наших древнейших памятниках письменности.

Как известно, в старославянском языке носовые гласные ***ǫ*** и ***ę*** обозначались в кириллице буквами ѫ и ѧ, т. е. юсами большим и малым: зѫбъ, сѫдъ, лѫкавъи, несѫ, пѧть, ѩзыкъ и т. д. Эти юсы были механически переняты и древнерусскими книжниками, но употреблялись неправильно вместо ѫ, по большей части, ставили оу или ȣ, а вместо ѧ иногда писали а, ꙗ. В Остромировом евангелии встречаются такие написания слов, как: *лукавый*[1] (ст.-сл. лѫкавъи), *воду* (ст.-сл. водѫ), *могу* (ст.-сл. могѫ), *ꙗзыкъ* (ст.-сл. ѩзыкъ), в послесловии: *почахъ* же писати (ст.-сл. почѧхъ от инф. почѧти). Вообще в этой рукописи насчитывают более 500 случаев неправильного употребления юсов: оу, ю, а, ꙗ вместо ѫ, ѭ, ѧ, ѩ, и наоборот.

Таким образом, в древнерусском произношении носовые гласные звуки исчезли сравнительно рано, тогда как буквы ѫ и особенно ѧ сохранялись в древнерусской письменности довольно долго, хотя уже не обозначали носовых гласных.

В Мстиславовой грамоте около 1130 г. юса большого нет совсем, вместо него употребляются *у* (*оу*): *буди* (ст.-сл. бѫди), *рукою* и т. д.; юс малый сохраняется, но не во всех случаях: *дьржа* (ст.-сл. дрьжѧ), *отꙗти* (ст.-сл. ѿѩти).

Имеются основания полагать, что носовые гласные в древнерусском произношении исчезли или по крайней мере начали ис-

---

[1] Примеры из древнерусских памятников мы печатаем не кириллицей, а русским курсивом, с заменой оу > *у*; ѧ, ꙗ > *я*. Примеры из поздних памятников, XVI — XVII вв., печатаются без ъ на конце слов.

чезать уже к середине X столетия. Так, например, в сочинении Константина Порфирородного „О народах“ (см. § 11), написанном ок. 949 г., среди древнерусских названий Днепровских порогов, переданных греческими буквами, встречается, между прочим, Βερουτζῆ, т. е. *Веруци* < *Вьручи(й)*, причастная форма от глагола **верети* (1-е л. ед. ч. *вьрǫ*) — „запирать“ (ср. *верея, завор, ворота*), причем восточнославянское *ч* было передано по-гречески сочетанием *tz*, потому что в греческом языке нет шипящих согласных. Это и значило: „запирающий“. Но *у* стоит здесь на месте *о* носового (ст.-сл. вьрѫщи с суффиксом ѫщ)[1]. Ср. также название другого порога Νεασήτ (ст.-сл. неѩсыть — „пеликан“, или „аист“) с *'а* на месте *ę*. Но: Σφεντοσθλάβος — *Святослав* (при ст.-сл. свѧтыи). Примерно в это же время (в X в.) стали исчезать общеславянские носовые гласные и в других славянских языках (сербский, чешский, словацкий), где их уже не имеется в настоящее время. Несколько дольше они, по-видимому, сохранялись в болгарском языке.

§ 32. Изменение гласного *е* в *о* в начале слова. В таких словах с ударением на первом или на втором слоге, как *óсень, олéнь, óзеро, осéтр,* имеющих во втором слоге *е*, во всех восточнославянских языках (русском, украинском и белорусском) с древнейшего времени употребляется *о* в начале, тогда как во всех других славянских языках эти слова всегда произносились с начальным *je (јэ)*: в сербском: *јесе̄н, јелен, језеро, јесетра*(ж.); в чешском: *jesen* (*ň* — мягкое *н*)[2], *jelen*, *jezero* (ударение на первом слоге); в польском: *jesień* (*ń* — мягкое *н*), *jeleń*, *jezioro*, *jesiotr* (буквы *ie*, *io* служат для обозначения **е**, **о** после мягких согласных; ударение на предпоследнем слоге).

Точно так же и в слове *один* (где во втором слоге *и*) в других славянских языках имеется *je*: в сербском — *један*, в чешском — *jeden*, в польском — *jeden*.

Некоторые из слов этой группы не имеют соответствий в других славянских языках. Например: *овин* (из *ьевинъ*) — постройка для хранения и сушки необмолоченного хлеба. Ср. украин-

---

[1] Некоторые языковеды сближают это слово со старославянским врѣшти — кипеть, бурлить. Но от этого глагола причастная форма звучала вьрѩщи (писалась с йотированным юсом малым). Только в позднем (русифицированном) церковнославянском языке встречаются причастные формы и от основы *врущ-* (вм. *врящ-*).

[2] Слово это в современном чешском употребляется лишь в поэтическом языке. Обыкновенно чехи говорят: podzim (— „осень“).

ское *ðвин*, при белорусском *ёўня* (и. е. основа * i̯eu̯o-). По памятникам это слово известно по крайней мере с XIII — XIV столетия.

Полагают, что первоначально во всех славянских языках (значит, и в языке восточных славян) эти слова произносились с начальным *je* (= *jэ*) или, что более вероятно, с *и̯е* (т. е. с *и̯* неслоговым). Поэтому нашему *олень*, например, в литовском соответствует élnias. Но очень рано, еще до того, как в древней Руси стала распространяться письменность на старославянской основе, повсеместно в восточнославянской речи сочетание *ие*, вследствие отпадения *и̯*[1] и диссимиляции начального *е (э)* с *е (э)* в следующем слоге, изменяется и гласный *е (э)* в начале таких слов, как *есень* (из *и̯есень*). Он был вытеснен гласным *о*: *осень, олень* и пр. То же произошло и в слове *и̯единъ*, хотя на этот раз в следующем слоге имелось *и*, другой гласный, но также переднего ряда.

В памятниках древнерусской письменности слова вроде *осень* и др. с начальным *о* встречаются уже с XI в. Так формы *одиному, одиною* отмечены в Изборнике Святослава 1076 г.; слово *одинъ* встречается в Архангельском евангелии 1092 г., *озеро* — в Минее 1097 г. и других древних книгах; в Мстиславовой грамоте около 1130 г. имеется выражение „*осеньнѥѥ* полюдиѥ". И т. д.

Следует отметить, что условия изменения начального *е* из *и̯е* в *о* еще не выяснены полностью. В некоторых случаях начальное *и̯е* в положении перед слогом с *'е* или с *и* не изменилось в *о*. Например, в словах: *есте̂* (2-е л. мн. ч. от *есмь*: вы *есте*); ты *еси* (2-е л. ед. ч. от *есмь*: ты *еси*); *ели* (род. ед. от *ель*) и т. п. Можно, однако, полагать, что в этих и подобных случаях отсутствие изменения начального *и̯е* в *о* вызвано задерживающим влиянием других форм: *есмь, есть, есмъ* или, в последнем примере: *ель*. Во всех этих случаях не было условий для изменения начального *и̯е* в *о*.

Легче объяснить, почему отсутствует такое изменение в *ежевика, ерепéниться* и др. Во-первых, эти слова не относятся к

---

[1] Как свидетельствуют письменные памятники древнерусского языка, *и̯* в начале слова исчез, отпал не только перед *е*, но также перед *у* (в сочетании *и̯у*). Поэтому старославянскому югъ в древнерусском соответствует *угъ*, старославянскому юнъıи — *уный* и т. д. Ср., например, в Минее 1095 г.: *уноша, угъ* и др. В современном русском языке мы произносим эти слова по-старославянски.

числу очень старых, хотя известны не только в русском языке, но и в украинском. Во-вторых, они имеют ударение не на первом или втором слоге. Ср. кстати диал. русск. *ожи́на* — тж. Слово *ежевика*, надо полагать, происходит от *ёж*; о происхождении же второго слова трудно что-либо определенно сказать [может быть, оно — из **орепениться*, с префиксальным *о*, от *репей, репенье* (ср. от того же индоевроп. корня -rep- лит. aprépti: — „охватить“) или от *репей* вследствие контаминации с *ера, ерничать* и т. п.].

С другой стороны, в современном русском языке употребляется *о* в формах *одного, одному* и т. д. от *один*, вместо ожидаемого *едного* (= *иедного*), потому что, если в им. ед. начальное *е* из *ие* изменилось в *о* согласно правилу, то в род. ед. ч. и других падежах начальное *ие* должно было сохраниться, так как на этот раз в следующем слоге находился гласный *ь*: *едьного*. И действительно, в диалектальной речи, например в отдельных северно-русских говорах, встречаются формы: *е́дного* (= *jэ́дново; ни е́дново не осталось*...). Но как же получилось *о* в *одного* и т. д.? Несомненно, под влиянием именительного падежа. Не исключена также возможность влияния параллельных форм: *одиного, одиному* и т. д. (см. выше).

Неожиданным является также *о* вместо *je* перед слогом с *ь* в начале слова *ольха* при диал. *ёлха́, ело́ха*. Ср. старосл. ѥльха. Ср. болгарское *елха́* (но польск. olcha). И. е. корень: el- : ol-.

Наречие *ещё* в говорах, например северноруских, возможно и с начальным *о*: *ощё (ошчё, ошшо)*. Но это слово с начальным *о* возможно и в других славянских языках, например в болгарском: *още* (=*оште*). В сербском оно звучит *јоште*, в словенском *jošče* и *jišče*. Следовательно, оно не относится к группе таких слов, как *есень*.

Некоторые ученые (А. И. Соболевский, Г. А. Ильинский и др.) вообще отказываются рассматривать древнерусское *о* (в *осень* и пр.) как следствие фонетического изменения *е* > *о*, а видят здесь простое чередование (известное с общеиндоевропейской эпохи) гласных *е*: *о*, как и в словах *нести: носить* и т. п. Поэтому нашему *осень* в готском соответствует asans — „лето“, нашему *олень* — в латышском alnis (где *a* из общеиндоевроп. *ŏ*) — „лось“ и т. д.

Наконец, еще одно замечание. Изменение начального *э* из *ие*, о котором до сих пор была речь и которое относится к числу древнейших общевосточнославянских фонетических изменений,

следует отличать от похожего явления в древнерусском языке во многих словах, заимствованных из греческого языка в более позднюю эпоху, чем та, о которой идет речь. Отчасти это собственные имена: *Олена*, откуда потом *Алёна* (вм. *Елена*). Уже в Остромировом евангелии, в календаре: *матери его Олены*. Далее: *Овдотья* (вм. *Евдокия*), откуда потом *Авдотья; Овгенья* (вм. *Евгения*); *Остап* (вм. *Евстафий*); *Офремъ* (вм. *Ефремъ*) и др.; отчасти нарицательные: *охидна* (вм. *ехидна*), *опитемья* (вм. *епитимия*), *олей* (ст.-сл. ѥлеи) и др. Характер следующего гласного (и ударение) не играет роли. Полагают, что эти слова могли быть заимствованы из греческого языка не с начальным ***е*** или ***ие***, а с начальным ***о***, потому что подобное вытеснение начального гласного ***е*** гласным ***о*** иногда наблюдается в позднегреческих диалектах. Следует, однако, принять во внимание, что изменение ***е (э) > о*** в начале слова встречается также в собственном имени *Ольга*, заимствованном из языка древних скандинавов, норманнов, где ему соответствовало *Helga*. Константин Порфирородный в упомянутом сочинении середины X в. передает имя киевской княгини Ольги греческими буквами с начальным *е*: ἔλγα. Можно думать, что это написание является передачей древнерусского произношения этого имени и, следовательно, в середине X в. в Киеве еще можно было сказать *Эльга*. Такого же происхождения, вероятно, и имя *Олег* (др.-рус. *Ольгъ*), из др.-сканд. Helgi (ср. нем. heilig — „священный“).

§ 33. Развитие полногласия. Очень важным новшеством в области вокализма, сильно изменившим фонетический облик восточнославянской речи, является полногласие: первоначальные сочетания ***ор, ол, ер, ел*** между согласными, существовавшие у славян в общеславянскую эпоху, изменились (вследствие ликвидации слогообразующего произношения ***р, л***, возникшего в закрытом слоге) в ***оро, ере, оло*** (сочетания ***ор, ер, ол***): *гордъ > городъ, ворна > ворона, борти — бороти, голсъ > голосъ, голва > голова, солма > солома, полвъи — половый* — „светло-желтый“, отсюда др.-русск. *половьць; бергъ > берегъ, пердъ > передъ* и т. д., и в ***оло, ело*** (сочетание ***ел***): *мелко > молоко, пелнъ > полонъ* (плен), *шелмъ > шеломъ* (шлем; отсюда: *ошеломить* в современном русском). Достоверных примеров с ***еле*** из ***ел*** не имеется.

Полагают, что сочетание ***ел*** в говорах восточной отрасли славянства в таких словах, как *мелко*, изменилось в сочетание ***ол***

в связи с отвердением *л* не в положении перед гласными переднего ряда. Дело в том, что плавный *л* (если за ним не следовал *j*) сначала произносился во всех славянских языках как среднее европейское *l*, но потом произошло его „расщепление" на мягкое *л* перед гласными переднего ряда (*липа, соль*) и твердое *л* — в остальных случаях. Таким образом **melko* (молоко), с полумягким *м* и средним *л* (ср. нем. Milch — тж, а также melken — „доить"), стало звучать **mołko*, а уже отсюда, в период развития полногласия, *молоко*, **pelnъ* (= *плен*) с полумягким **р** и средним **l** (ср. лит. pȇlnas — „прибыль") — *полонъ* и т. д.

В положении же после так называемых исконно мягких согласных *ш, ж, ч* получилось нечто среднее между *ел* и *ол* (может быть, *ӧл*). Поэтому из первоначального *шелмъ* (шлем) в период развития полногласия возникло не *шелемъ* и не *шоломъ*, а *шеломъ* (с мягким *ш*). Также: *желобъ* из *желбъ* и др.

Таким образом, наши слова с полногласием, как уже было сказано, первоначально (в общеславянскую эпоху) произносились с *ор, ер, ол, ел*. Это было установлено в результате сравнительно-исторического изучения славянских языков с другими индоевропейскими языками. Так, вполне естественно считать, что, скажем, *голова* первоначально произносилось **golva*, потому что, с одной стороны, имеются такие формы, как *głowa* (*глова*) в польском, получившиеся вследствие простой перестановки гласного *о* и плавного *л* в сочетании *ол* (> *ло*). С другой стороны, в литовском языке, очень близком по строю к славянским языкам, это слово звучит *galvà*. О том, что *молот* получилось из **moltъ*, свидетельствует тот же латинский язык [ср. martulus (из maltlos) — „молоток"]. Вот почему приведенным выше словам с полногласием соответствуют в современном немецком (литературном) слова с сочетаниями гласный (*е, i, а*) плюс плавный *р* или *л*: *берег*: *Berg* (гора, скала); *город*: *Garten* (сад); *борода*: *Bart*; *молоко* (из **melko*): *Milch*; *шелом* (из **šelmъ* < **chelmъ*): *Helm*. Что касается разницы в значениях, то она вполне закономерна. Например, значение „берег" могло развиться из значения „гора" (ср. в русских говорах: идти *горою* = „берегом"), или то и другое из первоначального значения „высокое место"; во всяком случае в старославянском языке брѣгъ имело оба значения: и „гора", и „берег". Общеславянское **gordъ* > восточнославянское *городъ* сначала значило „огороженное место", откуда и значение „городъ" (первоначально: „укрепленная часть города, кремль"), и значение „сад".

Развитие „полногласия" также можно рассматривать как одно из проявлений „закона открытого слога", фонетической тенденции, действовавшей в эпоху общеславянского языкового единства и заключавшейся в устранении закрытых слогов: *бергъ* — двусложное слово, с первым закрытым слогом *(бер-)* превращается в трехсложное: *бе-ре-гъ*, с тремя открытыми слогами. Также: *голва*>*го-ло-ва* и т. д. Вот почему, между прочим, из *колти* (инфинитив) получилось *колоти*>*колоть*, тогда как в *колю*<*колјǫ* (1-е л. ед.) сочетание ***ол'*** сохраняется без изменения (ср. также *борти*>*бороти*>*бороть* при *борю* и т. п.).

Следует отличать полногласные сочетания типа *берег* из *бергъ* от мнимых полногласных сочетаний в таких словах, как *хоровод* или *половина*. Полногласными принято называть только такие сочетания ***оро, ере, оло, ело,*** которые развились из ***ор, ер, ол, ел*** в пределах одной морфемы (корня, приставки): *берг-ъ*> *берег*, *голв-а*>*голов-а* и т. д. Между тем, в *хоровод* сочетание ***оро*** распадается на ***ор,*** входящее в состав корня *хор-*, и соединительный гласный ***о,*** в *половина* — сочетание ***оло*** распадается на ***ол*** в корне *пол-* и ***о*** в суффиксе ***ов*** и т. д. Ср. также: *пелена*, где *пел-* является корнем (при обл. *пелька* — „пелёнка" и пр.), а ***ен*** — суффиксом. Конечно, мнимополногласные сочетания (как в *хоровод*) не являются принадлежностью только восточнославянских языков, они встречаются и в других славянских языках[1].

Развитие полногласия в языке восточного славянства относится ко времени до XI в., до появления письменности в древней Руси на старославянской основе, хотя возможно, что оно закончилось и не очень рано. Любопытно, что полногласные сочетания возникли в некоторых словах, явно заимствованных в историческое время (в VIII—IX столетиях) восточными славянами из других, неславянских языков. Сюда относится, кроме слова *король*, восходящего, как и южнославянское *краль*, чешское *kral*, польское *król* и пр., к имени франкского короля Карла Великого, кроме древнерусского *коромола* (:*крамола*), заимствованного из позднелатинского carmulum, carmula, также некоторые другие, например *соломя* — пролив, заимствованное у финнов (у финнов-суоми оно теперь звучит: *salmi*; ср. вин. ед.: *salmen*).

---

[1] С другой стороны, имеются слова с „затемненными" полногласными сочетаниями. Например, *муравей*, которое получилось из *моровей* (ср. болг. *мравка*, серб. *мра̑в*, чеш. mravenec, польск. mrówka: ср. др.-рус. название города *Моровийск*, встречающегося в Ипатьевском списке летописи) под влиянием *мурава*.

В памятниках древнерусской письменности примеры **полногласных** сочетаний (правда, в умеренном количестве) начинаются уже с Остромирова евангелия: брата *Володимира*, правити... *Новѣгородѣ* (в послесловии); *перегънжвъ* (на полях), и встречаются (хотя и редко) в других рукописях XI столетия: в Минее 1096 г.: *соловий*, в Минее 1097 г.: *черево* и пр.

Любопытно, что в сочинении Константина Порфирородного „О народах" (949 г.) такие древнерусские названия городов и племен, как например *Новгород, Вышгород, деревляне* и т. п., транскрибируются (греческими буквами) без полногласия, с сочетаниями ***ар*** (или ***ра***), ***ер***, а не ***оро*** или ***ара***, не ***ере***: Νεμογαρδάς (Новгород), но: Βουσεγραδέ (Вышгород), Δερβλενίνοι (деревляне). Не исключена возможность, что в этих географических местных названиях дольше, чем в других словах, еще в первой половине X в. сохранялись если не первоначальные сочетания ***ор***, ***ер***, ***ол***, ***ел*** (может быть, со слогообразующими плавными), то сочетания, возникшие в результате их ликвидации, но предшествовавшие полногласию.

Наконец, еще одно замечание. Изучая полногласные сочетания в современном русском языке, нельзя не обратить внимания на одно любопытное явление в области ударения слов. В одних случаях полногласные сочетания имеют ударение на первом гласном звуке полногласного сочетания: *гóрод, вóрон, зóлото, бéрег* и пр., тогда как в других случаях ударенным является второй гласный: *горóх, ворóна, солóма* и т. д. Это колебание в ударении полногласных сочетаний в современном русском языке находится в связи с характером музыкально-экспираторного (интонационного) ударения в общеславянскую эпоху. В случаях первого рода (*гóрод* и т. д.) первоначально ударение (на слоге, который был тогда долгим) имело нисходящий характер (сохраняющийся в современном литературном сербском языке: *гра̑д, вра̑н, бре̑г* и пр.), а в случаях второго рода (*горóх* и пр.) — восходящий. В современном литературном сербском языке на месте старого восходящего мы последовательно находим ударение, обозначаемое значком ̏, — правда, нисходящего тона, но в истории сербского языка оно заменило собой именно старое восходящее ударение на долгом слоге, в связи с сокращением гласных под этим ударением: *гра̏х, вра̏на, сла̏ма* и т. д.

§ 34. Судьба начальных сочетаний *ор, ол*. Сочетания ***ор***, ***ол*** (но не ***ер***, ***ел***) первоначально в закрытом слоге, в положе-

нии перед согласным звуком, **в начале слова** в определенной группе слов в языке восточных славян, в частности в русском, в связи с действием „закона открытого слога“ изменились в ***ро, ло:*** *роб* (ср. *землероб*), *робота* (в севернорусских, окающих говорах), *рост* (<*орстъ*), *ровный*, *роз-* (приставка; в литературном русском только под ударением: ***ро́з**ыгрыш*, ***ро́с**сыпи* и др., но в севернорусских, окающих говорах независимо от ударения: *розбо́йник, россы́пать* и пр.), *рокита* (в окающих говорах), *локо́ть, лодка* и некоторые др.[1]. В этих словах начальные ***ро, ло*** имеются и в **западнославянских** языках, например в польском: *rob, robota, roz-* (приставка: *rozbojnik*), *rowny, rokita, łokieć* (=*ло́к'эц'*ч') и пр.; в чешском: rob, robota[2], rovný, rokita и т. д. Но в **южнославянских** языках им соответствуют ***ра, ла,*** например в сербском: *работа, раст, раван, раз-, ра́кита, лакат, лађа* (=*лад'*ж'*а*, „ладья“) и др. (но *роб*).

Начальные сочетания ***ро, ло*** в упомянутой группе слов в восточнославянской речи наблюдаются с древнейшего времени, с первых письменных памятников древнерусского языка. Например, в Изборнике 1073 г.: *роздѣли* (пов. накл.), *розбоиникъ*, *роби* (им. мн. ч.); в Минеях 1097 г.: *издровьнилъ* *ѥси* (со вставочным *д*).

На основании главным образом показаний других индоевропейских языков ученые заключают, что в общеславянскую эпоху эти слова в языке восточных и других славян произносились с начальными ***ор, ол:*** **orbъ*, **orkyta*, **olkъtь* и т. д. Именно поэтому русскому (севернорусскому) *робота* (при *работа* в литературном языке) в немецком с давнего времени соответствует *Arbeit;* с русским литературным *ракита* (при *рокита* в говорах) в латинском может быть сопоставлено arcus („лук“, „дуга“); русскому *локоть* в литовском соответствует *alkū́nė* (=*алку́нэ*, с другим суффиксом), русскому *лодка*, древнерусскому *лодья* — в литовском *aldijà : eldijà* и т. д. Полагают, что изменение начальных ***ор, ол>ро, ло*** происходило в языке восточных и западных славян только в том случае, если в общеславянском языке на первом слоге не было восходящего ударения (под восходящим ударением ***ор, ол*** во всех славянских языках изменились

[1] Следовательно, в нашем литературном письменном языке сочетания ***ро, ло,*** о которых идет речь, сохраняются главным образом под ударением. Но ср. *ровня́ть* — делать ровным, и *равня́ть* — делать равным.

[2] Отметим, кстати, что международное слово *ро́бот* (механический человек, автомат-кукла) является чешским словом (ср. *robota* — „тяжкий труд“). Оно известно с 1923 г. и было придумано чешским писателем К. Чапеком.

в ***ра, ла:*** *ратай* — „пахарь" (ср. др.-рус. *орати,* сев.-рус. устаревшее *орать* — „пахать"; ср. серб. *ра̏тар* — „пахарь"); *лань* (ср. у нас того же корня *олень;* ср. латыш. alnis — „лось"), *лакомый* (ср. лит. álkti, с *ă* из и.-е. *ŏ*, — „чувствовать голод"; ср. также наше из церковнославянского языка *алкать;* ср. серб. *ла̏ком, -а, -о*) и др.

Отметим любопытный случай изменения общеславянского начального *ol* (вследствие межслоговой ассимиляции) в *ле* в языке восточных славян в слове *лебедь* (также в болгарском). Ср. серб. *ла̏буд,* чеш. labut', польск. łabędź. Общеславянская форма была *olbedь: *olbǫdь (с *ŏ* из индоевроп. *ă*). Индоевроп. корень — *ălbh-, тот же, что в латин. albus — „белый" [1].

§ 35. Судьба согласных в сочетании с *j*. Звук *j* (йот) эпохи общеславянского языкового единства в положении между согласным и гласным звуками, вообще говоря, исчез во всех славянских языках, причем предшествующие согласные изменились различным образом: 1) или только смягчились ***(р, л, н)*** *море* (=*мо́р'э,* из *морjе,* где *j* был суффиксом), в косвенных падежах: *моря* (=*мор'а,* из *морjа*) и т. д., *воля* (=*во́л'а,* из *волjа,* где *j* был суффиксом), *виню* (=*вин'у̂,* из *винjǫ,* где *j* был суффиксом), *у него,* ср. *jего;* 2) или изменили свое качество, превратившись в мягкие шипящие ***(к, г, х, с, з):*** *свча* (=*свч'а́,* из *свкjа*), *одължю* (=*одълж'у̂,* из *одългjǫ*), *кожя* (=*ко́ж'а,* из *козjа*), *слышю* (=*слыш'у,* из *слыхjǫ*), *пишю* (=*пиш'у̂,* из *писjǫ*) и т. д.; 3) или, сохранив свое качество, выделили мягкий плавный элемент ***л'*** (так называемое ***l*** epentheticum, ***л'*** „вставочное"): *земля* (=*земл'а,* из *земjа*), *люблю* (=*л'убл'у,* из *л'убjǫ*), *ловлю* (=*ловл'у̂,* из *ловjǫ*).

В первых двух категориях слов изменения произошли последовательно во всех славянских говорах общеславянской эпохи, и результат этих изменений является общим для всех современных славянских языков (например, ***ч*** из ***к*** и т. д.).

Общеславянским также является вставочное ***л*** в начальном слоге слова, как например, в русском *блюду* из *бjудǫ* или в *плюю*

---

[1] Представляет также интерес славянское название реки Эльбы *Лаба.* Оно — германского происхождения. Ср. средневерхненем. (и соврем.) Elbe. Ср. латинское *Albis* — тж. Славяне стали называть *Лабой* и другие реки (у нас *Лабой* называется левый приток Кубани). Вместо начального сочетания *el* перед согласным в этом слове, заимствованном в общеславянскую эпоху, мы имеем теперь во всех славянских языках сочетание *ла* (la).

из *njyjǫ*, с *jy* из индоевроп. *eu̯ (отчасти < ou̯; ср. лит. spiáuju — „плюю").

Развитие *л* „вставочного" не в начальном слоге наблюдается не повсеместно в славянских языках: это изменение не было пережито в языке предков западных славян; поляки, например, в соответствии с нашим *земля* говорят *ziemia* (=*з*[ж]*'эм'а*), чехи — *země* (=*зэмu̯э*) и т. д.[1].

§ 36. Что касается сочетаний ***mj, дj***, то в разных славянских языках они теперь отражаются по-разному.

В современном русском и в других восточнославянских языках с давнего времени на месте старых ***mj, дj*** произносятся ***ч, ж:*** *свеча* (из *свѣmja*), *хочу* (из *хоmjǫ*), *сажа* (из *садjа*), *межа* [из *медjа*, с корнем „*мед-*" < индоевропейск.* *medh-*); ср.: латинское *medium* — середина, *in medias res* = в самую суть; в немецком: *Mitte*], *вижу* (из *видjǫ*). Тогда как в польском языке эти и подобные слова произносятся с ***c (ц), dz:*** *swieca, chcę* (=*хцę*, хочу), *sadza, miedza, widzę* (=*в'йдзę*, вижу), в чешском — с ***c (ц), z:*** *svice, saze, meze* и пр., в сербском с *ћ* и *ђ* (особыми мягкими аффрикатами, которые приблизительно можно определить, как „мягкие шепелявые" ***ц*** и *дз*): *свећа, сађа, међа* и т. д.

Сначала сочетания ***mj, дj***, вследствие ассимиляции ***j*** с предшествующими ***m, д***, изменились в долгие мягкие ***m, д: m'm', д'д'***. Это изменение произошло повсюду в славянских языках, до появления письменности. Тогда же, в доисторическую эпоху, по-видимому, эти долгие мягкие ***m, д*** стали произноситься с легкой фрикацией, т. е. с фрикативным зубным призвуком. Потом в одних славянских языках на месте ***mj, дj*** развились ***ч, дж > ж*** (сначала оба мягкие, в языке восточных славян), в других — ***ц*** и ***дз*** (сначала тоже мягкие, в западнославянских языках), в третьих, как например в сербском, — „средние" (между теми и другими) мягкие аффрикаты, а в болгарском — ***ш'm' и ж'д'*** (которые потом отвердели, если не находились перед гласными переднего ряда).

В памятниках древнерусской письменности такие ***ч, ж*** встречаются уже в древнейших рукописях. Правда, в Остромировом евангелии имеются только случаи употребления ***ж*** из ***дj:*** *рожь-*

---

[1] Возможно, впрочем, что в западнославянских языках имела место утрата этого эпентетического *л*, подобно тому как оно было утрачено в историческое время в болгарском языке: *земя́, са́бя*.

ство, прѣже, прихожѫ и др. (но нет ***ч*** из ***mj;*** вместо ***ч*** здесь употребляется щ, шт — по-старославянски). Да и в других памятниках чаще употребляется *ж* из *дj,* чем ***ч*** из ***mj.*** В Изборнике 1073 г.: *осуженъ, прѣже* и др. (много случаев) и клевеучаща (едва ли не единственный пример). Так и в Новгородских Минеях 1095—1096 гг. при многочисленных примерах *ж* из ***дj*** не имеется ни одного примера ***ч*** из ***mj,*** а в Минеях за 1097 г. только два слова с ***ч*** из ***mj*** (и несколько с ***ш'*** вместо ***ч,*** типа свѣша).

Совершенно такую же судьбу, как ***mj,*** имело сочетание ***кт'*** (с мягким ***т***). Так, инфинитив от *пеку* (из *пекǫ*) в общеславянскую эпоху первоначально имел форму **пекти* (где ***ти*** было суффиксом инфинитива). Ср. другие подобные формы: **текти* (от *теку*), **ректи* (от *реку*) и т. д. В восточнославянском произношении эти формы превратились в: *печи* (откуда современное *печь*), *течи* (>*течь*), *речи* (>*речь, изречь*) и пр. Ср. в польском *piec* (=*п'эц*), в сербском *пећи* и т. д.

Так же изменилось ***гт',*** давшее, вследствие оглушения ***г*** перед ***т,*** тоже ***кт':*** **бергти*>*беречи* (откуда *беречь,* с полногласием и с ***ч***).

Русское *ночь,* украинское *ніч,* белорусское *ноч,* а также польское *noc,* сербское *ноћ* и пр. восходят к **noktь*. Ср. в литовском *naktìs* (=нактис), в латинском *nox,* множ. *noctes,* в немецком *Nacht.* Такого же происхождения ***ч*** в слове *дочь* (из *дъкти*). Русское *мочь* при польском *moc* и пр. восходит к **mogtь*>**moktь* (в немецком *Macht*), с корнем *мог-* и с суффиксом ***-t'-***. И т. д.

К более сложным случаям относится *ч* в нашем *плечо* [<*плече*<общеслав. *plektje; ср. ст.-сл. плеще, польск. plece и пр.; корень *-плек-* сохранился в *белоплекий* — „белоплечий" (о птице), в *подоплека* — сначала (по Далю) „подкладка, подбой у крестьянской рубахи от плеч по спине и груди"; *т, j* — суффиксальные элементы].

Все рассмотренные выше фонетические изменения (за исключением истории начальных сочетаний ***ор, ол***) имеют то общее, что они с доисторического времени являются характерными именно для языка восточных славян, языка древнерусского. Что же касается судьбы начальных сочетаний ***ор, ол,*** то произношение их в виде ***ро, ло*** получило распространение также в пределах западнославянской языковой группы.

С другой стороны, можно указать фонетические явления, с доисторической эпохи объединяющие восточных славян с южными.

Об одном из них (развитие „вставочного“ *л'*) уже было упомянуто в § 35.

§ 37. Судьба начальных *квѣ, гвѣ*. В таких словах, как *цвет, звезда,* которые сначала произносились с *ѣ* дифтонгического происхождения после *в,* в русском языке, а также в украинском и белорусском в начале слова обыкновенно употребляются свистящие *ц* и *з*. Отсюда по аналогии: *цвести* (< *цвисти*, из более раннего *квисти*). Те же свистящие имеются в южнославянских языках, например в сербском: *цвет, звезда* и др. Между тем в западнославянских языках этим свистящим *ц* и *з* соответствуют *к* и *г,* например в польском: *kwiat* (= *кв'ат*), *gwiazda* (= *гв'áзда*) и т. д. Возможно, что в этом отношении западнославянские языки больше сохраняют старины, чем другие славянские. Общеиндоевропейской основой нашего *цвет* является, как полагают, *k̯uoit- [ср., однако, литов. žvaigždẽ — „звезда“ (с ž!)] По-видимому, очень рано в языке предков нынешних восточных и южных славян начальные согласные *к* и *г* в положении перед *в* (< *у̑*), если за ним следовал *ѣ* (дифтонгического происхождения), изменились в *ц* и *з,* но не очень последовательно: в украинском языке при *цвіт* (= цвет) допустимо и *квіти* (= цветы), *квітки́* (тоже), *квітнути* (= цвести), *квітуче* здоров'я (= цветущее) и т. п. Кроме того, в слове *квелить* (по-украински *квилити*), из *квѣлити* — „дразнить“, „доводить до слез“ или „плакать“, и в украинском, и в русских говорах сохраняется сочетание *кв,* как и в западнославянских языках [ср. в чешском *kviliti* (ст. чешский: kvieliti), в польском *kwilić* (= *кв'ил'иц'*ч*'*) — „вопить“, „стонать“], в то время как в болгарском: (аз) *цвйля,* в сербском: *цвилети,* в словинском: *cviliti*. Ср. в „Слове о полку Игореве“: „половецкую землю мечи *цвѣлити*“. Следует, впрочем, заметить, что этимология некоторых из этих слов (например, *звезда*) не бесспорна, и поэтому их фонетическую историю можно считать неясной.

§ 38. Судьба сочетаний *тл, дл*. От глагола *плету* при инфинитиве *плест* (из *плетти*) прошедшее время в современном русском звучит *плёл*. Нетрудно, однако, догадаться, что эта форма первоначально имела другой вид: *плетлъ*, и что, таким образом, согласный *т* в сочетании *тл* исчез. Также *мёл* (из *метлъ*). В сочетании *дл* исчез *д: вёл* (из *ведлъ,* от глагола *веду,* при инфинитиве *вести,* из *ведти*). Согласные *т* и *д* в этих сочетаниях исчезли также в южнославянских языках: в сербском, на-

пример, получилось: *плео, мео, вео* (*о* из твердого *л*), во множественном числе: *плели, мели, вели.* В западнославянских языках сочетания ***тл*** и ***дл*** сохранились без изменения. Например, в польском: *płotł* (=*плётл*), *miotł* (=*мётл*), *wiódł* (=*вюдл*).

То же явление наблюдается и в других словах: *ель* (в польском *jedła*), *мыло* (в польском *mydło*), *сало* (в польском *sadło*), *молитва* (в польском *modlitwa*), *горло* (из *гърдло*; ср. в польском: *gardło*) и т. п.

В наших древнейших письменных памятниках не имеется сочетаний ***тл, дл*** в этих и подобных словах. Вместо сочетаний ***тл, дл*** в рукописях XI—XIV столетий последовательно употребляется ***л***. Возможно, что это изменение относится к наиболее древним. Слово *сало* (не *садло*), заимствованное из древнерусского языка, было обнаружено в одном из памятников армянской письменности, относящемся к VII столетию (см. § 134).

Тем более странным можно считать употребление сочетаний ***кл, гл*** на месте старых ***тл, дл*** в формах прошедшего времени, в памятниках псковского и отчасти новгородского происхождения XIV—XVI вв. — явление, на которое первым обратил внимание Л. Л. Васильев. То обстоятельство, что в памятниках псковской письменности эти сочетания наблюдаются только в глагольных формах на ***ли:*** *привегли* (привели), *блюглися* (блюлись), *чькли* (чли, из *чьтли,* при инфинитиве *чьсти* из **чьтти*) и т. п., давало повод некоторым языковедам (Каринский и др.) предполагать, что эти формы — нового происхождения, что, например, под влиянием *приведу* могла возникнуть форма *приведли,* откуда и *привегли.* Больше, однако, имеется данных считать, что сочетания ***кл, гл*** (<***тл, дл***) — пережиточного характера и сохраняются (как, между прочим, и в глагольных формах) с доисторического времени, с общеславянской эпохи.

Изменение сочетаний ***тл***>***кл, дл***>***гл*** вообще не характерно для русского языка и для славянских языков в целом, хотя в отдельных русских говорах произношение ***гл'*** вместо ***дл'*** все же возможно, впрочем совсем другого происхождения — в начале слов *для, длинный,* которые произносятся, как *гля, глинный.* Напротив, изменение ***тл, дл***>***кл, гл*** составляет характерную особенность соседних с псковским литовско-латышских говоров. Например, по-литовски *ель* — *ẽglė* (ср. польск. *jedła*), *горло* — *gerklẽ* (ср. польское *gardło*) и пр.

Таким образом, произношение ***кл, гл*** вместо ***тл, дл*** объединяет говоры древнего Пскова и Псковской земли с почти примыкавшими к ним на юго-западе литовско-латышскими говорами. Ср. например, общеславянское *gъrdlo (горло) и лит. gurklỹs (зоб).

В современных акающих и цокающих говорах в окрестностях Пскова в единичных случаях еще до сих пор наблюдаются остатки произношения ***кл, гл*** из ***тл, дл:*** *прачклй* (= прочли, дер. Крестово), также: *перецок* (перечел, где конечное ***к*** из ***кл*** < ***тл***). Возможно сюда относится и *негла* — „лиственница" (Каргопольский р-н), если оно из **jедла* — „ель".

Но особенный интерес представляет слово *жерегло* (по говорам *жерагло́*) из *жередло* (= *жерело* в значении или „пушечное жерло", дер. Крестово, или „пролив", „устье реки", в районе Чудского озера). Ср. в чешском *zřídlo* (= зржидло), в польском *żródło* (= жрудло). Правда, слово *жерегло, жерогло* известно в письменных памятниках псковского происхождения только с XVI—XVII вв.

§ 39. Смягчение так называемых „неисконно мягких" согласных. К древнейшим изменениям, общим для языка всех восточных славян, но не ограниченным только пределами восточнославянской территории, следует, наконец, отнести смягчение согласных (до степени полной мягкости) в положении перед гласными переднего ряда: ***е, и, ь, ę, ѣ:*** *село, нести, тихо, дьнь* (> *день*), *вьсе* (> *все* > *всё*), *тьма, кость, рѣпа, мѣра, пęть* (откуда: *пять*).

Сначала, в общеславянскую эпоху, как отчасти было уже отмечено в § 30 и 35, мягкими были только согласные ***ш, ж, ч, ц*** — во всяком положении в слове, не только перед гласными переднего ряда, а также ***р, л, н*** в тех случаях, когда за ними некогда следовал, а потом исчез ***j*** (йот). Например, в таких словах, как *море, поле, виню,* где ***j*** после плавных употреблялся в качестве суффикса; в таких формах, как *у него,* где за ***н*** следовал ***j*** в начале местоимения: *его* (= *jэго*), также в слове *нива* (из *нjива*) и др. Такие предельно мягкие согласные иногда обозначают термином (очень неточным) „исконно мягкие".

Все остальные согласные, а также ***р, л, н*** (не из сочетаний *рj, лj, нj*) в положении перед гласными переднего ряда, произносились не м я г к о, как в современном русском, а так, как они произносятся теперь в немецком или французском языке: ***с*** в *село,*

как *с* во французском *cela* и пр., *т* в *тихо*, как *т* во французском *tique*, *р* в *реку*, как *р* в немецком *Regel*. Похожее произношение согласных перед *е*ˑ и другими гласными переднего ряда, с давнего времени сохраняется в разных славянских языках, например в южнославянских, в чешском.

В восточнославянском произношении очень рано, до появления кирилловской письменности в древней Руси, „полумягкие" согласные стали мягкими, т. е. произносить их начали с такой мягкостью, с какой они теперь произносятся в современном русском. Поэтому в украинском языке произносятся мягкие согласные в положении перед выпавшим конечным *ь*: *кість* (кость) и т. п., перед прежним *е* носовым в таких словах, как *ряд* (*рędъ*), как *лякатися* — „пугаться" (из *лęкатисę*; с корнем *лęк-*; ср. наше *излучина* с корнем *-лǫк->-лук-*, где *ǫ* — по чередованию с *ę*). Но *п'ять*, *м'ясо* (с „разложением" группы мягкий губной согласный плюс *а*): *пęть>п'ать'>пjат'*.

Плавный *л*, сначала не отличавшийся от современного среднего *l*, например во французском или немецком языке[1], в то же время в восточнославянском произношении смягчился до степени полной мягкости в положении перед гласными переднего ряда: *липа, лёдъ, соль* и пр., и отвердел во всех остальных случаях: *лапа, палъка* (>*палка*) и т. д. (о судьбе *l*j см. выше).

Смягчение согласных в положении перед гласными переднего ряда закончилось еще в эпоху до появления письменности на Руси. Но в памятниках кирилловского письма это явление не получило особого отражения (см. § 41).

С течением времени в некоторых русских говорах эти согласные (а также и „исконно мягкие" *р, л, н*) в положении перед *е* снова утратили свою мягкость. Так, в говорах Егорьевского р-на Московской обл., Судогодского р-на Владимирской обл., Ардатовского и Арзамасского р-нов Горьковской обл., во многих говорах Рязанской обл. и др. отмечено произношение: *атэц, мэнэ, тапэрь, пэчь*, или (на севере) *пэцька, за нэй* (<*нjей*) и т. д. На крайнем северо-востоке Сибири (Анадырь, Колыма) отверде-

---

[1] В говорах, например на северо-востоке и в Сибири, многие диалектологи отмечают такое среднее *л* (*l*) и в настоящее (во всяком случае — в недавнее) время, особенно в положении перед гласными: *мulaя, lanmu, дala* и пр., причем иногда только в женском и детском произношении. Полагают (например, А. М. Селищев), что это не остаток старины, а более позднее явление, развившееся в некоторых говорах (северо-восточных и сибирских) под иноязычным воздействием.

ние согласных, особенно губных, наблюдается не только в положении перед **е** **(=э):** *сэрцо, мэд, робэнок, увэз*; *врэма, спасыбо, квасат, мэра* и т. д.

В украинском языке утрата мягкости согласных перед **е** **(=э)** является правилом: *село (=сэло), несу (=нэсу́), день (=дэн')* и т. д. В большей части украинских говоров (и в литературном украинском) согласные отвердели также в положении перед старым **и**: *сила (=сыла)* и пр. (но *ді́вчина*, где *і* из *ѣ*, и т. п.).

С другой стороны, можно полагать, что еще в доисторическое время в языке восточных и отчасти других славян возникло лабиализованное произношение твердых согласных звуков, особенно перед гласными **о, у,** а также в меньшей степени перед **а, ъ,** и очень слабое — перед **ы.** Стали произносить: *л'э́д°ъ, с'эл°о́, н'эс°у́* и пр. (значок [°] вверху с правой стороны буквы обозначает лабиализацию). В некоторых севернорусских говорах (например, в юго-западной части Тотемского уезда, по описанию О. Брока) такое произношение твердых согласных сохранялось до недавнего времени.

Одним из следствий смягчения полумягких согласных звуков можно считать сохранение в русском (великорусском) и белорусском языках гласных фонем **и** и **ы** (ср.: *с'ин'* и *сын*) в качестве р а з н ы х самостоятельных звуков речи. В украинском языке, за исключением некоторых говоров, и в зарубежных славянских языках (за исключением польского, где также имело место развитие полной мягкости в таких словах, как sila и т. п.) гласный **ы** совпал с **и.**

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ И ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

§ 40. Литературный, книжный язык, употребление которого установилось в древней Р у с и п о с л е е е к р е щ е н и я — сначала в Киеве и других ю ж н ы х городах, а потом и повсеместно, язык книг главным образом богослужебных (евангелие и пр.), церковно-учительных (богословских) и церковно-„четьих“ книг (например, житийных), был заметно оторван от подлинно народной восточнославянской речи, от разговорного языка восточных славян (полян, древлян, кривичей, вятичей и т. д.). Это был так называемый „старославянский“ язык, к тому времени получивший широкое распространение почти во всех славянских странах в качестве литературного языка.

Первые книги на старославянском языке (не дошедшие до нас) появились в середине IX в. в связи с миссионерской деятельностью ученых византийцев, братьев Константина (в монашестве Кирилла) и Мефодия, уроженцев города Солунь (ныне Салоники). Когда братья приступили к проповеди христианского вероучения (в его восточном, греческом истолковании) среди славян (сначала западных), они лучше всех других славянских языков знали язык македонских славян, который, можно полагать, даже был их родным языком. Славянские говоры Македонии, представляющие собой разновидность болгарского языка, являются той исторической базой, на которой со временем сложился старославянский язык.

С книгами на этом языке, в первую очередь богослужебными, написанными с помощью новой азбуки — „кириллицы", азбуки, в значительной своей части отличавшейся и от греческого, и от латинского алфавитов, придуманной братьями для передачи древнеболгарских звуков, Константин и Мефодий явились в Моравию, где жили предки чехов и словаков.

Они явились туда по приглашению моравского князя Ростислава, который мечтал об оборонительном союзе с Византией против немецких рыцарей, уже развертывавших свой Drang nach Osten (натиск на Восток), об оборонительном военном союзе, опирающемся на союз моравской и византийской церкви. И хотя этот смелый замысел остался неосуществленным, и князь Ростислав погиб, а в Моравии водворилось немецкое духовенство, державшее тогда сторону римской (католической) церкви, все же короткий период пребывания славянских первоучителей и их учеников в этой стране можно рассматривать как период крупного перелома в развитии культуры славянских народов.

Из Моравии употребление старославянского языка в качестве языка богослужения и литературы распространилось и в других славянских странах, сначала в соседней Паннонии, где жили предки словенцев, потом, после смерти Кирилла и Мефодия, в Болгарии и в Сербии и даже, как полагают некоторые ученые, в Польше.

То обстоятельство, что старославянский язык, сложившийся на македоно-славянской (болгарской) основе, с такой быстротой получил распространение в разных славянских странах и сделался общеславянским литературным языком, объясняется главным образом близостью славянских языков в отношении грам-

матического строя и в области основного словарного фонда. И в наше время славянские языки еще не настолько разошлись, чтобы для славян была исключена возможность общения на каком-нибудь одном из литературных славянских языков. А тысячу с лишком лет назад генетически связанные, родственные славянские языки во всех отношениях были гораздо ближе друг к другу, чем теперь.

Как уже было упомянуто, в древней Руси старославянский язык в качестве языка богослужения, церковного и литературного языка утвердился после ее крещения, в конце X столетия и в начале XI. Тогда же окончательно установилось и употребление кириллицы в качестве единственного и общепринятого алфавита, хотя начало распространения этого алфавита в древней Руси относится к гораздо более раннему времени, как свидетельствует об этом упомянутая выше Гнездовская надпись.

Следует ли отсюда, что до X в. на древнерусской территории никакой письменности — ни книг, ни грамот — не существовало и что наши предки действительно не умели писать и даже не пытались этого делать? Напротив, имеются серьезные основания полагать, что не только в течение X в., но и в IX столетии имели место отдельные попытки в этом направлении. Как известно, в житии Константина Философа, в VIII главе, рассказывается, между прочим, что незадолго до изобретения азбуки солунскими братьями, до появления первых книг на старославянском языке, этот ученый, миссионер, во главе целой миссии, совершил путешествие из Константинополя в Хозарию. Во время этого путешествия[1] Константин Философ остановился в Корсуни, в Крыму, и там он обнаружил какие-то „евангелие и псалтырь, написанные русскими буквами" („русьскыми письмены"), на языке, на котором он быстро научился читать: ведь это был язык, родственный его родному языку — македоно-болгарскому!

Путешествие в Хозарию относится приблизительно ко времени около 860 г. Следовательно, в середине IX столетия у восточных славян уже существовала кое-какая письменность, книги; они уже умели писать. Не может быть сомнения,

[1] В те времена путь из Византии в Хозарию пролегал по западному и северному побережью Черного моря.

что речь идет в данном случае о древнерусском народном языке и о восточнославянских буквах.

К началу X в. (907 г. и сл.) относятся первые из тех договорных грамот Руси с Византией, которые не дошли до нас в подлинном виде, но содержание которых дословно пересказано в „Повести временных лет“. За ними в X в. последовали другие. Они, как правило, составлялись на древнерусском, а не на старославянском языке. Стало быть, и в X в. продолжала существовать самобытная древнерусская письменность. Можно предполагать, что договорные грамоты были написаны теми же самыми „русскими“ буквами.

Никаких остатков или следов этой письменности, никаких письменных памятников древнерусского литературного языка этого периода не сохранилось. Надо полагать, что они были уничтожены во время длительной и ожесточенной борьбы с язычеством, с остатками самобытной культуры — борьбы, развернувшейся в древней Руси после ее крещения и возглавлявшейся церковью. Но память о письменности более раннего времени, традиции этой старшей литературы сохранялись еще долго. Именно с наличием этих традиций можно поставить в связь появление целого ряда литературных произведений древнерусской эпохи („Русская правда“ — книга, где, несмотря на то что она дошла до нас только в позднейших списках, почти совсем не имеется никаких славянизмов, летописи, сочинения Владимира Мономаха, „Слово о полку Игореве“, „Моление Даниила Заточника“ и др.), возникших на восточнославянской народно-речевой основе, написанных на живом древнерусском языке, не говоря уже о древнерусской актовой письменности, о грамотах: киевских (вроде Мстиславовой грамоты), новгородских, смоленских и т. д.

Как бы то ни было, в древней Руси вскоре после ее крещения повсеместно установилось употребление старославянского языка (на македоно-болгарской основе) в качестве образцового языка церковной и отчасти светской литературы. Одновременно так называемый „кирилловский“, или „кириллический“, алфавит („кириллица“) стал обиходным, даже обязательным алфавитом в древней Руси, вследствие чего должны были исчезнуть все другие, ранее возникшие, самобытные системы письма.

Известно, что памятники старославянского языка — уцелевшие рукописные книги примерно X—XI столетия — написаны двумя

очень непохожими одна на другую, различными азбуками: „кириллицей", изобретенной Константином Философом (Кириллом), и „глаголицей" (алфавитом, надо полагать, более ранним по происхождению)[1].

Вот, например, как выглядят первые буквы того и другого алфавита:

В кириллице:	В глаголице:
а	Ⰰ
Б	Ⰱ
В	Ⰲ
Г	Ⰳ
Д	Ⰴ

В древней Руси, кроме кириллицы, на первых порах, несомненно, была известна и глаголица, — алфавит, по-видимому, не греческого, а какого-то иного, может быть, ближневосточного или севернопричерноморского происхождения, но употребление этой азбуки в историческое время, после крещения Руси, было сильно ограничено и даже едва ли не преследовалось[2].

До нас дошли только скудные остатки глаголического письма, сохранившиеся почти исключительно на севере древнерусской территории. Сюда относятся некоторые книги, как например „Книга пророков" попа Упыря Лихого (дошедшая до нас в более поздних списках), переписанная в Новгороде в 1047 г. если не с глаголического оригинала, то во всяком случае книжником, знавшим глаголицу. Здесь встречаются отдельные глаголические буквы в большом количестве (около 90) и даже отдельные слова, написанные глаголицей. Сохранились также надписи (XI—XII вв.) на столбах и стенах в подпольном помещении Новгородского Софийского собора, заключающие отдельные глаголические буквы или даже целиком сделанные глаголицей. С глаголической буквы начинается одна надпись (№ 3) из обнаруженных во время последних раскопок в Новгороде.

---

[1] Излагаемая здесь точка зрения разделяется не всеми учеными, занимающимися изучением этого вопроса. По очень распространенному мнению, напротив, Константин Философ изобрел глаголицу.

[2] В инославянских странах (на Балканах и в Моравии) в X—XI вв., напротив, глаголица, попавшая туда, по-видимому, с востока, из Северного Причерноморья, получила широкое распространение.

§ **41.** Что касается состава кириллицы [1], то, по сравнению с нашим современным русским алфавитом, эта азбука отличается многими особенностями. Сюда относятся:

I. Наличие некоторых особого рода букв, употреблявшихся для обозначения гласных звуков, впоследствии исчезнувших в русском языке, или для обозначения старославянских звуков, чуждых древнерусскому произношению:

1) юсы: большой (ѫ) и малый (ѧ), для передачи носовых *о* и *е* в старославянском языке.

На древнерусской почве *юс большой* очень рано вышел из обихода, вытесненный буквами оу, ꙋ, и в рукописях второй половины XII и XIII вв. он почти неизвестен. Но с конца XIV, в XV столетии, в связи с так называемым „вторым южнославянским влиянием", он снова на некоторое время получил распространение в нашей письменности, пока, наконец, не исчез окончательно и бесследно. Напротив, *юс малый* (в значении а, ꙗ) как буква обнаружил гораздо большую живучесть. Он дожил до начала книгопечатания в Москве, в шестидесятых годах XVI столетия, вошел в состав старопечатного (церковнославянского) алфавита и до сих пор употребляется в церковном шрифте. Его потомком является наша буква *я*, возникшая из скорописного ѧ, а потом включенная Петром I в состав новой, „гражданской" азбуки, русской печатной „гражданки".

2) ять (ѣ) для передачи особого гласного переднего ряда (в старославянском языке $\widehat{ea}$, или e^{a}, или $\ddot{a}$: *лѣс, дѣти*).

Буква „ять" на древнерусской почве оказалась еще более живучей, чем юс малый, может быть, благодаря тому, что звук ѣ долго сохранялся как особый звук в русском произношении. Она не только дожила до петровской реформы азбуки и вошла в состав нового гражданского алфавита, но и употреблялась в значении *е* (= *'э*) также в течение всего последующего времени, вплоть до советской реформы правописания, когда, наконец, и была ликвидирована.

3) Напомним, в-третьих, что буквы „ер" и „ерь" — **ъ** и **ь** — употреблялись в старославянской и древнерусской письменности для обозначения глухих гласных звуков **ъ** и **ь**: *сънъ, дьнь*, тогда как у нас они никакого гласного звука не обозначают и обычно употребляются в качестве разделительных знаков и для обозначения йотации следующего гласного звука: *объявление, трехъярусный, пью* и т. п., а **ь**, кроме того, и для обозначения мягкости согласных: *конь, возьму*. Впрочем, как знак мягкости **ь** после падения глухих употреблялся и в древнерусских рукописях, особенно в конце слова.

II. Наличие так называемых „йотированных" гласных букв: ꙗ, ю, ѭ, ѩ, а также ю, представляющих собой сочетания *i* (*и* „десятеричное"), над которым в древности точки не ставилось, с соответствующей гласной буквой: а, е, ѫ, ѧ, оу (второй элемент этой сложной буквы — ꙋ — при этом опускался).

---

[1] Здесь имеется в виду та кириллица, которую мы находим в древнерусских книгах и грамотах, в нашей письменности X—XI и следующих столетий, причем за основу написания мы принимаем кирилловское письмо Остромирова евангелия 1056—1057 гг.

Буквы ꙗ, ю, ѩ употреблялись как в начале слога (моꙗ, югъ, моѩ), так и после согласных звуков (для обозначения их мягкости: ꙁемлꙗ, люди, молѩ). Буквы ю, ѥ по большей части употреблялись только в начале слога: ѥсмь, моѥ, ѩꙁыкъ. Мягкость согласных перед *е* обозначалась посредством ѥ только в случае „исконной" мягкости. Полумягкость согласных (ставших мягкими в древнерусском произношении) специального обозначения не имела. Ср. в Мстиславовой грамоте около 1130 г.: осеньнюю, въ нѥ и др. (здесь н из *нj* был предельно мягким), но игоумено, десꙗте и пр.

„Йотированные" гласные буквы, за исключением ѩ и ѥ, на древнерусской почве сохранялись долго. Буква ю дожила до наших дней. В церковном шрифте уцелела также буква ꙗ.

III. Наличие парных букв для обозначения одного и того же звука:

1) и:і (ї) (звук *и*). Первая буква называется *и* „восьмеричное", а вторая — *и* „десятеричное", потому что числовое значение первой буквы было 8, а второй — 10. На древнерусской почве продолжали употребляться обе буквы, только „восьмеричное" *и* стали писать с наклонной соединительной чертой (и), а над *и* „десятеричным" начали ставить одну точку. Такое *і* встречается, например, в третьем почерке Новгородской I летописи по Синодальному списку. Кроме того, примерно с XIV в. вошла в обращение буква *и* с краткостью (*й*). Десятеричное *и* (і) стали писать только в определенных случаях, в положении перед гласной буквой: марія (тогда как в древнейших наших рукописных книгах, например в Остромировом евангелии, напротив, эта буква, особенно ї (с двумя точками), употреблялась главным образом после гласных и иногда в начале собственных имен). Все эти изменения относятся ко времени до возникновения книгопечатания и получили полное отражение в наших старопечатных книгах (церковной печати) и в книгах, напечатанных гражданским алфавитом. Только после советской реформы правописания *і* (*и* „десятеричное"), наконец, было ликвидировано. В печатном гражданском шрифте начала XVIII в. буквы *й* сначала также не было. Она появилась здесь (точнее снова появилась) после петровского времени.

2) *о* („он"): ω („от") (звук *о*). Вторая буква в наших древнейших рукописях употреблялась очень редко: ѡтъ, ѡлонь, ѡ жонь (в обращении), но она долго существовала в древнерусской письменности (даже получила некоторое распространение за счет *о*), сохранялась и в старопечатных книгах, пока в конце концов не была изъята из азбуки в петровское время.

3) ꙁ или з („земля"); ѕ или ꙃ („зело") (звук *з*). Вторая буква (зело) на первых порах в наших (не старославянских) древнейших рукописях встречается очень редко, как правило, с числовым значением (6). Но впоследствии (с XV в.) она получила большее распространение за счет ꙁ, проникла в печатный церковный шрифт и в скоропись. Поэтому, вероятно, и Петр I в конце концов сохранил обе буквы в реформированном им алфавите. В послепетровскую эпоху „зело" все же вышло из обихода.

4) ф („ферт"), ѳ („фита") (звук *ф*). Та и другая буквы с эпохи Кирилла и Мефодия употреблялись только в заимствованных словах: филипъ, философия, ѳедоръ. Буква ѳ („фита") была исключена из нашего алфавита только в 1918 г., в связи с советской реформой правописания.

IV. Наличие сложных и слитных букв. Например: оу, ꙋ („ук"), ы („еры"), щ („шта"). Гласный звук *у* с кирилло-мефодиевской эпохи обозна-

чался сочетанием *оу*, как и в греческом алфавите IX—X вв., или слитно в виде разорванной вверху восьмерки ȣ. Правда, в Остромировом евангелии и других наших древнейших рукописях иногда первый элемент сложения оѵ (*о*) отсутствует, но все же написание оѵ было обычным в древнерусской письменности, а потом — в церковной печати (наряду с ȣ) до петровской реформы азбуки, когда, наконец, установилось начертание *у* в качестве унифицированного знака для гласного *у*.

Букву ꙑ в древности писали с ъ в качестве первого элемента (в Остромировом евангелии — исключительно). Но уже в рукописях XI в. (особенно в Изборнике 1076 г.) изредка встречается также начертание ы. Такое *ы* обычно, например, в Ипатьевском списке летописи. С течением времени, главным образом с конца XIV в., такое ы получило перевес. Это начертание сохраняется и в современном русском (письменном) языке.

Буква щ была придумана для передачи старославянского *ш'т'*: свѣща: *свѣш'т'а*, нощь: *нош'т'ь* и, возможно, является по происхождению лигатурой ш/т.

На древнерусской почве эта буква, во-первых, с самого начала у нас письменности на кирилловской основе получила значение *ш'ч'*, а во-вторых, хвостик у этой буквы постепенно переместился с середины на правую сторону ее основания, и, таким образом, окончательно порвалась связь этой буквы, сложной по своему происхождению, с сочетанием *ш'т'* в старославянском языке.

V. Наличие таких (греческих по происхождению) букв, как ѯ („кси") и ѱ („пси"). Обе эти буквы употреблялись в древности почти исключительно: с числовым значением 60 (кси) и 700 (пси) и очень редко (в словах греческого происхождения) со значением *кс*: алеѯандръ, ѯеръѯь, *пс*: ѱальмь, ѱати (= псати, из *пьсати, писати*). С неопределенным звуковым значением то *и*, то *у* употреблялась „ижица", она же „ук": ѵ (позже: v): „курилъ („Кирилл") читалось и „Кирил", и „Кюрил", и „Курил", „суръ" (Сирия) читалось и „Сирь", и „Сурь" и т. д. Эта буква входила в состав буквенного сочетания оѵ (для обозначения звука *у*). Отметим кстати, что правила об употреблении больших (заглавных) и строчных букв в древности не существовало.

VI. Кроме того, начертание некоторых букв (из тех, о которых не было упомянуто выше, в пп. I—V) отличалось в деталях от изображения соответствующих букв в современном русском языке: а (*а*) — с наклонной соединительной чертой (как в Остромировом евангелии), н (*и*) — с горизонтальной соединительной чертой, и (*н*) — с наклонной соединительной чертой, є (*е, э*) — с язычком в правую сторону, ч (*ч*) — в виде контура чаши.

Буквы э (*е* „оборотного") в ее современной функции в древней письменности не существовало. Этой буквы не было и в старопечатной азбуке, не имеется ее также в азбуке петровского времени. Но в рукописных книгах XIII—XV вв. это, может быть, г л а г о л и ч е с к о е э (⟨ э) все же изредка встречается, но только как заместитель є. В новом („гражданском") печатном шрифте она вошла в употребление примерно с тридцатых годов XVIII века.

Что касается остальных знаков кириллицы, то о них можно сказать, что они по своим очертаниям в общем не отличаются от наших п е ч а т н ы х з а г л а в н ы х букв.

Следует помнить, что буквы в старославянской письменности имели также числовое значение. В этом случае над буквой ставили титло: ~, —, ~, ⁘ и др.; а҃ (1), в҃ (2), г҃ (3) и т. д., а по бокам — точки. Со знаком ҂ (҂а и пр.) эти же буквы обозначали тысячи. Титла употреблялись также для сокращения слов: бг҃ъ (= бог), гл҃а (= глагола), ст҃ыи (= святой) и т. д., иногда с вынесением той или иной буквы над строкой.

Мягкость „исконно мягких" согласных, которая в старославянском языке иногда обозначалась не только посредством йотации буквы гласного, но также значком ⌒ (дужкой) над буквой мягкого согласного (*р, л, н* и некоторых других): конь и т. д. (Супрасльская рукопись), в древнерусских книгах вообще очень редко получала выражение и если получала, то иначе, чем в старославянском. Так, в Остромировом евангелии, в Изборнике Святослава 1073 г., в Архангельском евангелии и др. мягкие *л, н* встречаются с прибавлением в виде крючка, похожего на головку г, вверху, с правой стороны буквы.

Вообще надстрочных знаков в древней письменности было много („паерок" — в виде поднятой над буквой запятой на месте слабого *ъ* или *ь*, разного рода „придыхания" и др.), но пользовались ими для обозначения тех или иных оттенков произношения того или иного звука очень редко. Был, например, значок в виде дужки, называемый *камо́рой.* Обыкновенно он употреблялся без какого-либо фонетического значения. Но некоторые письменные памятники XVI в. (псковского письма) характеризуются (как это доказал Л. Л. Васильев) употреблением каморы над „исконным" (т. е. не из *ъ*) *о* под старым в о с х о д я щ и м ударением: *народ, волъ* и др., но годъ и пр.

Что касается знаков ударения ′ и ‵ (последний ставился только над конечным ударенным гласным звуком: рѫкѝ), то в древнейших наших рукописных книгах и грамотах их не употребляли. Они появились позже, примерно с XIV столетия. Первым, самым ранним письменным памятником с ударениями считается Чудовский Новый завет XIV в. (Исторический музей в Москве). Петр I ликвидировал ударение в печатном шрифте.

В древнерусскую эпоху, до XIV в., ударение, надо полагать, обозначалось иногда путем удвоения гласной буквы: великааиию, ктоо, крагоомь, оть ниихь и т. п. (так в „Словах" Григория Богослова XI в., в Луцком евангелии XIV в. и др.), но не всегда последовательно. В Изборнике 1073 г. и некоторых других памятниках гласные удваиваются и в безударном положении.

Следует, наконец, отметить, что письмо в древней Руси имело „сплошной" характер, т. е. слово от слова не отделялось, писали букву за буквой, слово за словом. Вот, например, как выглядят первые две строки нашей древнейшей грамоты (Мстислава Владимировича), написанной около 1130 г.

сеазъмьстиславъвolодимирьсн҃ъдьржароу

сьскоуѕсмлювьсвоюкнѧжениенокелѣлью [смь]

Наше современное письмо, современная русская азбука восходит в основном к кириллице, причем первоначальные кирилловские начертания букв лучше сохраняются, как уже было

отмечено выше, в качестве заглавных букв нашего печатного алфавита: А, Б, В, Г, Д, Е и т. д.

В развитии русского письма наиболее важными вехами следует считать: во-первых, возникновение книгопечатания в Москве в шестидесятых годах XVI в. и печатного церковнославянского шрифта и, во-вторых, особенно петровскую реформу азбуки, точнее — печатного шрифта, в начале XVIII в. (см. стр. 32, 34).

В результате петровской реформы в печатных книгах светского (т. е. нецерковного) содержания установилось употребление нового „гражданского“ алфавита и новой цыфири[1], обычно называемой „арабской“, хотя возникла она в Индии (арабы лишь занесли ее на Запад и способствовали распространению в Европе). По своим очертаниям печатные буквы стали походить на округлые буквы латинского алфавита. Были ликвидированы буквы: ѧ, щ, ѡ, ѵ, ѹ, ѯ ѱ; вместо оу стали употреблять *у*; были устранены йотированные буквы: ꙗ, ѥ, ѩ, надстрочные знаки, в том числе знаки ударения ʹ и ˋ. С другой стороны, появились новые буквы: *я* и *б* (вторая употреблялась одно время и как заглавная). Примерно с 1735 г., сначала в изданиях Академии наук, вошло в практику употребление букв *й, э, iô* в значении *ё*. Буква *ё* появилась несколько позже, ее придумал Н. М. Карамзин.

4. ОСОБЕННОСТИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА СРАВНИТЕЛЬНО С НАРОДНЫМ ДРЕВНЕРУССКИМ ЯЗЫКОМ В ФОНЕТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ В X—XI вв.

§ 42. 1. В древнеболгарском языке, а стало быть, и в старославянском в конце X и в начале XI в. гласные *ǫ*, *ę*, как полагают, еще не утратили своего „ринезма“, т. е. носового произношения, в таких словах, как: *зǫбъ, сǫдъ, рǫка, могǫ, пęть* и т. д. Вообще в болгарских говорах носовые гласные сохранялись дольше, чем, например, в языке восточных славян. Даже в некоторых современных болгарских говорах Македонии, например в говорах дер. Сухо и дер. Богданско, в окрестностях Солуня (Салоники), можно услышать слогообразующие ***н, м:*** *зм̥г* или сочетание ***ън (м)*** — *зъмп* и т. п. не в конце слова, в тех

[1] Впрочем, еще в XVIII в. от этого правила иногда отступали. Так, в 1754 г. церковным шрифтом (следовательно, с ударениями) была отпечатана такая сугубо гражданская книга, как „Межевая инструкция“.

словах, которые в старославянском языке, писались с юсом большим: ѕѫбъ, сѫдъ, рѫка и **ен** вместо ѧ: *пент'* (пѧть).

В языке восточных славян в эпоху крещения Руси дело обстояло иначе: носовых гласных уже не было. Отсюда (под влиянием живой речи) ошибки и путаница в употреблении букв ѫ и ѧ в наших древнейших рукописях (см. § 31).

2. В начале таких слов, как *осень, олень, озеро* и др. (см. § 32), с давнего времени в болгарском языке произносится ***е (=јэ)***: *есен, елен, езеро, един*. Поэтому и в старославянском языке, а стало быть, и в книжном языке древней Руси (хотя здесь уже не столь последовательно) находим ѥ: ѥсень, ѥзеро, ѥдинъ и пр.

В нашем литературном языке до сих пор употребляется ***е*** в словах *единство, единица, единый, единственный, объединять* и пр. У писателей XIX в. начальное ***е (=јэ)*** было возможно и в других словах этой группы. Например, у Пушкина в „Кавказском пленнике": „Уже приюта между скал | *Елень* испуганный искал", „*Елени* дремлют над водами". Такого же происхождения начальное *е* в фамилиях *Езерский* и, по-видимому, *Есенин*.

3. „Полногласие" вообще чуждо инославянским языкам.

В болгарском языке с доисторической эпохи в тех словах, которые по-русски звучат с полногласием, произносятся сочетания ***ра, ла, рѣ, лѣ*** (со звуком *ѣ* или его позднейшими заместителями). В старославянском языке: градъ, врана, гласъ, глава, брѣгъ, прѣдъ, млѣко, плѣнъ, шлѣмъ. В современном болгарском: *град, врана, глас, бряг, мляко*. Такие слова в русском литературном языке, как *град* (например, у Пушкина в „Медном всаднике": „Красуйся, *град* Петров"; ср. *Ленинград, Волгоград* и т. д.), *страна* (ср. *сторона*), *глас* (например, у Пушкина: „И бога *глас* ко мне воззвал"; ср. производные: *согласие, гласный* и пр.), *длань* (ср. в северорусских говорах *долонь*: „на одну *долонь* положу". Былины севера, т. II), *глава* (*глава* правительства, *глава* в книге), *брег* (например, у Пушкина: „На *брег* песчаный и пустой", ср. производные: *безбрежный* и др.), *среда* (ср. *середина*), *время* (старославянское врѣмѧ), *бремя* (но: *беремя* дров); приставка *пред-* (*предсказание* и пр.), *млеко* (в производных словах: *млекопитающие, Млечный путь*), *влеку* (но в говорах *волоку*), *плен, шлем* (но: *ошеломить*) и многие другие, следует рассматривать, конечно, как лексическое наследство (от древнерусской эпохи) старославянского происхождения (см. § 33).

4. Такие слова в современном литературном русском языке, как *раб, работа, равный* (с производными: *равенство* и др.), приставка *раз-* (*разум, разыгрывать* и пр.), наречие *разве* (ср. др.-русск. *розвѣ*, при старослав. развѣ, из общеслав. *orzvê), *ладья* (например, у Пушкина: „выносит мою *ладью* девятый вал"; ср. *ладья* в шахматной игре), *отрасль* (при *поросль, недоросль* и пр.) и т. п., с сочетаниями ***ра, ла,*** преимущественно в неударенном положении, являются старославянскими по происхождению. В болгарском языке они и теперь употребляются с сочетаниями ***ра, ла:*** *рáбота, равен* (ст.-сл. равьнъ), приставка *раз-*, *ладия* (ст.-сл. ладии), *лакът* (локоть), *раст* (рост) и т. д., но: *роб, робиня* (при ст.-сл.: рабъ, рабыни) (см. § 34).

5. Первоначальные сочетания ***tj, dj*** в болгарском языке изменились в ***шт*** (щ), ***жд*** — сначала, в эпоху Кирилла и Мефодия, только мягкие сочетания. Так, в старославянском: свѣшта: свѣща (= свѣш'т'а), хоштѫ, межда, сажда (сажа), виждѫ. В современном болгарском: *свещ* (произносится *свэшт*), *между, сажди* (мн. ч.), *виждам* (вижу) и т. д.

Тот же результат изменения, что и ***tj***, дало сочетание ***кт'*** ***(гт')***. Например, в старославянском: нощь, мощь, пешти, врѣщи; в современном болгарском: *нощ* (= ношт), *помощ* (= помошт).

На древнерусской почве, как уже было отмечено на странице 101, такое щ произносилось, как ***ш'ч'***, так же, как и щ в таких словах, как хощѫ (хочу). Следовательно, книжные люди древней Руси произносили свѣща как *св'ѣш'ч'а*, нощь как *нош'ч'ь*, пещи как *п'эш'ч'и* и т. д.

В современном русском литературном языке имеется немало слов с ***щ*** ***(ш'ч'***, в московском произношении ***ш'ш')***, вместо ожидаемого ***ч*** из ***tj*** или ***кт'*** и с ***жд,*** вместо ожидаемого ***ж*** из ***dj:*** *освещение* (корень *свѣт*; ср. *„морское свечение"*, *просвечивание*); *запрещать* (корень *прет-*; старослав. прѣт-; ср. *претить*); *сокращать* (корень *крат-*; ср. *укорачивать, короче*); *общество* (корень *обьт-*; ср. *оптом* из *обтом*); *хищный* (корень *хит-*; ср. *похитить*; в говорах: *зверь хичный*); *пещера* (ср. в „Повести временных лет"; „иде в гору и ископа *печеру*"; ср название монастыря „Киево-*Печерский*"); в литературном: *между* (ср. *меж*, *промеж*, например, у Пушкина: „и *промеж* высоких гор"); *осаждать* (ср. *осаживать*); *вождь* (ср. *вожак, вожатый*; ср. в некоторых сибирских говорах *вож* — лоцман на речном пароходе); *рождать* (ср. *рожать, рожéница*) и т. д. (см. § 35).

6. Как особенность древнеболгарского произношения, получившую отражение в старославянской письменности, следует также отметить развитие слогообразующих плавных ***р, л*** с неслоговыми глухими ***ъ, ь*** за ними из первоначальных сочетаний ***ър, ьр, ъл, ьл*** в положении между согласными. В древнерусском языке эти сочетания употреблялись со слоговыми ***ъ, ь*** перед плавными. В старославянском: гръло (=*гр̥ъло*), грьдъ, тръговати, мрьтвыи, врьхъ, млънии, влъна, одлъжити и т. д. В языке восточных славян: *гърло, гърдый, търговати, мьртвый, вьрхъ, мълнии, вълна, одължити* и пр. (см. § 48).

7. В старославянском языке имело место изменение глухого гласного ***ь*** в ***и*** в положении перед *j* или ***и̯*** (неслоговым) и далее следующим гласным в таких словах, как: сѫдии, здравие, житие, бытие, съпасение, братиꙗ, людие, костиѭ, пиѭ, биеши и тому подобных, которые в народном древнерусском языке звучали с ***ь***, впоследствии здесь исчезнувшим: *судья* (но: „высший *судия*"), *здоровье* (но: „во *здравие*"), *житье* (>*житьё* в современном русском литературном; в фонетической транскрипции: *жыт'jó*), *бытье, братья, людье, костью, пью, бьёшь*, также: *платье, Поволжье* и т. д.

Следовательно, если мы теперь произносим: *мгновение, спасение, бытие́, сознание* и пр., говорим: *житие* (=*жыт'иjə*), вся их *братия* (иронически) и т. д., то мы произносим эти слова по-старославянски, хотя многие говорящие на русском и не знают об этом, потому что такие слова, как *мгновение* и пр., уже давно „обрусели", стали привычными русскими словами.

5. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ БОЛЕЕ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ

Многие фонетические изменения относятся ко времени после появления кирилловской письменности в древней Руси. В письменных памятниках они отражаются то с XII, то с XIV в. и т. д., не с самого начала письменности, а позже, постепенно, по мере их развития. По своему распространению некоторые (более ранние из этих изменений) являются общевосточнославянскими, например „падение глухих". Но в большинстве случаев их распространение оказывается ограниченным: оно не выходит за пределы то юго-западной, то западной Руси, то лишь северо-восточной, позже Московской Руси, или даже лишь той или иной ее части, того или иного участка русской (великорусской) языковой территории.

§ 43. **«Падение» глухих гласных *ъ, ь*.** Во всех славянских языках в древнее время, кроме нормальных, чистых гласных полного образования, употреблялись особого рода очень краткие, короче нормальных кратких *о* и *е*, с нечеткой артикуляцией, „глухие“ гласные *ъ* и *ь*. В научной лингвистической литературе их также называют „редуцированными“ (от латинского слова reductio — „отведение (назад)“, переносно: „ослабление“), иногда — „иррациональными“ и пр. Неполнота и нечеткость их образования зависела от их особенной краткости.

Следует, однако, сразу учесть одно важное обстоятельство. В более позднее время, незадолго до своего исчезновения, глухие (*ъ*, с одной стороны, и *ь*, с другой) не произносились совершенно одинаково в отношении количества (продолжительности) во всяком положении в слове. При одних условиях глухие гласные со временем стали произноситься настолько кратко, что утратили основное свойство гласных — способность быть слогообразующими звуками, стали неслоговыми. Такое фонетическое положение *ъ, ь* принято называть „слабым“ положением. В других случаях *ъ, ь* стали в количественном отношении приближаться к нормальным гласным, а потом совпали с ними, причем получили различное звучание в разных славянских языках. Такое фонетическое положение *ъ, ь* называют „сильным“ положением. Так, глухие *ъ, ь* были в *сильном* положении, если они находились под ударением. Например (в древнерусском языке XI столетия): *тъ́* (тот), *дъ́ску* (вин. ед.), *сть́кла* (им. мн.), *дъ́чи* (дочь), *съ́нъ* (сон), *дь́нь* (день). Безударные *ъ, ь* в одних случаях были в *слабом* положении, а именно: 1) в конце слова: *столъ, домъ, конь, кость* и пр., 2) если в следующем слоге находился гласный полного образования: *кътó, чьтó, мънѣ, съпáти, пътúца, ýтъка, хóлодьно*. В других случаях — в *сильном* положении, а именно: если в следующем слоге находился слабый *ъ* или *ь*: *лóкъть, ýзъкъ, тьмьнó, къ мънѣ́, въшьлú*.

С другой стороны, безударные глухие *ъ, ь* были в *слабом* положении, если в следующем слоге находился *ъ* или *ь* сильный: *жьньць* (в слоге *жь*).

В сильном положении глухие *ъ, ь* во всех славянских языках с течением времени совпали с гласными полного образования различного качества в разных славянских языках, а в сла-

бом положении стали неслоговыми, перестали звучать, исчезли. Любопытно, что в большинстве зарубежных славянских языков глухие **ъ, ь** совпали в одном звуке. Так, в сербском языке имеем ***а:*** *сан, дан,* в чешском — ***е:*** *sen, den* (= *дэн*), в польском — также ***е,*** но перед ***е*** из ***ь*** согласные произносятся мягко: *sen, dzień.*

В народном древнерусском произношении сильные глухие **ъ, ь** совпали с ***о, е,*** а именно: **ъ** — с ***о:*** *сон, до́ч'и* > *до́ч', до́ску, ло́кот', ко мн'ѣ́, у́зок, вошл'и́;* **ь** — с ***е*** (= *'э*): *д'эн', т'эмно́, ст'э́кла* (*ст'о́кла*), *ж'н'эц'* (примеры даются в фонетической транскрипции).

Это изменение было осуществлено в восточнославянской речи весьма последовательно. О т к л о н е н и й, нарушающих эту закономерность, почти н е наблюдается. Правда, во многих словах мы не обнаруживаем гласных ***о, е*** на месте *сильных* **ъ, ь,** и, наоборот, они оказываются там, где мы совсем их не ожидали бы (на месте **ъ, ь** в *с л а б о м* положении). Но по большей части такие случаи относятся к области грамматической ассимиляции. Так, слово *дъска́* должно было бы дойти до нас в форме *дска* или *цка,* (*дъска* > *дска* > *цка*), и, действительно, такая форма встречается и в памятниках письменности, и в современных русских говорах [иногда со специальным значением, например „пластинка“, „бляха“ (ср. в грамоте 1521 г.: ожерелье на *цках* на золотых) или, в старых записях, — деревянная основа иконы]. Ср. *чан* из *дъщанъ* (с корнем *дъск-*). Форма *доска* возникла под влиянием *дъ́ску* (вин. ед.), *дъ́скы* (им.-вин. мн.)... От глагола *въит'и́* (примеры даются в фонетической транскрипции) форма на ***лъ*** в мужском роде должна была звучать (после падения глухих): *вш'эл* (из *въ́ш'ьлъ*), но под влиянием форм *вош'ла* (из *въш'ьла́*), *вош'ли* (из *въш'ьл'и́*) и т. п. установилось произношение *вош'эл* > *вош'ол,* с приставкой *вс-*... От слова *ж'н'эц* (из *ж'ьн'ьц'ь*) родительный падеж в древнерусском языке должен был бы иметь форму *ж'эн'ц'а́* и т. д., но под влиянием формы именительного падежа получилось *ж'н'эц'а* > *жн'эц'а́*... Название города *Курск* должно было бы звучать *Ку́р'эск* (из *Ку́р'ьскъ*), но под влиянием косвенных падежей (*Ку́р'ьска, Ку́р'ьску* и пр.), со слабым ***ь,*** получилось *Курск.* Ср.: *Смол'э́нск,* из *Смол'ьн'ьскъ* от *смольный* (нужно было бы ожидать *Смол'э́н'эск*). Надо полагать также, что произношение *ст'экло́* (из *ст'ькло́*) установилось под воздей-

ствием таких форм, как *ст'экла* (из *ст'ькла*), откуда потом *ст'óкла* и пр. Ср., впрочем: *стко, скло* в старом литературном русском языке, например у Пушкина: „Как *стко* булат его блестит". Ср. также *склянка* (<*стклянка*).

Еще один пример, несколько более сложный, чем другие. В старину, до падения глухих, слово *грек* произносилось с *ь* после *р*: *гръкъ*, прилагательное *грь̇ч'ьский* (например, народ). Это прилагательное должно было бы звучать в литературной речи *гр'эцк'ий* (из *гр'эч'ск'ий*), и, действительно, мы говорим: *грецкие орехи* и т. п. Под влиянием, однако, краткой формы этого прилагательного *гр'эч'эск* (из *грь̇чьскъ*) в эпоху падения глухих появилось *'э* в суффиксе *-ск* и в слове *гр'эч'эск'ий*, причем такое произношение этого слова (с суффиксом *'-эск-*) стало нормальным в литературном русском языке.

В некоторых словах (главным образом в заимствованных) в древнерусских (и в старославянских) рукописях вообще наблюдается колебание в употреблении редуцированных. Например, в слове *мечь* (заимствованном, как и готское mēki, из какого-то иноязычного источника) в древнерусских рукописях, сохраняющих *ъ*, *ь*, употребляется то *е*, то *ь*. Украинское *мiч* восходит к форме с *е* (иначе в украинском не могло бы получиться *i*), а сербское *ма̏ч* — к форме с *ь* (иначе мы ожидали бы здесь *меч*). Наше *меч* также восходит к форме с *е*, но в памятниках оно встречается и в форме *мьчь*.

Наконец, еще одно замечание.

В словах: *собор* (из *съборъ*, ср. в современном русском: *сбор, сбóрник*), *восток* (из *възтокъ*, ср. *сток* в говорах; *всточень* — название восточного ветра на о. Ильмень), *восход* (из *въсходъ*, ср. *всходы*), *воскресение* (с той же приставкой *въз-*) и других подобных гласный *о* на месте слабого *ъ* появился в древнерусском языке возможно еще задолго до начала падения глухих, в произношении наших первых книжников, в книгах, написанных ими в конце X и XI столетий, вследствие подражания книжникам из Болгарии и Сербии, писавшим на старославянском языке. Дело в том, что в некоторых болгарских говорах X—XI столетий, раньше, чем в языке древнерусском, глухие *ъ, ь* в сильном положении стали заменяться гласными *о, е* (или только глухой *ь* — гласным *е*). Древнерусские книжники, которые в это время еще произносили *ъ, ь* и в сильном, и в слабом положении, механи-

чески усваивали из старославянского языка некоторые церковные слова и вообще слова с отвлеченным значением, вроде приведенных выше, с гласными ***о, е*** вместо ***ъ, ь***, не считаясь с тем, что в их собственном (восточнославянском) произношении в одних словах эти звуки были в сильном положении, а в других — в слабом.

Надо сказать, что и в некоторых современных болгарских говорах Македонии, например в упомянутом выше говоре дер. Сухо, вместо ***ъ, ь*** сильных употребляются ***о, е:*** *сон, ден*, тогда как в литературном болгарском языке (при наличии ***е*** из ***ь***) ***ъ*** сохраняется: *ден*, но *сън*.

Когда же и в какой последовательности в древнерусском языке произошло изменение сильных глухих ***ъ, ь*** в ***о, е***, а слабые перестали произноситься?

Полагают, что этот процесс начался (однако не сразу во всех говорах) не ранее XII столетия. Бесспорные примеры употребления ***о, е*** вместо сильных ***ъ, ь*** в древнерусских памятниках письменности, в частности в грамотах, — конечно, в отдельных случаях, на фоне в общем правильного употребления этих букв — относятся ко второй половине XII и к XIII вв. Так, во второй из наших древнейших пергаментных грамот, во „Вкладной" Варлаама Хутынского, конца XII или самого начала XIII в., имеем: „а буди ему *противень*" (из *противьнь*; значение здесь „противник"); далее: в новгородских берестяных грамотах половины XIII в.: *доскы* (№ 82), *возми* (№ 55), там же: *ко мне* и др.; в „Духовной" новгородца Климента XIII в.: *гривенъ, жеребечь* (из *жеребьць*), *со мною* (из: *съ мъною*), у *Козельца* (от *Козьльць* — прозвище). Также в ростовском „Житии Нифонта", 1219 г.: *въплощениемь* (303; корень *плът-*), *страшенъ* (336). И др.

Что касается исчезновения слабых глухих ***ъ, ь***, то оно началось несколько раньше, в XI столетии, если не в X. Многие считают, что в первую очередь исчезли слабые ***ъ, ь*** в начальном предударном слоге, особенно если это был начальный слог корня (например, в *кънѧзь, къто*) и если такие ***ъ, ь*** не были защищены аналогией с другими формами, где в том же корне ***ъ, ь*** были в сильном положении (как, например, в *съна*, род. пад. ед. ч., при *сънъ*). Так, в слове *князь* ***ъ*** отсутствует уже в надписи на Тмутороканском камне 1068 г.: „Глѣбъ *кнѧзь*..." Тем более в грамотах XII в., например в Мстиславовой грамоте около 1130 г.: *кнѧзь, кнѧжению*. Там и другие примеры: *Все-*

володъ (в первой части этого слова должно быть: *Вьсе-*; ср. *вьсь*) *кто.* Также (в других рукописях) в словах: *кто, что, злый* (из *зълый*), *сбирати* (< *събирати*) и т. д.

Потом слабые глухие, как полагают, исчезли не в начальном слоге. Например, в упомянутой выше грамоте Варлаама Хутынского не только *кто, злыми*, но и *пожни* (из *пожьни*), *божница* (из *божьница*).

(Однако *горушна* (гороушна) с пропуском **ь** после **ш** мы имеем уже в Гнездовской надписи первой четверти X в.).

Позже всего, согласно этому мнению, глухие гласные исчезли в открытом конечном слоге.

На самом же деле последовательность и в самом ослаблении **ъ, ь**, а потом и в исчезновении слабых **ъ, ь** могла быть совсем другой. Ослабление могло начаться с конечного слога. Оно могло начаться еще в общеславянском языке и было связано с некоторыми другими фонетическими изменениями, касающимися конца слова.

Именно поэтому глухие гласные в слове располагаются по „силе" и „слабости" в направлении от конечного слога к начальному, а не наоборот: *узъкъ* (а не *узъкъ*), *тьмьно* (а не *тьмъно*), *съзьдати* (а не *създати*) и т. д. Можно полагать, что конечных глухих в древнерусском произношении не существовало уже в X в. Константин Порфирородный не слышал их, когда записывал слова Νεασητ (*неясыть*), πραχ (*прагъ* — порог) (см. § 11, 31). В некоторых памятниках, например в Минее 1096 г., случаев пропуска **ъ, ь** в конце слова больше, чем в начальном слоге; наблюдается здесь и путаница в употреблении **ъ** и **ь**. Много случаев опущения конечных **ъ** и **ь** отмечено С. П. Обнорским в Минее 1097 г. Имеются они и в некоторых других древнейших рукописях, хотя, разумеется, это явление никакого правила не составляет.

Вообще говоря, отсутствие или немногочисленность примеров исчезновения слабых **ъ, ь** в конце слова во многих наших древнейших рукописях не могут свидетельствовать о том, что в этом положении глухие сохранялись дольше, чем в других положениях, и объясняются тем, что при сплошном письме, когда за одним словом сразу пишется другое, без отделения от него, употребление **ъ, ь** было необходимо для обозначения конца слова, если слово оканчивалось на согласный[1].

---

[1] Буквы **ъ, ь** долго (до конца XVII в.) употреблялись также для обозначения конца строки после согласных.

Как известно, эта манера обозначать границу слова, оканчивающегося на согласный, путем присоединения к нему букв **ъ, ь** (последний, конечно, и со значением мягкости, хотя ср. *несёшь, рожь, мышь, наотмашь* и пр. с **ь** после отвердевших шипящих) сохранялась спустя долгое время после того, как слова стали отделяться одно от другого в письменной речи.

Изменение сильных **ъ, ь** в **о, е** и исчезновение слабых привело к появлению в некоторых корнях и в некоторых предлогах-приставках так называемых „беглых" **о, е:** *сон — сна, день — дня, орёл* (из *орьлъ*) — *орла, темно — тьма, мох* (из *мъхъ*) — *мшистый, собрать — сбирать* (приставка **съ**), *дочь* (из *дъчи*) — *падчерица, ко мне — к нему* (предлог **къ**) и т. д.

С течением времени это чередование „гласные **о, е:** ноль звука" получило в известных случаях грамматическое значение. Этим чередованием стали пользоваться как одним из дополнительных грамматических средств для выражения, например, падежных значений: *сон* (именительный падеж), но *сна, сну* и пр. (косвенные). В связи с этим обстоятельством под влиянием чередований типа *сон: сна, сну* и пр. возникли такие случаи чередования, как *ров: рва, рву* и пр., где **о** было исконным, т. е. не из сильного **ъ,** как и в слове *сор: сора, сору* и т. д.; под влиянием *день: дня, дню* и пр. — *лёд: льда, льду* и пр., хотя и в этом слове **е (ё)** является старым **е** (не из **ь** в сильном положении), и поэтому оно должно быть постоянным (ср. в надписи на Тмутороканском камне 1068 г.: „мѣрил море по *леду*"); под влиянием чередования (в старом языке) *честь* (с **е** из **ь**): *чти* (из *чьсти*; ср. в „Слове о полку Игореве": „ищучи себе *чти*") получилось чередование *шесть* (с исконным *е*): *шти* (например, в Уложении 1649 г.: „по *шти* рублёв", „по *штидесят* четвертей" и пр.). В говорах: *урки́* (уроки; корень *рок-*), *ольня́* (оленя) и др. Наоборот: *потоло́ки* (из *потълъки*; корень *тъл-*, ср. *дотла*, ср. также *тло* — „дно улья"). Говорят: *руки в боки, глаза в потоло́ки.*

„Падение глухих" повлекло за собой [кроме чисто орфографического явления — неправильного употребления букв ъ и *ь*, ъ и *о*, *ь* и *е*, *ь* и *ѣ* и т. п., как например, в Смоленской грамоте 1229 г.: „что ся дѣетѣ по вѣремьнемь, то отидето ..." или в новгородских берестяных грамотах XIII в.: поклоно, ко Ѳомь (к Фоме), въземи, брать (брате — звательная форма) и т. д.] целый ряд новых изменений, заметно отразившихся на фонетической

системе древнерусского языка, преобразивших эту фонетическую систему.

§ 44. **О новом *ѣ*.** В письменных памятниках главным образом южного происхождения, особенно галицко-волынских, со второй половины XII столетия (в частности, в Добриловом евангелии 1164 г.) наблюдается весьма любопытное явление, впервые описанное А. И. Соболевским в его „Очерках из истории русского языка“ (1884): в положении перед слогом, заключающим слабый *ь* или *и*, подлежавший выпадению, следовательно, перед согласным нетвердым, а также перед *й* из *и*, вместо *е* начинают писать *ѣ*: *зѣлье, камѣнь, пѣщь, шѣсть, учѣнье, весѣлье, въ нѣмь, въ твоѣи* и др. В других положениях (например, *зеленыи, пещи* и т. п.) такой замены *е* > *ѣ* не наблюдается. Почти не наблюдается этого явления также в положении перед слогом со слабым *ъ*, т. е. перед твердыми согласными. Таким образом, в памятниках этой группы имеет место отражение определенной фонетической тенденции, и нетрудно догадаться, какой. В украинском литературном языке эти и подобные слова теперь произносятся с *і* (*и* с мягкостью предшествующего согласного) вместо *е*: *піч, шість, зілля* и т. д. А это *і*, несомненно, восходит к *е* долгому (*ē*). Долгое *е* (*э*) изменилось в дифтонг *и͡е* (*и͡э*) (такое произношение сохранилось во многих северноукраинских говорах, но только под ударением), а дифтонг *и͡е* изменился в *і*, в частности в говорах Киевщины и Полтавщины, на основе которых сложился литературный украинский язык: *пēчь* > *пиечь* > *піч*.

Но откуда же взялось долгое *е* в этих и подобных словах? Ведь гласные *о, е* в славянских языках были краткими гласными (см. § 30). Полагают, что исчезновение *ъ, ь* в слабом положении отразилось на произношении предшествующего слога, точнее — слогового (гласного) звука, который получал удлинение, если это был краткий гласный. Таким образом, *о, е* изменились в *ō, ē*.

В распоряжении древнерусских книжников не оказалось средств для обозначения долгого гласного *о*, тогда как для обозначения долгого *е* можно было воспользоваться буквой *ѣ*, звуковое значение которой было близко и к *ē* и к *и͡е* (см. § 52).

Но, разумеется, долгое *о* от этого не потеряло своей долготы, оно продолжало употребляться, потом изменилось в дифтонг *у͡о* и через стадию *ю͡о* в конце концов также превратилось

в *i*. В украинском литературном языке слово *стол* произносится *стіл*, слово *конь — кінь*, слово *соль — сіль* и т. д.

§ 45. Изменение *и* в *ы*. Начальный гласный *и*, оказавшись после выпадения *ъ* в непосредственном соседстве с предшествующим твердым согласным, с XIII—XIV вв. стал вытесняться гласным *ы*. В современном русском литературном произношении сюда относятся такие случаи, как: *с ыгóлкъй, в ы́збу, от ы́м'ьн'и*; также *рóзыгрыш, атыскáт'* и пр. По правилам нашей орфографии такое *ы* в письменном языке допускается только внутри слова, в словах с приставками: *розыгрыш, сыграть, отыскать, безыдейный* и т. п. В старой письменности этого правила еще не существовало, и написание *ы* вместо *и* там встречается не только после приставок, но и после предлогов (см., например, во второй Духовной грамоте Дмитрия Донского: с *ывановым* селом и т. д.). Условия этого изменения пока еще не выяснены. В Уложении 1649 г. *ы* вместо *и* употребляется только после определенных предлогов, главным образом *в* и *с*: *в ыное* государство, *с ыноземцы* и т. д.; его никогда не наблюдается в местоимении *ихъ, имъ* и пр.: *въ ихъ* животах; не наблюдается этого *ы* также после *г, к, х*: *к иному* и т. д.

§ 46. Ассимилятивные и прочие изменения в пределах рядом стоящих согласных. Падение глухих весьма серьезно отразилось на консонантизме, на системе согласных звуков древнерусского языка. Рассмотрим наиболее важные из этих изменений (причем, как и в других случаях, с ориентацией главным образом на современный русский литературный язык).

1) Вследствие исчезновения слабых *ъ, ь* во многих словах оказались в соседстве согласные, до этого момента разделенные глухим гласным. Оказавшись рядом, они стали воздействовать друг на друга, ассимилироваться друг с другом:

а) или по работе гортани (озвончаться или оглушаться): *съборъ > сбор > збор*; *съдѣлати > сдѣлати > зделать*; *отъдалъ > отдал > оддал*; *къдѣ > где > где*; *сьдѣ(сь) > сдѣ(сь) > здесь*; *съдоровъ > сдоров > здоров*[1]; *подъкопъ > подкоп > поткоп*; *лодъка > лодка > лотка*; *узъко > узко > уско*; *ножька > нож-*

[1] Как особенность древненовгородского диалекта следует, однако, отметить произношение *сторов* (из *съдоровъ > сдоров*, как следствие прогрессивной ассимиляции *сд*): „прйдоша *сторови*“ в I Новг. л. 36б., 38б, 46б, 50 и т. п. Ср. то же явление из современных славянских языков в языке лужичан: *strovy*.

ка>*ношка*; *дѣвъка*>*девка*>*деф̆ка* [явления этого рода получили раннее отражение в памятниках письменности; например, в новгородских берестяных грамотах: (XIII в.) *здоровъ* (№ 69), *з гостомо* (— „с гостем"; № 61), XIV в.: *во потклѣтѣ* (№ 40): *на жерепцѣ* (№ 43)];

б) или по месту и способу образования: ***съ*** *шумомъ*>***с*** *шумом*>***ш*** *шумом*; ***съ*** *женою*>***с*** *женою*>***ж*** *женой*; в говорах: *омман* [*из* ***объ****манъ*; но формы с одним ***м*** в Домострое (*оманъ, оманьщикъ*), в Книге о ратном строе 1647 г. (*не оманулъ, оманчиво*) имеют приставки не ***об,*** а ***о***], *овварить* (из ***объ****варити*), *менный* (из *мѣдьный*) и т. д.;

в) или по мягкости и твердости; с одной стороны *сънимати*> *снимать*>*с'н'имат'* (в фонетической транскрипции); *дъвѣ*> *двѣ*>*д'в'э̂, дѣвъкы*>*дѣвки*>*д'э̂ф̆'к'и*. В памятниках письменности обозначение такой мягкости встречается уже со второй половины XII в. С другой стороны (в фонетической транскрипции): *хóлод'ьно*>*хóлод'но*>*хóлъднъ* (ср., например, в Житии Нифонта 1219 г.: *срамъна*, 343); *рýсьскый*>*рýс'ской*> *рýсскъй*; *ц'ар'ьство*>*ц'ар'ство*>*ц'áрствъ*. Впрочем, в некоторых севернорусских говорах до сих пор наблюдается пережиточная мягкость согласных, например в словах: *рус'кой, деревен'с'кой, ц'ар'с'во*.

2) Диссимилятивные изменения: *льгъко*>*ле****г****ко*>*ле****х****ко*; *мя****къ****ко*>*мя****к****ко*>*мя****х****ко*; ***къ****то*>***к****то*>***х****то*; в говорах: ***х*** *кому* (из ***къ*** *кому*), ***х*** *тому* (из ***къ*** *тому*); ***он****дал* (*из оддал*<***отъ****далъ*); ***в****ного* (из *м́ного*<***мъ****ного*).

3) Разные виды упрощения в области рядом стоящих согласных: *чь****стьн****ый*>*че****стн****ый*>*чесный*; *по****здьн****о*>*по****здн****о*> *позно*; *жь****стъ****ко*>*же****ст****ко*>*жёско*; *с****ьрдь****це*>*се****рд****це*>*се****р****це*; *с****ълнь****це*>*со****лн****це*>*сонце*; кроме того: *нѣмь****чьск****ый*>*нѣме****ч****ский*>*неме****ц****кий*; *каза****чьск****ый*>*каза****чск****ий*>*каза****цк****ий*; также: *чьто*>*что*>*што* [сначала с мягким *ш*; на юге — со второй половины XII в. (Добрилово евангелие, 1164 г.); на севере и в Москве — на столетие позже]; *коньчьно*>*конечно*>*конешно* [также: *скушно, нарошно, горчишник, перешница* и другие с ***шн*** вместо ***чн***, но в литературном языке таких слов немного; в прошлом, в XVIII, в начале XIX в. в литературном языке таких слов было больше, и их даже писали с *шн*; например, в комедиях и „притчах" (баснях) А. П. Сумарокова: *скушно, молошной* кисель, из *брусмишной* пастилы, *грешневики, пятикопеешный*

и т. п.; до сих пор мы пишем *шн* вместо *чн* в слове *раешный* (от *раёк*)] и некоторые другие.

В результате этих изменений многие слова оторвались от слов, родственных по корню, и потеряли свою „внутреннюю форму“: *обод* (из *объводъ*), *чан* (из *дъщан*, от *дъска*; ср. в Домострое: во *тчанехъ*), *ни зги* (от др. русск. *стьга, стьзя* — „путь“, „дорога“, ср. наше *стёжка*), *полтора* (из *полъвътора*), *гончар* (из *горньчар*, от *горньць* — „горшок“; ср. в ростовском „Житии Нифонта“ 1219 г.: *сосуды гърньчарѧ*, 349), *нишкни* (из *ни чьхни*; ср. *чох*), *точка* (из *тъчька*, с корнем *тък-*; ср. *ткнуть*), *изба* (из *истъба*, ср. др. русск. *истобка* (<др. верх. немецк. stuba — «баня»; ср. немецкое *Stube* — комната), *пчела* (из *бъчела*; ср. латинское: fūcus; ср. в говорах: *бучень* — „*шмель*“, от *бучать* — издавать глухой шум); *везде* (из *вьсьдѣ*; ср. *всегда*) и т. д., а также некоторые названия городов: *Брянск* (из *Дьбряньскъ*; ср. *дебрь*, из *дьбрь*), старое название г. Калинина — *Тверь* (из *Тьхвѣрь*; ср. *Тихвин*).

4) Звонкие шумные согласные, оказавшиеся в конце слова после отпадения глухих, в Москве и почти повсеместно утратили свою звонкость и были заменены соответствующими глухими согласными: *садъ* > *сад* > ***сат***; *зубъ* > *зуб* > ***зуп***; *лугъ* > *луг* > ***лук***; *ножь* > *нож* > ***нош***; *кръвь* > *кровь* > ***крофʼ***; ср. *буть* (<*будь*) в новгородской берестяной грамоте № 68 (XIII в.).

Эти изменения, как правило, не имеют отражения в современном письме, в нашей орфографии. Мы пишем эти слова так, как они произносились до оглушения или озвончения согласных, до диссимиляции, до упрощения групп согласных и т. д. Например, *сбор, отдал, ножка, легко, честный, солнце, зуб* и т. д. Исключения редки: *где, здесь, везде* (из *вьсьдѣ*), *здоров* (из *съдоровъ*)[1], *свадьба* (корень *сват-*). Сюда относятся также написания типа *распутье, исход* и т. п.

Иначе обстояло дело, как отчасти мы видели только что, в письменности XIII—XIV веков. Ассимилятивные и другие изменения в области согласных отражаются уже в рукописях начала XIII столетия, не говоря уже о более поздних. В ростовском „Житии Нифонта“ 1219 г. находим: *гдѣ* (неоднократно) при *кде*, 353; кроме того: *худошь| ствъмь* (329, I), *многачьды* (262, 19), при *многашьды*; в Смоленской грамоте 1229 г.: владыка *ризкий* (из *рижьский*). Но в общем таких написаний в ранних памятни-

---

[1] Сюда не относится *здание* (где корень *зьд*; ср.: *созидать* и пр.).

ках еще немного. Их больше, например, в духовных грамотах московских князей XIV столетия: *з бортью, коропка, сопча* (из *съобча*), *жерепцевъ, хто* (начиная с духовной Симеона Гордого 1353 г., тогда как *што* встречается впервые лишь в духовной Василия Дмитриевича 1407 г.) и др., а особенно в актовом языке XV—XVII столетий и даже в книгах старой печати, изданных в Москве в XVII столетии, например в Уложении 1649 г.: *з голоду, здѣлаетъ, збѣжитъ, ис помѣстий,* хоромы *ниские,* измажетъ *дехтемъ,* во *встрѣшномъ* иску и др.

В развитии нашей орфографии с течением времени наблюдается усиление принципа исторических и морфологических написаний.

§ 47. Новые сочетания звуков. В результате падения глухих в некоторых случаях оказались снова возможными такие сочетания звуков, которые на предыдущих этапах развития славянских языков подверглись разнообразным изменениям (о чем см. § 31—39).

а) Снова возникли закрытые слоги, в частности сочетания ***ор, ол, ер, ел*** между согласными со старыми „исконными“ ***о, е***: *горка* (из *горъка*), *сорный* (из *сорьный*), *семёрка* (из *семеръка*) и т. д., а также начальные сочетания ***ор, ол*** перед согласными: *орла* (из *орьла*).

б) Стали опять возможны сочетания согласных (кроме ***к, г, х***) с *j* перед гласными: *перья* (= *п'эр'ja*), *воронье* (= *въран'jó*), *друзья* (= *друз'ja*), *зубья* (= *зу́б'ja*), *выпью* (= *вы́п'jу*), *судья* (= *суд'já*), *сватья* (= *сва́т'ja*), *сетью* (= *с'эт'jу*) и т. д. Впрочем, в говорах, не только украинских и белорусских, но и русских (особенно сибирско-русских), эти сочетания все же не удержались, и было пережито удлинение согласных. Например, в Сибири: *сваття* (т. е. *сва́т'т'а*), *сеттю, крылля, свинння* и пр. Очень возможно, что такие написания в памятниках деловой письменности XVII в., например, нижегородского и арзамасского происхождения, как: *пите, челобите,* по *челобитю, целоване, Василя* (рядом с *Василей*), *Юря* (= *Юрья*) и т. п. представляют собой отражение длительного произношения мягких согласных в сочетаниях типа $t + j + v$[1];

в) Вновь стали возможны сочетания ***тл, дл:*** *тлеть* (из *тьлѣти*), *дотла* (от *тло* < *тьло*), *седло* (из *седьло*); а также

[1] Примеры из книги М. И. Смирнова „Нижегородские казенные кабаки и кружечные дворы XVII в.“, Н.-Новгород, 1914.

сочетания ***кт' (гт')***: *локти* (из *локъти*), *нокти* (из *ногъти*), *когти* > *кохти* (из *когъти*) (см. § 35) и др.[1].

Необходимо, наконец, отметить, что одним из важнейших следствий падения глухих является то, что „неисконно мягкие" согласные звуки ***(в, п, б, т, д, з, с)***, имевшие твердую пару, получили значение словоразличительных звуков речи, потому что прекратилась зависимость твердых и мягких вариантов этих звуков речи от качества (от „твердости" или „мягкости") следующего гласного: они стали возможны и без сопровождения гласного, например, в абсолютном конце слова: *стол — столь, был — быль, кон — конь, шест — шесть, пут* (род. мн.) — *путь, рат* (из *радъ*) — *рать* и т. д. Ср. также: *тьма, возьму* и пр.

§ 48. Глухие *ъ, ь* в сочетании с плавными. Особую судьбу глухие гласные имели в сочетании с плавными ***р, л***. При этом следует различать несколько фонетических положений и прежде всего два: 1) ***ъ, ь*** находились после плавных ***р, л*** внутри слова между согласными; 2) ***ъ, ь*** находились перед ***р, л*** внутри слова между согласными. Рассмотрим судьбу глухих гласных в этих положениях.

1) Когда ***ъ, ь*** находились после плавных в таких словах, как: *бръвь, кръвь, дръвъ, глътъка, крьстъ, сльзъ* и т. п., т. е. под ударением и тем более в слоге, предшествующем слогу со слабым глухим, то в их судьбе не заключалось ничего особенного: будучи сильными глухими, они изменились здесь в ***о, е***: *бровь, кровь, дров, глотка, крест, слез* > *слёз* и пр. Другое дело, если в следующем слоге находился какой-нибудь гласный полного образования, а ударение находилось не на ***ъ, ь*** после плавных: *кръва́вый, дръва́, глъта́ти, трьво́га, крьсти́ти, сльза́*. Мы ожидали бы здесь выпадений ***ъ, ь***: *крвавый, крстити* и пр. И действительно, в старых памятниках письменности XIV и следующих столетий такие формы встречаются: *крстити* в Лаврентьевском списке летописи 1377 г. и пр. Отсюда и в современных русских говорах: *кстить, кстины* (даже *стины*, например, в Сибири), фамилия *Новокщенов* (от *новокрьщенъ*). Ср. *Ксты* — название деревни. К этой же группе относится и слово *Псков* из *Пльсковъ* (так еще в I Новгородской летописи по Синод. списку: *идоша на Пльсковъ, 19, доидъ Пльскова,* 39

---

[1] Речь идет о русских словах. Не следует забывать, что заимствованные слова, в свою очередь, иногда нарушают установившиеся или устанавливающиеся фонетические закономерности.

и т. д.; ср.: *бишася пльсковици съ Литвою,* 45 об.; ср. также немецкое название Пскова: *Pleskau*, восходящее к др.-рус. *Пльсковъ*). Но исчезновение ***р, л*** (из ***рь, ль***) в подобного рода звукосочетаниях представляет собой исключение из правила. Обычно в этих и подобных словах произносят ***ро, ло, ре, ле*** (с позднейшими заменами ***о, е,*** например, на почве аканья): ***кровавый, дрова, креститься, тревога, глотать, слеза.***

Полагают, что сначала в этих и подобных словах на месте ***ръ, лъ, рь, ль,*** со слабыми ***ъ, ь,*** развились слогообразующие ***р, л,*** а ***ъ, ь*** стали неслоговыми придатками к ним: *кр̥ъвавый, др̥ъва, кр̥ьститися, гл̥ътати, сл̥ьза* и пр.

Такие слогообразующие ***р, л*** (но уже без неслогового придатка в виде ***ъ, ь***) употребляются в сербском языке: *крвав*, также: *крвник* (убийца), даже: *крв* (кровь), *дрва, крстов дан,* даже (под ударением) *крст*; в чешском: *krvavý*, *drvo* (ср. русское *дрова*), также *drvoštěp* (дровосек); *křtiti*, *hltati* (глотать), *slza* (слеза)...

Но в русском языке слогообразующие плавные, если они действительно существовали, не сохранились ни в литературной речи, ни в говорах, они снова стали неслоговыми ***р, л,*** но зато следовавшие за ними неслоговые ***ъ, ь*** получили характер слоговых гласных, стали приближаться к гласным полного образования ***о, е*** и совпали с ними.

В украинском языке и белорусском эти слова произносятся с сочетаниями, восходящими к ***ры, ри, лы, ли.*** Например, в украинском литературном языке: ***кривавий, тривога, глитати.*** В говорах: ***дрива́*** (в литературном: *дрова́* под влиянием *дров* из *дръвъ*), ***слиза*** (в литературном: *сльоза́*) и т. д.; встречается и произношение ***ир, ер, ил, ел*** и т. п.: ***кирвавий, кервавий, силза*** и пр.

2) Когда ***ъ, ь*** находились перед плавными в таких словах, как: *гърло, гърдый, търговати, мьртвый, вьрхъ, мълнии, вълна, одължити* и пр., то совершенно независимо от того, падало ли на них ударение или нет, был ли в следующем слоге ***ъ, ь*** в слабом положении или не был, глухие в сочетаниях ***ър, ьр, ъл*** впоследствии изменились в русском и других восточнославянских языках в ***о, е: горло, гордый, торговать, мертвый, верх, молния, волна, одолжить*** и т. д.

Учитывая, что в некоторых славянских языках эти и подобные слова в наши дни произносятся со слогообразующими плавными ***р, л:*** в сербском: *грло, грд* (=гордый, гадкий), *трговина* (торговля), *мртви, врх* [вместо слогообразующего *л* в сербском

языке произносится *у*: *мӯња* (молния), *вӯна* (*волна* — „шерсть"), *сӯнце* (солнце) и т. п.]; в чешском: *hrdlo*, *hrdý*, *trh* (торг, рынок) и *trhovec*, *mrtvý*, *vrch*, *vlna* (волна, шерсть) и т. д., многие языковеды полагают, что и в древнерусском произношении некоторое время плавные ***р, л*** в этих и подобных словах также были слогообразующими, причем это развитие слогообразующих плавных в положении перед согласными следует поставить в связь с действием фонетического „закона открытого слога" (см. § 30): *гър̥-ло* > *гъ-р̥-ло* и т. п. Возможно, что в некоторых словах слабые глухие ***ъ, ь*** перед слогообразующими ***р, л*** потеряли свой слоговой характер и превратились в неслоговой придаток к ним: *търговáти* (при *тъ́ргъ*), *вълнá* и т. д., причем одни формы влияли на другие, если они имели одинаковый корень. В конце концов, однако, плавные ***р, л*** утратили свой слогообразующий характер, а предшествующие ***ъ, ь*** „усилились" независимо от места ударения в слове и качества гласного в следующем слоге. Глухие ***ъ, ь*** стали сильными в этом положении и изменились в ***о, е***: *гóрло*, ***тор****говáть* и ***торг, волнá*** и т. д. Это изменение произошло, по-видимому, одновременно с изменением сильных ***ъ, ь*** в ***о, е*** во всех других положениях главным образом со второй половины XII в. (ср., например, в „Житии Нифонта" 1219 г.: *оскорбивъшюся*, 254; в „Духовной" новгородца Климента до 1270 г.: съ *борътью, одерьнь* и в других памятниках), хотя отдельные (мало достоверные) случаи написания ***ор, ол, ер*** такого рода иногда встречаются и в более р а н н и х памятниках письменности, начиная с Изборника князя Святослава 1073 г.[1].

Сочетание ***ьл*** в языке восточных славян, очевидно, еще д о смягчения „неисконно мягких" согласных перед гласными переднего ряда (см. § 39), изменилось в сочетание ***ъл*** (в связи с отвердением ***л***; см. § 33): *вьлкъ* > *вълкъ* (ср. старославянское, влькъ, польское *wilk*, литовское *vilkas*), *пьлный* (ср. литовское pilnas) > *пълный*, *мьлчати* (ср. польское milczeć) > *мълчати* и др. Отсюда впоследствии ***ол***: *волк, полный, молчать* и т. д.

3) Но в сочетании с плавными глухие ***ъ, ь*** могли находиться и не между согласными. Например, они могли находиться в на-

[1] Заслуживает внимания в новгородской „Вкладной" Варлаама Хутынского конца XII или начала XIII в. считающееся „темным" слово *волмина*. Надо полагать, оно значит „вяз" и родственно с латинским ulmus — тж. Таким образом, *волмина* из *вълмина* (<*в-ълмина*).

чале слова или в конце его. В том и в другом положении не всегда „падение глухих“ происходило в полном соответствии с упомянутым выше законом (слабые **ъ, ь** исчезают, сильные изменяются в **о, е**). Так, в слове *ръжь* [>*рож(ь)*] глухой **ъ** был в сильном положении, а в прилагательном *ръжаный* — в слабом. Отсюда в литературном русском закономерно: *ржаной*. Но в говорах севернорусских возможно и *оржанóй*. Ср. в „Домострое“ по Коншинскому списку: „высѣвки *оръжаные*“, 41. Следовательно, начальное сочетание **ръ** (со слабым **ъ**) в положении перед согласным могло давать и сочетание **ор**. Подобным образом сочетание **ль** со слабым **ь** в положении перед согласным в говорах дает **ол'**. Так, прилагательное *льняный* от *лён*<*льнъ* при литературном русском *льняной* на севере возможно и в форме *ольнянóй* (или: *олляной*); прилагательное от *льгота* возможно в литературном русском и в говорах в форме *(в)ольготный* (откуда наречие: *вольготно*)[1].

Ср. в украинском языке, в говорах: *iрвати* (=рвать, из *ръвати*), *iльгота*. В литературном: *iржа* (=ржавчина), *iржати* (=ржать).

Что касается самих гласных **о : а, и** и т. п. перед начальными плавными в этих и подобных случаях, то они не восходят непосредственно к глухому, к **ъ** или **ь**, а представляют собой результат позднейшей ликвидации слогообразующего плавного (**р** или **л**) в положении перед согласными, возникшего после исчезновения далее следовавших **ъ** или **ь : р, л** + **ъ, ь** (слабые) + согласный дали сначала **р, л** + согласный, а потом — разнообразные замены слогообразующего плавного, если он ещё сохранял свой слоговой характер.

Слогообразующие **р, л** на месте **ръ, лъ, рь, ль** в древнерусском языке возникали также в конце слова в положении после согласного, однако весьма непоследовательно вследствие влияния родственных форм. Например: *вѣтръ* сначала изменилось в *вѣтр̥*, а потом (в общерусском) в *ветер*. Ср. также: *сестръ*>*сестёр*, *вѣдръ*>*вёдер*, *стьклъ*>*стекл̥*>*стёкол*, *веслъ*>*вёсел*, *ѫгль*>*угл̥ь*>*уголь*, *земль*>*земель*; но: *осетр*, *пестр*, *вихрь*, *мысль* и т. п.

Столь же непоследовательно осуществлена ликвидация слогообразующих плавных в словах вроде *корабельный* [<*корабл̥(ь)*-

[1] Впрочем, в этом последнем случае имеет место и попытка осмысления слова, этимологически затемненного вследствие изменения **ль**>**ол** (сближение со словом *воля*).

ный, с суффиксом *-ьн*!)], *земельный* (<*земльный*), но *серебреный* (<*серебрьный*; ср. украинское *срібний*), *масленый* [вместо ожидаемого *масельный* (<*масльный*), встречающегося в говорах]. Здесь сочетание *ль* находится перед согласным в средней части слова.

Подобного же происхождения (т. е. не из *ъ* или *ь*) гласные ***о*** и ***е***, встречающиеся в литературном русском языке и в говорах, в словах *огонь* (из *огнь*), *восемь* (из *осмь*), род. мн. *сосен* (из *соснъ*) и др., на месте сочетания *носовой* ***(н, м)*** + глухой ***(ъ, ь)*** в конце слова.

Произношение этих слов с ***о*** или ***е*** в литературном русском языке окончательно установилось лишь в новое время. Ср. еще в Уложении 1649 г.: *вѣтръ* пришолъ, 154; злой *умыслъ*, 2; братьевъ или *сестръ*, 47; *восмь* рублевъ, 106 об., 330.

§ **49. Второе полногласие.** „Вторым полногласием" вслед за А. А. Потебней принято называть явление, наблюдающееся в отдельных словах, распространенное теперь главным образом в говорах, особенно в северо-западнорусских, но небезызвестное и литературному русскому языку и заключающееся в том, что вместо *ор, ол, ер* из *ър, ъл, ьл* между согласными иногда оказываются не *ор, ол, ел*, а *оро, оло, ере*. Например, в литературном русском языке: *сумеречный* (ср. *сумерки*), *бестолочь* (ср. *толк* < *тълкъ*), *веревка* (ср. *вервь* < *вьрвь*; ср. церк.-сл. врьвие; ср. в басне Хемницера „Метафизик": „*веревка, вервие* простое"). В говорах: *молонья́* (<*мълнья*), *смерётушка* (ср. *смерть* < *съмьрть*), *пóсолонь* (например, „ходить *посолонь*", т. е. по солнцу, с востока на запад; ср. др.-рус. *сълньце*), также: *гóроб* (горб), *хóлом* (<др.-рус. *хълмъ*), севернорусское *верёх* и др.

Обращает на себя внимание то, что „второе полногласие" наблюдается почти исключительно в положении перед согласным (или сочетанием согласных), за которым некогда находился слабый ***ъ*** или ***ь***, впоследствии исчезнувший: *сумьрчьный, вьрвъка, мълнья, вьрхъ* и т. д. Если из этого правила иногда бывают исключения (например, *смерётушка* из *съмьртушка* и т. п.), то естественно думать, что они возникли под влиянием родственных форм, где „второе полногласие" развилось на „законном основании" (в данном случае — под влиянием *смéреть* из *съмьрть*).

Можно полагать, что „второе полногласие" развилось вследствие того, что в сочетаниях ***ър, ъл, ьр*** между согласными в случае, если в следующем слоге находился слабый ***ъ*** или ***ь***,

впоследствии отпавший, плавные на некоторое время в период падения глухих снова получили слоговой характер, стали слогообразующими; однако изменение неслоговых ***р, л*** в слогообразующие не было проведено последовательно во всех восточнославянских говорах. Плавные утратили свой слогообразующий характер, причем замена слогообразующих плавных простыми сопровождалась появлением за ними гласного звука, аналогичного тому, который предшествовал плавным.

В письменных памятниках (почти исключительно северо-западных: новгородских, псковских и др.) случаи „второго полногласия" начинаются с XII — XIII столетия. Например, в новгородских рукописях: Прологе 1262 г.: *безмоловия* (вместо *безмолвья*, из *безмълвья*); *черенцемъ* (ср. *чернец*, из *чьрньць*); в Летописи по Синодальному списку: съ *Торожку* (из *Тържьку*), *Поволожье* (из *Повължье*) и др. Ср. также в новгородской берестяной грамоте XII в.: *молови* (=молви, № 8).

Не следует смешивать при этом случаи „второго полногласия" (т. е. употребления полногласных сочетаний ***оро, оло*** и пр. из ***ър, ъл***) с такими случаями употребления второго ***ъ*** или ***ь*** за буквой плавного в письменных памятниках XI — XIII столетия, как, например, в новгородской же Минее 1095 г. *стълъпъ, кърътити, гърдыню, дьрьзость* и др. Если это употребление второго ***ъ*** или ***ь*** не вызвано концом строки, которая, как правило, оканчивалась (вплоть до XVIII в.) на гласную букву, если оно не установилось (а это вполне возможно) на почве слияния форм собственно древнерусских, с одной стороны, и старославянских — с другой (*гърло* — гръло, *гърдый* — грьдыи, *мьртвый* — мрьтвыи, *дългъ* — длъгъ и т. д.; см. § 42)[1], то, может быть, оно объясняется стремлением (в эпоху до падения глухих) передать средствами письменной речи слогообразующий характер плавных ***р, л*** сначала в сочетаниях типа *дългъ* (т. е. в положении перед слогом со слабым глухим), а потом и в других случаях. Так думать можно потому, что написания *ъръ, ьрь, ълъ*, встречаются не только в книгах и не обязательно лишь в словах вроде *стълъпъ*, но и в словах народных, чуждых

[1] В древнерусских книгах, имеющих написания *ъръ, ълъ* и т. п., они обычно наблюдаются в словах, общих для старославянского и для народного древнерусского языка, в словах, которые употребляются в этих памятниках также и со старославянскими написаниями *ръ, рь* и пр.: *гръдъ(и), слъныце, испрьва*: *испръва, мрьтвъ(и)*: *мрътвъ(и)* и т. п.

старославянскому языку. Например, *вьрьшь* (=*вершь* — „хлеб", „жито") в новгородской берестяной грамоте XII в., № 82 (в более поздних памятниках: *верешь*)[1].

Многие языковеды отрицают возможность фонетического объяснения написаний *ъръ, ьрь, ълъ* и пр. в древнерусских письменных памятниках.

§ 50. Редуцированные *ы, и*. Особо следует отметить судьбу ***ъ, ь*** в сочетании с далее следующими *и* > *и̑* (*и* неслоговым). Еще до отделения восточнославянской языковой группы от других славянских ***ъ, ь*** в этом положении изменились в ***ы, и***, отличавшиеся от старых „нормальных" долгих ***ы, и***, например в словах *сынъ синь*, не столько в качественном отношении, сколько в количественном: они были короче нормальных кратких гласных. Такие ***ы, и*** (их можно называть редуцированными) произносились в окончании им.-вин. пад. ед. ч. мужск. р. полных прилагательных (и других полных родовых слов): *слѣпый, зълый, старый, тугый, дългый, льгъкый, синий, вьрхний* и пр. Окончание ***-ый, -ий*** полных прилагательных возникло из сочетания ***ъ, ь*** с ***и*** (<***jь***), сначала слоговым, а потом утратившим свой слоговой характер указательным местоимением в форме им.-вин. пад. ед. ч. мужск. р. Конечно, изменение ***ъ, ь*** в ***ы, и***, наблюдаемое в окончании полных прилагательных типа *слѣпый*, имело место и в других аналогичных случаях. Например, в ростовском „Житии Нифонта" 1219 г.: *прельстилы и дияволъ* (297) [вм. *прельстилъ и* (его)]; *а друзии заушахути и* [вм. *заушахуть и* (=били его)] и т. д. Но такие ***ы, и*** — на стыке двух слов — не отличались устойчивостью и не являлись фонемами.

В окончании им.-вин. пад. ед. ч. мужск. р. полных прилагательных ***ы, и*** из ***ъ, ь*** в тех восточнославянских говорах, на основе которых сложился русский (=великорусский) язык, потом изменились в ***о, е***: *слѣпой, злой, ста́рой, тугой, до́лгой, лёгкой, си́ней, верхней* и пр. Это изменение первоначально не было обусловлено положением ***ы, и*** в ударенном слоге, но в акающих говорах и в говорах с неполным оканьем неударенные (заударные) ***о, е*** из ***ы, и***, конечно, не могли сохраниться. Таким

[1] Следует считаться и с элементами искусственности в книжном произношении. Так можно объяснить подчеркиваемый в „Лекциях" Соболевского факт, что в древнерусских нотных книгах XII — XIII вв., сборниках богослужебных песнопений имеются нотные знаки над обоими ъ или ь (и перед плавным, и после плавного); *мълънья, пьрьвая* и пр.; иногда эти буквы повторяются по нескольку раз: *цььрььькы* и т. п.

образом, в говорах с полным оканьем употребляются не только формы *слепóй, тугóй,* но и *стáрой* муж, *дóлгой* путь, *сúней* камень, *прéжней* хозяин и т. д., тогда как, например, в московском (и, значит, литературном) произношении только: *слипóй, тугóй* и пр., но: *стáръй, дóлгъй, л'óхкъй, дал'óкъй* и т. д.

В московских памятниках это изменение отражается с XIV в. Например, в Евангелии 1339 г. в записи: *князь великой.* Но в грамотах XIV в. подобных примеров мы не знаем. Там они начинаются с XV в.

В тех восточнославянских говорах, на основе которых сложился, с одной стороны, украинский язык, а с другой — белорусский, ***ы, и*** из ***ъ, ь*** совпали с обычными ***ы, и,*** причем в украинском литературном, кроме того, ***ы*** совпало с ***и***: *сліпий, злий, дурний, старий, тугий, синий* и пр.

От рассмотренного выше изменения следует отличать похожее явление в родительном падеже множ. ч. существительных типа *кость, путь.* Здесь окончание ***-ий*** из ***-ьи*** < ***ьјь*** также изменилось в ***-ей:*** *костий > костей, печий > печей, повѣстий > повѣстей, путий > путей* и пр. Но это ***-ей*** вместо ***-ий*** из ***-ьй*** не является особенностью только русского языка. Ср. в украинском литературном: *костей, печей, повістей* и пр.

Как полагают, в этом случае сначала произошло вытеснение редуцированного *и* редуцированным *ь* под влиянием других падежных форм (*костьмъ, костьхъ*), а потом *ь* изменился в *е*: *костьи* (где *и* из *јь*!) > *костей.*

Такую же судьбу, как ***ы, и*** из ***ъ, ь*** в положении перед ***и,*** имели ***ы, и*** „исконные" в положении под ударением перед *ј(и)* в таких словах, как: *мыю (= мыју), крыю, шия (= ш'ија), пий, бий* и т. п. В русском литературном языке: *мою, крою, шея, пей, бей* и пр. В украинском литературном языке: *мию, крию, шия, пий, бий.* В белорусском литературном языке: *мыю, крыю, шыя, пий, бий.* При отсутствии ударения на таких ***ы, и*** они, как правило, исчезали: *пью* (из *пию́*, при старославянском: пиѭ), *бью* (из *бию́*, при старославянском биѭ).

§ 51. Сочетание *јь*. Что касается сочетания ***јь (иь)***, то здесь в общем действовали те же фонетические законы изменения ***ь,*** что и после согласных. Так, в древнерусском языке имеем (в фонетической транскрипции): *бојьц'ь > бој'эц', но бојьц'á > бојц'á, Мож'áјьскъ > Мож'ајэск* (*Можайск* — в современном русском

литературном языке — под влиянием косвенных падежей), *вoj́ньный* > *воj'энный*, но *воjско* (из *воjьско*), ср. *вóин*(= *воjин*; с суффиксом **-ин**); *трójька* > *трójка*, ср. *трóица* (с суффиксом **-иц**-*а*); *заjьмъ* > *заjэ́м* > *заjóм*, но: *зájьма* > *зájма*, *съпокójьнъ* > *спокójэн* и т. д.

В старославянском языке сочетание ***jь*** всегда изменялось в ***и***. Поэтому *достоин* в русском литературном языке следует рассматривать, как заимствование из старославянского.

Но иногда и в русском языке возможно ***и*** из ***jь***: *воинский* (у писателей XIX в.: *войнский*), в частности под ударением: *jájьч'ько* > *jаи́ч'ко* (яичко), *пójьмъка* — *поимка*. В старомосковской речи таких слов было больше. Так, в Уложении 1649 г. находим: *приимáли приймышей, займщикъ* (в обоих случаях корень ***j-ьм***; ср.: *възь-ьму*).

§ 52. История звука *ѣ*. В древнерусском языке в определенных корнях, а также в некоторых грамматических окончаниях и вообще формальных принадлежностях с общеславянской эпохи произносился звук, для которого в кирилловской азбуке был придуман специальный знак [ѣ], буква, называемая „ять.“ Также и самый звук получил это (болгарского происхождения) название. Звук *ѣ* произносился в таких словах, как: *лѣсъ, хлѣбъ, дѣдъ, свѣтъ, дѣти, сѣяти, пѣсня, мѣсяц, рѣка* и *рѣчка,* на *столѣ,* къ *мънѣ, ѣхати,* от *неѣ,* на *своѣ бързыѣ конѣ* и т. д.

Трудно установить, кáк именно звучал этот самый *ѣ* в старое время. Одно несомненно, что в древнерусском (древневосточнославянском) языке *ѣ* звучал иначе, чем, например, в старославянском (древнеболгарском) языке. Так, в старославянском он произносился, как очень широкое ***е (ä)***, как и сейчас он звучит в некоторых македоно-болгарских говорах в окрестностях города Солуня (Салоники), родины Кирилла и Мефодия. В древнерусском языке он произносился, по-видимому, как переходящее в дифтонг ***и͡е*** очень узкое ***е***, конечно (как и в древнеболгарском произношении), тогда не утратившее своей долготы. Например (в фонетической транскрипции): *л'ếсъ* (или: *л'и͡е́съ*), *м'ếс'ац'ь* (или *м'и͡е́с'ац'ь*), *къ мън'ê* (или *къ мън'и͡е*).

С таким произношением звук *ѣ* до сих пор употребляется не только в североукраинских говорах, например говорах Черниговщины (тогда как в других говорах и в литературном украин-

ском языке вместо *ѣ* произносится *і*: *ліс*, *місяць*, *к мені* и пр.) и южнобелорусских говорах, примыкающих к украинским, но и во многих русских, причем только под ударением; в говорах Вологодской и Костромской, Рязанской, Воронежской, Тульской, даже Московской (Зарайский, Егорьевский районы) областей.

С течением времени, однако, в большей части русских говоров в произношении *ѣ* наметились и получили завершение важные сдвиги. В одних говорах, в частности в говоре Москвы, вследствие усиления второй части дифтонга, вместо *ѣ* установилось произношение *е* (= *'э*), с мягкостью предшествующего согласного: *л'эс, м'эс'ьц, ка мн'э* и т. д., а в других, вследствие усиления первой части дифтонга, развилось *и*, сначала, возможно, лишь в положении перед мягкими согласными: *м'ис'ац'*, *с'иjат'*, *п'ис'н'а* и пр., как в северно-русских говорах вологодского типа, а потом и независимо от этого условия: *л'ис, хл'иб, д'ид, с'ино, м'ис'ац, ко мн'и* и т. д., как в говорах новгородского типа. Следует при этом отметить, что употребление *и* вместо *ѣ* составляет особенность только севернорусских говоров, а также некоторых говоров, акающих на севернорусской основе, тогда как екающее произношение *ѣ* получило распространение не только в южнорусских и среднерусских говорах, но и в севернорусских говорах Поволжья.

Очень вероятно, что в говоре города Москвы (как и в некоторых других) произношение *ѣ* как *е* установилось сначала в неударенном положении, тогда как под ударением *ѣ* продолжало отличаться от *е*. В письменных и печатных памятниках старомосковского языка XVI—XVII столетий нередко наблюдается употребление *е* вместо *ѣ* в неударенном положении, между тем как под ударением эти буквы не смешиваются. Так, в Уложении 1649 г.: „которые крестьяня *бежáли* и впредь учнут *бѣгати*"; *крепостные*, но *крѣпости*; *помѣстья меняетъ*, но *мѣна*, *вмѣсте* (из *вмѣстѣ*) и т. д.

В более же ранних московских грамотах XIV в. *ѣ* употребляется исторически правильно, как под ударением, так и в неударенном положении, за исключением некоторых собственных имен (географических названий) и формы род. падежа ед. ч. женск. р. местоимений и полных родовых слов: *ее* (вместо *еѣ*), *из московьскоѥ* (с ѥ из *ѣ*) и т. п.

Конечно, екающее произношение *ѣ* не сразу получило такое широкое распространение в русских говорах, хотя, пожа-

луй, невозможно установить, на каком именно участке русской языковой территории употребление *е* вместо *ѣ* установилось раньше всего. Во всяком случае, например, в старосмоленском говоре звук *ѣ* не отличался от *е* уже в начале XIII столетия. Поэтому в Смоленской грамоте 1229 г. (сп. А.) буквы *ѣ* и *е* употребляются одна вместо другой: *всемь темь* (дат. мн. ч.), *на гочкомь березе*, по *вѣременемь*, приказано *будѣте* добрымъ *людѣ*мъ и т. д.

Приблизительно к тому же времени (или несколько более позднему), надо полагать, относится и изменение *ѣ* в *и* в севернорусских говорах. Правда, отдельные примеры написания *и* вместо *ѣ* были отмечены в новгородских Минеях XI в.: *стину* (=стену), *звири*... Минея 1095 г.; *претьрьпилъ, лицемирьствовавъ*... Минея 1096 г.; *гърнили* (предл. ед. ч.)... Минея 1097 г. Но, во-первых, этих примеров очень мало, во-вторых, они спорны (отчасти их можно объяснять как описку), в-третьих, в тех же Минеях вместо *ѣ* встречается также *е*, причем не только в словах явно старославянского происхождения: *чрево* (при древнерусском *черево*) и т. п., где *е*, может быть, передает древнеболгарское *ӓ* (чрѣво), но и в других. Можно поэтому думать, что в новгородских Минеях эти случаи отступления от правильного употребления *ѣ* свидетельствуют лишь о том, что *ѣ* в языке новгородских словен произносилось именно как узкое долгое *е*, склонное к дифтонгизации.

Подлинные, бесспорные примеры употребления *и* вместо *ѣ* в письменных памятниках северного происхождения начинаются с конца XIII и особенно с XIV столетия. Например, в новгородском евангелии 1355 г.: *тило*, къ *жени* и пр. Любопытно, что в новгородских грамотах XIII — XIV столетий в общем *ѣ* употребляется правильно, без замены его буквами *и* или *е* (за исключением некоторых спорных случаев). В некоторых рукописях XVI в., например в северодвинском Судебнике 1589 г., *и* вместо *ѣ* употребляется только перед мягкими согласными: *увичье, повисити, сияно* и пр.

Таким образом, в литературном русском языке в настоящее время старый *ѣ* звучит как *е*: *л'эс*[1], *д'эт, д'эт'и, ка мн'э* и пр. (ср. *н'эбъ, ат'эц, д'эн'* и пр., где *е* не из *ѣ*). Но в одном отношении *е* из старого *ѣ* отличается от *е* из старых *е* и *ь*: как

[1] Примеры даются в фонетической транскрипции.

правило, оно сохраняется в положении перед твердым согласным и в конце слова: *л'эс, ка мн'э,* тогда как вместо *е* в этом положении звучит ***'о (ё)***: *с'о́лъ* (=сёла), *сл'о́с* (=слёз), *пад'о́ннъ, фс'о́* и т. д. Из этого правила имеются только единичные исключения: с одной стороны: *гн'о́зда* (из *гнѣзда*), *зв'о́зды* (из *звѣзды*), *с'о́длъ* (если оно из *сѣдьла*), *пр'иабр'о́л, паз'о́вывът'* (корень *зѣв*-). В говорах таких слов гораздо больше: *убёг* (корень *бѣг*-), также: *сёк, бесёда, нацодют* и пр., особенно в неударенном положении, например в предударном слоге: *в лёсу́, пёту́х* (из *пѣтухъ*; ср. в литературном русском языке: *пел,* без перехода ***е > 'о***, того же корня *пѣ*-), *рёка́* и т. д. (в севернорусских говорах вологодского типа, а также в Поволжье).

Возможно, что *гн'о́зда, зв'о́зды* и пр. в литературную речь попали из севернорусских говоров с произношением *гн'оздо́, зв'озда́, з'ова́т'* и т. д., а там эти формы *гн'озда* и пр. возникли как следствие подравнения основ (ср.: *с'оло́: с'ола* и т. п.).

Следует, наконец, отметить, что в современном литературном русском языке имеется несколько слов с ***и*** на месте старого ***ѣ***: *дитя́* (из *дѣтę*), *ди́тятко* (ср. в болгарском: *дете*, в польском *dziecię*), *мизинец* (из *мѣзиньць*; ср. в сербском: *мезимац* — „меньшой сын", в чешском: *mezenec*), *сидéть, си́дя* и пр. (из *сѣдѣти, сѣдę* и пр.), а также: *свиде́тель* (из *съвѣдѣтель*), *вити́я* (из *вѣтия,* с корнем *вѣт-,* ср. *ответ, совет, завет* и пр.; древнерусское *вѣче* из **вѣт-j-е*).

Полагают, что такое ***и*** из ***ѣ*** сначала появилось в неударенном положении перед слогом с гласным ***и***, вследствие межслоговой ассимиляции, а потом по аналогии попало и в другие положения: *дѣти́на > дити́на: дитя́; сѣди́ > сиди́: сижу, сиде́ть: си́ня* и т. д.

§ 53. Изменение *е* в *о* перед твердыми согласными и в конце слова. В русском литературном языке с давнего времени вместо ***е*** (из старого ***е*** и старого ***ь*** в сильном положении) употребляется ***'о*** после мягких согласных, а также после шипящих, ***ц*** и ***j***, в положении перед следующим твердым согласным: *сёла* (в фонетической транскрипции: *с'о́лъ* из *с'э́ла*), но *сельский* (*с'э́л'скъй*); *лёд,* но *гололедица; плётка,* но *плеть; пёк,* но *печь; ёлка,* но *ель; подённо,* но *день*; *шопот,* но *ше́пчет* и т. д. и в конце слова: *всё, моё, плечо* (из *плече*, ср. украинское *плече*) и т. д.

Рассмотрим сначала изменение ***е*** в ***'о*** в положении перед твердым согласным.

Во-первых, надо полагать, что в древнерусскую эпоху, до возникновения аканья; употребление *о* вместо *е* в восточнославянских говорах Северо-Восточной Руси не было ограничено ударенным слогом: произносили не только *сёла,* но и *сёлó* (т. е. *с'олó*), не только *пёк,* но и *пёкý,* также *сёстрá* (при *сёстры*), *вёснá* и пр., также после шипящих, *ц* и *j*: *шёптати* (т. е. *ш'оптáт'и;* шипящие в древности произносились мягко) при *шёпот, жёна* при *жёны, чёло* при *чёлка, ёго* (т. е. *joгó*) и т. д. Так произносятся эти слова в нынешних о к а ю щ и х (севернорусских) говорах. Между тем в старину они, возможно, звучали так и в других русских говорах, в настоящее время а к а ю щ и х, в частности в говоре Москвы. Правда, примеры написания *о* вместо *е* в старейших московских памятниках, например в первой и второй духовных грамотах великого князя Ивана Калиты 1339 г.: *Данилищова свобода* (т. е. слобода) и др., не являются убедительными, потому что *о* вместо *е* в этом случае может быть и не фонетического происхождения (ср. „Данилова слобода"). Встречаются подобные написания (*о* вместо *е*) в неударенных слогах и в других московских духовных грамотах XIV столетия, даже в таких случаях, как: *сереброно блюдо* (=*с'эр'э̂бр'оно,* если это не описка)—во второй Духовной вел. кн. Ивана Ивановича около 1358 г. По традиции такие написания (но только после шипящих и *ц*) держались потом в московской письменности очень долго после того, как в Москве установилось акающее произношение. Они встречаются и в Уложении 1649 г.: „*межовать*... землю", „по их... *чолобитным*"; особенно после *ц*: „всѣмъ... *иноземцомъ*", „*у старожильцовъ*" и пр. (конечно, и в ударенном слоге: на бѣглых *жóнкахъ,* в *пожóге,* безо *пчóлъ* и пр.). В настоящее время в литературном русском письменном языке сочетания ***шо, жо, чо, цо*** допускаются в некоторых случаях только под ударением.

Можно полагать, во-вторых, что *е* изменилось в *о* сначала только в положении после „исконно мягких" согласных (***ш, ж, ч, ц*** и ***j***), когда все они, т. е. и ***ш,*** и ***ж,*** и ***ц***, еще произносились мягко повсеместно в древнерусских говорах. Это новое *о* из ***е, ь*** получило самое широкое распространение на севере и на юге, на всей восточнославянской территории. Поэтому употребление *о* на месте *е* после шипящих, *ц* и *j* известно и в русском языке, и в белорусском и (независимо от ударения) в украинском. По-украински говорят: *шóстий, шовк, пшоно,*

жона, жовтий, чорний (чернец), *чоловік, його* и пр., но *село* (=*сэлó*), *сéстри* (=*сэ́стри*), *овес* (=*овэс*), *орел* (=*орэл*) и пр.

Естественно думать, что это изменение относится к той эпохе, когда еще были возможны общие для всего восточного славянства переживания в произношении. Позже, когда прекратились такие общие языковые переживания, в тех восточнославянских говорах, на основе которых сложился, с одной стороны, русский язык, а с другой — белорусский, произношение ***'о (ё)*** вместо ***е*** мало-помалу установилось и в положении после „неисконно мягких" согласных: ***п, б, т*** и пр., которые к тому времени достигли полной степени мягкости (см. § 39). Следовательно, на первой стадии этого фонетического процесса здесь получилось: *шёпот, шёлк, шёстóй, жёнá, чёрный, чёлó, ёмý* и т. д., но *селó* (*с'эло*), *сéстры* (*с'эстры*) и пр., а на второй, кроме того: *сёлó, сёстры́, лёд, обыдёнка* (от *день*), *вёснá* и т. д.

Памятники письменности не помогают нам по-настоящему разобраться во всех этих вопросах, потому что в распоряжении древнерусских книжников не было средств для передачи нового, ё к а ю щ е г о произношения н е после шипящих. Буквы ***ё*** тогда еще не существовало (она впервые появилась в 1797 г. в альманахе „Аониды", издававшемся Н. М. Карамзиным). Древнерусские книжники не могли воспользоваться и сочетанием ***і͡о***, получившим распространение лишь с середины XVIII столетия: *лі͡одъ* и т. п. Иногда они пробовали писать ***о*** вместо ***е***: *з гостомо* (- с гостем) — в новгородской берестяной грамоте № 61 (XIII в.), *яромъ* (т. е. *ярём*, ярмо) и пр., *озора* (=*оз'óра*), *рубловъ* (в Двинских грамотах XV в.). Ср. также в недавно обнаруженной в Новгороде надписи на ободке сосуда XV в.: „между *нобомъ* и землею" (= *н'óбом*), „к *ному* еде" (=к *н'омý*). Однако такие написания не только не соответствовали произношению, но могли отразиться и на понимании текста, вносили путаницу, затемняли смысл: *носъ (нос: нёс?), волъ (вол: вёл?), яромъ (ярём: яром,* от *яр?)* и т. д. Другое дело после шипящих: здесь можно было обойтись с помощью буквы ***о***: *чорный* и т. д. Вот почему в памятниках письменности, начиная с XII в., так много примеров употребления ***о*** вместо ***е*** именно в э т о м положении, тогда как н е после шипящих они совершенно единичны.

Почему же изменение ***е*** в ***'о (ё)*** произошло в положении именно перед т в е р д ы м согласным? — На этот вопрос ответить не так уж трудно. Твердые согласные в древнерусском языке

произносились не совсем так, как мы их теперь произносим. Они были лабиализованными согласными звуками, т. е. произносились с участием губ, слегка вытягивавшихся вперед и округлявшихся (как при *о* или *у*), хотя степень лабиализации, возможно, и не была всегда одинаковой: перед *о* или *у* твердые согласные были более лабиализованными, чем перед *а* или *ы* (см. § 39). Вследствие ассимиляции гласный *е* в положении перед твердым (следовательно, либиализованным) согласным с течением времени сам получил лабиализацию, стал произноситься с участием губ наподобие *ö* в немецком (*töten* — убивать) или во французском (*peuple* — народ). Возможно, что именно *ö* получило отражение в написании „*весолу* (утѣху)" в новгородской Минее 1096 г. (л. 27, об.)[1]. Впоследствии этот звук, как правило, перешел в *'о*.

По поводу изменения *е* в *о* в положении перед твердым согласным необходимо сделать ряд оговорок и дополнений.

Во-первых, следует учесть, что во многих русских говорах, даже поблизости от Москвы, это изменение, по-видимому, не только не проведено последовательно, но иногда и вовсе отсутствует. Так в говорах, например, Рязанской области и соседних с ней на юге и востоке произносят: *пан'эва, п'эстрый, кат'энък, св'экла* и т. п., особенно в положении не после „исконно мягких".

Далее, в тех говорах, которые знают употребление *'о (ё)* вместо *е* в словах вроде *сёла, овёс* и пр., и в литературном русском языке оно наблюдается не только перед твердыми согласными, но иногда и в положении перед мягким согласным: *тётя, зелёненький, весёленький, несёте, на берёзе* и т. п. Но, разумеется, во всех этих случаях *'о (ё)* вместо *е* получилось не фонетически, вследствие влияния родственных по происхождению слов: ср. *тётя* и *тётка, зелёненький* и *зелёный, несёте* и *несёт, на берёзе* и *берёза* и т. д., под воздействием слов, где *'о (ё)* на месте *е* возникло в положении перед твердым согласным.

С другой стороны, в литературном русском языке (отчасти и в говорах) мы иногда в настоящее время не находим *'о (ё)* из *е, ь* там, где мы его ожидали бы. Так, в некоторых случаях

---

[1] По изданию В. Ягича, который, однако, склонен был считать это *о* опиской перед слогом с *оу* (косолоу).

отсутствие изменения *е*>*'о* объясняется тем, что это изменение было задержано влиянием родственных по происхождению слов: *в отместку* (фонетически: *в атм'эску*; ср. *месть*), *щелка* (= *ш'ш'элкъ*; ср. *щель*). В говорах с произношением *'о* из *е*: *перышко* (ср. *перья*), *далёко* (ср. *далече*) и т. д. Возможно, что и в словах *женский* (ср. *женщина*), *деревенский* (ср. *деревенька, деревенщина*), *честный* (ср. *честь*) отсутствие изменения *е*>*'о* объясняется той же причиной, хотя могло сыграть роль и то обстоятельство, что в этих словах (с суффиксом **-ьск, -ьн-**) в древнерусскую эпоху произносился **ь**: *женьский* и пр., перед которым согласный долгое время звучал мягко (а по говорам кое-где звучит мягко еще и в наши дни). Ср. *смоленский* (из *смольньский*) и пр. По той же причине сохраняется *е* (*'э*) и в словах: *первый* (которое в литературной речи очень долго произносилось, а в отдельных случаях и до сих пор иногда еще произносится: *перьвый*; ср. на памятнике Петру I в Ленинграде: „Петру *Перьвому* Екатерина Вторая“), *верх* [при наличии *верьх*; ср. еще у Пушкина: „На *верьх* Фессальския горы“ («К моему Аристарху»)], также: *четверг, серп, коверкать, церковь* (ср. в Уложении 1649 г.: *церьковныхъ*, 22) и др., — когда за ***р*** не следовал зубной согласный[1].

Несомненно п о з д н и м отвердением ***ц*** следует объяснить отсутствие изменения *е*>*'о* перед этим звуком: *отец* (=*ат'эц*), *купец, молодец, молодецкий* (где ***ц*** из **чьск**), *огурец, овец* (род. мн. ч.) и т. п. Во многих севернорусских говорах (вологодского типа и др.) аффриката ***ц*** до сих пор произносится мягко. Отвердение этого звука в языке Москвы едва ли старше XVI в. В других (более южных) говорах оно произошло раньше.

Перед ***ш, ж*** вместо *е* по большей части звучит *'о*: *грабёж, несёшь, дёшево, головёшка* и т. д., в говорах: *одёжа, надёжа* и пр., но: *промеж, чешет* и пр., потому что шипящие ***ш, ж*** в московском произношении отвердели значительно раньше, чем ***ц***. В этом отношении в белорусском языке дело обстоит немного иначе. По-белорусски говорят: *грабеж* (=*һраб'еш*), *дзёшыва, адзежа, вядзешь* и т. д. (с *е*, не изменившимся в *ё*).

Наконец, изменение *е* в *'о* (*ё*) перед твердыми согласными отсутствует в з а и м с т в о в а н н ы х словах, которых немало в литературном русском языке. Так, например, этого изменения нет в словах, вошедших еще в древнерусский язык из старосла-

---

[1] Это явление, как полагают, связано с развитием второго полногласия.

вянского и позже из новоцерковнославянского языка, потому что ни в старославянском, ни в новоцерковнославянском языке этот фонетический закон никогда не действовал: *небо (= н'эбъ)*, но *нёбо, крест*, но *перекрёсток, пещера* (но в говорах встречается и *печора*; отсюда название большой реки на Севере — *Печора*; ср. также название местности — *Печоры* — на Волге), *жертва, вселенная* (но *населённый* пункт), *современный, перст* (но *напёрсток*; ср. в говорах: *пёрст*), *скверный, незабвенный, дерзость* и пр., а также такие, как *падеж* (грамматический термин, при наличии: *падёж*, например, скота), *мятеж* и т. п. В поэтическом языке, особенно у писателей XIX в., случаев сохранения *е* без перехода в *'о (ё)* в положении перед твердым согласным встречается значительно больше. Например, у Пушкина: „Гляжу ль на ду́б *уединенный*" (рифма: „Переживет мой век *забвенный*"), „На холмах пушки, *присмирев*, | Прервали свой голодный *рев*", „И посмеяться кой о *чем*" (рифма: между *тем*, „Евгений Онегин", II) и т. д. (ср. также у Крылова: „Когда в товарищах согласья *нет*, | На лад их дело не *пойдет*").

Через посредство старославянского проникли в литературный, отчасти даже в народный язык древней Руси некоторые греческие слова с гласным *е (= 'э)*: *демон, деспот, кедр, холера* и пр., включая сюда и самое слово *грек* (ст.-сл. грькъ). Также и в словах, заимствованных сравнительно в новое время из западноевропейских языков, французского и других: *декрет, метод, котлеты, сквер, интерес, балет, момент*; из польского *склеп* (не: *склёп*) и т. д. Между прочим, сюда же относятся: *аптека, аптекарь*. Возможно, под влиянием слова *аптекарь*, а также *лекарь* (польское *liekarz*) мы имеем и *пекарь* вместо *пёкарь*.

Остается сказать об употреблении *'о (ё)* вместо *е* под ударением в исходе слова: *всё, моё, свежо* (из *свѣже́*), *плечо* (из *плече*) и пр.; в севернорусских говорах, кроме того, и в неударенном положении: *полё, платьё, чётырё, троё, такоё, неситё, такжо* и пр.

Можно полагать, что в исходе слова *'о (ё)* возникло сначала вследствие морфологической ассимиляции: под влиянием *село́, бедро́* и пр. стали говорить *плечо́*; под влиянием *то́, само́, оно́*, и пр. стали говорить: *всё́, моё́*; под влиянием *темно́, тепло́* и пр. стали говорить *хорошо́, свежо́* и т. д. Потом вообще установилась (особенно в о к а ю щ и х севернорусских говорах) привычка употреблять в исходе слова *'о (ё)* после мягких и отвер-

девших согласных: *ещё* (но ср. у Пушкина: Иль *еще* |Москвич в Гарольдовом плаще"; ср. в белорусском. *яшчэ*), *ужо* (в значении „потом", „немного спустя"; ср. у Пушкина: „Будет вам *ужо́* мертвец"), но: *уже́*. Также и в севернорусских говорах не только *полё* (под влиянием *село́*), *тро́ё* (под влиянием *четверо*), но и *четы́рё, неси́тё, та́кжо* и пр.

Такого произношения *'о (ё)* на месте *е* в конечном открытом слоге не имеется ни в одном из славянских языков, кроме русского и отчасти белорусского.

В украинском: *плече, все* или *усе*(=*усэ*), *моє, чиє, хороше́, свіже́* и т. д. Конечное *е* сохраняется и в других славянских языках: в польском, где в положении перед твердым согласным при известных условиях *е* (из *е*, но не *ь*) также изменилось в *'о (ё)*. Также отчасти и в языке лужичан. В остальных славянских языках гласный *е* вообще при любых условиях сохраняется без изменения в *'о (ё)*.

§ 54. **Аканье.** А к а н ь е м называется очень сложное явление, сущность которого заключается в том, что гласные *а* (после твердых и мягких согласных), *о* и *е* в неударенных слогах определенным образом изменяются в разных акающих говорах, причем в предударном слоге вместо *о*, как правило, произносится *а*.

В образцовом (московском) произношении вместо *о* (любого происхождения) в предударном слоге всегда произносится *а*: *вада́, магу́, сталы́* и пр. В других неударяемых слогах, в обиходной разговорной речи, обыкновенно употребляется гласный неполного образования *ъ*, на слух близкий к очень короткому *ы*: *въдавос* (примеры здесь и в дальнейшем даются в фонетической транскрипции), *по́ въду; гълава́, гълубо́й, мълако́, пъливат', хо́лъднъ* и т. д. В медленном, декламационном произношении вместо *ъ* звучит *а*: *вадаво́с* и пр. Впрочем, в начале слова вместо *о* всегда употребляется только *а*, хотя бы это был слог второй или третий от ударяемого: *агур'э́ц, аткрыва́т'* и т. п. В заударном конечном слоге, если он является суффиксом или флексией, нередко наблюдается неустойчивость в употреблении *а*.

Вместо *е* (из *е, ѣ, ь* — после мягкого согласного) в предударном слоге произносится *и*: *с'истра́, н'ису́, в'ид'о́ш, д'ила́* (из *дѣла́*), *т'имно́* (из *тьмьно́*) и т. д. И́ к а ю щ е е произношение установилось в разговорной речи москвичей-старожилов к началу XX века. В старой Москве произносили: *с'эстра́, н'эсу́*

или точнее: *с'ёстра́, н'ёсу́, п'ётух* и т. п., т. е. с *ё* — гласным среднего ряда среднего подъема языка.

В остальных неударяемых слогах вместо *е* употребляется гласный неполного образования *ь*, на слух очень близкий к короткому *и* (в медленном произношении — *и*): *С'ьстрар'э́цк* (Сестрорецк, город), *в'ьс'ил'и́с, ос'ьн'* и т. д., причем в заударном конечном слоге возможны и гласные полного образования: *'а, 'э, 'и* (с мягкостью предшествующего согласного).

Что касается гласного *а*, то он отражается в неударенных слогах после твердых согласных совершенно так же, как отражается *о*, а после мягких согласных — совершенно одинаково с *е* (*э*): *стар'ик, стър'ика́*, с одной стороны; *п'итак, п'ьтач'о́к, на́ п'ьт' кап'э́ик, ч'исы́, ч'ьсаво́й* — с другой.

После отвердевших согласных *ш, ж, ц* вместо *а, е* по большей части произносятся те же звуки, что и после мягких согласных, только с заменой *и* > *ы*: *жыл'э́т', цына́*, *ь* > *ъ*: *шъв'ил'и́тцъ* и т. п., но не последовательно: *жара́*, и пр.

Так в общих чертах дело обстоит в московском произношении. Но московский тип а к а н ь я, считающийся у нас образцовым и благодаря этому обстоятельству получивший большое распространение и в о́кающих говорах через посредство языка областных и районных центров и произношения сельской интеллигенции, все же не является единственным. Напротив, имеется н е с к о л ь к о типов аканья на территории акающих говоров, причем одни из них можно рассматривать как о с н о в н ы е, а другие — как п е р е х о д н ы е, или смешанные.

К основным типам аканья, кроме московского типа, характеризующегося „и́каньем" (*систра* и пр.), можно относить: 1) диссимилятивный, 2) ассимилятивный, 3) умеренный и 4) сильный. Точнее было бы, однако, говорить не о типах аканья, а о типах яканья, потому что акающие говоры отличаются друг от друга по качеству гласного звука на месте *е* и *а* (разного происхождения) после мягких согласных в предударном слоге.

а) Так, в д и с с и м и л я т и в н о - я к а ю щ и х говорах, главным образом Калужской, Орловской, Курской областей, отчасти Воронежской, на нижнем Дону, вместо *'е, 'а* в предыдущем слоге произносится *'а* при условии, если под ударением находится один из гласных верхнего подъема языка: *у, ы* или *и*, но звучит *и* или иногда (в более восточных говорах *е* (*'э*), при условии, если под ударением находится *а*, причем не играет никакой роли,

начинается ли ударенный слог с твердого или с мягкого согласного *н'асý, н'ас'ú, с'астры́, к с'алý, у б'адý, сл'азы́, п'ат'jý, п'ат'ú* и т. д., но: *н'ислá* (или *н'эслá*), *с'истрá, с'илá, б'идá, сл'изá, п'итáк* и т. д.

Если под ударением находится *о* или *е*, то в предударном слоге наблюдается колебание по говорам и даже в одном и том же говоре, причем имеет существенное значение то обстоятельство, восходит ли *е* к старому *е* или *ь*, или к старому *ѣ*, восходит ли *о* к старому „исконному" *о* под восходящим ударением (в этом случае *о* нередко дифтонгизируется во многих русских говорах), или к *о* под нисходящим ударением, или к *о* из *ъ*. Так, в говорах Обоянского района (Курской обл.) произносят: *с'алó*, но *с'илом* (из *селъмь*), *р'абой д'эук'и* (из *р'абóѣ*), но *р'ибóй пáр'ьн'* (из *р'абъй, р'абый*) и пр., а также: *с'астр'э́* (из *с'естр'ѣ*), но *в'ин'эц'* (из *в'ѣн'ьц'ь*); в говорах Задонского района (Воронежской обл.): *с'алуо*, но *с'элóм* и т. д.

Этот тип яканья со всеми его местными вариантами потому и называется „диссимилятивным", что между предударным и ударенным слогом в отношении вокализма наблюдается как бы отталкивание: когда под ударением: „верхний", „узкий" гласный, в предударном — „низкий", „широкий", и наоборот.

б) Но бывает в якающих говорах и совсем иначе: наблюдается в некотором роде „гармония" между гласными ударенного и предударного слога. Перед слогом с ударенным *а* в предударном произносится *'а* (*я*): *н'аслá, с'астрá, п'атáк, һл'ад'áт'* и пр., но в остальных случаях *и*: *н'исý, н'ис'óш, н'ис'ú, с'истры́, к с'истр'э́* и пр. Такое яканье называется ассимилятивным. Оно встречается (в чистом виде) очень редко, причем только в некоторых среднерусских говорах.

в) Умеренным называется такое яканье, когда появление *'а* (*я*) или *и* (или близких к ним звуков) в предударном слоге зависит исключительно от того, какой согласный, твердый или мягкий, следует дальше. Перед твердыми согласными в предударном произносится *'а* (*я*) или *е*ª, перед мягкими — *и* или *е*ⁱ: *н'асý, н'аслá, с'астрá, с'астры́, п'атáк* и пр., но: *н'ис'ú, н'ис'óш, с'ис'т'óр, п'ит'ú, с п'ит'jý, һл'ид'э́т'* и т. д. Такое яканье характерно главным образом для южнорусских говоров Тульской области и прилегающих районов соседних с ней областей (Калужской, Орловской, Рязанской), а также для среднерусских говоров.

г) Имеются говоры (главным образом это южнорусские говоры Рязанской, Тамбовской, Воронежской областей), характеризующиеся употреблением *'а* (*я*) в предударном слоге при любых условиях: *н'асу́, н'ас'и́, н'ас'о́ш, н'асла́; с'астра́, с'астры́, с'ас'т'о́р; п'ата́к, п'ат'и́, п'ат'jу́* и т. д. Такое яканье называется сильным.

Кроме основных типов яканья, как уже сказано, возможны и другие, по большей части возникшие в результате влияния одного из указанных типов на другой.

Так обстоит дело в южнорусских (т. е. южновеликорусских) говорах в отношении предударного слога.

В остальных неударенных слогах после твердых и после мягких согласных, а также и в предударном слоге после твердых согласных во всех русских акающих говорах в общем действуют те же законы, что и в литературном (московском) произношении, хотя и с некоторыми отклонениями в сторону яканья.

Но аканье-яканье нельзя считать особенностью только русских (великорусских) говоров. Это явление не в меньшей мере характерно также для белорусского языка — литературного и говоров. При этом одна (северо-восточная) половина Белоруссии (и примыкающая к ней часть Смоленщины) с городами Могилевом, Витебском, Смоленском (точнее — его окрестностями) характеризуется диссимилятивным аканьем-яканьем, а другая (юго-западная)— сильным. Граница между этими двумя диалектальными зонами проходит с юго-востока на северо-запад приблизительно от Новгород-Северска к Вилейке, между Минском и Борисовым, а затем поворачивает на северо-запад к Двинску, причем зона диссимилятивного яканья значительно больше, чем зона диссимилятивного аканья. Важно отметить, что белорусские говоры с диссимилятивным аканьем-яканьем непосредственно примыкают к южнорусским говорам с диссимилятивным яканьем Курско-орловской группы.

Что касается характера диссимилятивного яканья в Белоруссии, то оно несколько отличается от южнорусского, между прочим, и в том отношении, что в таких словах, как *н'исла́*, вместо ***и*** (из ***е*** и пр.) иногда встречаются близкие к нему гласные неполного образования: *н'ьсла́* и т. п.

Кроме того, в Белоруссии не только яканье, но и аканье возможно диссимилятивное, тогда как в южнорусских говорах, Курско-орловской группы, диссимилятивное аканье в на-

стоящее время почти неизвестно. Например: *вады́, сталы́, маhу́, май* и т. д., но: *выда́* или *въда́, стыла́* или *стъла́* и т. д.

Как полагают, все это разнообразие типов аканья-яканья сложилось с течением времени в результате дробления одного первоначального типа. По мнению Шахматова, наиболее старым из всех известных нам в настоящее время типов, но все же не первоначальным типом, аканья-яканья можно считать диссимилятивный, объединяющий теперь южнорусские и белорусские говоры и, следовательно, возникший до того, как установилась государственная граница между Московским и Литовско-Русским государствами, — до конца XIII — начала XIV в. — диссимилятивный тип, основная зона распространения которого составляет самую сердцевину акающей территории на карте восточного славянства в Европе. Возникновение первоначального (не сохранившегося) типа аканья-яканья (архаического диссимилятивного: *въда́, вады́; н'ьсла́, н'е́су́*) Шахматов в своих последних работах ставил в связь с утратой долготы ударенными гласными *у*, *ы*, *и* (гласный *а* сократился значительно раньше) — утратой, которая вызвала „усиление" предударного слога. Согласно шахматовской концепции, аканье началось с ослабления кратких гласных *о*, *е* и *а* (из $\bar{a}$) во всяком неударенном положении (*въда́, въды́; н'ьсла́, н'ьсу́, гълъва́* и пр.).

Главной причиной возникновения акающего произношения явилось ослабление неударенных слогов сравнительно с ударенным. Такое ослабление неударенных слогов, влекущее за собой разнообразные изменения неударенных гласных (в восточнославянских говорах только широких *а*, *о*, *е*), не составляет исключительной особенности только акающих русских говоров и белорусского языка. Нечто похожее, хотя и в другом роде, наблюдается, например, и в некоторых неславянских языках: в словенском, а также в болгарском, в восточноболгарских говорах, где неударенные гласные *о* и *е* произносятся, как *у* и *и*, а неударенный *а* подвергся редукции и перешел в *ъ*. Наблюдается нечто похожее и в некоторых неславянских, восточноевропейских языках, например в мордовском. Возможно, что в данном случае мы имеем дело со сходными переживаниями в речи различных родственных и неродственных по происхождению, но территориально смежных этнических групп.

Что касается хронологии аканья, то в этом отношении письменные памятники нам дают очень мало. Известно, что раньше

XIV столетия достоверных написаний, свидетельствующих о наличии аканья в памятниках древнерусской письменности, не отмечено. Правда, представляют интерес данные Смоленской грамоты 1229 г., отличающейся неправильным употреблением букв **ъ**, **ь** вместо **о**, **е**, **ѣ** и пропуском **о**, **е**: *берьго, быхъмъ, горда (=города)* и пр. Давно уже сделано наблюдение[1], что такое употребление **ъ**, **ь** в этой грамоте характерно главным образом для неударенных слогов (96 случаев), тогда как под ударением оно встречается редко (не больше 25 случаев, причем некоторые спорны: словосочетание *дъбрии люди*, возможно, имело одно ударение — на втором слове: ср. *детибоярские* в Уложении 1649 г.), а пропуск **о**, **е** имеет место только в неударенном положении.

Следует, однако, учесть, что в неударенном положении гласные встречаются вообще значительно чаще, чем под ударением. В современном русском литературном языке в некоторых текстах соотношение ударенных и неударенных слогов в среднем равно в процентах — 28 : 72.

Более достоверными считаются примеры отражения аканья в рукописях московского происхождения XIV в. и более поздних. Например, в записи к Евангелию 1339 г., написанному в Москве, читаем: „в послѣднее время въ *апустѣвшеи* земли" и т. д. Там же и некоторые другие (хотя и не бесспорные) примеры. В XV в. в Москве аканье уже получило широкое распространение. При раскопках в Зарядье в 1951 г. археологами была обнаружена личная печать московского жителя Ивана Коровы с надписью: „печать ивана *карови*". В московских грамотах XIV — XV вв. нечто похожее на аканье встречается только в топонимике, в географических названиях, не всегда ясного происхождения: *Растовець* при *Ростовци* — в первой духовной Ивана Калиты 1339 г., в договорной Дмитрия Донского 1374 г. и др.; село *Астафьевское* — во второй духовной Ивана Калиты, при обычном *Остафьевское* (от *Евстафий*) и т. п.

Любопытно, что оно не отражается и в памятниках этого же времени более южных, чем Москва, например в грамоте рязанского князя Олега Ивановича 1356 г. и др. В памятниках белорусского происхождения до XV—XVI вв. мы также не находим примеров явного аканья.

---

[1] См.: И. М. Тимчинова, К хронологии явлений, предшествующих аканью, „Ученые записки Высшей школы г. Одессы", 1922.

С XVI и особенно с XVII столетия употребление в неударенном положении *а* вместо *о*, а также *е* вместо *я* или *и* вместо *е* в рукописных памятниках (особенно в памятниках делового языка, в частной переписке и т. п.) среднерусского, южнорусского и белорусского происхождения встречается все чаще и чаще. В значительной степени это объясняется расширением контингента пишущих людей и некоторым снижением норм грамотности или, лучше сказать, невыработанностью и неустойчивостью новых норм, сменяющих старые нормы церковнославянской грамотности.

В старопечатных московских книгах XVI—XVII вв. аканье почти не получило отражения. В Уложении 1649 г., кроме нескольких случаев употребления *а* вместо *о* перед слогом с ударенным *а*: *салдáты, галáнскихъ* гостей (где *а* вместо *о* можно объяснить и как результат межслоговой ассимиляции), *о* в неударенном положении употребляется этимологически правильно, как и в рукописях северного происхождения, хотя во многих московских рукописных памятниках приказного языка этого времени, послуживших источниками для Уложения, например в Указной книге Поместного приказа и других, аканье отражается весьма заметно.

От XVII в. дошли до нас даже такие памятники, как „Поручные записи“ 1610 г., веденные во время осады Смоленска польскими войсками, с чертами диссимилятивного яканья[1].

Что касается нашей современной орфографии, то она характеризуется в общем таким употреблением букв *а*, *я*, *о*, *е* (причем *е* употребляется и вместо *ѣ*) в неударенных слогах, которое установилось в Москве и других акающих пунктах до возникновения аканья. Впрочем, в единичных словах мы все же иногда пишем *а* вместо исторического *о*: например, перед слогом или после слога с ударенным *а*: *калáч* (ср. *колесо, колея, около*), *карман* (по-древнерусски *корманъ*), *стакан* (из *достоканъ*, см. § 129), *завтрак* (из *заутрькъ*, от *утро;* ср. в польском *zajutrek*) и др., ср. *лáсковый* (вместо *ласкавый*; ср. укр. *ласкáвий*), а также вследствие „народной этимологии“: *парóм* (вместо *пором*, ср. в чешском *pram*, в польском *prom;* сближение с *пара*), *лапта* (вместо *лопта* — игра и палка (для поддавания мяча) в виде

---

[1] „Памятники обороны Смоленска (1609—1611 гг.)“, под ред. Ю. В. Готье, М., 1912. Одна из таких записей напечатана в „Контрольных работах для студентов-заочников II курса факультета русского языка и литературы“, Учпедгиз, 1953, стр. 20—21.

весельца; ср. в сербском *лопта* — „мяч", в чешском *lópta* — „мяч"; сближение с *лапа, лапать), бразды правления* вместо *брозды* (при старославянском брѣзды — „вожжи", „повода", вследствие контаминации с *бразда: борозда), ладонь* (из *долонь)* и т. д.

Б. СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

В области консонантизма в историческое время также произошли существенные изменения. Выше было уже упомянуто о разнообразных явлениях, вызванных „падением глухих": об изменениях ассимилятивного и диссимилятивного характера, об упрощении некоторых групп согласных и др.

Но, разумеется, многие изменения в области консонантизма не находятся ни в какой связи с „падением глухих", а в некоторых случаях возникли даже раньше „падения глухих".

§ 55. Сочетания *кы, гы, хы*. Во всех славянских языках в древности, с доисторической эпохи заднеязычные ***к, г, х*** произносились только т в е р д о и могли сочетаться только с гласными ***а***, ***о***, ***у***, а также ***ы***. Объясняется это очень просто: мягкие ***к, г, х*** еще в дописьменный период изменились или в шипящие ***ч, ж***[1], ***ш*** (в положении перед гласными переднего ряда и в сочетании с *j*): *крикимъ > кричимъ, кęдо > чęдо* [корень, надо полагать, тот же, что в общеславянском *начęти* (*-кен-*)]; отсюда потом русское *чадо;* далее: *рǫкька > рǫчька, кьто* (ср. лат. *quis, quid*) > *чьто, друге* (зват. ф.) > *друже, гęти, гьнǫ* (ср. лит. *genëti* — „обрубать ветки") > *жęти, жьнǫ, сухити — сушити, сѣкја > сѣча, легјǫ > лежǫ, духја > душа* и т. д.; или в свистящие ***ц, з, с*** (в положении перед ***ѣ*** и ***и*** дифтонгического происхождения, из дифтонгов ***oį, aį***, преимущественно в некоторых падежных и личных о к о н ч а н и я х: *на *рǫкѣ > на рǫцѣ, на*ногѣ > на нозѣ, *вѣки > > вѣци* (им. мн. ч.), **други > друзи, *пастухи > пастуси, *пьки > пьци, *моги > мози, *могѣте > мозѣте* и пр. и очень редко в к о р н я х: *цѣна* (ср. литовск. *káina*), *целый* (ср. немецкое *heil*, где ***h*** из ***к***) и некоторые другие. В первом случае принято говорить о

---

[1] В некоторых неславянских языках, где также имел место напоминающий рассматриваемое здесь явление в славянских языках переход заднеязычных согласных в шипящие, на месте *г* оказывается именно *дж*. Так, например, в осетинском языке (иронский диалект) при известных условиях *к* изменилось в ***ч***, а *г* — в *дж*. Ср. в английском *дж* из *г*. Например, *George* (Джбдж) при французском *George* (Жорж). Можно полагать, что в общеславянском языке из *г* по первому смягчению получилось сначала *дж'*, а потом, вследствие отпадения взрывного элемента *д*, возникло *ж'*. Ср. во многих русских говорах процесс ***ч' > ш'***: *уч'ит' > уш'ит', р'еч'ка > р'еш'ка* и т. д.

„первом смягчении" заднеязычных, а во втором — о „втором смягчении".

Можно, хотя и с оговорками, допустить предположение, иногда высказывавшееся отдельными историками языка (например, Б. М. Ляпуновым), что в некоторых восточнославянских говорах, на севере, второе смягчение ***к, г, х,*** по крайней мере, в склонении, не было проведено последовательно. При этом предположении, действительно, становятся понятны такие (правда, единичные) факты, как очень ранняя форма дат. ед. *Дъмъкѣ* (вместо ожидаемого *Дъмъцѣ*, от *Дъмъка, Домианъ)*: „рабу своему *Дъмъкѣ*" — в новгородской Минее 1096 г., в записи и, кроме того, в новгородской берестяной грамоте XII в. (№ 105): „от Сьмъка къ *Кулотъкѣ*" *(<Колодъкѣ)*.

Иногда говорят еще о „третьем смягчении" заднеязычных, по которому, так же как и во втором случае, получились свистящие ***ц, з, с,*** но при других и еще недостаточно выясненных условиях после некоторых гласных переднего ряда: *лико>лице* (но *ликъ*), **овька>овьца*, **кънęгъ>кънęзь* (но *кънęгыни*). В частности, в местоимении: *вьхъ>вьсь, вьха>вься, вьхо>вьсе*. Необходимо, впрочем, отметить единичные случаи сохранения такого ***х*** на севере древней Руси в XI — XIII вв. Во Вкладной грамоте Варлаа́ма Хутынского: „*вху* же ту землю". В новгородской берестяной грамоте, № 87: „къ *вхемо* вамо". В Синодальном списке I Новгородской летописи: „*вхе* полъ", л. 87 об. (вместо *всь, вьсь*). Там же „*нельга* вылести" (=нельзя), л. 12, об.

Таким образом, к началу древнерусской эпохи мягких ***к, г, х,*** как правило, уже не оставалось, если говорить о словах только славянского происхождения.

Разумеется, слова, заимствованные в древнерусскую эпоху, например, из греческого языка, представляли и в этом отношении резкое нарушение установившейся фонетической системы: *кедръ, келия, кесарь, кимвалъ, кипарисъ, китъ, гигантъ, евангелие, архимандритъ, ехидьна* (даже: *архистратиге*, зв. падеж, в Минее 1095 г.) и пр., а также собственные имена: *Георгий* и пр.

Заднеязычные (твердые) согласные ***к, г, х,*** в народном древнерусском могли сочетаться не только с гласными ***а, о, у:*** *рука, рукою, руку* и т. д., но также и с гласным ***ы***. Произносили: *кыпѣти, кы́нути, кый* (молот), *ру́кы́* (род. ед. ч., им.-вин. мн. ч.), *кысе́ль, вѣ́кы* (вин. мн. ч.), *ученикы́* (вин. мн. ч., но *ученици́* — им. мн. ч.), *вели́кый* (из *великъ*+*и*), *нѣ́кый; гы́бель,*

гы́ря, ногы (род. ед. ч., им.-вин. мн. ч.), *дру́гы* (вин. мн. ч.), на *мъно́гы* годы, *тугы́й, дѣлгый*; *хы́трый, пастухы́* (вин. мн. ч.), *сухы́й, Кыев* и т. д.

С течением времени, сначала на юге, с XII в., а потом, несколько позже, на севере, сочетания ***кы, гы, хы*** в письменных памятниках древнерусского языка начинают мало-помалу вытесняться сочетаниями ***ки, ги, хи,*** и чем дальше идет время, тем все с большей последовательностью. Причина этого явления заключается в том, что перед гласным среднего ряда ***ы*** твердые согласные вообще произносились с минимальной лабиализацией, которая потом вскоре исчезла. Вследствие этого в произношении ***к, г, х*** в этом положении произошла передвижка вперед. Они стали среднеязычными согласными, что в свою очередь повлекло за собой передвижку вперед и в произношении ***ы,*** которое изменилось в ***и***. Перед этим новым ***и*** из ***ы*** средненебные ***к, г, х*** в русском языке смягчились.

На северо-востоке этот фонетический процесс закончился позже. В XIII в., надо полагать, сочетания ***кы, гы, хы*** еще сохранялись во многих говорах. В ростовском „Житии Нифонта" 1219 г. сочетания ***кы, гы, хы,*** как правило, еще употребляются: *мукы, книгы, въсхыти* и т. п., но *великии* (336). Примерно так же дело обстоит в ростовском же „Апостоле" 1220 г. В Смоленской грамоте 1229 г. имеем: „владыка *ризкий*", *латинеский, латинескимь, лихий,* хотя преобладают написания с ***кы, гы, хы***.

К концу следующего столетия, однако, произношение ***ки, ги, хи*** в русских говорах этой зоны, по всей вероятности, уже повсюду установилось. В московских же грамотах XIV в. написаний ***кы, гы, хы*** почти не встречается.

Но в некоторых двинских грамотах XV в., по наблюдениям А. А. Шахматова, еще „строго выдержаны ***кы, гы, хы***". Вообще, чем дальше на север, тем, по-видимому, дольше сохранялись эти сочетания. Исследователи беломорских грамот отмечают (правда, как затихающее явление) употребление сочетаний ***кы, гы, хы*** даже в XVI в.: *волокыта, убыткы,* с *Каменкы, Никыта Щукын* и т. п. (по И. А. Елизаровскому).

§ 56. Шипящие и *ц*. Шипящие ***ш, ж,*** шипящая аффриката ***ч*** и свистящая аффриката ***ц*** называются „исконно мягкими" согласными, потому что они были мягкими с доисторической эпохи, тогда как другие мягкие согласные (за некоторыми исключениями) стали мягкими лишь в историческое время. В современ-

ном русском литературном языке, а также, по большей части, и в говорах из этих „исконно мягких“ согласных только ***ч*** сохраняет еще свою мягкость, остальные отвердели. Написания ***ши, жи:*** *шить*, из *души, жизнь, ножи*, и ***шь, жь:*** *мышь, идёшь, рожь* и т. п. расходятся с произношением *шыт', жыз'н', рош, ид'ош* и пр., являются историческими, традиционными написаниями. В древнерусской письменности, напротив, эти написания были фонетическими, потому что соответствовали произношению во всех древнерусских говорах. При этом употреблялись не только написания ***ши, жи, шь, жь*** (только более последовательно: *тришьды, нашь, мужь* и пр.), но также и ***шю, жю.*** Так, например, в „Житии Нифонта“ 1219 г., написанном в Ростове Великом: *шюмъ* бы, *съшьдъшю, покажю, жюмъ, надежю* и т. д. (но ***ша, жа:*** *душю*, но *душа* и пр.).

Примерно так же дело обстоит и в древнейших московских грамотах первой половины XIV столетия. Со второй половины начинают встречаться написания, свидетельствующие об отвердении ***ж, ш,*** например: ***шы, жы,*** причем второе чаще: *жывите* за одинъ, *държытъ* сынъ мой, *Сурожыкъ, Шышкина* дѣла и др. — в духовной Дмитрия Донского 1389 г. Любопытно, что в Уложении 1649 г., кроме обычных ***ши, жи,*** еще встречаются ***жь*** (но не ***шь***): *грабежь*, за *рубежь, замужь* и др., реже ***жю,*** отчасти ***шю:*** *грабежю*, на *продажю*, на *душю;* даже ***жя:*** „по которому городу *служятъ*“. Едва ли эти написания свидетельствуют о неустойчивости твердого произношения ***ш, ж*** в произношении москвичей в первой половине XVII столетия. Скорее мы имеем здесь дело с орфографической неустойчивостью, с традицией.

Трудно, однако, сказать, как, в каких направлениях происходило распространение твердого произношения ***ш, ж,*** в каком или в каких пунктах русской языковой территории оно установилось раньше, в каких позже и т. д. Как бы то ни было, в настоящее время имеются островки говоров, особенно на севере (например, в Ярославской области), до сих пор характеризующиеся мягким произношением ***ш, ж,*** как в старину: *слышю, шяпка, жялко* и т. п.

С другой стороны, в некоторых русских говорах, не только по соседству с украинскими и белорусскими говорами (где это явление обычно), наблюдается твердое произношение не только ***ш, ж,*** но и ***ч:*** *чыстый, кричыт* и пр.

Аффриката *ц* в литературном русском языке и во многих говорах — повсеместно в южнорусских, почти всюду в среднерусских и во многих севернорусских — в настоящее время произносится твердо. Это твердое произношение получило соответствующее отражение и в письменной речи: *отцы, улицы, куцый, цыпленок, цыгане* и пр. (*ци* — преимущественно в новых заимствованных словах: *цирк, социальный, ситуация* и пр.). Но мягкое произношение *ц* довольно широко распространено на севере (приблизительно к востоку от линии „Устюжна—Петрозаводск" и к северу от линии „Устюжна—Казань" и дальше к Уралу): *отця, с улици, лицё, мисець* и т. п.

Судя по тому, что в письменных памятниках древнерусского языка после *ц* обычно употребляются буквы *и, ь, ю* и (не столь последовательно) ѧ, — между прочим, в московских грамотах XIV в. и более поздних: *жеребци, Ростовець, отцю, Гуслицѧ* и пр., — следует полагать, что аффриката *ц* сначала произносилась мягко во всех древнерусских говорах. В Московской Руси она отвердела, по-видимому, не одновременно на юге и на севере: раньше в южнорусских говорах, позже — на севере. Сравнительно поздно (позже, чем *ш, ж*) отвердело *ц* и в московском произношении. В XVI — XVII столетиях в Москве, в Твери и других среднерусских центрах *ц* произносилось уже твердо. Ср. в „Домострое" по Коншинскому списку: *отецъ, концы, мѣлницы, нацыдят* . . .

§ 57. **Цоканье.** Во многих севернорусских говорах и некоторых среднерусских на юг и на восток от Москвы с давнего времени сохраняются определенного рода отступления от этимологически правильного употребления *ц* и *ч* — то в виде цоканья и цёканья, когда *ц* употребляется вместо *ц* и вместо *ч*, причем *ц* звучит или твердо (севернорусские говоры новгородского типа, хотя далеко не все, и др.): *цы́стой, пцолка, ушо́дцы* (*и: ушодчи* < *ушедши*), *ноц* и пр., или мягко (многочисленные говоры вологодского, олонецкого и поморского типа и др.): *ноць, цистой, цясто, пцёлка,* в *ри́цьке* и т. д.; то в виде чоканья (например, местами в Кировской области и вообще на северо-востоке великорусской территории), когда *ч* употребляется вместо *ч* и вместо *ц*: *отечь, чярь, личё, чена́, куричя* и пр., то в виде смешения *ч* и *ц*: *отечь* и пр., но *ноць* и т. д.

Это явление отражается в памятниках севернорусской письменности, прежде всего — новгородского происхождения, начиная

с XI в. в новгородских Минеях 1095, 1096 и 1097 гг., в I Новгородской летописи по Синодальному списку, в новгородских грамотах XIII—XIV вв. и в неновгородских — смоленских и полоцких, например в Смоленской грамоте 1229 г. и в более поздних памятниках северо-западного и северного происхождения. Так, в упомянутых Минеях буквы ***ц*** и ***ч*** нередко употребляются одна вместо другой, даже в словах явно книжных, заимствованных из старославянского языка; *отечь, коньча, луца* (луча), *агньчь, наричаю; срьдьцьнаѩ* (сердечная), *непороцьнаѩ, владыциче* (вместо „владычице") и т. д. Конечно, путаница в употреблении букв ***ц*** и ***ч*** не обязательно свидетельствует о смешении звуков ***ч*** и ***ц***: путаница могла быть также вызвана совпадением обоих звуков в одном, например, в ***ц***. Любопытно, что в некоторых новгородских берестяных грамотах (и в некоторых пергаменных XIII—XIV вв.) наблюдается употребление только ***ц*** вместо ***ч***, но не наоборот: *оцистимъ, цоловѣкъ, Заволоцьѥ* и др.

По вопросу о происхождении и развитии этого явления, о котором в настоящее время известно несколько больше, чем во времена Шахматова, все же не имеется полного единодушия среди языковедов. По-видимому, „цоканье", совпадение ***ч*** с ***ц*** (обе аффрикаты первоначально были мягкими) на почве близости этих звуков следует считать начальной ступенью процесса. Возможно, что мягкое ***ц*** в тех говорах, на территории которых впервые возникло „цоканье", произносилось несколько шепеляво (***ц***^{ш}). В условиях влияния нецокающего произношения на цокающее уже в древней Руси это повлекло за собой смешение мягких аффрикат ***ц*** и ***ч*** (не только в письменной речи, но и в устной!).

Той же причиной могло быть вызвано и „чоканье", получившее распространение особенно в новое время на востоке — северо-востоке европейской части нынешней РСФСР, но известное и в древности. В некоторых двинских грамотах (№ 4, 25, 27 и др.) последовательно употребляется ***ч*** вместо ***ц*** (при правильном употреблении ***ц***).

На некоторых участках севернорусской территории возникновение „цёканья" > „цоканья" можно связывать с влиянием иноязычной, прежде всего финской среды (в некоторых финских языках, как например в суоми-финском, шипящие согласные отсутствуют).

Высказывались в прошлом и некоторые другие соображения о происхождении этого явления. А. А. Шахматов, например, пола-

гал, что цоканье-чоканье возникло под влиянием „мазуракающего“ (т. е. с заменой шипящих согласных свистящими) произношения тех „ляшских“ (польских) племен, выдвинувшихся далеко на восток, сквозь поселения которых некогда (еще до образования Киевского государства) пришлось пробиваться севернорусам в своем движении из среднего Поднепровья на север: цоканье, кроме севернорусских говоров, известно также на севере Белоруссии и там отражается в письменных памятниках, начиная с XIII—XIV вв. Этой „ляшской гипотезы“ Шахматова теперь, пожалуй, никто из языковедов уже не разделяет.

Отметим кстати, что нашему слову *цепь* (по старой орфографии *цѣпь*) в древнерусском соответствует только *чепь*, встречающееся в московских грамотах XIV и следующих веков, в „Хожении“ Афанасия Никитина, в „Житии“ протопопа Аввакума и в других памятниках всегда с ***ч***. А. И. Соболевским (в его „Лекциях“) было высказано предположение, что в московское просторечие и потом в литературный язык слово *цепь* попало из говоров со смешением ***ц*** : ***ч***.

§ **58. Согласные *в, ф*.** Губно-зубной ***в*** сохраняет свою артикуляцию в литературном русском языке и во многих говорах — севернорусских и южнорусских. Но в некоторых южнорусских говорах (курско-орловского типа и других), обыкновенно лишь при определенных фонетических условиях (в закрытом слоге после гласного) вместо ***в*** твердого и мягкого произносится н е с л о г о в о е ***у***: *де́у̯ка, во́у̯цы, дере́у̯ня, самава́рау̯, кроу̯* и пр. В начале слова перед гласным в этих говорах вместо ***в*** произносится с л о г о в о е ***у***: *узя́л, уну́к, усё, удава́, у ту по́ру, у яру́ħу* и пр.

На севере т а к ж е встречаются говоры с н е с л о г о в ы м ***у*** вместо ***в*** при тех же условиях, а иногда и со с л о г о в ы м ***у*** в начале слова перед согласным. Таковы севернорусские говоры вологодского типа и др. В украинском и белорусском языках изменение ***в*** > ***у̯, у*** обычно и в литературной речи, и в говорах.

Чтобы понять это явление, следует учесть, что согласный ***в*** в славянских и вообще в индоевропейских языках развился из гласного ***у*** неслогового, подобно тому как и ***j*** (йот) возник из гласного ***и*** неслогового. Таким образом, то, что мы считаем изменением ***в*** > ***у̯*** (и дальше > ***у***), на самом деле, может быть, нужно рассматривать, как с о х р а н е н и е старины (при определенных фо-

нетических условиях). Между прочим, отсутствие изменения глухих согласных в звонкие в положении перед **в**, например *сват* (не *зват*!) *пáства, ты́ква* и т. п., косвенно также свидетельствует об о с о б о м (из гласного звука) происхождении этого звука. В памятниках нашей письменности (в том числе и в книгах церковно-учительного содержания, причем не только в книгах, списанных с сербского оригинала[1]), употребление *у* вместо *в* обыкновенно встречается лишь в начале слова перед согласным. Например, в смоленской грамоте 1229 г.: *узяти, уздумалъ, у Ризѣ,* „не метати *у погрѣбъ*". Позже это явление получило отражение в северодвинских грамотах XV в.

Что касается звука **ф** — глухой разновидности **в**, — то ввиду сказанного о происхождении **в** (из гласного звука) должно быть ясно, что этого согласного в древнее время не могло быть в славянских языках, в частности в древнерусском. И действительно, такого звука не существовало в древнерусском народном произношении, но он употреблялся в литературной речи в некоторых словах, заимствованных главным образом из греческого языка, например: *анафема, поръфира, просфора, сапфиръ, серафимъ, фарисей, февраль, философъ, фонарь, фрягъ, хронографъ* и пр., и также в собственных именах: *Иосифъ, Филиппъ, Феодоръ, Фома, София, Феофанъ* (откуда в просторечии *фофан* — „простофиля" и т. п.). Некоторые из этих ранних грецизмов уже забыты: *фарь* (лошадь, из среднегреческого φαρίον, восходящего к арабскому *faris*, встречающееся в „Молении" Даниила Заточника); некоторые уцелели в говорах, как например (на севере и в Сибири) *эка фтора*! („вот беда"!) и т. п., восходящее к греческому φϑορα — „беда", „гибель" и т. д. Впоследствии к этим греческим по происхождению словам прибавилось немало других заимствованных слов со звуком **ф**: латинских — *факт, форма, фигура* и пр.; немецких — *офицер, штраф, футляр* и др.; французских — *фасон, финансы, афиша* и т. д., а также восточного, особенно тюркского происхождения, как например *фата*, встречающееся в „Хожении" Афанасия Никитина и др. Таким образом, этот согласный звук, обозначающийся в письменной речи буквами **ф** и **ѳ**, явился, так сказать „иммигрантом" в древнерусском языке. Он не был еще в ту пору словоразличительным звуком речи, но все же мало-помалу становился привычным согласным.

[1] Изменение **в** > **у** в начале слова перед согласными имеет место и в сербском языке и очень рано получило отражение в книжной письменности.

Правда, в народной речи, в частности южнорусской, долгое время не могли привыкнуть к этому звуку, заменяли его другими акустически близкими согласными ***п, х,*** сочетанием ***хв.*** С одной стороны: *парус* (если оно из греческого *faros*), *пикус* (вместо литературного *фикус*, из латинского *fīcus*; ср. в повести И. А. Бунина „Деревня“: „*пикус* сожрали, *пикус* сожрали̊“, т. е. сожрали фикус)[1]; в личных именах: *Осип* (вместо *Иосиф*); ср. на Украине *Остап* (вместо *Евстафий*), *Пилип* (вместо *Филипп*) и т. д.; с другой: *грахвин, сарахван, хвуражка, хворменно* и пр.; или: *хонарь, хунт, хартук, шарх* и пр., иногда в одних и тех же словах: *хунт* и *хвунт*; в личных именах: *Хома* (Фома), *Хилип, Мархва* и т. п. В севернорусских (северновеликорусских) говорах (например, Восточной группы) сочетание ***хв*** по большей части употребляется в положении перед ударенным гласным.

С течением времени, однако, и в словах своих, ниоткуда не заимствованных, появился новый, „отечественный“ ***ф,*** как заместитель ***в,*** в положении перед глухими согласными (в результате оглушения ***в***) и в конце слова: *дефка* (из *дѣвъка*), *столоф, фторой, фпустить, фсё, фпрок, роф* (из *ровъ*) и пр.

В письменных памятниках московского и другого происхождения такое ***ф*** обыкновенно обозначалось буквой ***в.*** Употребление *ф* (или чаще *ѳ*) вместо ***в*** начинается довольно поздно, примерно с начала XVI столетия: *ѳпрокъ, ѳ посольский приказъ* и др.

Может быть, в связи с появлением и освоением нового звука ***ф*** (из ***в***) в русских словах, при наличии ***х, хв*** вместо старого ***ф*** в заимствованных словах, находится в некоторых говорах употребление ***ф*** вместо ***х, хв***: *фост, фастать, фодит, фто, на ногаф* и пр., или, наоборот, ***х*** вместо нового ***ф***: *дехка, мужикох, хторой* и пр., или просто смешение этих звуков. В разных говорах в этом отношении дело обстоит по-разному.

§ 59. Согласный *г*. Можно полагать, что еще в доисторические времена в говорах предков нынешних украинцев и белорусов (но едва ли и южновеликорусов) согласный ***г*** произносился не как мгновенный, взрывной звук, а как длительный, фрикативный. Правда, установить этот факт на основе показаний памятников древнерусской письменности едва ли возможно, потому что в старославянской азбуке была только одна буква ***г,*** которой в древнеболгарском произношении соответствовал взрывной со-

---

[1] Видимо, сюда же относится *пихта* (< нем. Fichte — „ель“).

гласный *г*. В древней Руси с этой буквой могли ассоциироваться разные звуки: на севере — *г* взрывное, а на юге — *г* фрикативное, подобно тому как и в наши дни одинаково пишется и одинаково печатается по-русски и по-украински слово *гусь*, хотя мы, москвичи, произносим его с взрывным *г*, а украинцы — с фрикативным *г* (*hус'*).

Когда же произошло изменение *г* (взрывного) в γ (фрикативный заднеязычный) или *h* (гортанный)?

По-видимому, в историческое время, но сравнительно рано. Отметим, кстати, что в сочинении Константина Порфирородного „О народах" в названиях днепровских порогов неоднократно встречается слово *праг* (= порог) с *х* на конце: Οστροβουνίπραχ (= *Островный праг*), Βουλνηπράχ (= *Вълньный*, или *Вълны-праг*), а это свидетельствует: 1) о раннем диалектальном исчезновении конечного слабого глухого (*ъ*), 2) о рано начавшемся (по говорам) приглушении конечных звонких несонорных согласных и 3) о фрикативном произношении *г* на юге, в Приднепровье, в первой половине X в. От XI в. также сохранились некоторые данные, свидетельствующие о фрикативном произношении *г* на юге древней Руси. Как уже было упомянуто выше, французская королева Анна Ярославовна, выросшая в Киеве, подписалась на упомянутой латинской грамоте 1063 г. (см. § 25) кирилловскими буквами ѧжина (= regina, королева), т. е. пропустила *г*, вероятно, потому, что с этим знаком в ее сознании связывалось представление о фрикативном *г*, тогда как по-латински слово regina произносится с *г* взрывным.

Но в южновеликорусских говорах (орловско-курских и пр.) фрикативное произношение *г* (т. е. γ) могло установиться несколько позже. В пользу позднего изменения *г* > γ в пределах этого наречия свидетельствует то обстоятельство, что в южновеликорусских говорах *г* произносится как заднеязычный согласный, а не как гортанный звук, возникновение которого можно считать последней стадией развития фрикативного *г*. В других славянских языках (чешском, словацком, верхнелужицком) изменение *г* > *h* произошло, по-видимому, не одновременно с таким же процессом на юге древней Руси. Так, в чешских памятниках письменности, писанных латиницей, такое употребление *h* вместо *г* начинается с XIII в.

В современном русском литературном языке, так же как и во многих русских говорах — северно- и среднерусских, соглас-

ный *г* — взрывной; в случае оглушения он заменяется согласным *к* (*друк* и пр.). Но в некоторых словах, явно книжного, отчасти церковного происхождения, в литературном русском языке произносится и рекомендуется произносить фрикативное *г*: *бог* (род. ед. ч. *бога* и пр.), *господи, благо* (и *благодать, благословить, благодарить* и пр.), *богатый* (с производными) и некоторые другие. В старом литературном языке, например XVIII в., судя по данным § 102 „Российской грамматики" М. В. Ломоносова, таких слов было гораздо больше (*господин, государство* и нек. др.).

Как полагают некоторые ученые, мы здесь имеем дело с пережитком орфоэпической „моды", установившейся в Москве во второй половине XVII в., в связи с литературной и педагогической деятельностью украинских и белорусских книжников (Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и других), и с основанием Славяно-греко-латинской академии.

§ 60. Судьба сочетаний *ш' ч'* и *ж' д' ж'*. Эти сочетания, из которых второе является просто звонкой парой первого ***(ш'т'ш': ж'д'ж')***, возникли еще в эпоху общеславянских языковых переживаний. Они развились из более ранних сочетаний ***стj: здj, скj: згj, ск':зг'*** (с мягкими ***к, г*** перед гласными переднего ряда). Примеры (в фонетической транскрипции):

(стj) *ростjа > рош'ч'а; пустjǫ > пуш'ч'ǫ*, откуда на древнерусской почве: *пуш'ч'у* (= пущу); *угостjати > угош'ч'ат'и;* также: *пьрстjатый* (от *пьрстъ*) > *пьрш'ч'атый* (ср. „рукавицы *перстатые*" в др. русских памятниках XIII в.), откуда у нас *перчатка*); *гърстjькъ* (от *гърсть*) > *горш'ч'ькъ* > *горшчóк* [ср. *горщки* (с *щ*) в „Домострое" по списку Общества истории и древностей российских; ср. белорус. *гаршчок*]; из *горшчок* — *горшок* (ср. укр. *горшки*, но *горщок*).

(скj) *искjǫ > иш'ч'ǫ > иш'ч'у; дъскjаный >дъш'ч'аный; тъскjь* (от *тъска*) > *тъш'ч'ь*, откуда в современном русском *тощ, тощий;*

(***ск'***, с мягким ***к*** по первому смягчению задненебных) *трѣскить* (3-е л. ед.) > *трѣш'ч'ить*, откуда в современном русском *трещит* (= *тр'иш'ш'úт*).

(здj) *ѣздjǫ > ѣж'д'ǫ > ѣж'д'ж'у; поздjе > пож'д'ж'е, пригвоздjенъ > пригвож'д'ж'енъ* (ср. ст.-слав. пригвождєнъ);

(згj) *(из)мозг'jенъ > (из)мож'д'ж'енъ* (ср. ст. слав. измождєнъ);

(***зг'***) *дрозг'ьjе > дрожджьjе*, отсюда *дрож'д'ж'и*.

Сюда же (т. е. к словам, издревле произносившимся с сочетаниями ***ш'ч'*** и ***ж'д'ж'***) можно отнести и некоторые другие

слова, происхождение которых и, следовательно, первоначальная фонетическая форма еще недостаточно выяснены. Например, слово *ещё* или слово *дождь*, которое первоначально в славянских языках произносилось, как *дъж'д'ж'ь*.

По всей видимости, с такими же сочетаниями ***ш'ч'*** и ***ж'д'ж'*** все эти слова употреблялись и в древнерусском языке. После падения глухих со старыми сочетаниями ***ш'ч'*** и ***ж'д'ж'*** совпали сочетания ***сч: зч*** из ***съч: зъч; зж*** из ***зъж*** и т. п.: *съч'ӓстл'ивъ*>*сч'ӓстл'ивъ*>*ш'ч'ӓстл'ивъ; изъч'эзнут'и*>*исч'эзнут'и*>*иш'ч'эзнут'и* (корень *кёз-;* ср. *про-каза* и т. п.), *изж'ит'и*>*иж'д'ж'ит'и* (ср. *иждивенец* при ст. слав. **иждити**).

В памятниках древнерусского языка сочетание ***ш'ч'*** обыкновенно обозначается буквой ***щ***, причем не только в *пущу*, но и в *ищезнути* (где ***щ*** из ***сч***<***зч***) и т. п. Только изредка, в отдельных рукописях, преимущественно южного (киевского и пр) и западного происхождения, можно встретить и ***шч***. Например, *ловишча* в грамоте Витовта около 1392 г. и др.

Сочетание ***ж'д'ж'*** передается по-разному, чаще как ***жд, жж, зж,*** изредка, в тех же рукописях южного и западного происхождения, как ***жч:*** *дъжчь* (или *дъщь*), *ижчене* (*изжене,* изгнал) и т. п. В одной старой русской грамоте звенигородского князя Юрия Дмитриевича 1304 г. встречается написание *въѣжщаютъ* (= въезжают).

В современном русском литературном языке, точнее в московском произношении, вместо старого ***ш'ч'*** употребляется долгое мягкое ***ш*** (из ***ш'ч'***): *пуш'ш'ӯ, угаш'ш'ӓт', ш'ш'ӓс'т'jь* и т. п., хотя не считается неправильным и произношение ***ш'ч'***: *пуш'ч'у* и пр. Пишут ***щ, сч, зч*** (*роща, возчик, бесчисленный* и т. п.). В русских говорах, кроме ***ш'ч'*** и развившегося из него ***ш'ш'*** (с утратой взрывного элемента), в старых словах с ***ш'ч'*** встречаются также долгое твердое ***ш:*** *пушшу, рошша, ешшо* и пр. (на севере и на юге), изредка (в некоторых говорах Вологодской области и других на севере) ***шт*** (с мягким ***т***): *пуштю* (т. е. *пушт'ӯ*), *ештё* и т. д.

На месте старого ***ж'д'ж'*** в современном русском литературном языке звучит ***ж'ж'*** (собственно московское произношение): *jэж'ж'у, даж'ж'ӣ* и пр. Пишут в этих словах: ***жд*** (*дождь*), ***зж*** (*езжу, позже* и пр.), ***жж*** (*дрожжи,* наряду с *дрожди, вожжи* и пр.). Иногда эти слова и произносятся то с ***жд*** (*дóж'д'ик*), то с ***жж*** твердым (*jэжжу*). В говорах

с произношением *пушшу* и пр. (с твердым долгим ***ш***) вместо ***ж'д'ж'*** употребляется твердое ***жж***: *дóжжык, éжжу* и пр., встречается и мягкое ***жд***: *еждю* и т. п. На севере возможно и ***ждж*** твердое (как и ***шч*** твердое): *ежджу* и т. п. (в новгородских, архангельских и других говорах).

В рукописных памятниках древненовгородского и древнепсковского диалектов, начиная с новгородских Миней 1095 и 1096 гг., наблюдается странное употребление сочетания ***жг*** вместо первоначального ***ж'д'ж'***. Например, в Минее 1096 г.: *дъжгь, пригвожгенъ* (от *пригвоздити*) и т. д. Любопытно, что такое ***жг*** употребляется здесь и на месте старославянского ***жд***: *(рожгению, (от) тоужгаго (чуждаго), прежге* и т. п. Ср. в I Новгородской летописи: *тепло... дъжгь* (л. 23) и т. д. Можно полагать, что написание ***жг*** поддерживалось произношением (***ж'г'*** могло получиться из ***ж'д'***, которое, в свою очередь, — из ***ж'д'ж'***).

§ 61. **Ударение.** В нашем кратком пособии мы не имеем возможности осветить развитие русского языка во всех его проявлениях, всесторонне. В частности, не можем уделить должного внимания и такой его стороне, как система ударений, акцентные отношения. Впрочем, в значительной мере это трудно сделать и в силу недостаточной разработки относящихся сюда вопросов.

Русский язык, как и многие другие славянские языки, за исключением чешского (со словацким) и польского, относится (как уже было отмечено выше, в § 30) к языкам со „свободным" ударением, т. е. не закрепленным на каком-нибудь одном слоге слова [например, начальном, как в чешском (или — из неславянских языков — в финском-суоми); на предпоследнем, как в польском или (из неславянских языков) — на последнем, как во французском]. В русском оно может быть и на первом и на последнем слоге и на одном из серединных слогов. Но, разумеется, это совсем не значит, что у нас можно не считаться ни с законами, существующими на этот счет в современном русском литературном языке, ни с историей ударения в каждом слове.

История ударения в славянских языках теснейшим образом связана с историей „количественных" отношений, с историей долготы и краткости слога. Как отмечено в § 30, в общеславянском праязыке, гласные звуки одни были долгими (*а, у, ы, и, ę, ǫ, ѣ*), другие — краткими (*е, о*), третьи — редуцированными неполнократкими (*ъ, ь*, а также *у, и* из *ъ, ь*). В течение обще-

славянской эпохи редуцированные ъ, ь, ы, и в сильном положении стали краткими гласными, а гласные *о*, *е* в сочетании с *р*, *л* и в положении перед далее следующим согласным (например, в **голва*>рус. *голова*) стали произноситься с долготой. Возникли и другие изменения: произошло сокращение долгих гласных в открытом конечном слоге (независимо от ударения): *вŏдā*>*вŏдă*, *рыбā*>*рыбă*, *мāтū*>*мāтй*, *нĕсǭ*>*нĕсǫ̆* и др., в начальном ударном слоге трехсложных слов и в некоторых других положениях. В дальнейшем в истории отдельных славянских языков при определенных условиях происходили и другие изменения в отношении долготы и краткости слогов.

В русском языке (как и в большинстве других славянских, за исключением сербского, словенского и чешского) долгота слога была утрачена и все качественно различные гласные стали произноситься в количественном отношении одинаково (стали одинаково краткими). Утрата долготы относится к очень древнему времени, до возникновения письменности в древней Руси. К явлениям, относящимся к периоду до утраты количественных отношений, по-видимому, следует отнести появление долготы в таких словах, как *воля, кожа, двор* и др., которые сначала (в общеславянскую эпоху) имели нисходящее („циркумфлексное“) ударение на *о* кратком), но потом (еще до распадения общеславянского праязыка) получили новую — восходящую интонацию (так называемую „новоакутовую“). В связи с этим явлением находится развитие узкого, закрытого *ô* или дифтонга *уо* в словах упомянутой группы во многих русских (главным образом севернорусских) говорах. Это новое произношение *о* получило с известного момента отражение в нашей письменности (см. § 41).

Что касается ударения, то в общеславянском праязыке оно имело другой характер, чем в современном русском, где оно является экспираторным, основанным на усилении выдыхательного толчка при произношении ударенного слога. В общеславянском праязыке оно было „музыкальным“ (интонационным) ударением в том смысле, что ударенный слог отличался от неударенных тем, что он произносился или с нисходящей (циркумфлексной), или с восходящей (акутовой) интонацией, к чему, может быть, присоединялось и некоторое усиление выдыхательного толчка. После распадения языка-основы почти во всех славянских языках (кроме сербского и словенского) интонационное ударение превратилось в экспираторное: ударен-

ный слог стал выделяться исключительно благодаря усилению выдыхательного толчка.

Изменение характера ударения не могло не отразиться на фонетической стороне слов. Неударенные слоги стали произноситься с несколько ослабленной артикуляцией, причем степень этого ослабления не была одинаковой по говорам. В той группе восточнославянских говоров древней Руси, на основе которых впоследствии сложились акающие русские и белорусские говоры, это ослабление привело к зарождению аканья (см. § 54). В других говорах оно отразилось на произношении отдельных гласных (см. § 52,53).

Имеются в области ударения в восточнославянских языках явления, которые можно рассматривать как прямое отражение первоначального интонационного ударения, и о них уже было упомянуто выше (см. § 33). Речь идет об ударении полногласных сочетаний: то *о́ро, о́ло* и пр. (из общеславянских *ор, ол, ер, ел* — с нисходящей интонацией): *го́род* и пр., то *оро́, оло́* и пр. (из общеславянских *ор, ол, ер, ел* с восходящей интонацией): *коро́ва* и пр. В таких словах, как *коро́ль, моло́тишь*, полногласное сочетание с ударением на второй части (*оро́*) восходит к общеславянским *ор, ол* — с новой восходящей (новоакутовой) интонацией, судьба которой в восточнославянских языках не отличается от староакутовой. Этот акцентологический закон, открытый Ф. Ф. Фортунатовым, удалось установить путем тщательного исторического изучения восточнославянских языков сравнительно с сербским, словенским (в отношении долгот) — с чешским, а также с литовским и латышским языками, ударение которых так же, как и ударение в современных сербском и словенском, отличается музыкальным характером.

Можно указать еще одно явление из области акцентологии, которое находится в связи с интонационным характером ударения в общеславянском. Как известно, в русском языке в словосочетаниях с предлогами и существительными, имеющими ударение на первом слоге, в одних случаях наблюдается перенос ударения с существительного на предлог: *на́ поле, во́ поле, по́ воду, за́ гору, на́ землю* и т. п., а в других его нет: *на во́лю, на дво́р* и т. п. Дело в том, что в словосочетаниях первой группы существительные имели нисходящую интонацию на первом ударенном слоге, а в словосочетаниях второй — восходящую. Напр. (в связи с ранее сказанным об ударении полноглас-

ных сочетаний), с одной стороны: *зá вóлосы, нá берег, нá голову* и т. п.; — с другой: *за порóг, на дорóгу* и т. п. (ср. общеслав. **volsъ*, **bergъ*, **golvǫ* — с нисходящим, а **porgъ* и пр. — с восходящим ударением на первом слоге).

Как уже было упомянуто выше (см. § 41) в рукописных памятниках древнерусского языка (как и старославянского), ударение обычно не обозначалось. Памятники с ударениями у нас начинаются с XIV в., причем это памятники книжного языка, и их сначала было очень немного.

Все же в этих памятниках получили известное отражение особенности старого русского ударения. Так, в Чудовском Новом завете XIV в. мы находим случаи переноса ударения с существительных на предлог: *нá море*, 151, об., *нá землю*, 65, об., *ý гроба*, 40, об., также: *дó вечера*, *вó имя* и т. п. Такие случаи, как „яко *огнѝ*", 82, об., свидетельствуют о том, что существительные этого типа до падения глухих имели ударение на конечном *ъ, ь*. Ср. также: *мирóсь*, 46, об. (< *миръсь*). Отметим еще: „видѣ *конѝ*", 152, об. (= коней), „*овчà* мое", 35, об., „обрѣте *ослѧ̀*", 48 и т. п.; *слугы̀* (имен. мн.), 117, „*мýжи*, любите *жены̀*", 131, об. (= жен)[1]. Представляет интерес ударение: *прочагò*, 146, об. (ср. у старых писателей: „*третьевó* дни" и фамилии вроде *Дурновó, Хитровó*). Из области глагольных ударений: „*явѝтся* срамотà", 150, об., „всѝ же *измѣнѝмся*", 115, об. (см. ниже, *пьетè*, 39, об., *творитè*, 12, об., *отпуститè*, 52, об., „вы не *можетè*", 46, об. (такое ударение формы 2-го л. мн. ч. наст. вр. сохраняется во многих севернорусских говорах к северу от Москвы).

От XVI и в особенности от XVII столетий сохранилось с ударениями уже немало рукописных и печатных памятников письменности не только церковно-книжного жанра, но и светских („Домострой", Книга о ратном строе 1647 г., „Уложение" 1649 г., автограф „Жития" протопопа Аввакума и др.), которые дают возможность, в совокупности с данными современных русских говоров, начать изучение русского ударения в широком историческом плане и установить главные тенденции в его развитии. В частности, может быть, удастся выяснить, действительно ли (как полагал Л. Л. Васильев и как утверждают некоторые другие языковеды) в историческое время в русском языке (лите-

---

[1] Существительные с основой на *-ā-* и с ударением на флексии в единственном числе, имели в древнерусском ударение на флексии и во множественном.

ратурном и в говорах) происходит передвижение ударения с конца слова (суффикс и флексия), а также с предлога и приставки на основу, особенно на основную принадлежность слова, на корень (например, *свободá > свобóда, челобитьé > челобúтье, прáвитель > правúтель, сýров > сурóв, нá город > на гóрод, печú > пéчи > пéчь, красúть > крáсить, варúшь > вáришь, курúшь > кýришь, бросúл > брóсил* и т. п.).

§ 62. **Некоторые выводы.** Если мы сравним фонетические нормы ранней древнерусской эпохи, восстанавливаемые на основании письменных памятников, с фонетическими нормами современного русского литературного языка, то окажется, что в развитии звуковой стороны языка наблюдается движение в определенном направлении. Оттого, что гласных звуков речи стало меньше, после того как исчезли носовые гласные, глухие *ъ* и *ь*, гласный *ѣ*, редуцированные *ы*, *и*, наша фонетическая система не стала менее удобной. Правда, на первый взгляд фонетических средств в русском языке убавилось: вместо тринадцати гласных осталось всего шесть; но следует учитывать то обстоятельство, что благодаря смягчению полумягких согласных перед гласными переднего ряда и некоторым другим изменениям, в частности благодаря тому, что гласный *о*, подобно другим того же ряда гласным звукам речи *(а, у)*, с течением времени стал употребляться как после твердых, так и после мягких согласных, на самом деле фонетических средств опознавания слов и различения значений стало гораздо больше (ср. *вол*: *вёл*, *ров*: *рёв* и т. д.; ср. *пыл*: *пыль*, *кров*: *кровь* и т. п.). Гласные фонемы современного русского литературного языка в отличие от древнерусского все являются гласными полного образования, монофтонгами, одинаково чистыми (неносовыми), одинаково краткими, т. е. с точки зрения их артикуляции одинаково простыми, и поэтому более удобными для употребления, чем такие исчезнувшие гласные фонемы, как носовые гласные, как глухие *ъ* и *ь*, как *ѣ*.

В области консонантизма не было пережито особых „утрат" и ограничений (если не считать, что некоторое время, до падения глухих, было невозможно употребление *j* после согласных), однако и новых звуков речи почти не прибавилось, кроме согласного *ф*.

С другой стороны, возникло явление парности согласных, которые стали различаться не только по звонкости и глухости

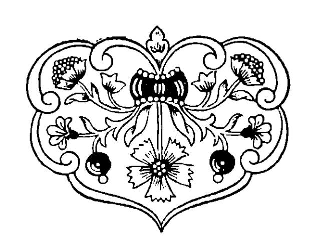
(*луг*: *лук* и т. п.), но и по твердости и мягкости (*пыл*: *пыль*), если не говорить о ***ш, ж,*** об аффрикатах ***ц*** и ***ч***, а также о заднеязычных ***к, г*** и ***х*** (мягкие ***к, г*** и ***х*** отличаются от твердых и по месту образования, поскольку они являются среднеязычными согласными, и по качеству гласных, с которыми они употребляются).

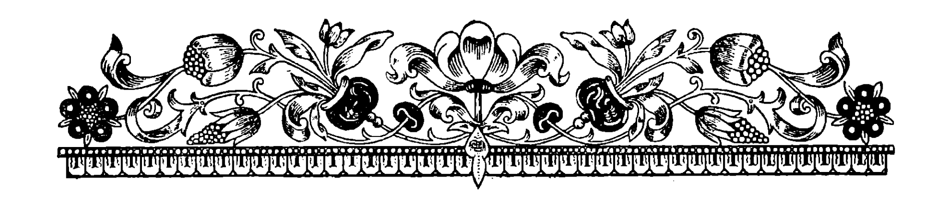
Следует, наконец, отметить, что в результате падения глухих, особенно вследствие исчезновения слабых ***ъ, ь*** (а также редуцированного ***и***), слова в русском языке в очень многих случаях оказались короче на один слог (*садъ* > *сат*, *конь* > *кон'*, *тьмьно* > *т'имнó*) или больше (*жьньць* > *жн'эц*, *пьпрьць* > *п'эр'эц*, *Смольньскъ* > *Смол'э́нск* и пр.). Сокращение слов в ряде случаев было вызвано также отпадением конечных гласных в таких словах, как: *мыт'и* > *мыт'*, *с'ад'и* > *сат'*, *лише* > *л'иш*, *добрѣ* < *доброй* и т. п. и целых слогов: *топерь во* > *теперь* и т. д. Сокращению подвергались и целые словосочетания. Ср., например: *одиннадцать* из *одинъ на десяте* (о чем см. ниже) и т. п.

Сокращение слов — явление, характерное не только для русского языка. Может быть, здесь обнаруживается то ускорение темпов жизни, на которое в научной литературе было обращено внимание еще на рубеже XIX и XX вв.[1] и о котором часто говорят в наши дни. Многие фонетические изменения, происходящие в течение столетий, находят себе объяснение на почве постепенного, усиливающегося с ходом времени, „забегания вперед" при произношении слов и, стало быть, некоторой, хотя и не осознаваемой говорящими, торопливости в рамках определенных звукосочетаний. Сюда, вероятно, относится не только явление регрессивной ассимиляции в области рядом стоящих согласных (§ 46), но также изменение ***е*** в ***о*** в положении перед твердым согласным (§ 53) и некоторые другие.

---

[1] Впервые в труде немецкого философа В. Вундта „Народная психология", т. I, ч. I, гл. 4 („Tempo der Rede"), исходившего, однако, из идеалистических предпосылок.

III. РАЗВИТИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Грамматический строй языка (морфология, синтаксис) наряду с основным словарным фондом составляет основу языка. Сами по себе слова бессильны выразить какую бы то ни было мысль. Они являются „строительным материалом“, предназначенным для стройки, но еще не использованным по назначению. Только благодаря тому, что слова в процессе речи получают ту или иную грамматическую форму и полагающееся им место в том или ином предложении, мы можем выражать свои мысли. Таким образом, „грамматика“, грамматический строй, представляет собой ту технику, ту «энергию», благодаря которой слова превращаются в язык, в средство общения, в орудие борьбы и развития общества. Именно благодаря грамматике, благодаря грамматическим формам, приемам грамматической связи слов язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку.

В каждом языке имеются свои собственные способы или средства использовании слов для выражения мыслей (грамматические средства). Они вырабатываются в продолжение многовековой жизни языка и являются его неотъемлемой частью. Поэтому грамматический строй в своих устоях, в основном обыкновенно сохраняется в течение веков без каких-либо „ломок“ и „потрясений“. Для русского языка и других славянских языков такими основами являются устои флективного строя, сущность кото-

рого заключается в том, что связь и соотношения между словами в предложении обозначаются главным образом с помощью окончаний слов, с помощью склонения и спряжения: *птица летит, большая птица, к синему морю* и пр. Понятно, что основы грамматического строя не могут быть разрушены, не могут подвергаться коренным изменениям, потому что с ними, как и с основным словарным фондом, связано самое существо языка, сущность его специфики.

Но грамматический строй все же не остается без изменений.

Рассмотрение этих изменений, так или иначе отразившихся на грамматическом строе, хотя в основном он все же сохранился с незапамятных времен, как флективный строй, и составляет содержание исторической грамматики русского языка (морфологии и синтаксиса).

А. ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ

1. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 63. Типические образцы (модели) склонения в древнерусском языке в начале его исторического развития

1-й образец: *вълкъ, конь, село, поле*

Ед. ч.	И.	вълк-ъ	сел-о	кон-ь	пол-е
	Р.	вълк-а	сел-а	кон-я	пол-я
	Д.	вълк-у	сел-у	кон-ю	пол-ю
	В.	вълк-ъ (:а)	сел-о	кон-ь (:я)	пол-е
	Т.	вълк-ъмь	сел-ъмь	кон-ьмь	пол-ьмь
	П.	вълц-ѣ	сел-ѣ	кон-и	пол-и
	Зв.	вълч-е		кон-ю	
Дв. ч.	И.-В.	вълк-а	сел-ѣ	кон-я	пол-и
	Р.-П.	вълк-у	сел-у	кон-ю	пол-ю
	Д.-Т.	вълк-ома	сел-ома	кон-ема	пол-ема
Мн. ч.	И.	вълц-и	сел-а	кон-и	пол-я
	Р.	вълк-ъ	сел-ъ	кон-ь	пол-ь
	Д.	вълк-омъ	сел-омъ	кон-емъ	пол-емъ
	В.	вълк-ы	сел-а	кон-ѣ	пол-я
	Т.	вълк-ы	сел-ы	кон-и	пол-и
	П.	вълц-ѣхъ	сел-ѣхъ	кон-ихъ	пол-ихъ

2-й образец: *сынъ*

Ед. ч.	И.	сын-ъ	*Мн. ч.*	И.	сын-ове
	Р.	сын-у (:а)		Р.	сын-овъ
	Д.	сын-ови		Д.	сын-ъмъ
	В.	сын-ъ (:а)		В.	сын-ы
	Т.	сын-ъмь		Т.	сын-ъми
	П.	сын-у		П.	сын-ъхъ
	Зв.	сын-у			

Дв. ч.	И.-В	сын-ы
	Р.-П.	сын-ову
	Д.-Т.	сын-ъма

3-й образец: *сестра, земля*

Ед. ч.	И.	сестр-а	земл-я	*Мн. ч.*	И.	сестр-ы	земл-ѣ
	Р.	сестр-ы	земл-ѣ		Р.	сестр-ъ	земл-ь
	Д.	сестр-ѣ	земл-и		Д.	сестр-амъ	земл-ямъ
	В.	сестр-у	земл-ю		В.	сестр-ы	земл-ѣ
	Т.	сестр-ою	земл-ею		Т.	сестр-ами	земл-ями
	П.	сестр-ѣ	земл-и		П.	сестр-ахъ	земл-яхъ
	Зв.	сестр-о	земл-е				

Дв. ч.	И.-В.	сестр-ѣ	земл-и
	Р.-П.	сестр-у	земл-ю
	Д.-Т.	сестр-ама	земл-яма

4-й образец: *кость, путь*

Ед. ч.	И.	кост-ь	пут-ь	*Мн. ч.*	И.	кост-и	пут-ье
	Р.	кост-и	пут-и		Р.	кост-ии	пут-ии
	Д.	кост-и	пут-и		Д.	кост-ьмъ	пут-ьмъ
	В.	кост-ь	пут-ь		В.	кост-и	пут-и
	Т.	кост-ью	пут-ьмь		Т.	кост-ьми	пут-ьми
	П.	кост-и	пут-и		П.	кост-ьхъ	пут-ьхъ
	Зв.	кост-и	пут-и				

Дв. ч.	И.-В.	кост-и	пут-и
	Р.-П.	кост-ью	пуст-ью
	Д.-Т.	кост-ьма	пут-ьма

5-й образец: *камы, мати, имя*

Ед. ч.	И.	камы: камень	мати	теля	имя
	Р.	камен-е	матер-е	телят-е	имен-е
	Д.	камен-и	матер-и	телят-и	имен-и
	В.	камен-ь	матер-ь	теля	имя
	Т.	камен-ьмь	матер-ью	телят-ьмь	имен-ьмь
	П.	камен-е(:и)	матер-е(:и)	телят-е(:и)	имен-е(:и)

Дв. ч.	И.-В.	камен-и	матер-и	телят-и	имен-и
	Р.-П.	камен-у(:ью)	матер-ью	телят-у	имен-у
	Д.-Т.	камен-ьма	матер-ьма	телят-ьма	имен-ьма
Мн. ч.	И.	камен-е	матер-и	телят-а	имен-а
	Р.	камен-ъ	матер-ъ(:ий)	телят-ъ	имен-ъ
	Д.	камен-ьмъ	матер-ьмъ	телят-ьмъ	имен-ьмъ
	В.	камен-и	матер-и	телят-а	имен-а
	Т.	камен-ьми	матер-ьми	телят-ы	имен-ы
	П.	камен-ьхъ	матер-ьхъ	телят-ьхъ	имен-ьхъ

§ 64. **Особенности склонения существительных.** Склонение существительных в древнерусском языке весьма заметно отличалось от склонения существительных в современном русском, прежде всего в отношении „типов" склонения. В древнерусском языке было больше способов, или типов, склонения существительных, чем в наши дни.

Большая часть существительных мужского рода (а они вообще составляют большинство существительных) изменялась по первому склонению, условно назовем его первым[1]. Это такие существительные, как *вълкъ, столъ, лѣсъ*, с твердой основой (твердого различия), и *конь, край*, с основой на мягкий согласный и *j* (мягкого различия). К этому же склонению относились многие существительные среднего рода твердого и мягкого различия: *село, мѣсто; поле, ученье*. Все эти существительные имели в родительном падеже ед. ч. окончание **-а: -я:** *вълка, лѣса, села; коня, края, поля.*

Ко второму склонению относились существительные мужского рода с твердой основой типа *сынъ*. В родительное ед. они оканчивались на **-у:** *сыну.*

Некоторые существительные мужского рода изменялись по третьему склонению: *воевода* (твердого различия), *судья* (мягкого). Но главным образом по этому склонению изменялись существительные женского рода твердого и мягкого различия: *сестра, вода, земля, свинья*. Все эти существительные мужского и женского рода склонялись одинаково. В родительном ед. ч. они оканчивались на **-ы**—в твердом различии, на **-ѣ** (в старославян-

[1] Счет и терминология склонений („первое", „второе" и т. д.) не совпадает у разных авторов пособий и преподавателей и представляет собой простую условность.

ском ѧ)—в мягком : *воеводы, сестры, воды, судьѣ* (ст.-сл. сѫдиѩ), *землѣ* (ст.-сл. землѩ).

К четвертому склонению относились существительные с мягкой основой, преимущественно женского рода: *кость, лъжь*, отчасти и мужского: *путь, гость*, имевшие особые окончания в творительном ед. ч. и именительном мн. ч. (см. таблицу). Родительный ед. ч. в этом склонении оканчивался на ***-и:*** *кости, лъжи, пути, гости.*

Наконец, к пятому склонению относились существительные с мягкой (в косвенных падежах) основой всех трех родов: мужского: *камы* (камень), *дьнь;* женского: *свекры* (свекръвь), *мати, дъчи;* среднего: *имя* и другие на ***-мя,*** *жеребя, тѣло.* В родительном ед. эти существительные оканчивались на ***-е***, причем основа у них в косвенных падежах отличалась от основы в именительном ед. (наличие суффиксального элемента или так называемого „наращения": ***ен, ъв, ер, ят*** из *ет*), ***ес***: *камене, свекръве, матере, имене, жеребяте, тѣлесе.*

Таким образом, существительные мужского рода в древнерусском языке изменялись пятью различными способами, женского—тремя, среднего—двумя.

Первоначально, в общеиндоевропейскую эпоху, в период, предшествовавший формированию славянских языков, существительные различались не столько по склонению, по падежным окончаниям, сколько по основообразующим звукам, по основе. В одних случаях она оканчивалась на гласные, в других — на согласные; гласные могли быть долгие и краткие, разного качества; согласные также могли быть разного качества.

Существительные I склонения (по нашему счету) имели основу на ***ŏ, jŏ,*** II склонения — основу на ***ŭ,*** III — на ***ā, jā,*** IV—на ***ĭ,*** V — некоторые (с „наращением" ***ъв***) на ***ū,*** остальные—на согласный: ***н, р, т, с.***

Разнообразие падежных окончаний (в одних и тех же падежах) и, следовательно, разнообразие изменения существительных по падежам установилось в славянских языках (задолго до появления письменности) главным образом вследствие слияния основообразующих гласных с падежными окончаниями, сначала, во многих падежах одинаковыми для всех существительных.

Так обстоит дело с распределением существительных по типам склонения в древнерусском языке.

Приступая теперь к обозрению особенностей древнерусского склонения существительных и изменений, которые в своей совокупности обусловили возникновение новой системы склонения существительных, мы сначала остановимся на некоторых особенностях, являющихся общими для существительных разных типов склонения.

В этом разделе в дальнейшем речь будет идти о формах склонения, о падежной флексии, об изменениях в этой области. Вопросы образования основы, формы словообразования не принимаются во внимание. Мы ограничимся лишь замечанием общего характера, что существительные, отнесенные нами к первому, к третьему и четвертому склонению, являлись продуктивными в древнерусском языке в том смысле, что вновь возникавшие слова, новые существительные (свои, славянского происхождения, или иноязычные, заимствованные), получали склонение по типу *вълкъ, столъ, лѣсъ, конь, кънязь, гость, край* — мужского рода, или *село, поле, ученье* — среднего рода, или по типу: *сестра, вода, земля, (кость?)* — женского рода. Это относится и к такому явлению, как суффиксация. Существительные с производной основой, с суффиксами, например с суффиксами действующего лица мужского или женского пола: *-ик-, -ник-, -чик-, -щик-, -ец-* и т. д., *-иц-, -ниц-, -ын-, j-* и пр. (а, надо сказать, что это была обширная группа, расширявшаяся со временем), были возможны только в рамках упомянутых типов склонения. Существительные остальных двух типов склонения (второго и пятого) не могли иметь основу, осложненную суффиксами в историческое время. Другими словами: если от существительных этих двух типов возникали (в древнерусском языке) новые производные существительные (например, от *сынъ: сыновьць* — „племянник“, *сынъкъ, сыновьство* и др., или от *племя: племьникъ* — „родственник“ и т. п.), то по склонению они всякий раз оказывались в рамках упомянутых трех типов склонения.

§ 65. Формы рода. Существительные в древнерусском языке распределялись по родам (мужскому, женскому и среднему) в общем примерно так же, как они распределяются и в современном русском. Следует, однако, отметить, что в отдельных случаях древнерусские существительные имеют другую форму рода, чем соответствующие им слова в настоящее время. Некоторые имена существительные обнаруживают неустойчивость

в отношении рода, хотя в современном русском (общерусском) такой неустойчивости не наблюдается.

Так, в грамоте рязанского князя Олега Ивановича 1356 г. имеется „на *озеры*“ (вин. мн.), — по-видимому, от им. ед. *озеръ* мужского рода. Ср. в старославянском Зографском евангелии: єзєрꙁ (от Луки, VIII, 23); ср. верхнелужицкое *jězor*. Наряду с обычной и нормальной формой им. ед. *лѣсъ* в „Хожении игумена Даниила“ (по одному из поздних списков) была отмечена и форма им. ед. *лѣсо*: „*лесо* мало“; наряду с *село* там же имеется *селъ* (им. ед.). Всем известно, что слово *вѣче* среднего рода. Но в Лаврентьевском списке летописи встречается и форма им. ед. мужского рода: „не терпяще насилья поганыхъ, изволиша *вѣчь*“ (под 6770 г.). Ср. польское wiec — „митинг“.

С подобным колебанием в роде (а, в связи с этим, и в склонении) в древнерусском языке были усвоены и некоторые старославянские слова. Если Пушкин в „Песне о вещем Олеге“ говорит: „И *пращ*, и стрела, и лукавый кинжал“, вместо обычного *праща* (в женском роде), то не потому, что он не знал старославянского языка, откуда было заимствовано это слово в отдаленном прошлом, а потому, что он знал его очень хорошо: по-старославянски можно было сказать и *праща*, и *пращь*. Так же и в других случаях. Мы говорим *мечта* (из *мьчьта*), а в книжном древнерусском языке это старославянское слово чаще употребляется в форме мужского рода: *мьчьтъ*. Например, в Юрьевском евангелии XII в.: „*яко мьчьтъ* есть“ (значение: „призрак“).

Таких существительных было немало. Слово *луч* могло быть и мужского рода (как в современном русском), и женского и в этом случае изменялось по третьему склонению по типу „земля“. Поэтому в „Слове о полку Игореве“ мы читаем: „простре горячюю свою *лучю*“. Еще в Уложении 1649 г. безразлично употребляется то в форме мужского рода, то в форме среднего слово *мыт*: *мыто* (пошлина): „*мыт* и перевоз збирати“, но: „*мыто* и перевозъ доправити“. Ср. в Книге о ратном строе 1647 г.: „*налога* большая“ (вместо *налог*); „и то *признáка* всякого неупокойства“ (вместо *признак*). Ср. в говорах: *крылец (крыльцо), колоколó* и т. п.

В литературном языке еще в первой половине XIX в. в русских словах иногда наблюдается неустойчивость в отношении рода существительных. У Грибоедова в „Горе от ума“ (II д.) встречается *испуга* (вместо *испуг*): „Смятенье! Гнев! *Испуга!*“

и т. д. В словах, заимствованных из иностранных языков, это явление в XVIII—XIX вв. наблюдается еще чаще. Относительная устойчивость родовых значений в современном русском литературном языке — плод упорной работы по его усовершенствованию.

В отдельных случаях, однако, с разными родовыми формами существительного были связаны семантические расхождения. Ср. *дъно* — „дно“ и *дъна* (женского рода!) — „матка“, *uterus*, известное у нас в этом значении еще в XVII в.; иногда „немощь“ (так в старославянском).

Некоторые существительные с течением времени изменили форму рода, а в связи с этим и склонение. Слово *лебедь* в древнерусском языке было существительным женского рода. Ср. у Пушкина: „*лебедь белая* плывет“ („Сказка о царе Салтане“); ср. в былинах современной нам записи: „да кушай-ка, рушай *белу лебедь*“ („Былины севера“, т. II, 516); в современном русском оно — мужского рода.

В говорах, в отношении форм рода, наблюдается еще больший разнобой, чем в литературном языке. Об утрате грамматической категории среднего рода в южнорусских говорах см. § 13.

§ 66. Двойственное число. В древнерусском языке чисел было не два, как в современном русском, а т р и. Кроме единственного и множественного, было еще д в о й с т в е н н о е число. Оно употреблялось в строго определенных случаях:

а) когда речь шла о двух предметах (лицах, вещах), причем количество (*дъва, дъвѣ* или *оба, обѣ*) могло и не быть указано, если из контекста и без того ясно, что этих предметов два. Например, в новгородских грамотах XIII—XIV вв. ·в҃· *кунѣ*(·в҃·— две; *куна*—„куница“, деньги), въ *двѹ носадѹ* (*носад*—„корабль“), *тѣ грамотѣ* (перед этим было упомянуто о двух грамотах) и т. д.

б) когда существительное обозначало предмет, состоящий из двух одинаковых частей, или половин, и вызывало представление о парности, о паре. Например: *рогá* (у одного животного), *рукавá, берегá* (речные), *краӥ* (начало и конец), *рýцѣ нóзѣ* (у одного человека), *óчи, ýши* (у одного живого существа), *плéчи* (у одного человека) и т. д. Конечно, этих предметов мо̃гло быть и много, и тогда употреблялось множественное число: *рози* (именительный мн.), *березн, рукы, ногы, очеса, ушеса, плеча.*

В историческое время в древнерусском и старославянском языках двойственное число было представлено только т р е м я падежными формами: одна употреблялась со значением именитель-

ного, винительного и звательного падежей, другая — родительного и предложного, третья — дательного и творительного. В каждом склонении, особенно в именительном-винительном падеже, были свои окончания, хотя здесь, вообще говоря, не наблюдается такого разнообразия, как в единственном и во множественном числах. Ср.:

	I		II	III	IV	V
И.-В.	вълка	селѣ	сыны	сестрѣ	кости	имени
Р.-П.	вълку	селу	сынову	сестру	костью	имену
Д.-Т.	вълкома	селома	сынъма	сестрама	костьма	именьма

Мягкие формы в некоторых склонениях отличались от твердых в им., вин., зват. падежах: *селѣ: поли*; *сестрѣ*: *земли*. Примеры из „Слова" о Борисе и Глебе: „въ плъти *ангела* быста" [= (оба князя) были ангелами во плоти]; из сочинений Владимира Мономаха: „Святополкъ стояше межи *двѣма озерома*", „и *ставшема обѣма полкома* противу собѣ", „лось *рогома* болъ" и т. п.; из „Слова о полку Игореве": „Ту ся *брата разлучиста*" (Игорь и Всеволод), „тии *бо два храбрая Святъславлича*", „уже *соколома* крыльца припѣшали" (Игорю и Всеволоду), „*вступита, господина*, в злата стремена" (обращение к Рюрику и Давиду); „на своею *нетрудною крилцю*" (обращение к ветру).

Формы двойственного числа не после числительных в памятниках встречаются заметно реже, чем в сочетании с ними. Все же такие образования, как *сапогá*(= пара сапог), *глазá* (у одного зрящего), *рогá* (у одного рогатого животного) и т. п. употреблялись и в XIII в. и не только в таких памятниках, как „Житие Нифонта" 1219 г. (ср. здесь, например, „изуваше *сапога* своя" и т. п.), но и три-четыре столетия спустя. Ср., например, в Книге о ратном строе 1647 г.: *глазá*, 19 (*у одного солдата*, — при отсутствии форм им.-вин. мн. типа *лесá*).

Формы двойственного числа в склонении в древнее время были известны во всех славянских языках, но впоследствии они почти повсеместно вышли из обихода и были заменены главным образом формами множественного числа. То же случилось и в других индоевропейских языках, всюду, где подобные формы существовали.

В настоящее время формы двойственного числа до некоторой степени сохраняются в языке словен, а также в языке лужи-

чан, причем в словенском языке исчезла форма дательного и творительного падежей дв. ч., а в лужицких форма предложного дв. ч. совпала с формой дат.-твор. Так, в нижнелужицком:

И.-В.	wjelka	(им. ед.: wjelk — „волк“)
Р.	wjelkowu	
Д.-Т.-П.	wjelkoma	

В восточнославянских языках двойственное число как грамматическая категория исчѐзло, но этот процесс по-разному протекал в русских, украинских и белорусских говорах.

В русском языке такие формы, как: *очи, уши, плечи,* получили значение множественного числа и вытеснили старые, исторические формы им.-вин. мн.: *очеса, ушеса, плеча* (ср., впрочем, еще у Пушкина: „Умыть лицо, *плеча* и грудь“, „Евгений Онегин“, VII, 30). Формы *рогá, бокá,* отличавшиеся по ударению (на окончании) от форм родительного ед. *(рóга, бóка),* также получили значение им.-вин. мн. ч. И во многих других (но не во всех) случаях, когда форма им.-вин. дв. ч. отличалась от формы род. ед. благодаря ударению на окончании, она получила значение им.-вин. мн., хотя бы существительное по своей основе и не обозначало парности: *городá* (им.-вин. дв. > мн.): *гóрода* (род. ед.); *лѣсá: лѣ́са* и т. д. (*см.* § 67).

В сочетании с *два* (из *дъва*) или *оба* существительные мужск. р. в тех случаях, когда по ударению форма им.-вин. дв. у них совпадала с формой род. ед., получали значение родительного ед.: *два столá, коня́* и пр. В связи с этим и все другие существительные мужского рода в сочетании с *два* или *оба* стали употребляться в форме родительного ед.: *два гóрода, лѣ́са, вóлка* (< *вълка*) и пр., *два рóга, бéрега, кра́я* и пр., а потом и вообще все другие существительные: *два селá, пóля* и пр., *двѣ сестры́, земли́, кóсти* и т. д. Ср. : *два больших города* и т. п.

К пережиткам формы им.-вин. дв. ч., может быть, следует отнести в литературном русском *два шагá, два рядá, два часá, два разá* (ср. у Пушкина: „И три *разá* мне снился тот же сон“, „Борис Годунов“) и некоторые другие, если здесь ударение на *а* — старинное, не вторичное (под влиянием, например, *два столá*).

В косвенных падежах формы двойственного числа были заменены соответствующими формами множественного: *двух волков,*

двум вóлкам и т. д., *двух сестёр, двум сёстрам* и пр., в связи с чем и сами числительные *два, две* и *оба, обе* утратили свое прежнее склонение только по двойственному числу и получили новые окончания множественного числа: вместо *дву* (из *дъву*) — *двух*, вместо *д(ъ)вѣма* или *д(ъ)вóма* — *двум* и т. д.

Любопытно, что те же отношения в русском языке установились и в словосочетаниях с *три* и *четыре*: *три, четыре вóлка, селá, сестры́* и т. д., вместо ожидаемого: *три, четыре вóлки, сéла, сéстры* и пр. Эти отношения установились в Москве примерно к середине XVII столетия. В памятниках (в частности, актового письма) второй половины XVI в. еще преобладает употребление им.-вин. мн. числа в сочетании с *три* и *четыре*: *три рубли, четыре колачи, три тчаны, четыре аршины*.

Еще в Уложении 1649 г. нередко встречаются словосочетания вроде *три мѣсецы, четыре человѣки* и т. п., а также (по аналогии с ними) и *два годы* и т. п.

В украинском языке (как и белорусском), напротив, словосочетания типа *два вовки́, столи́* и пр., возникшие под влиянием *три, чотыри вóвки* (из *волки* < *вълци*), стали обычными словосочетаниями. В женском и среднем роде также возможны сочетания *дві, три, чóтири* с именительным мн. ч., но иногда (причем больше в говорах) употребляются и старые формы двойственного числа: *дві сірі корові* (из *коровѣ*), *дві рибі, три дорозі* на тім морі (в песне), *чотири мусі* (= мухи, из *мусѣ*) и пр.; *дві озері* (из *озерѣ*), *три вікні* (из *окънѣ*) и пр.

К пережиткам склоняемых форм двойственного числа в современном русском языке относится числительное *двести* (из *двѣ стѣ* < *дъвѣ сътѣ*, формы, еще нередкой в начале XVIII в., хотя в „Грамматике“ М. В. Ломоносова 1755 г. уже рекомендуется *двѣсти*), а также наречие *воочию: воочью*, иногда *во очу* (своими глазами, со всей очевидностью), первоначально форма предложного дв. ч.: *въ очью* (в глазах). Ср. в „Житии“ Аввакума: „на тех же горах гуляют звери многие дикие... *во очию* нашу, а взять нельзя!“ Также в „Собрании разных песен“ М. Чулкова 1770 г., кн. 1, № 142: „Что один у меня был свет *воочью*“. В говорах (южнорусских) отмечены формы *скулé* (из *скулѣ*), *брылé* (из *брылѣ*, от *брыла* — губа, иногда — лишь о собаке). В Онежских былинах: „Он кинул головушку между *плечью*“ (<*плечу*).

Трудно сказать, когда началось „падение“ двойственного числа. Возможно, начало относится еще к дописьменному периоду

(совпадение двух падежных форм в одной, влияние одних типов склонения на другие). Тем не менее формы двойственного числа как грамматическая категория в некоторых восточнославянских говорах держались еще в XIII и даже XIV столетиях.

К XIII в. относятся случаи, по-видимому, неправильного употребления форм двойственного числа. В ростовском „Житии Нифонта“ 1219 г. в начале записи употреблена форма *рабомъ своимъ* вместо *рабома своима:* „г҃и помози *рабомъ своимъ*... [Ио]ану и Олексию, написавшема книгы сия“. Вообще же в этой рукописи формы двойственного числа в склонении и в спряжении употребляются правильно. В духовной новгородца Климента до 1270 г. находим *два села* (вместо *дъвѣ селѣ*).

В древнейших московских грамотах XIV в. наблюдаются только единичные отступления от правил употребления им.-вин. двойственного числа, особенно в женском роде: ·в҃· (*двѣ*) *чашки,* ·в҃· *чары,* по *двѣ гривенки,* отчасти в других падежах, независимо от рода существительных: из *дву жеребьевъ* (в духовной в. кн. Ивана Ивановича около 1358 г.); отчасти в области согласования: ·в҃· (*двѣ*) *селѣ коломеньскии* (вместо *коломеньсцѣи*). Но в остальном формы двойственного числа и здесь употребляются правильно.

В новгородских грамотах, напротив, процесс падения форм двойственного числа раньше обнаружился в склонении существительных мужского и среднего рода.

Чем дальше идет время, тем заметнее становится разрушение грамматической категории двойственного числа. К XVI столетию, надо полагать, этот процесс в основном уже закончился на всей русской территории[1].

§ 67. Звательный падеж. В древнерусском языке падежей было не шесть, как в современном русском, а семь. Седьмым падежом был звательный. Звательный падеж[2] употреблялся в обращении, как название предмета мысли (лица), к которому обращаются с речью. Например: „Приди ко мнѣ, *брате,* въ Московъ“[3].

---

[1] Конечно, эти формы долго еще продолжали употребляться в высоком слоге, т. е. по существу как церковнославянские формы. Ср. еще у Баратынского в стихотворении 1835 г.: „И веселью и печали | На изменчивой земле | Боги праведные дали | Одинакие *криле*.

[2] Первоначально это не был „падеж“: это была чистая основа на гласный: *ŏ : ĕ, ā : ă (> ŏ). й : оц* [> ū(*y*)], *ĭ : ī*.

[3] Обращение Юрия Долгорукого, суздальского князя, к черниговскому князю Святославу, отцу Игоря Святославича, в 1147 г. Первое упоминание о Москве (в летописи по Ипатьевскому списку, л. 125).

Особый звательный падеж, отличавшийся от именительного, употреблялся только в единственном числе, в мужском и женском роде, в первых четырех склонениях (в пятом склонении его не было). В каждом из этих четырех склонений звательный падеж имел свои окончания:

I	II	III	IV
вълче: коню	*сыну*	*сестро: земле*	*кости*

Другие примеры: *господине, друже, свѣте, уме, учителю, врачю, раю*; *воеводо, жено, дѣво, братье* (от *братья*), *земле* и т. д. Собственные имена: *Иване, Игорю, Василие, Марфо* и пр. В „Слове о полку Игореве“: „*братие и дружино*, луче ж бы потяту быти...“; „*а* ты, буй *Рюриче* и *Давиде!* не ваю ли злачеными шеломы...“; „*о вѣтре, вѣтрило!* чему, *господине*, насильно вѣеши...“; „*о Днепре Словутицю!* ты пробилъ еси...“; „Донець рече: *княже Игорю!* Не мало ти величия...“ и т. д.

С течением времени в русском (великорусском) языке звательный падеж был вытеснен именительным, который издавна нередко также употреблялся в обращении. Невозможно установить, когда и где началось это вытеснение. Уже в Остромировом евангелии встречаются единичные примеры употребления именительного ед. ч. вместо звательного.

В московских, новгородских и прочих грамотах XIV — XV столетий звательный падеж употребляется в строго определенных случаях: *господине, госпоже, брате, княже*, — как особенность условной фразеологии: „а тобѣ, *княже*, въ то не вступитися“ — в Новгородской грамоте 1304—1305 гг.; „а блюсти, *господине*, вотчины моее“ — в Договорной Дмитрия Донского 1371 г.; позже: „а с кѣмъ, *брате*, будешь въ целовании“ — в Договорной в. кн. Василия Васильевича 1434 г. и т. д.

К середине XVI в. и эти формы перестали восприниматься как формы живого языка. Отсюда возможность в некоторых северо-западных памятниках актового языка этого времени таких сочетаний, как: „пожалуйте, *господине пасадники* и *ратманы*...“ или: „и судьи вспросили Якова и его товарищев: *скажите, брате*, ..“ и т. п. Однако форма „*господине*“ еще нередко встречается в документах (например, воеводских отписках) середины XVII столетия московского и иного происхождения: „и мы, *господине*, ханова человѣка отпустили“; „с Бѣла озера послал я к тебе, *господине*, пристава“ и др., хотя вытеснение формы зва-

тельного падежа формой именительного в Москве в общих чертах закончилось задолго до этого момента.

В литературном русском языке в настоящее время не сохранилось остатков этого падежа, если не считать явно церковнославянских *боже* и *господи*, употребляющихся как междометия. Но звательная форма еще возможна у писателей XVIII в.: у Кантемира: „молчи, *уме*, не скучай“, „что так смутен, *друже* мой“, „*музо*, не пора ли...“. У Пушкина — только как стилистический прием: „отпусти ты, *старче*, меня в море“ и т. п. В говорах этих остатков значительно больше, главным образом в фольклоре. Например, в онежских сказках и былинах: „Ай же ты, *ратаю, ратаюшко!*“, „Пришёл, ввалился, *князю*, засельщина“, „Что, *Василие*, стучался, Александрович, колотился?“ и т. п. В разговорной, диалогической речи (новгородской и вообще северо-западной, а также сибирской) сюда относится звательный на **о**: *мамо, бабо, девко, дево, Окулино, Манько, Грищо* и т. п., иногда, особенно в акающих говорах, с ударением на **о**: *сястро́, Ванько́*, и даже с изменением в **оу** (при громком призыве): *нянько́у, Ванько́у* и т. п. В Сибири форма *дево* является столь же обычной формой обращения к женщине, как и *паря* (из *парень*) к мужчине. Любопытно при этом, что *дево* является обращением к любой женщине, независимо от возраста.

К этимологически затемненным остаткам звательного падежа относится вводное *споже* (из *госпоже*), отмеченное в „Росписи слов и речений в Двинской стране“ в „Ежемесячных сочинениях“, 1787, XI (449), а также *барте* (по Далю, вологодское), несомненно, из *брате*. Ср. в Житии Аввакума: „прости *ба́рте*“ (229), „простите *барте́*“ (234). Значение: „пожалуй“, „пусть“.

В некоторых говорах (как севернорусских, так и южнорусских) в недавнее время возникла новая звательная форма, образовавшаяся путем усечения формы именительного: *мам* (из *мама*), *баб, девуш* (из *девушка*), *ребят* (из *ребята*), *Вань, Дунь, Саш* и пр.

В украинском и белорусском языках звательный падеж, в общем, сохранился и в литературной речи, и в говорах. В украинском: *брате, куме, казаче, синку, мамо, сестро, зоре* и пр. (Ср. у Гоголя в „Вечерах на хуторе близ Диканьки“: „Ой, *місяцю* мій, *місяченьку*, и ти, *зоре* ясна“ и т. п.).

§ 68. Категория „одушевленности“. Так называемые „одушевленные“ существительные (обозначающие живые существа)

в современном русском склонении отличаются от „неодушевленных“ главным образом тем, что винительный падеж у них по форме равен не именительному, а родительному, — в единственном числе только в склонении мужского рода на согласный: *брата, повара, волка, коня* (но: *стол, лес, край*; ср.: *сестру, стену, судью, землю, дитя, имя*), а во множественном — независимо от этого условия: *братьев, поваров, волков, коней, сестер, судей* и т. д. (но: *столы, леса, стены* и пр.).

Когда-то, в дописьменный период, в начале общеславянской эпохи, форма винительного падежа отличалась от именительного, возможно, у всех существительных, но несколько позже, хотя еще в рамках общеславянского периода, вследствие фонетических изменений, у существительных мужского и среднего рода в единственном числе и у существительных женского и среднего во множественном окончания этих падежей совпали: *братъ* — и именительный, и винительный ед. (вместо предполагаемых отдаленно-общеславянских **bratros* — им. ед., **bratrom* — вин. ед.), также: *вълкъ, столъ* и пр., *сестры* — и им., и вин. мн., также *стѣны* и пр.

Вот несколько примеров употребления винительного ед. „одушевленных“ мужского рода из „Повести временных лет“ по Лаврентьевскому списку: „поимемъ жену его Вольгу за *князь свой Малъ*“; „выпусти ты *свой мужь*, а я *свой*“; „поиде на *братъ свои*“; „посла к нему Мстиславъ *солъ* свой (посла)“; „погубиша *челядинъ*“; „повелѣ осѣдлати *конь*“; „налѣзоша (= нашли) *быкъ великъ*“ и т. д.

Таким образом, в древнерусском языке, как и в других славянских, первоначально не было разницы в склонении между „одушевленными“ и „неодушевленными“ существительными. Но была когда-то разница между падежом подлежащего (субъекта) и падежом прямого дополнения (объекта), и, надо полагать, в склонении всех существительных. Эта разница стала утрачиваться еще до начала письменности у славян. Однако при относительно свободном порядке слов в предложении такое положение не могло быть долго терпимо, и с течением времени (однако еще до распадения общеславянского праязыка (= языка-основы) снова возникла потребность в различии падежа объекта от падежа субъекта. Различение осуществлялось на этот раз с помощью формы родительного падежа (которая давно уже находилась

в синтаксических отношениях с формой винительного: ср. „вижу *сестру*", но „не вижу *сестры*", „възлюби *злато*" и „възлюби *мира*") и только в области личных существительных, т. е. обозначающих людей, особенно в области личных имен. Так появились сочетания типа *сестра любить брата, Иванъ видить Петра,* и т. п. Ср. уже в Остромировом евангелии: „чьтѫ отьца моего" и т. п.

Так же обстоит дело и в письменных памятниках собственно старославянского языка: звкаахѫ слѣпьца, вьзьрѣ на Петра (в Мариинском евангелии) и т. д.

Ср. в „Повести временных лет": „поищемъ собѣ *князя*", „любяше Ольга *сына своего Святослава*", „погребоша *Ольга* (Олега)", „послаша ... Святополкъ *Путяту,* Володимеръ *Орогостя* и *Ратибора*" и т. п.; но: „поиди *за князь* нашь *за Малъ*" и т. п.; в „Русской правде" (по списку 1282 г.): „ажь убьеть мужь *мужа*", но: „аже кто познаеть *челядинъ* свой украденъ" и т. п.[1].

Значительно позже, после XIV столетия, мало-помалу устанавливается употребление родительного вместо винительного в единственном числе в склонении других одушевленных существительных. Но еще в первой половине XVI в. такие случаи являются редкостью. Можно отметить, например, как исключение из правила: „мы тебе *пес* борзой, да *собаку*... да *кречета* послали" (в грамоте 1521 г.,). Но в „Хожении" Афанасия Никитина по списку XVI в. таких примеров больше:„ а яз *жерепца* своего продал", „*вола* зовуть". В „Житии" Аввакума, написанном около 1682 г., в винительном ед. ч. не только личные, но и другие одушевленные уже, как правило, употребляются в форме родительного: *жеребенка* съедят; привел *барана* живого, (бог) дал *изубря* — болшова *зверя*.

То обстоятельство, что употребление родительного падежа в функции винительного сначала установилось только в мужском роде, в первом склонении существительных (со старой основой на *ŏ/jŏ*), с которыми очень рано совпало существительное *сынъ* (II склонения) в единственном числе, объясняется тем, что в женском роде в единственном числе в III и V склоне-

[1] Почему вытеснение старой формы винительного падежа новой формой, равной форме родительного, произошло только в склонении личных существительных, а не других одушевленных, это вопрос, относящийся больше к области философии, к истории мышления, к истории цивилизации. Из всех названий живых существ были выделены названия людей — существ, обладающих разумом, общественным сознанием.

ниях винительный падеж отличался от именительного, а в IV еще в начале древнерусской эпохи не оказалось существительных личных, обозначающих людей, вследствие того, что личные существительные мужского рода IV склонения (например, ***гость***) рано стали переходить в склонение типа *конь*, а личных существительных женского рода в этом склонении не было (да и вообще слов, обозначавших „живые существа“, было очень немного: *лань, мышь* и некоторые другие). Поэтому и во множественном числе в женском роде не произошло вытеснения винительного падежа родительным. В мужском же роде во множественном числе во всех склонениях винительный первоначально отличался от именительного.

Позже, в связи с совпадением именительного падежа с винительным во множественном числе в мужском роде, произошло вытеснение винительного падежа родительным сначала в склонении существительных личных, а потом и других одушевленных и во множественном числе.

Примеры в „Повести временных лет“ по Лаврентьевскому списку 1377 г.: „победиша *деревлянъ*“; „Святополкъ созва *бояръ* и *кыянъ*“ и т. п.; в Новгородской I летописи по Синод. списку: „а *новгородцевъ* богъ сблюде“ (под 6764 г.), „а *полочанъ* пустиша которыхъ изимали“ (под 6771 г.), „а *коневъ* отъяша 700“ (под 6725 г.).

Значительно позже установилось во множественном числе употребление винительного-родительного в склонении существительных женского рода. Судя по данным „Домостроя“, в средне-русских говорах во второй половине XVI столетия оно уже получило широкое распространение: „*вдовицъ* и *сиротъ* покоити“, „*жонокъ* и *дѣвакъ*... наказуетъ“ и др.

Но, по-видимому, и в этом отношении дело обстояло не вполне одинаково на разных участках великорусской территории. В старопечатном памятнике московского делового языка — в Уложении 1649 г., в единственном числе, как правило, употребляется родительный падеж вместо винительного в мужском роде в склонении всех одушевленных существительных вообще. Единственное исключение: „кто... *звѣрь* и птицы ис того лесу отгонитъ“. Во множественном же числе этого явления не наблюдается: „загонят *лошади*“, „кто *пчелы* выдерет“, „и ему... за *кобылы*, и за *коровы*, и *овцы*... и за *пчелы* править“, „учнет *птицы* ловити“, но „*птиц* прикормит“ (как исключение из правила); ср. даже

в склонении личных существительных женского рода: „*дочери* свои, *дѣвки* или *сестры,* или *племянницы* выдали замуж“, также: „мечутся на *люди*“, „возмутъ жену его и *дѣти*“ и т. п. В „Книге о ратном строе“ 1647 г. случаев употребления родительного вместо винительного во множественном числе несколько больше: „*куръ* ловить“, но и: „*куры* крадут“, далее: „убиваютъ какъ есть *собакъ*“, но „*лошади* поставиши“ и некоторые другие. Однако сто лет спустя в Москве старожильцы говорили почти так же, как в настоящее время.

У писателей XVIII и даже XIX в. нередко встречается форма вин. п. ед. ч. *на́конь* [главным образом в выражении *сесть* (вскочить) *на конь,* восходящем к древнерусскому *въсѣсти на конь* — отправиться в поход]; у Пушкина: „Люди, *на конь!* Эй, живее!“; у Дениса Давыдова в „Военных записках“: „сел *на конь* и уехал“, „мы вскочили *на конь*“ и т. п. Отметим также в одной из современных загадок, записанных на Дону (станица Цимлянская): „сел *на ко́нь* и поехал в огонь“ (рогач и чугун).

К пережиточным явлениям в этой области в современном русском литературном языке можно отнести наречие *замуж* („выйти *замуж*“, но „заступилась *за мужа*“).

Во множественном числе мы употребляем старый винительный в таких словосочетаниях, как: выбран *в депутаты,* пошел *в лётчики,* записался в *дружинники,* выйти *в люди,* берут себе *в жёны* и т. п.

Но в говорах, главным образом севернорусских и особенно сибирских, еще и в наши дни в склонении существительных одушевленных, но неличных, наблюдается во множественном числе употребление винительного, не равного родительному: посмотри *кони,* бьет *звери,* пасу *коровы,* гоню *овцы* и т. п.

Из других славянских языков употребление родительного вместо винительного во множественном числе известно, кроме украинского и белорусского, еще в польском. Но здесь (в польском) оно наблюдается только в склонении существительных мужского рода, да и то лишь с XVII в.: chłopców, synów, ojców, но: dziewki, ryby и т. д.

§ 69. Именительный и винительный падежи. В древнерусском языке, несмотря на те изменения в дописьменный период, о которых была речь в § 66, на странице 165, все же именительный и винительный падежи различались в бо́льшей мере, чем в современном русском. В единственном числе в мужском

роде в V склонении: *ка́мы — камень*; в женском роде в III склонении: *сестра — сестру, земля — землю*; в V: *свекры́ — свекръвь, мати — матерь*. Во множественном числе в мужском роде в I склонении: *вълци — вълкы, столи́ — столы*; *ко̄ни — ко̄нѣ*; во II: *сынове̄ — сыны*; в IV: *гостье — гости, путье — пути*; в V: *камене — камени*. Только в среднем роде не было этой разницы.

Очень рано, однако, различие между именительным и винительным падежами было утрачено во всех склонениях, кроме третьего в единственном числе. Появились формы именительного падежа, не отличающиеся от винительного: *камень, свекровь* (<*свекръвь*), *мать, волки* (<*вълкы*), *столы, кони, гости, пути, камни*.

То обстоятельство, что н о в а я форма именительного падежа оказалась равной форме винительного, не свидетельствует о „вытеснении именительного падежа винительным". Для такого вытеснения не было никаких оснований. Причина заключалась в стремлении уравнять формы именительного и винительного падежей по разным склонениям. Так, существительные V склонения *камы, свекры, мати* получили форму именительного ед. на мягкий согласный: *камень, свекровь, мать*, совершенно как: *кость, мысль* (IV) и т. д.; существительные I склонения *вълкъ, столъ* получили форму именительного мн. на ***-ы*** (после ***к, г, х*** — на ***-и***): *волки* (<*вълкы*), *столы*, совершенно как: *руки* (<*рукы*), *стѣны* (III); существительные *конь* (I), *путь* (IV) получили форму именительного мн.: *кони, пути* — совершенно как: *земли*<*землѣ* (III), *кости* (IV) и т. п.

Рассмотрим некоторые данные, касающиеся судьбы старых форм и м е н и т е л ь н о г о падежа.

а) В III склонении в мягком различии именительный ед. в древнерусском языке, кроме обычного окончания ***-'а (-я)***, имел еще другое окончание ***-и***, употреблявшееся после суффиксов ***-ьj*** (>***и***), ***-ын'***: *судьи* (по-старославянски: сѫдии)>*суди* (ср. „*суди* нѣкый" в Остромировом евангелии), *кънягыни, бо(л)ярыни, государыни* и т. п. Например: „преставися *княгыни Изяславляя*" (I Новг. летопись по Синод. списку); „моя *княгини*" (Духовная Дмитрия Донского 1389 г., вторая); „*государыни* наша" (Письмо вел. кн. Елены Васильевны 1537 г.) и т. п. Форма им. падежа ед. ч. на ***-ыни, -ини*** долго сохранялась в севернорусских говорах (особенно в песнях): *сударыни* (или *сударони*), *барони, княгини* (в Сибири, на Колыме) и пр. Ср. чешск. *paní* — „госпожа".

Именительный ед. *камы* (при винительном *камень*) нередко встречается в рукописных книгах XI — XII столетий, например в новгородской Минее 1096 г.: „ся просѣде *камы*" и пр., в новгородском же Юрьевском евангелии: „*камы* горящь" и пр. Но, разумеется, этим еще не доказывается наличие этой формы в живой древнерусской речи.

Форма им. ед. *свекры* (при винительном *свекровь*<*свекръвь*) также встречается в некоторых древнейших рукописях, например в том же Юрьевском евангелии около 1120 г.: „*мати* на дъщерь, *дъщи* на матерь, *свекры* на невѣсту" и т. п.

Эта форма, напротив, не являлась принадлежностью только языка книжной письменности. В начале XVI в. она зарегистрирована в некоторых памятниках делового языка Москвы: „как мнѣ князь великий свекоръ, так мне ты *свекры*". Она встречается в „Сборнике древнейших российских стихотворений" Кирши Данилова: „А и билася, дралася *свекры* со снохой". Наконец, употребление этой формы широко распространено в современных южнорусских говорах, отчасти — в среднерусских и севернорусских, причем, по большей части, это слово не склоняется: у *свекры*, к *свекры* и пр.

Форма именительного ед. *кры* (ср. ст. польск. *kry*) была вытеснена формой *кръвь* у восточных славян еще в дописьменный период.

Другие подобные образования: *букы* (буква), *цьркы*, *любы*, *мъркы* (морковь) и т. п., по-видимому, рано исчезли, будучи вытеснены образованием на ***-ов'*** (из ***ъвь***): *любовь*, *морковь* и пр., или на ***-ва***: *буква* (в говорах *морква*)[1] и пр.

Что касается форм им. ед. *мати*, *дочи* (из *дъчи*, ср. **дъшти** в старославянском) при наличии форм вин. ед. *матерь*, *дочерь* (из *дъчерь*), то они долго существовали, а отчасти и до сих пор сохраняются в русском языке и других восточнославянских. Еще в Уложении 1649 г. формы *мати* (и *мать*), *матерь* (но не *дочь*, *дочерь*) употребляются исторически правильно: „отецъ или *мати* отдастъ" и т. п., но: „покиня отца своего и *матерь*; кто... отца или *матерь*... рукою зашибетъ и в томъ на нихъ отецъ или *мать* учнутъ бить челомъ" и пр. Но вскоре в Москве установилось

[1] Как полагают многие видные ученые (Соболевский, Обнорский, Ильинский, Лер-Сплавинский и др.), к этой группе слов первоначально относилось также (по-видимому, вятичское) название (сначала реки, потом города) *Москы*, откуда, к XIV в.: *Москва*, род. ед. *Москвъве*, вин. ед. *Москъвь* и т. д. Эти формы косвенных падежей неоднократно встречаются в памятниках письменности, главным образом в летописных сводах.

употребление одной формы (*мать*) для обоих падежей (им. и вин. ед.). На севере, однако, кое-где сохраняются еще формы им. ед. (*мати, дочи > доци*) при вин. ед. *матерь, дочерь*. Иногда эти последние употребляются и в функции именительного ед.

б) О форме именительного мн. мужского рода. Старая форма именительного мн. мужск. р. твердого различия на *-и* долго сохранялась в народной речи. В первой половине XVI в. в Москве (и других местах Московского государства), судя по памятникам делового языка, было в ходу еще немало отдельных существительных с этим окончанием, причем любопытно, что все они являются личными существительными: *смерди* (например, „*смерди* ловятъ (соболей)" в одном документе московского происхождения (1503 г. и др.), *холопи, сосѣди, бѣси,* даже иногда с сохранением свистящих из *к, г, х: послуси* (от *послухъ*, свидетель; например, обычная формула в грамотах: „а на то *послуси*"), *друзи, турци* (= турки; впрочем, нормальной для этого времени формой следует считать *турки*). Несомненно, однако, что в XVI в. эта форма на *-и* плохо осознавалась как именительный мн. твердого различия, в связи с чем возникают в XVI — XVII вв. новые формы косвенных падежей с мягкой основой: *холопи — холопей, сосѣди — сосѣдей* и т. д. В Судебнике царя Феодора Ивановича (и некоторых иных памятниках этого времени) даже: *послуси — послусей* и т. д.

В современном литературном русском языке из этих слов сохранилось только два: *соседи* и *черти*. Еще в XVIII столетии было употребительно слово *холопи* с таким же склонением, но потом оно получило окончание *-ы* и стало изменяться только по твердому склонению. В говорах, особенно в фольклоре, встречаются и другие существительные твердого различия с окончанием *-и* им. мн., причем не только „одушевленные": *ангели, беси, кочети* — „петухи": „*кочети* запели", *волоси, кресты* (карточная масть) и т. п. Формы им. мн. на *-ци, -зи, -си* теперь на восточнославянской территории известны только в говорах юго-западной Украины: *парібці, вовці, пастусі* и т. п.

Форма им. п. мн. ч. на *-и* в I склонении твердого различия (сохраняющаяся, например, в чешском языке как форма им. мн. одушевленных существительных: vrazi, bratři (= „браты", „братья"), sloni, havrani (вороны), hadi (гады), но: hrady (города), как уже сказано, в древнерусском языке была вытеснена формой на *-ы*, и таким образом установилось одинаковое окончание в

I и III склонениях твердого различия: *орлы* (вместо *орьли*), *столы*, *волки* (из *вълкы*, вместо *вълци*) и т. д. [ср.: *сестры*, *стѣны*, *руки* (из *рукы*<*рѫкы*)]. Припомним, что к III склонению относились и существительные мужского рода: *воевода*, *староста* и т. п., обстоятельство, в особенности способствовавшее распространению окончания **-ы** в I склонении. В результате в I склонении форма именительного падежа мн. ч. совпала с формой винительного, что в свою очередь повлекло за собой вытеснение формы винительного мн. формой родительного сначала в склонении существительных, обозначавших людей, а потом и вообще „одушевленных".

Утверждение формы на **-ы** именительного и винительного мн. в I склонении восходит едва ли не к XIII в. Как древнейший, самый ранний пример употребления формы им. мн. на **-ы** вместо **-и** обыкновенно указывают на слово *чины* (вместо *чини*) в ростовском „Житии Нифонта" 1219 г. („*чины* (ангельские) расставлени быша..."), но при этом упускают из виду, что в этой книге (переписанной с сербского оригинала) буквы **ы** и **и** иногда употребляются неправильно, смешиваются. Но в других рукописях XIII — XIV вв. имеются бесспорные примеры этой формы, при наличии которых и упомянутый случай (*чины* вместо *чини*) не должен вызывать сомнения.

В мягком склонении имело место нечто подобное: вм. им. мн. *кони* стали говорить *конѣ*, т. е. стали пользоваться формой им. мн. одинаковой с формой вин. мн., совершенно с таким же окончанием, как в III склонении мягкого различия: *землѣ*, *судьѣ* и т. п. Вскоре, однако, под влиянием формы им.-вин. мн. твердого различия на **-ы** окончание **-ѣ** в русских говорах, в частности в языке Москвы, было вытеснено окончанием **-и** как в I, так и в III склонении: *кони*, *рубли*, *учители*, *краи*, *земли*, *судьи* и пр. Уже в „Повести временных лет" на 56 случаев формы вин. п. мн. ч. *конѣ* приходится 84 случая формы *кони*.

В старом русском литературном языке окончания **-ы, -и** (им.-вин. мн. муж. и жен. р.) при отсутствии ударения получили распространение и в среднем роде: *сёлы*, *блюды*, *письмы*, *гнезды*, *ружьи*, *платьи* и т. д. Первые случаи относятся к XVI столетию: *блюды* (Домострой) и т. д. Ср. еще в середине прошлого века у Н. А. Некрасова: *вороты*, *ребры*, *глазищи* и т. п.

Еще в большей мере такое распространение форм им.-вин. мн. на **-ы, -и** в среднем роде наблюдается в говорах.

Таким образом, с течением времени в русском языке обнаружилось стремление сделать окончания им.-вин. п. мн. ч. ***-ы, -и*** общими для всех типов склонения.

в) Но в то же время наметилась и другая тенденция. В склонении существительных мужского рода типа *вѣк* (< *вѣкъ*), *лѣс* (из *лѣсъ*), *учитель, край* и т. д. в им.-вин. п. мн. ч. появилось новое окончание ***-а, -я*** (после твердых и мягких согласных): *лѣса́, края́* и т. п. Это было уже третье окончание им.-вин. п. мн. ч. в I склонении: *лѣси* > *лѣсы* > *лѣса́; краи* > *краѣ* > *края́; вѣци* > *вѣкы* > *вѣки* (ср. „в кои *веки*" и пр.) > *вѣка́* и пр. Это новое окончание, однако, получили не все существительные I склонения; ср. в современном русском литературном языке: *леса́,* но *столы́, луга́,* но *шаги́, доктора́,* но *инжене́ры, учителя́,* но: *ко́ни* и т. д.

Следует обратить внимание на то, что:

1) новое окончание ***-а́, -я́*** всегда является ударенным и

2) новые окончания им.-вин. пад. ***-а́, -я́,*** как правило, могут принимать только те существительные мужского рода, которые имеют в единственном числе ударение на основе, а во множественном — на флексии: *леса́,* но *ле́са; луга́,* но *лу́га; доктора́,* но *до́ктора; учителя́,* но *учи́теля* и т. д. Исключения из этого правила совершенно единичны: *рукава́* (им.-вин. мн. и род. ед.) и заимствованное *обшлага́* (под влиянием *рукава́*). С другой стороны, не все существительные этого типа обязательно принимают новое окончание: *шаги́* (при *ша́га*), *гробы́,* (при *гро́ба*), *шкафы́* (при *шка́фа*) и т. д.

В говорах, особенно южнорусских, это окончание ***-а́, -я́*** также получило более широкое распространение, чем в литературном языке, причем правила употребления этой формы, действующие в литературном языке, в говорах по большей части не соблюдаются: *сада́* (*сады*), также *ветра́, омута́, топора́, пастуха́* (им. п. мн. ч.), *ручья́* бегут, *воробья́* налетели. Из склонения существительных мужского рода это окончание попало в склонение существительных женского рода (старых III и IV—V склонений): крутые *гора́,* в *голова́, староста́,* в чужие *земля́; деревня́, степя́, лошадя́, матеря́, церквя́* и т. д. Слово *зеленя́* (=озимые) возможно и в литературном языке.

Давно ли появилось это новое окончание ***-а́, -я́?*** В качестве формы именительного-винительного падежа мн. ч. форма на ***-а́, -я́*** возникла сравнительно недавно. Достоверных примеров этой формы и в старой московской письменности не встречается

раньше XVI столетия. Даже в письменности первой половины XVII в. они еще единичны. В такой большой книге, как Уложение 1649 г., можно отметить только один случай этой формы: *лѣсá* (ср. *гóроды, лýги* и т. д.). Но со второй половины XVII столетия таких примеров встречается все больше и больше.

Впрочем, в этом отношении, по-видимому, в разных говорах дело обстояло по-разному: в одних говорах эта форма получила распространение раньше и в бóльших размерах, чем в других.

Что касается происхождения этой формы, то оно еще не выяснено в достаточной степени. Было несколько причин, вызвавших ее появление. С одной стороны, с древнерусской эпохи в народной речи сохранились отдельные пережиточные формы им.-вин. двойственного числа с ударением на флексии, засвидетельствованные древними памятниками письменности до XVI в.: *рогá* (известное, между прочим, даже в современном болгарском языке, не знающем, как и все другие славянские языки, формы им.-вин. мн. ч. типа *лесá*), а также *бокá, глазá, рукавá,* возможно, *берегá* и некоторые другие, беспрерывно встречающиеся в памятниках XIV—XV столетий. Значение им.-вин. пад. множественного числа получили, однако, лишь те слова на ***-á, -я́,*** у которых ударение множественного числа в остальных падежах, начиная с родительного, падало на флексию, а в единственном числе, в частности в родительном падеже, — на основу: *рóг, рóга, рóгу* и пр., но *рогóв* и т. д., а также *рукавá*. Под воздействием таких форм им.-вин. мн., как *рогá* и т. п., и другие существительные, которые с давнего времени имели во множественном числе ударение на флексии, начиная с род. падежа: *лѣсóв* и пр., получили окончание ***-á, -я́:*** *лѣсá* (вместо *лѣсы* < *лѣси*).

С другой стороны, следует учесть влияние существительных среднего рода с подвижным ударением: *слóво, слóва, слóву* и пр., но: *словá, слов* и пр. Повлияли и такие, в прошлом собирательные, существительные, как *господá*, которое с XVII в. стало восприниматься как именительный множественного от *господин*, тогда как первоначально оно изменялось по III склонению в единственном числе. Ср. в документах московского происхождения начала XVI в.: „нашие *господы*“, „нашей *господѣ*“; в новгородских грамотах того же времени: „*осподѣ* нашей посадникомъ“ и т. п. Следует также учесть и то обстоятельство, что к XVI в. уже получили широкое распространение формы дат., твор.,

предл. падежей мн. ч. на ***-ам: -ям, -ами: -ями, -ах: -ях*** по всем склонениям: *лѣсам, лѣсами, лѣсах; рогам, рогами, рогах; краям, краями, краях* и т. д. (о чем см. § 75). Эти формы в свою очередь способствовали тому, что новое окончание ***-а, -я*** твердо установилось в именительном-винительном падеже мн. ч. существительных определенного типа.

г) Как было уже отмечено, существительные мужского рода во II, IV и V склонениях также имели разные окончания в именительном и винительном падежах.

	II	IV	V
Мн. ч. И.	*сынове*	*гостье*	*камене*
В.	*сыны*	*гости*	*камени*

С течением времени эти существительные в конечном счете утратили свое склонение и стали изменяться по I склонению.

Но пока этот процесс закончился, прошло много времени. Форма *сы́нове* держалась в канцелярской московской речи едва ли не до XVII столетия, причем одно время даже могла употребляться и в функции винительного множественного наряду с *сынов*. Например: „даю... и *сынове* и дочери“, но: „послал... двү *сыновъ*“— в памятниках первой половины XVI в. Окончание ***-ове*** из II склонения рано попало в I, где, кроме ***-ове,*** в мягком различии появилось еще новое окончание ***-еве.*** Ср. в „Слове о полку Игореве“: „и *дятлове*... путь... кажутъ“, „рѣтко *ратаевѣ* кикахуть“. В Новгородской грамоте 1371 г.: *послове*, причем в функции винительного падежа мн. ч.: „*послове* свои слати“. Окончание ***-ове: -еве*** постепенно (к XVI в.) закрепилось, по крайней мере, в языке Москвы за личными (особенно этническими названиями) существительными мужск. р.: *татарове, угрове, грекове,* также *государеве*. Позже, однако, и здесь оно было вытеснено окончанием ***-ы, -и.***

В настоящее время формы им. п. мн. ч. на ***-ове: -еве,*** сохраняющиеся в некоторых украинских (юго-западных) и некоторых белорусских говорах, в русском языке не известны ни в литературной речи, ни в говорах.

Именительный падеж мн. на ***-ье:*** *гостье* (ср. польское *goście*, чешск. *hoste*) исчез в общерусском языке. Ср. однако смоленское *людье* (Добровольский).

Что касается V склонения, то следует учесть, что сюда относились во множественном числе личные существительные на ***-анинъ: -янинъ*** и ***-инъ*** мужского рода: *горожанинъ: горожане,*

крестьянинъ: крестьяне, бояринъ: бояре и т. п. Эти существительные, в отличие от „неодушевленных“ существительных, вроде *камене* (им. мн. от *камы*) и т. п., перешедших в I склонение, сохранили до сих пор некоторые формы множественного числа по V склонению: *горожане*, род. п. мн. *горожан.*

§ 70. Чередование звуков в склонении существительных с основой на задненебный согласный. Имеется в виду чередование звуков в древнерусском языке (как и во всех других славянских языках в древности) в таких словах, как: *вълкъ: вълче* (зват. падеж), (о) *вълцѣ* (предл. п. ед. ч.), (о) *вълцѣхъ* (предл. п. мн. ч.), *вълци* (им. п. мн. ч.); *рука:* (к, на), *руцѣ* (дат.-предл. п. ед. ч.), как следствие первого и второго смягчения задненебных согласных. Ср.: *другъ: друже: друзи; кожухъ* (въ): *кожусѣ; пастухъ: пастуше: пастуси; нога*: (к, на) *нозѣ; соха:* (к, на) *сосѣ* и т. п. Это чередование звуков, но только в единственном числе, сохраняется в украинском и в белорусском языках, в литературной речи, и в говорах. Например, в украинском литературном: *на руці, на дорозі, в кожусі* и т. д.; в белорусском литературном: *на руцэ, на сасé* и т. д. Что же касается русского языка, то в настоящее время этого звукового чередования в склонении существительных ни в литературной речи, ни в говорах (за исключением некоторых русских говоров Орловской и Курской обл., где в прошлом были обнаружены подобные образования: *у кабацé, на парóзе, о ɣарóсе; на дарóзе, на назé* и т. п.) не наблюдается. Следует при этом принять во внимание, что звательная форма в русском языке вообще исчезла (см. § 65), а форма именительного падежа на *-и* в I склонении была вытеснена формой на *-ы,* одинаковой с формой винительного мн. ч. (о чем только что было сказано). Окончание *-ѣхъ* было вытеснено окончанием *-ахъ* (см. § 75). Таким образом, в конце концов осталось лишь чередование *к: ц, г: з, х: с* в единственном числе. Возможно, впрочем, что в некоторых севернорусских говорах в склонении существительных с основой на *к, г, х* под влиянием других падежей согласные *к, г, х* с доисторического времени сохранились без изменения в *ц, з, с* — в нарушение закона так называемого „второго смягчения“ (см. § 55). В Московской Руси чередование *к : ц, г : з, х : с,* надо полагать, сохранялось долго. Даже в письменных памятниках (московского и иного происхождения) первой половины XVI в. встречаются формы на *-зѣ,* значительно реже на *-цѣ* и, в исключительных

случаях, на *-сѣ:* на *бумазѣ*, въ *крузѣ*, по *дензѣ*, также: по *сроцѣ* (=сроке), идти къ *руцѣ*, о добрѣ или о *лисѣ*; в собственных именах: в *Колузѣ*, на *Волзѣ* и на *Молозѣ*, на *Волоцѣ*, въ Бѣжецкомъ *Версѣ* и т. п.

§ 71. **Местный падеж.** Одной из важных особенностей древнерусской системы склонения существительных можно считать также и ту особенность, что предложный падеж, подобно другим косвенным падежам, мог употребляться и без предлога, тогда как в современном русском это невозможно, и поэтому самый термин „предложный" падеж по отношению к древнерусскому языку является неточным и условным.

Без предлога „предложный" падеж употреблялся для обозначения главным образом пункта пребывания, местонахождения кого-либо или (реже) чего-либо. Так в послесловии к Остромирову евангелию: „Изяславъ ... правлиаше ... *Кыевѣ;* ... поръчи правити ... Остромиру *Новѣгородѣ*..." Также в „Повести временных лет" по Лаврентьевскому списку: „посади Ярослава *Новѣгородѣ*, а Бориса *Ростовѣ*"; „*Бѣлѣгородѣ* затворился Мстиславъ Романовичь"; „бысть пожаръ великъ *Кыевѣ городѣ*", „(церковь) яже стоить и до сего дне *Тьмуторокани*" и т. д.

Гораздо реже предложный падеж без предлога (или „местный") употреблялся для обозначения времени. Например, в той же „Повести": „томь же *лѣтѣ* приде Мстиславъ", „идоша *веснѣ* на половцѣ", „бѣжа прочь *ночи*" и пр. Ср. в говорах: *утре*(*сь*)—утром. Еще реже „местный" падеж употреблялся в качестве падежа состояния: „поя ю собѣ *женѣ* (=взял *женою*)" и т. п. Местный падеж рано вышел из употребления.

ВАЖНЕЙШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ТИПОВ СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 72. **Распадение „пятого" склонения.** Можно начать рассмотрение этих изменений с такого факта, как распадение V склонения. Из всех существительных этого склонения (о которых было упомянуто в § 63) до некоторой степени сохранились (со своим характерным наращением *ен*) в литературном русском языке существительные на *-мя* среднего рода: *имя,*

семя, племя, темя, стремя и т. д. (около десятка), которые, однако, в единственном числе теперь склоняются, за исключением им.-вин. падежа, по образцу *путь*, а во множественном числе ничем не отличаются от существительных среднего рода на ***-о*** (*село, место* и др.). В говорах ликвидация этого склонения пошла еще дальше, причем происходила по-разному. В севернорусских говорах встречаются, с одной стороны, формы вроде: *имё*, род. ед. *имя*, дат. ед. *по имю*, твор. ед. *имем*, предл. ед. *об име*. Такие формы в письменности встречаются с XVII в. Так уже в Книге о ратном строе 1647 г. имеем: „оба *знамя*“ (вместо *знамени*), 140, „мало *время*“ (вместо *времени*), 40. В литературном языке они нередки еще в первой половине XIX в. Ср. у Пушкина: „*На теме* полунощных гор“ — в первом издании „Руслана и Людмилы“; „Это было б лишь *время* трата“— в первом издании „Сказки о попе и о работнике его Балде“; у Лермонтова в поэме „Сашка“: „... Не знал другого *имя*“; у Крылова: „То к *темю* их прижмёт“ и т. д. С другой — *имено́, знамяно́, стремяно́* (ср. в „Древних росс. стихотворениях“ Кирши Данилова: „Они ездят, богатыри, ... *стремяно* в *стремяно*“). В обоих случаях новые формы возникли под влиянием существительных типа *село, поле*. Как частность, можно отметить в литературном русском языке: *семя́н* (род. мн.) вместо ожидаемого *семён* (ср. *имён* и пр.), вследствие омонимического отталкивания от *Семён*. В севернорусских говорах и у писателей XIX в. подобных образований было больше (ср. у Пушкина: „Хвалёных дедовских *времян*“ в рифму с *обезьян*; „Как из *стремян* вы вышибли его“ и т. д.). Эти образования с ***мян*** из ***мен*** возникли под влиянием формы им.-вин. ед. на ***-мя***.

Что касается остальных существительных V склонения, то они в русском языке все перешли в другие склонения по родовому признаку: существительные мужского рода — в I [(вместо *камы*, род.-предл. ед. *камене* —) *камень*, род. ед. *камня*, предл. *камнѣ* и пр.], сущ. женского рода — в IV [(вместо *мати* > *мать*, род. ед. *матере* и пр. —) *мать* или *матерь*, род. ед. *матери* и пр., вместо *свекры*, род. ед. *свекръве* и пр. — *свекровь*, род. ед. *свекрови* и пр.], сущ. среднего рода — в I [(вместо *тѣло*, род. ед. *тѣлесе* и пр. —) *тѣло*, род. ед. *тѣла* и пр.]. Кроме существительного *тѣло*, сюда относились: *чудо* (род. ед. *чудесе*), *око* (род. ед. *очесе*), *ухо* (род. ед. *ушесе*), *коло* (род. ед. *колесе*) и некоторые другие.

Существительные вроде *жеребя́*, род. ед. *жеребяте* и пр., представляющие собой обыкновенно названия детенышей животных и лишь отчасти — людей: *дѣтя*>*дитя*, *робя*>*ребенок* (ср. в Никоновской летописи: „женъ и *робятъ* побили“; ср. позже в „Житии“ протопопа Аввакума: „послала *робя* х колдуну“, „*робяти* на пищу“, „на *робят*“), имели особую судьбу. В русском языке, в литературном и в говорах, они склоняются во множественном числе совершенно, как существительные типа *село, место*: *жеребята*, род. мн. *жеребят* и т. д., а в единственном они, как правило, были вытеснены образованиями на ***-ёнок***: *жеребёнок, телёнок, ребёнок* (из *робенок*, вследствие межслоговой ассимиляции), изменяющимися по I склонению. Эти образования на ***-ёнок*** составляют особенность только русского языка из всех славянских. Ср. в сербском: *ждребенце, теленце* и пр. Одно слово *дитя* уцелело в современном русском литературном языке из всей этой группы. Оно и теперь склоняется со своим характерным наращением ***ят***, но с окончанием по образцу *путь*: род. ед. *дитяти* (вместо *дитяте*) и пр. и с творительным: *дитятей* (при др.-русск. *дѣтятьмь*). В говорах остатков этого склонения типа *жеребя* несколько больше, чем в литературном языке, но, по-видимому, только в пословицах и поговорках: „овин с овсом, *жеребя* с хвостом“; „у кошки *котя*, такое же дитя“; „наше *теля*, и губа бела“; „нашему бы *теляти* да волка поймати“ и т. п. Склонение *жеребя, жеребяти* и пр. долго держалось в старомосковской речи. Еще в Книге о ратном строе 1647 г. читаем: „мало не *осля* под латы надобно“; в Уложении 1649 г. встречается „*куря́* индейское“. В других славянских языках, например в украинском языке литературном и в говорах, это склонение сохранилось вплоть до наших дней: *гуся́*, род. ед. *гусяти* и пр., *теля́*, род. ед. *теляти* и пр. (но творительный *телям*) и т. п.

В результате всех этих изменений (начало которых, вероятно, относится к доисторическому времени, потому что они отражаются в известной мере уже в самых древних памятниках нашей письменности) пятое склонение стало непродуктивным, новые существительные перестали образовываться и изменяться по образцам этого склонения. В конце концов оно исчезло.

§ 73. Смешение „второго“ склонения существительных мужского рода с „первым“. Исчезло, как продуктивный тип скло-

нения, также II склонение. Но на этот раз дело обстояло значительно сложнее. Существительные мужского рода типа *сынъ* (а в древнерусском языке, как и старославянском, даже древнейшей эпохи, сюда относились, по-видимому, только единичные слова, главным образом: *сынъ, медъ, домъ, полъ* (половина), *вьрхъ*)[1] в конечном счете слились с существительными мужского же рода I склонения типа *вълкъ, столъ* и т. п. Это слияние повлекло за собой: 1) появление „вторичной" флексии в некоторых падежах в I склонении существительных мужского рода типа *городъ, лѣсъ, отьць, край* и 2) выделение вследствие этого из I склонения существительных среднего рода типа *село, поле*, поскольку эти существительные сохранили окончание ***-а, -я*** в родительном ед.

Припомним, в каких приблизительно отношениях друг к другу находились существительные мужского рода твердого различия I и II склонения в эпоху, предшествовавшую появлению письменности:

		I	II
Ед. ч.	Р.	*вълка, стола, лѣса*	*сыну, меду*
	Д.	*вълку, столу, лѣсу*	*сынови, медови*
	П.	*вълцѣ, столѣ, лѣсѣ*	*сыну, меду.*

Начиная с древнейших письменных памятников, слово *сынъ*, единственное личное существительное II склонения, в род.-вин. ед. обыкновенно употребляется с окончанием I склонения: *сына*, а несколько позже и вообще переходит в I склонение, как и другие существительные этого склонения. Зато существительные I склонения с XI столетия встречаются в некоторых падежах со вторичными окончаниями, заимствованными из II склонения. При этом „одушевленные" существительные, не говоря уже о личных, обыкновенно сохраняют старую форму род.-вин. ед. на ***-а:-я*** по I склонению: *брата, вълка, учителя, мужа, Петра, Георгия* и пр., да и в других отношениях отличаются от „неодушевленных". Так, в дат. ед. новое (из II склонения) окончание ***-ови,*** а под влиянием этой формы и вновь возникшее ***-еви*** в мягком различии, судя по некоторым древнерусским книгам, например Архангельскому евангелию 1092 г.,

---

[1] По мнению некоторых современных исследователей этого вопроса, в общеславянскую эпоху сюда относились также: *бобръ, ледъ, боръ, илъ, садъ, олъ* (хмельной напиток), *пъсь, дръвъ* (сохранившееся лишь во множественном числе: ср. русское *дрова*).

а также по „Русской правде“, „Слову о полку Игореве“ и другим памятникам литературного русского языка „старшей поры“, начало закрепляться за личными существительными и собственными личными именами мужского рода: ***богови, мужеви, кесареви, Петрови, Иосифови*** и др. (Арханг. ев.), ***Георгиеви*** (Мстиславова грамота около 1130 г.), ***Иванкови*** и др. (в новгородской грамоте 1264 г.); „***Игореви*** князю“, „молвить Гзакъ ***Кончакови***“, „***Романови*** Святъславичю“, „заступивъ ***королеви*** путь“ и др. — в „Слове о полку Игореве“ и т. д.

Впрочем, это правило не всегда осуществлялось последовательно. Дательный на ***-ови, -еви*** иногда встречается и от других существительных I склонения. Впоследствии эта форма на ***-ови, -еви***, сохраняющаяся до сих пор в украинском языке (например: *лісові, батькові* и т. п.), исчезла в русском. Исчезновение этой формы относится ко времени после XIV в. В Суздальской летописи по списку 1377 г. форму дат. ед. на ***-ови, -еви*** (преимущественно в склонении личных существительных мужского рода) еще можно считать обычной.

Что касается „неодушевленных“ существительных I склонения, то в род. ед. они встречаются со вторичным окончанием ***-у: -ю*** (***'у***), начиная с XI в.; ср.: отъ *льну* — в Изборнике 1073 г.; о[т] *воза* и о[т] *лну* — в Новгородской грамоте 1264 г.; *свѣту* (род. ед.) — в новгородской Минее 1096 г. и т. д. Чем дальше идет время, тем больше становится таких случаев. При этом уже в древнерусскую эпоху намечаются определенные тенденции к употреблению форм на ***-а:-я***, с одной стороны, и на ***-у:-ю*** — с другой, действующие и в современном русском литературном языке: с окончанием ***-у:-ю*** употребляются те неодушевленные существительные, которые невозможны или необычны при счете, в частности в сочетании с *два* (< *дъва*) или *оба*, потому что в сочетании с этими числительными существительные мужского рода с древнерусской эпохи вообще закрепились в форме на ***-а: -я:*** два *стола, ножа, ручья* и пр. Другими словами, это существительные преимущественно со значением вещественным (*гороху, воску, солоду, хмелю*), а также собирательным (*народу, пълку, лѣсу*), отвлеченным (*страху, дългу*). Иногда географические имена, например в „Слове о полку Игореве“: „съ *Дону* великого“, „испити шеломомъ *Дону*“ и др. Ср. в новгородских грамотах: „ис *Торжьку*“. Приходилось ли при этом ударение на основу или на окончание, это обстоятельство, по-ви-

димому, не играло роли, хотя при ударении на основе форма род. пад. ед. ч. на *-у,-ю* в древнерусском языке, несомненно, употреблялась чаще.

Иначе обстоит дело в говорах: уже давно (примерно с XVII в.) окончания *-у, -ю* в род. ед. ч. там употребляются также в склонении существительных одушевленных: от *жениху,* от *отцу* и др. и в склонении существительных среднего рода: „я бы до *небу* достал“, „возле *полю*“ и т. п.; в фольклоре: „Отставала лебедь белая | От *стаду* да лебединого“.

Трудно сказать, имела ли место какая-либо закономерность в употреблении формы предложного падежа ед. ч. на *-у:-ю* в I склонении. Во всяком случае те нормы употребления этой формы, которые существуют в современном русском литературном языке, в старое время не отличались устойчивостью.

Форма предложного падежа ед. ч. на *-у:-ю* во многих говорах и в самой Москве с давнего времени употреблялась: 1) не только после предлогов *въ* и *на*, но и после других предлогов; 2) не только при наличии подвижного ударения на основе в ед. ч., переходящего в предложном ед. с основы на окончание *-у:-ю.* Ударение на окончании *-у:-ю* не было обязательным.

Так, еще в старомосковском Уложении 1649 г. находим: 1) „бить челом о *сыску́*“, „о *долгу́* тяглых людей“, „о *корму́*, о третейском *суду́*“; 2) „о недѣльщиковѣ *ѣ́зду*“ (ударение на *ѣ*), „приставить в *гра́бежу*“ (в этом слове ударение было на основе), „в которомъ *го́ду*“, „в осадном *спи́ску*“, также: в *Ры́льску, в Серпѣ́йску.*

Следовательно, современные правила употребления формы предложного ед. на *-у,-ю,* действующие в литературном языке, установились в Москве после этого времени.

В говорах, особенно южнорусских, и до сих пор возможны образования вроде: в *һаршку́*, в *пираһу́*, в залатом *вянцу́*, при *канцу́*, аб *һрашу́* (о гроше); в *сара́ю*, при *ве́чиру* и пр. (т. е. при наличии неподвижного ударения на флексии, при отсутствии ударения на *-у:-ю,* не обязательно после предлогов *в* и *на*). Ср. „Слово о *плъку* Игоревѣ“ (мы бы сказали: о *полке́*). В южнорусских говорах в отличие от старомосковского с давнего времени с окончанием *-у, -ю* употребляются также и „одушевленные“ (и личные) существительные: на *ку́му*, при *брату́*, аб *друγу́*, „на *вару́* и шапка *γарить*“; „при *Павлу* при *Петровичу*“ и т. д. Больше того: эта форма на *-у,-ю* как на севере,

так и на юге возможна и от существительных среднего рода: *на окну*, в *уху* (в *ухе*), *на крыльцу*, „в чистом *полю*" и т. п.

§ 74. Судьба существительных мужского рода „четвертого" и „пятого" склонений. Но не только существительные II склонения мужского рода слились с существительными I склонения. Такая же судьба постигла и существительные мужского рода IV склонения, тем более, что к моменту появления письменности таких слов в древнерусском языке было не очень много. Главным образом это были личные существительные: *гость, тать, зять, тьсть* и др. и едва ли не единственное „неодушевленное" *путь*. Все личные и одушевленные существительные этого типа перешли в I склонение: *гость*, род. ед. *гостя*, дат. ед. *гостю* и т. д., тогда как первоначально они склонялись по образцу *путь*. Раньше всего окончание ***-я*** (='*а*), по-видимому, появилось в род.-вин. ед., а потом и в остальных падежах. Например, в Новгородской грамоте 1317 г.: „а *гости* всякому гостити" (дат. ед.), но: „*гостя* не переимати" (род. или вин.). Ср. в летописных текстах „отъ *тести* своего", „ко *тьсти*" (Лавр. список летописи), „къ *зяти*" (Ипат. список летописи) и пр. Из всей этой группы слов сохранилось в литературном русском языке и отчасти в говорах только *путь*. Во многих говорах и это существительное изменяется или по I склонению: род. ед. *путя*, дат. ед. *путю* и пр., или по образцу *кость* и имеет грамматическое значение женского рода: эта *путь* и пр.

Существительные мужского рода V склонения также перешли в I склонение. Вместо *камы*, род. ед. *камене* и пр. в конце концов установилось новое склонение: *камень*, род. ед. *камня* и т. д.; вместо *дьнь*, род. ед. *дьне*, дат. ед. *дьни* и пр. — *день*, род. ед. *дня*, дат. ед. *дню* и т. д. Конечно, оно установилось не сразу. Не только в древнерусскую эпоху, но и позже эти и подобные слова (по крайней мере, в некоторых падежах) изменялись также по IV склонению, по образцу *путь*. Например: им. ед.: *камень, день* (< *дьнь*), род. ед.: *камени, дни*, дат. ед.: *камени, дьни* > *дни* и др.

В литературном языке старые формы долго сохранялись наряду с новыми формами по образцу *стол, край*. Например, в „Ведомостях"[1]: „вся из *камени* построена" (1706 г., № 5), „въ *ка-*

[1] Имеются в виду «Ведомости» времени Петра I — наша первая газета, издававшаяся с 1703 г.

мени" (там же); у Ломоносова: „(ветвями) едва не до *корени* израстающими", „плоды... при *корени* древ лежащие" („Краткое руководство к красноречию", 1765 г., § 58) и др. Особенно долго держалась форма род.-дат. ед. *дни*. Например, у Гоголя: „с завтрашнего *дни*", „к вечеру того же *дни*" и пр. („Мертвые души"); у Лермонтова: „третьего *дни*" („Странный человек") и т. д. В говорах, особенно севернорусских, эта форма широко распространена: третьёво *дни*, с Ильина *дни*, работа на пол *дни* и др.

Таким образом, в единственном числе все существительные мужского рода, оканчивавшиеся на согласный (твердый или мягкий) в им. ед. (после исчезновения слабых *ъ, ь*), совпали в конце концов в одном склонении, образовавшемся на базе I склонения мужского рода: *волк, сын, стол, лес; конь, гость, край, камень*.

Важной особенностью нового склонения мужского рода следует считать возможность употребления в некоторых падежах вторичной флексии, чуждой старому I склонению мужского рода.

В связи с этим обстоятельством находится обособление в общерусском языке существительных типа *село*: *поле*, с которыми, как уже было отмечено выше, совпали существительные среднего рода V склонения, также оканчивавшиеся на *-о* в им.-вин. ед.: *тѣло, слово, око, ухо* и др., но отличавшиеся от таких существительных, как *село, поле*, в остальных падежах: род. ед. *тѣлесе, словесе, очесе, ушесе* и т. д. Теперь мы склоняем их иначе: *тела* (род. ед.), *телу* (дат. ед.) и т. д. В отличие от существительных мужского рода эти существительные в единственном числе сохранили „первичную" флексию I склонения *-а* — в род. ед., *-у* — в дат. ед. и т. д.

В женском роде мы также наблюдаем нечто подобное. Существительные женского рода V склонения (типа *свекровь* < *свекры мать* < *мати*) совпали с существительными женского рода типа *кость*.

Таким образом, вместо первоначальных пяти склонений, сохраняющих свою старую флексию, в единственном числе установилось четыре „продуктивных" склонения по признаку грамматического рода: одно — мужского рода, два — женского (типа *сестра, земля* и типа *кость*) и одно — среднего.

§ 75. Твердое и мягкое различия. Наконец, чтобы закончить обозрение наиболее важных изменений в области склонения су-

ществительных в единственном числе, необходимо еще остановиться на влиянии твердого различия на мягкое.

В I и III склонениях, как было отмечено в § 67, существительные с **твердой** основой в некоторых падежах единственного ч. отличались от существительных с **мягкой** основой:

I	III		
	Р.	*воды*	*землѣ*
П. *вълцѣ, селѣ — кони, поли*	Д.-П.	*водѣ*	*земли*

Следовательно: въ *Ярославли,* о своемь *отьци,* въ томь *краи,* в *Поморьи,* въ *сѣмьй* и т. д. Под влиянием „твердых" форм окончания, характерные для мягкого различия, рано начали заменяться соответствующими окончаниями твердого: на *конѣ,* въ *полѣ,* изъ *земли,* къ *землѣ* и пр. при сохранении мягкости основы.

Правда, это вытеснение окончаний мягкого различия соответствующими окончаниями твердого произошло не сразу и даже не во всех русских говорах. В некоторых южнорусских говорах до сих пор сохраняются формы вроде: к *зари́*, на *земли́*, у(=в) *сямьи́*, а в севернорусских (имеющих *е̣* из *ѣ*): на *кони́*, к *отци* и др. Ср. также у писателей XIX в.: у Крылова: „Нашел червонец на *земли*" (рифма „в *пыли*"); у Тютчева: „Я, царь̀ земли, прирос к *земли*"; также у Гоголя: „Летит мимо всё, что ни на есть на *земли*" („Мертвые души", т. I, гл. XI).

Все же начало этого вытеснения следует относить едва ли не ко времени, предшествовавшему появлению в древней Руси письменности на старославянской основе, т. е. до XI в. Уже в рукописях XI в., например в новгородских Минеях, имеем такие примеры, как: изъ *отроковичи* (вм. *отроковицѣ*) (1095 г.), въ *пустынѣ*, *вл*(*а*)*д*(*ычи*)*цѣ* (дат. ед.) (1096 г.), не говоря уже о более поздних: въ *Ярославлѣ* — в новгородской Кормчей книге 1282 г. и т. д.

Что касается обратного влияния мягких форм на твердые, начало которого также относится к древнерусской эпохе, то его следы теперь наблюдаются главным образом в говорах. Именно на этой почве следует объяснять распространенное и на севере, особенно в говорах новгородского типа, и на юге так называемое смешение родительного падежа с дательным-предложным ед. ч.: у *сестре*, но: к *сестры*; у голодной *куме* одно на уме; на *березы* сидит и т. п. Ср. у писателей XIX в.: у Грибоедова: „Я должен у *вдове*, у *докторше* крестить" („Горе от ума", по

музейному автографу); у Пушкина: „Как *у* Вандиковой *мадонне*“ („Евгений Онегин“, гл. II, строфа 5 по изданию 1827 г.; позже „Точь в точь *в* Вандиковой *мадонне*“).

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Во множественном числе сближение и совпадение различных праславянских типов склонения наблюдается в гораздо большей степени, чем в единственном. Мы уже могли отчасти убедиться в этом, рассматривая историю именительного-винительного мн. (см. § 67). Продолжим наши наблюдения.

§ 76. Родительный падеж. а) В родительном падеже продуктивными формами в мужском роде с течением времени становятся формы на ***-ов*** в твердом различии и ***-ев*** (у существительных с основой на ***ц*** или ***й***) и ***ей*** (в остальных случаях) — в мягком: ***волков, столов, лесов, домов; месяцев, краев; коней, гостей, камней.***

Так — в современном русском литературном языке. В говорах имеются отступления от этих норм: с одной стороны, можно встретить: *конёв, рублёв, гостев, камнев;* с другой (особенно в говорях с мягким ***ц***) — *месяцéй, зайцéй, огурцéй, краéй.*

В ряде слов в твердом различии окончание вообще отсутствует: не только при счете: *человек* („пять *человек*“), но и в других случаях: *глаз*, *сапог*, *чулок* и т. д., причем некоторые из этих слов (в форме род. мн.) очень стары (*сапог*), другие — моложе (*глаз*), а некоторые появились очень поздно по образцу старых слов (*солдат*). У писателей XIX в. таких форм. род. мн. встречается больше. Например, у Пушкина: „стар, *зуб* уж нет“. („Домик в Коломне“).

В древнерусском языке в I склонении (а в этом склонении в общем растворились существительные мужского и среднего рода других склонений) окончаниями служили ***ъ, ь***: *вълкъ*, *столъ*; *конь* (ср. в духовной Симеона Гордого, 1353 г.: „а ис *конь* изъ своихъ“), *край* (из *kraj-ь*); *селъ*, *поль*. Глухие ***ъ, ь***, будучи в слабом положении, отпали, и получилась форма род. мн. без окончания (*человек*, *глаз* и т. п.). Очень рано, однако, в мужском роде появилось окончание ***-овъ*** — в твердом различии, заимствованное из II склонения (*сыновъ*), и ***-евъ*** — в мягком различии (по памятникам с XI в.), а позже ***-ий>-ей*** из IV склонения (*путей < путий* < * pǫtьjь) по памятникам с

XIII столетия. Конечно, правил употребления этих форм (особенно форм на **-ев**, **-ей**), действующих в современном русском литературном языке, о которых только что было упомянуто, в древнерусскую эпоху не существовало. Не только в Уложении 1649 г. встречаются формы вроде: сто *рублевъ*, *товарищевъ* и т. п., но и позже, например у Фонвизина в „Недоросле" Стародум говорит „пятьсот *рублёв*".

б) В среднем роде в твердом различии в современном русском литературном языке сохраняется старая (I склонения) форма без окончания (*сёл*). В мягком — употребляется обычно форма на **-ей**: *полей*, иногда **-ев**: *платьев*, *верховьев*. В говорах, с одной стороны: *местов, делов, окнов, письмов,* даже *сёлов* и пр., с другой: *полев, морев* и др. Эти окончания **-ов**, **-ев** и **-ей** в среднем роде, несомненно, поздние. Форма *поль* (род. мн.) и т. п. в Москве в XVII в. является нормой. Например, в Уложении 1649 г.: промеж *поль*. На севере, в частности в Поморье, в говорах она сохраняется и до сих пор. Еще Ломоносов не избегал этой формы (например, в „Оде на взятие Хотина": „казацких *поль* заднестрский тать", „седми пространных *морь* брегов"), но к XIX в. она окончательно исчезла из литературного языка.

в) В склонении существительных на **-а**, **-я** (III по нашему счету) в нашем литературном языке старая форма без окончания (*сестёр* <*сестръ; земель*<*земль*, с позднейшим **е**, о котором см § 48) сохраняется лучше, чем в среднем роде. Но в говорах и здесь наблюдается все тот же процесс унификации (объединения) разных типов склонения: *девушков, невестов, слугов, избов, сказков, нянев, деревнев, песнев, каплев* и т. д., а с другой стороны (особенно после шипящих и **ц**): *тысячей, рощей,* красных *девицей, птицей, без горницей, баней* и пр.

г) Существительные женск. р. на **-(ь)ня** с предшествующим согласным звуком или **й**: *пѣсня*, *бойня* и т. п. с течением времени получили форму род. мн. на твердое **н**. Например, в литературном языке: *песен, басен, вишен, колоколен, боен* и т. д., но: *деревень*. Напротив, в говорах (севернорусских) форма род. мн. *деревён* встречается не реже, чем другие формы.

Это твердое **н** нельзя объяснить как результат отвердения **н** (ср. сохранение **нь** в других случаях: *бань*, *барынь* и пр., также: *зелень*, *парень* у т. п.). По всей вероятности, мы имеем здесь дело со смешением двух образований: на **-ьня** и на **-ьна**. В старом русском языке можно было сказать, например: *конюшьня* и

конюшьна (ср.: от *конюшины* в „Новом Летописце“ начала XVII в.), *колокольня* и *колокольна* (вторая форма отмечена во многих севернорусских говорах), *деревьня* и *деревьна* (последняя форма встречается в памятниках письменности еще в XVII—XVIII вв. Например, „на ту Олексеевъскую *деревну*“ в Двинской грамоте 1627 г.). Такое колебание имеет место и в области прилагательных с суффиксами ***-ьн -ьн'-:*** *дальний* и *дальный, зимьний* и *зимьный* и пр. Ср. в Уложении 1649 г.: в *зимное* время, *дальные* городы, *прежной* бояринъ и др.

Из этих параллельных образований осталось в языке одно (на ***-ьня***). Но в склонении существительных на ***-ьня*** сохранена и одна из форм (форма род. мн.) на ***-ьна***. Получилось примерно так же, как и в склонении некоторых отдельных слов, например *мечта* (род. мн. *мечтаний*). Ср. *годá*, род. мн. (при счете) *лет*. В письменности такое твердое ***н*** в род. мн. известно по крайней мере с первой половины XVII столетия: *сотенъ*—в Уложении 1649 г. и др.

д) История родительного мн. других типов склонения (IV и V) не вызывает особых замечаний, потому что в IV склонении старое окончание (***-ий>-ей***) сохранилось, а существительные V склонения перешли в другие склонения. Припомним все же, что в V склонении родительный мн. оканчивался на ***-ъ***, хотя все существительные этого типа имели мягкую основу: *каменъ, дьнъ, матеръ* и пр. Форма *дьнъ*, откуда *дён*, как пережиточная сохранялась в Москве и в литературном языке почти до середины XIX в. Например, у М. Ю. Лермонтова: „из этих *дён*“ („Джулио“), „прежде двух *дён*“ („Вадим“, гл. XXIV), у С. Т. Аксакова: „до девяти *дён*“ („Детские годы Багрова внука“). В говорах (главным образом севернорусских) эта форма употребляется и до сих пор (почти всегда в количественных сочетаниях).

К пережиткам формы родительного мн. V склонения в русском языке относится также *десят* в сочетаниях *пятьдесят, шестьдесят* и пр. Числительное *десять* в древнерусском языке изменялось по V склонению[1].

§ 77. Формы на *-ам, -ами, -ах*. Тенденция к нивелировке первоначальных типов склонения существительных особенно про-

---

[1] Форму род. пад. мн. ч. на ъ (по V склонению) издавна могли иметь также некоторые существительные мужского рода IV склонения, например *локъть*. Ср. в „Русской правде“, в ст. 91: „10 локотъ“. Также в Ипатьевском списке летописи, под 6795 г.: „5 *локотъ* скарлата“ и др. (как мера длины).

явилась в дательном, творительном и предложном падежах мн. числа. Сначала в этих падежах существовало большое разнообразие:

		I		II	III	
Мн. ч.	Д.	*столомъ*	*конемъ*	*сынъмъ*	*сестрамъ*	*землямъ*
	Т.	*столы*	*кони*	*сынъми*	*сестрами*	*землями*
	П.	*столѣхъ*	*конихъ*	*сынъхъ*	*сестрахъ*	*земляхъ*

	IV	V
Д.	*костьмъ*	*именьмъ*
Т.	*костьми*	*имены*
П.	*костьхъ*	*именьхъ*

Следует при этом учесть, что под влиянием твердого различия в мягком вместо *конихъ*, *полихъ* и т. п. впоследствии возникли новые варианты: *конѣхъ* > *конех*, *полѣхъ* > *полех*, *костьхъ* > *костех* и пр.

В настоящее время и в литературном языке, и в говорах в этих падежах все существительные употребляются, как правило, с окончаниями ***-ам, -ами, -ах*** (с *а*, *'а*): *стол**ам**, стол**ами**, стол**ах**; кон**ям**, кон**ями**, кон**ях**; кост**ям**, кост**ями**, кост**ях*** и т. д. Совершенно ясно, что источником этих форм является III склонение существительных со старой основой на *-ā*, ***-jā,*** где эти окончания были „исконными“ (т. е. с общеславянской эпохи). По памятникам первые случаи употребления окончаний ***-амъ, -ами, -ахъ*** вне III склонения пока что известны со второй половины XIII столетия, начиная с Псковского паремейника 1271 г., где эти формы встречаются в тексте (с *клобук**ами*** и др.) и в записи „*матигорьц**амъ*** на Волокъ“ — дат. мн. от *матигорьць*; (ср. *Матигора*).

Конечно, вытеснение старых окончаний дат., твор. и предл. мн. новыми, теперь характеризующее все восточнославянские языки, не сразу закончилось и не сразу распространилось повсеместно на всей территории древней Руси. Напротив, это был длительный процесс, завершившийся (по крайней мере, в московской речи) лишь ко второй четверти XVIII столетия. В Уложении 1649 г. старые формы встречаются не реже, чем новые: по *город**омъ,*** з *город**ы,*** в *город**ѣхъ,*** по *дѣл**омъ,*** лихими *дѣл**ы,*** во всяких *дѣл**ехъ*** (чинить), *товарищ**емъ*** их, с *товарыщ**и**; отц**омъ*** и *матер**емъ,*** с *запис**ми,*** в *памет**ехъ*** и т. п.

Особенную живучесть из этих форм обнаруживает при этом форма творительного мн., которая со своими старыми окончаниями ***-ы, -и, -ьми*** изредка употреблялась в литературной речи еще и в XVIII в. Старой формой творительного мн. иногда пользовался Ломоносов: со многими *народы*, разными *способы*, со *внучаты*, с *товарищи* своими и др. Еще в начале XIX в. в газете „Московские ведомости“ можно было встретить объявления вроде: „Продается (поместье) ... с землею, *лесы*, сенными *покосы* и мельницею“ (1801 г., № 7); „продается его, Бобырыкина со *крестьяны* по последней ревизии имение“ (1819 г., № 83). Форма *с товарищи* (в значении „и компания“) встречается еще у Пушкина: „Гюго с *товарищи*“ („Домик в Коломне“). У него же в „Сказке о рыбаке и рыбке“ („С дубовыми тесовыми *вороты*“) наблюдается и форма *вороты*, являющаяся, может быть, фактом разговорной речи, а не фактом стилизации. В произведениях севернорусского фольклора форма твор. мн. на ***-ы, -и*** дожила и до наших дней: „за *мхами*, за *болоты*“ (Сарат. обл.), „за тремя *красны крылечки*“ (Владимирск. обл.), „со цёсныма своима *родители*“ (Арханг. обл.), „хвастат *кони* добрыма“ (Печора) и т. д.

Что касается обстоятельств и условий вытеснения старых окончаний дат., твор. и предл. мн. новыми, то они недостаточно изучены. Возможно, что причин было несколько. Следует прежде всего принять во внимание, что по III склонению изменялись существительные не только женского рода, но и мужского: *воевода, староста, судья* и др., и, следовательно, окончания ***-ам, -ами, -ах,*** не будучи только принадлежностью „женского“ склонения, могли быть легко усвоены в I склонении мужского, а потом и среднего рода, как усвоено было и заимствованное из того же III склонения новое окончание [***ы***] именительного пад. мн. числа (см. § 67). Сыграло роль и то обстоятельство, что в дательном и предложном падежах, в мягком различии, в неударенном положении старые формы дательного и предложного в I и IV склонениях, с одной стороны, и в III склонении — с другой, фонетически были очень близки, а во многих говорах и совпадали. Ср.: *ко́**нем**, ко́**нех**, помѣсть**ем**, помѣсть**ех**, за́пис**ем**, за́пис**ех*** и: *зе́мл**ям**, зе́мл**ях*** (>*землем, землех*). В среднем роде в I и V склонениях им.-вин. мн. исконно оканчивался на *-а* (*-а* или *-'а*): *сёла, поля, имёна* и пр., и это обстоятельство в свою очередь могло способствовать утверждению новых окончаний: ***-ам, -ами, -ах*** в среднем роде и т. п.

§ 78. **Разносклоняемые существительные.** В древнерусском языке не было такого обилия „разносклоняемых“ существительных, как в современном русском языке. К «исконно» разносклоняемым в древнерусском языке, пожалуй, можно отнести только существительные на ***-инъ*** и ***-анинъ, -янинъ***: *бояринъ: бояре, татаринъ: татары, горожанинъ: горожане, деревлянинъ: деревляне* и т. п., изменявшиеся в единственном числе по I склонению, а во множественном — по V.

Другие разносклоняемые существительные в современном русском языке — все более или менее позднего происхождения (*сосед: соседи* и пр.). В частности, сюда относятся многие одушевленные существительные типа: *брат: бра́тья* и т. д. Как известно, слово *братья* по происхождению — собирательные существительное женского рода, изменявшееся по III склонению, по типу *земля*, в единственном числе. Оно сохраняло свое склонение по единственному числу в течение долгого времени, но в конце концов в форме именительного падежа получило значение множественного числа от *брат* (при новом родительном *братьев*) и вытеснило старую форму именительного множественного числа от *брат — брати*. В XVII в. слово *братья* еще употреблялось и в той, и в другой функции. Например, в Уложении 1649 г.: „дочерямъ вотчинъ з *братьею* не давать, пока *братья* ихъ живы, а как *братьи* ихъ не станетъ...“ Но другие существительные этого типа [*дядья* (при им. ед. *дядя*) и др.] в Уложении изменяются только по множественному числу: им. мн. *дя́дья*, род. *дя́дьевъ* и т. д. Ср. современное русское *дядья́*.

В древнерусскую эпоху не только *братья* и *дядья*, но и ряд других подобных существительных (*зятья, къняжья*>*князья, дружья*>*друзья* и пр.) употреблялись как собирательные существительные. Например, в I Новгородской летописи по Синод. списку (под 6699 г.): „позванъ полотьскою *княжьею*“, в московских грамотах великих князей: „кого ми дасть бог *зятью*“ (в духовной Иван Ивановича, 1358 г.).

Некоторые разносклоняемые существительные типа *брат: братья* появились в более позднее время по аналогии со старыми образованиями: *муж: мужья́*, также — *сын: сыновья́* (где *ов* в ***-овья***, несомненно, восходит к старому окончанию ***-ове*** в им. мн. *сынове*) и др. Со значением множественного числа такие слова, как *братья* и т. п., по говорам начинают употребляться с XIV в.

Подобную же судьбу имели некоторые собирательные существительные среднего рода на ***-ье,*** обозначавшие неодушевленные предметы: *листье*, *перье*, *деревье* и т. п. Во многих говорах и в языке Москвы они получили форму на ***-ья,*** возможно под влиянием *братья* и т. п., и стали склоняться только с окончаниями множественного числа, как и *братья*, т. е. по образцу косвенных падежей множественного числа существительных типа *край*, и восприниматься, как формы множественного числа не от существительных с основой на *-ьj-* (*листьj-* и т. д.), а как формы множественного числа от *лист* (им. *листья*, род. *листьев* и т. д.), от *перо* и др. В Уложении 1649 г. эти существительные иногда еще употребляются в единственном числе: „то бортное *деревье*", „бортному *деревью*" (но: „тѣмъ бортнымъ *деревьямъ*"), „бити *кнутьемъ*". Ср. в „Житии" протопопа Аввакума: „били *батожьемъ*"; „по *каменью* тащили", „подъ *каменьемъ* лежу". Впрочем, ср. в литературном языке еще у Ф. И. Тютчева: „Смотри, как *листьем* золотым стоят овеяны березы" и т. п.

В севернорусских говорах, где именительный мн. на ***-ья*** получил широкое распространение, причем иногда допускается и в женском роде: *березья*, *дырья*, *лошадья* и т. п., все же сохранилось немало остатков и старого склонения.

2. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 79. Краткие и полные прилагательные. В древнерусском языке прилагательные были краткие и полные (или сложные). По своей синтаксической функции и по своему грамматическому значению полные прилагательные отличались от кратких. Однако те и другие могли употребляться в качестве определения. Конечно, не всякое прилагательное имело и краткую, и полную форму. Тем не менее, очень многие прилагательные, которые в современном русском языке употребляются только в полной форме, в древности были возможны и в кратком варианте. Например, относительные прилагательные: с характерным для древнерусского языка суффиксом *-'ан* (*ян*) < *ęн*: „заложи Ладогу-город *камянъ*" (Новгородская I летопись по Синод. списку, под 6624 г.), „заложи церковь *камяну*" (там же, род. 6627 г.); ср. „бѣ бо тутъ теремъ *каменъ*" („Повесть временных лет" по Лаврент. списку, под 6453[1] г.); „заложи градъ *деревянъ*" (Псков-

[1] В 6453 г., т. е. в. 945 г.

ская I летопись, под 6972[1] г.); с суффиксом *-ьн-*: „бѣ бо уже время *зимьно*“ (Слово о Борисе и Глебе), „изрони *жемчужну* душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожерелье“ (Слово о полку Игореве), „в путины *желѣзны*“ (там же); с суффиксом *-ьск-*: „тивунъ *боярескъ*“ (<*боярьскъ*, в „Русской правде“), „дьржа *русьску* землю“ (в Мстиславовой грамоте, ок. 1130 г.) и др. Ср. современные названия городов на *-ск: Курск* (<*Курьскъ*), *Смоленск* (<*Смольньскъ*; ср. *смольный*), *Полоцк* (<*Полотьскъ*) и т. п.

Следует, впрочем, заметить, что уже в древнерусском языке [возможно, в связи с широким распространением названий городов на ***-ск, -еск*** (<***-ьск***)] наметилась тенденция к замене несубстантивированных кратких прилагательных на ***-ск, -еск*** полными прилагательными. В частности, в I Новгородской летописи вовсе не имеется кратких прилагательных с суффиксом ***-ьск*** > ***-еск, -ск.***

КРАТКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 80. Краткие качественные и относительные прилагательные. По своему значению краткие прилагательные в древнерусском языке были качественные (*добръ, -а, -о*; *синь, -я, -е*), относительные (*каменъ, -а, -о*; *русьскъ, -а, -о*) и притяжательные (*отьцевъ, -а, -о*; *сестринъ, -а, -о, къняжь, -я, -е*). Все они склонялись одинаково: в мужском роде — по I склонению, в женском — по III, в среднем — опять по I. Одни склонялись по твердому различию (*добръ, -а, -о, сестринъ, -а, о*), другие — по мягкому (*синь, -я, -е, кънязь, -я, -е*). Все прилагательные изменялись по родам (мужскому, женскому и среднему) и числам (единственному, множественному и двойственному).

С течением времени краткие прилагательные, качественные и относительные, перестали употребляться в функции определения, будучи вытеснены соответствующими полными прилагательными. В связи с этим они утратили свое прежнее склонение. Краткие качественные прилагательные все же сохранились в языке, но не в функции определения, а в роли сказуемого (или предикативного члена составного сказуемого), согласованного с подлежащим. Поэтому они теперь имеют только одну форму именительного падежа, причем в единственном числе с изменением

[1] В 6972 г., т. е. в 1464 г.

по родам, а во множественном — без такого изменения: *добръ, -а, -о* (ед.); *добры* (мн.), *синь, -я, -е* (ед.); *сини* (мн.).

Конечно, возникновение во множественном числе одной общей формы для всех трех родов находится в явной связи с тем процессом слияния разнообразных типов склонения существительных во множественном числе и образования общей флексии, о котором только что была речь. Форма на ***-ы*** для всех трех родов в твердом различии: *добры, больны, сыты* и пр., типичная у нас для литературной речи, установилась не сразу. Долгое время с ней сосуществовала форма на ***-и***, по происхождению мужского рода. Она постепенно вытеснялась формой на ***-ы***. Еще очень распространенная в московских памятниках первой половины XVI в., с середины XVII в. она встречается только в единичных случаях, например в Книге о ратном строе 1647 г.: „братия *пьяни*", „государи *ради*", „они ... *прости*", а в Уложении 1649 г. только один раз: „поймани ... *пьяни*". Ср. также в письмах царя Алексея Михайловича: „прислать гусей, которые *сыти*". Изредка она встречается также у писателей первой половины XIX столетия. Например, у Пушкина: „Взять тебя мы все бы *ради*" („Сказка о мертвой царевне"); у Лермонтова: „Когда мы *ради* всё отдать" („Моряк"), „И три дня были *пьяни* | Все на подбор от кучера до няни..." („Сашка") и др.

Краткие непритяжательные прилагательные в функции определения вышли из речевого обихода, конечно, не сразу и не одновременно во всех говорах. Главным образом в словосочетаниях определенного типа, чаще в форме именительного падежа, они иногда употреблялись наряду с полными прилагательными, но, чем ближе к нашему времени, все реже и реже. Не только в XVI, но и в XVII в. в Москве еще говорили: „пришелъ чернец *молодъ*", „взялъ конь *сивъ*", „взяли меринъ *рыжь*", (некто) „послалъ бобръ *карь*"; „прислали ковшъ *золотъ*"; при перечислении: „да шуба, отласъ *синь* ... да сапоги сафьяны *червлены*" и т. п. Такие словосочетания — как правило, с постпозитивным употреблением прилагательного — часто наблюдаются в памятниках делового языка в такой же мере, как и словосочетания с именительным и винительным предикативным, как например в Уложении 1649 г.: „отвѣтчикъ ... учинится *силенъ*", „останутся дѣти *глухи* и *нѣмы*", „учнут сказывася *больны*", „жена ... дитя родить *мертво*", „и ея казнити ... *живу* окопати в землю" и т. п. Ср. в „Житии" протопопа Аввакума: „*жива* бы

меня проглотилъ" и т. п. Вне подобных словосочетаний определенного типа краткие непритяжательные прилагательные в XVII в. встречаются только в отдельных случаях. Например, в той же Уложенной книге: „допрашивати ... *женескъ* полъ", „послати дворянина *добра*". Однако в разных говорах дело обстояло по-разному. Судя по двинским грамотам XV столетия, во многих севернорусских говорах краткие непритяжательные прилагательные в функции определения вышли из обихода раньше, чем в Москве.

Впрочем, в книжно-литературном стихотворном языке, в тех его жанрах, где славянизмы, церковнославянские слова и формы несли определенную стилистическую нагрузку, краткие качественные прилагательные еще возможны и в середине XVIII столетия. Например, у Ломоносова в „Оде на взятие Хотина" (1739): „героев слышу *весел* клик" и т. п. Следует при этом отличать краткие прилагательные от „усеченных" полных (на *я, е, ю* с предшествующими гласными), наблюдающихся только в определенных падежных формах и напоминающих „стяженные" формы, очень нередкие в стихотворной речи даже и в XIX в. Например, в той же оде Ломоносова: „Рассыпал *вредны* россам стены"; „Так *сильну* он взносил десницу" и т. п. Ср. то же явление и в XIX в., у Пушкина: „Мы все сойдём под *вечны* своды"; (он пел) ... И нечто и *туманну* даль"; „Заслышит их *домашни* дроги..."

В современном литературном языке еще возможны такие остатки именного склонения прилагательных, как „среди *бела* дня", „по *белу* свету", „на *босу* ногу", „*мал мала* меньше", „откуда *сыр бор* загорелся" и т. п. Ср. также выражение „ни *синь* пороха не осталось" и т. п.

В разговорной диалектальной речи таких остатков сохраняется больше. Например, по данным Мансикки, в б. Никольском у. Вологод. губ. еще полвека назад говорили: „с *правы* руки", „в *добре* житье", „на *нове* мисте".

В говорах, главным образом севернорусских, широкое распространение получили стяженные (в определенных падежных формах) полные прилагательные, которые также не следует смешивать с краткими прилагательными: „*зла* собака" (из *злаа* < *злая*), „*большо́* село" (из *большо[и̯]э* < *большое*), „*в но́ву* избу", „*ма́леньки* дети", „в *пре́жни* годы" и т. п. Промежуточные формы, вроде *злаа, большоэ* и т. п., также засвидетельствованы некоторыми севернорусскими говорами (напр., Кировской, Пермской и др. областей).

Следует отметить, что в сложных названиях городов и в

других географических названиях краткие прилагательные жили долго. Так, в Уложении 1649 г.: „(посланы) в *Новъ* же городъ", также: „в *Новѣ* городѣ", „з *Бѣла* озера", „в *Бѣлѣ* городѣ".

§ 81. **Притяжательные прилагательные** в древнерусском языке были вполне продуктивными образованиями. Они употреблялись часто, их было значительно больше, чем теперь.

Прежде всего следует отметить, что, кроме прилагательных на ***-овъ, -евъ:*** *братовъ* конь, *Петровъ* сынъ, *Петровъ* дьнь, *отьцево* имѣнье, *Андрѣева* грамота, и ***-инъ***: *сестринъ* домъ, *вдовина* дъчи, *судьинъ* приказъ, *Ильинъ* дьнь (от существительных на ***-а, -я***); *гостинъ* двор (от существительных на ***-ь***) и пр., были в употреблении еще краткие притяжательные на ***-ь, -я, -е*** (точнее: ***-jь, -ja, -je,*** с основной на *j*). Они имели основу на *j*, в сочетании с которым предшествующие согласные так или иначе изменялись еще в эпоху общеславянских языковых переживаний (см. § 35). Так, в Мстиславовой грамоте 1130 г.: „се азъ Мьстиславъ *Володимирь* сынъ" (Владимировъ сын, сын Владимира). Так, в „Слове о полку Игореве": „по замышлению *бояню*" (боянову, от *Боянъ*, им. п. „замышление *бояне*"), „вѣтри *стрибожи* внуци" (стрибоговы, от *Стрибогъ* — бог ветров; им. ед.: *стрибожь* внук"); „*святославли* насады" (святославовы, от *Святославъ*; им. ед.: „*святославль* насад") и т. д. Прилагательные этого типа были обычным явлением еще в XVI в., в частности в языке Москвы: *намѣстничь* судъ, *приставль* братъ, старосту *рыболовля* (вин. ед.), *сокольничя* пути и пр., и нередки даже в XVII в., например в Уложении: на *патриаршь* дворъ, на *патриарше* дворѣ, за *епископле* бесчестье, из *мужня* окладу, *матерня* имѣния и др. Сюда же по происхождению относятся (еще в XVI в., отчасти позже), между прочим, и такие названия праздников, как *Боришь* день, *Семгнь* день (род. ед.: *Семеня* дни) и пр., названия городов, ставшие существительными: *Ивань* город, *Володимирь* (или *Владимирь*) город (теперь *Владимир* с о т в е р д е в ш и м *р*). Из этой группы слов сохранились: *Ярославль* (город Ярославов, с XI столетия), *Мирославль* (Мирославов город) — во Владимирской обл., *Василь-Сурск* (город Василев, основанный в. кн. Василием III), *Перемышль* (от *Перемысл*) и др. Все эти слова в современном русском языке уже являются существительными.

Категория притяжательных прилагательных на ***-ь, -я, -е***, (***-jь, -ja, -je***) в русском языке и других славянских исчезла. Другие же притяжательные на ***-ов, -ев*** и ***-ин*** сохранились, но с частичными

утратами в склонении. Так, во множественном числе за вычетом именительного падежа (и винительного в сочетании с неодушевленными существительными): *отцовы, сестрины* (для всех трех родов), они перешли в склонение полных прилагательных: *отцовых* (род.), *отцовым* (дат.) и пр., а в единственном числе перешли в склонение полных прилагательных — в творительном и предложном падежах: *отцовым, сестриным* (твор.), об *отцовом, сестрином* (предл.). В женском роде вытеснение кратких форм полными пошло еще дальше, особенно в говорах.

Форма предложного ед. держалась дольше, чем форма творительного, совпадавшего по окончанию с формой предложного ед. полных прилагательных мужского и среднего рода. Старая форма предложного падежа ед. числа мужского и среднего рода, как и форма дательного-предложного пад. ед. числа женского рода, еще была жива в XVII столетии. Например, в Уложении: „в *ысцовѣ* иску", „о *дѣвкинѣ* помѣстье", „на *гостинѣ* дворѣ". Также в „Житии" протопопа Аввакума: „на *Байкалове* море", „на *патриархове* дворѣ", „к *цареве* карете" и др.

Притяжательные на ***-ов, -ев*** и ***-ин*** сохранили свое старое склонение в качестве существительных—названий городов: *Данилов* (Данилов город, от *Данило*), *Киев* (от *Кый, Кыясъ*), *Царицыно* и т. п. В качестве существительных-фамилий они сохранили старое склонение, за исключением творительного ед.: *Петров* (Петров сын), *Сидоров, Волков* (Волков сын, сын Волка), *Пушкарёв* (сын Пушкаря), *Никитин* (сын Никиты), *Воронин* (сын Вороны) и т. д. Творительный ед. существительных-фамилий — по склонению полных прилагательных: *Петровым* и т. д. Отметим кстати, что притяжательные прилагательные на *-ов-ъ*: *-ев-ъ* и другие притяжательные в древнерусском языке употреблялись не обязательно только в краткой форме, Так, например, в двинских грамотах XV в. мы имеем: „от *Хмелевого* ручья" (№ 115); в Ипатьевском списке летописи, под 6711 годом, записано: „княгини же *Романовая* ... бѣжа". Впрочем, это — очень редкие случаи.

Особую группу составляли также краткие притяжательные прилагательные на *ьнь* (< *ьнjь*) вроде: *господьнь, отьнь* (отцовский): „посадили новгородци Костянтина на столѣ *отни*" — в Новгород. I летописи по Синод. списку. Ср. в Уложении 1649 г.: „из *мужня* окладу", „из *матерня* имѣния" и т. п. Они вышли из употребления вскоре после XVII в.

По происхождению эта группа (с основой на *ьн-*) находится в связи с краткими притяжательными прилагательными, имеющими основу на **-ьj**: *коровий* (из* *корв-ьj-ь*), *коровья* (из* *корв-ьj-а*), *коровье* (из* *корв-ьj-е*); *вълчий* (из* *вълк-ьj-ь*) и т. д.; род. ед. м. и ср. р.: *коровья, вълчья*; род. ед. ж. р.: *коровьѣ, вълчьѣ*; дат. ед. м. и ср. р.: *коровью, вълчью* и т. д. В современном русском языке эти прилагательные в общем изменяются с окончаниями полных прилагательных, за исключением именительного и винительного падежей ед. и мн., которые образуются по склонению кратких прилагательных мягкого различия: им. ед. *коровий* (без флексии), но род. ед. *коровьего*, дат. ед. *коровьему* и т. д.

ПОЛНЫЕ (СЛОЖНЫЕ) ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Склонение полных прилагательных

		м. р.	ж. р.	ср. р.	м. р.	ж. р.	ср. р.
Ед. ч.	И.	добр-ый	добр-ая	добр-ое	син-ий	син-яя	син-ее
	Р.	добр-ого	добр-оѣ (или: добр-ыѣ)	добр-ого	син-его	син-еѣ (или: син-иѣ)	син-его
	Д.	добр-ому	добр-ой (или: добр-ѣй)	добр-ому	син-ему	син-ей	син-ему
	В.	добр-ый	добр-ую	добр-ое	син-ий	син-юю	син-ее
	Т.	добр-ымь (или: добр-ыимь)	добр-ою	добр-ымь	син-имь (или: син-иимь)	син-ею	син-имь (или: син-иимь)
	П.	добр-омь (или: добр-ѣмь)	добр-ой (или: добр-ѣй)	добр-омь (или: добр-ѣмь)	син-емь	син-ей	син-емь

		м. р.	ж. р.	ср. р.	м. р.	ж. р.	ср. р.
Дв. ч.	И.-В.	добр-ая	добр-ѣи	добр-ѣи	син-яя	син-ии	син-ии

Для всех родов

Р.-П.	добр-ою	син-ею
Д.-Т.	добр-ыма (или: добр-ыима)	син-има (или: син-иима)

		м. р.	ж. р.	ср. р.	м. р.	ж. р.	ср. р.
Мн. ч.	И.	добр-ии	добр-ыѣ	добр-ая	син-ии	син-ѣѣ	син-яя
	В.	добр-ыѣ	добр-ыѣ	добр-ая	син-ѣѣ	син-ѣѣ	син-яя

Для всех родов

Р. добр-ыхъ (или: добр-ыихъ)	син-ихъ (или: син-иихъ)
Д. добр-ымъ (или: добр-ыимъ)	син-имъ (или: син-иимъ)
Т. добр-ыми (или: добр-ыими)	син-ими (или: син-иими)
П. добр-ыхъ (или: добр-ыихъ)	син-ихъ (или: син-иихъ)

§ 82. **Образование полных прилагательных.** Образование полных прилагательных относится к доисторической эпохе в жизни славянства. Полные прилагательные были образованы путем сложения кратких качественных и относительных прилагательных с соответствующими формами местоимения ***и, я, е.*** Это местоимение в косвенных падежах употребляется у нас и в настоящее время, но со значением личного местоимения 3-го лица: вижу *его*, сказал *ей* и т. д. или (в род. падеже) — со значением притяжательного местоимения: *его* сын, *ее* дочь, *их* дом и т. п. Первоначально же оно имело указательное значение (близкое к значению определенного члена в немецком или французском языке) и присоединялось к тому или другому краткому прилагательному для того, чтобы подчеркнуть, что речь идет об определенном, уже известном носителе признака: „*добръ* человѣкъ“ обозначало некоторый признак (доброту, добротность) без указания на определенного человека, которому этот признак принадлежит, а „*добръ* + ***и*** (> *добрый*) человек“ как раз значило „этот, данный, уже известный нам добрый человек“. Поэтому полные (сложные) прилагательные иногда еще называются „членными“ прилагательными. Впрочем, эти оттенки значения рано перестали различаться.

Таким образом, способ образования полных прилагательных первоначально был прост, но громоздок: в мужском роде им. ед.: *добръ* + ***и*** > *добрый* (см. § 79), род ед.: *добра* + ***его***, дат. ед.: *добру* + ***ему*** и т. д., в женском роде им. ед.: *добра* + ***я***, в среднем роде им. ед.: *добро* + ***е*** и т. д. Однако еще в общеславянскую эпоху в некоторых падежах начались разнообразные изменения на стыке сложных слов. Так, в род. ед. женского рода вместо *добры* + ***ѥѩ*** получилось *добрыѩ*, в твор. ед. мужского и среднего

рода вместо *добрѣмь + имь > добрыимь*, в том же падеже в женском роде вместо *доброцо + ецо > доброю* и т. д.

С новыми окончаниями полные прилагательные склоняются уже в старославянском языке.

Но в языке восточных славян, кроме того, были пережиты еще другие, более существенные изменения. Полные прилагательные в косвенных падежах в единственном числе вообще получили новое склонение по образцу местоимений типа ***тъ, та, то*** (в твердом различии) и ***мой, моя, мое*** (в мягком). Вместо *добраего, синяего* (род. ед. м. и ср. р.) получилось *доброго, синего* (ср. *того, моего*); вместо *добрыѣ, синѣѣ* (род. ед. ж. р.) — *доброѣ, синеѣ* (откуда потом: *доброй, синей*); вместо *добруему, синюему* (дат. ед. м. и ср. р.) — *доброму, синему*; вместо *добрѣемь, синиемь* (предл. ед. м. и ср. р.) — *добромь, синемь*; вместо *добрѣи, синии* (предл. ед. ж. р.) — *доброй, синей* и т. д. В памятниках письменности новые формы встречаются с XI—XII вв. Например, в новгородской Минее 1097 г.: *тихому, вѣчному*; коньць *утрьнеѣ* (службы) и др.

Форма родительного на *-ого, -его* в памятниках письменности появилась позже других форм (на *-оѣ, -ои, -ому* и пр.). Например, в „Слове о полку Игореве“, как правило, употребляется старославянская форма на *-аго, -яго*. Старейший случай формы на *-ого* отмечен в надписи на чаре князя Владимира Давидовича до 1151 г.: „*великого* князя“. Позже она встречается в смоленской грамоте 1229 г. и др.

Особо стоит форма творительного ед. твердого различия м. и ср. р.: *добрыимь* (> *добрымь*), где ожидаемой формы *добрѣмь* (ср. *тѣмь*) не возникло, очевидно, в результате омонимического отталкивания новой формы на ***-ѣмь*** от старой стяженной формы предложного ед. м. и ср. р. на ***-ѣмь*** из ***-ѣемь:*** *добрѣмь* в период становления новых форм.

Во множественном числе также не произошло вытеснения старых форм новыми в косвенных падежах (в твердом различии): *добрыихъ > добрыхъ* и т. д. для всех трех родов (ср. *тѣхъ, тѣмъ* и пр.). Объяснение этого явления следует искать в воздействии формы именительного-винительного мн. на остальные падежные формы.

Что же касается именительного-винительного мн., то здесь, после долго продолжавшейся путаницы в окончаниях *ии, ыѣ, ые, ыи, ыя* и т. п., в конце концов установилась (в твер-

дом различии) форма на *-ые*, общая для всех трех родов: *добрые* вместо *добрии* (мужск. р.: *добрии* людье; ср.: *новии* столи), *добрыѣ* (ж. р.: *добрыѣ* жены), *добрая* (ср. р.; ср.: *новая* села, поля). Ср. в „Слове о полку Игореве": „*великая* поля перегородиша..."[1].

Общая форма на *-ые* установилась и сохранилась с *-ы*, несомненно, вследствие ее грамматической связи, с одной стороны, с краткими прилагательными, с новой общей формой именительного падежа на *-ы* кратких прилагательных (*добры, новы, братовы, сестрины* и пр.), а с другой — с тем процессом слияния различных типов склонения существительных во множественном числе, о котором было упомянуто выше (§ 67, 74, 75).

В мягком различии в качестве общей формы утвердилась форма именительного мн. на *-ие*: *синие*.

§ 83. Родительный падеж единственного числа. Окончание *-о/е го* (с согласным *г*) в современном русском языке сохраняется только в говорах, да и то почти исключительно на окраинах русской (великорусской) языковой территории: на северо-западе — в говорах поморского и олонецкого типа, на юго-западе — в говорах Орловской и Курской обл., на юго-востоке — на Дону, причем в акающих южнорусских говорах, разумеется, *г* звучит как фрикативный согласный: *дóбръγъ* (или *дóбраγа* и т. п.), *сляпóγъ* (или *сляпóγа, слипóγа* и пр.), *сíньγъ* (или *сíняγа* и пр.) и т. д., а на севере — или как взрывной: *доброго* и пр., или тоже как фрикативный: *доброγо* и пр. (преимущественно в русских говорах Карельской АССР). Во всех остальных говорах и в литературном русском языке вместо *г* в этом окончании употребляется *в*.

По памятникам новое окончание с *в* известно главным образом с XV в. Ср., например, в Московской грамоте 1439 г.: „*своево* брата *молодшево*". Очень вероятно, что родиной этого новшества является Москва и вообще центральная часть складывающейся великорусской территории. Многочисленные двинские грамоты XV в. не знают этого явления.

---

[1] Как известно, искусственное правило об употреблении в именительном-винительном п. мн. ч. в мужском роде окончаний *-ые, -ие*, а в женском и среднем *-ыя, -ия* (например, „*веселые* парни", но: „*веселыя* подруги" и т. п.), действовавшие до советской реформы орфографии (1918 г.), восходит к практике Петербургской академической типографии пятидесятых годов XVIII в.

В современной русской орфографии это явление (произношение *в* вместо *г*; ср. в литературном произношении: *дóбръвъ, с'ин'въ*) не получило отражения. В других славянских языках нигде подобного окончания не имеется, за исключением некоторых севернокашубских говоров: dobrewo, novewo, täwo (=того).

Объясняют это ***в*** по большей части так: взрывной согласный *г* в положении между гласными: ***о — о, е — о***—в этом окончании с течением времени будто бы стал произноситься с фрикацией, а потом и вовсе исчез: ***-о/е го > о/еγо > о/е ... о***. Получилось „зияние", которое потом было устранено: перед лабиализованным *о* мало-помалу развился ***в***. Произошло это будто бы на севере, в о к а ю щ и х говорах, а потом форма с ***в*** распространилась и на территории многих а к а ю щ и х говоров.

Действительно, на северо-западе имеются говоры с фрикативным *г* в окончании ***-о/е го*** (при взрывном произношении *г* в остальных положениях). Там же (и в других местах) имеются говоры с „зиянием": *доброо, слепоо*.

Ссылаются также на развитие в говорах ***в*** перед начальным ***о***: *вóспа* и пр., в частности в таких словах, как *господь*, с исчезнувшим *г*: *восподь*[1]. Ср. и в литературном русском языке: *восемь* из *осмь, навострить* лыжи, *вотчина*[2].

Непонятно, однако, почему фрикация *г* произошла только в окончании ***о/его***: законы фонетических изменений обыкновенно действуют с одинаковой строгостью как в основах, так и в окончаниях (если, конечно, они не нарушаются действием законов аналогии, контаминации и пр.).

Допустимо и другое, более простое объяснение. Полные прилагательные могли заимствовать свое ***в*** в окончании ***-о/е го*** из формы родительного ед. м. и ср. р. кратких притяжательных прилагательных на ***-ов-ъ, ев-ъ***: *братова, отьцева, Петрова дня*, но в особенности *Иванова (сына), Андреева (сына)* и

---

[1] В этом слове начальное *г* стало исчезать еще в Киевскую эпоху. Оно отсутствует, например, в упомянутой надписи на чаре кн. Володимира Давидовича, XII в.: „своего *осподаря*".

[2] Некоторые языковеды относят сюда же (без достаточного основания) древнерусское *повостъ* — „место остановки князей во время объезда земель" — в „Повести временных лет" и др. Оно не восходит прямо к *погостъ*. Здесь имеет место контаминация со словом *повозъ*. Ср. в той же „Повести временных лет" *повозъ* — „обязанность доставлять дань или оброк в назначенное князем место" (И. И. С р е з н е в с к и й).

т. п.[1], получивших в качестве фамилий столь широкое распространение именно в русском языке. В пользу этого предположения в особенности свидетельствует тот факт, что форма родительного ед. полных прилагательных м. и ср. р. во многих (может быть, даже в большей части) окающих (в том числе и с полным оканьем) севернорусских говорах оканчивается только на ***-о/ева*** (с конечным гласным ***а***): *дóброва, слепóва, сúнева* и т. д., при постоянном и с давнего времени ударении только на основе. В московской письменности полные прилагательные с формой родительного ед. на ***-о/е ва*** встречаются, по крайней мере, с половины XVI столетия, причем известно, что первые (скудные и малоубедительные) примеры написания ***в*** вместо ***г*** в этом окончании не старше XIV—XV вв. Правда, в печатном Уложении 1649 г. форма род. ед. зарегистрирована только с окончанием ***-во:*** *подъячево, доброво, злово* умысла и пр., но в рукописных источниках этой книги, например в Указной книге Поместного приказа, форма родительного ед. полных прилагательных на ***-ва*** является обычной формой: *роднова* брата, *думнова* дьяка, Бориса *Долгорукова* и пр. Как правило, окончание *-ова, -ева* употребляется в „Житии“ протопопа Аввакума. Таким образом, можно полагать, что сначала появилось окончание ***-о/е ва,*** которое употреблялось на равных правах с ***-о/его***, постепенно вытесняя его, пока во многих говорах не вытеснило его полностью. В других окающих говорах, однако, окончание с конечным ***о*** было восстановлено отчасти в связи с тем обстоятельством, что в склонении неличных местоимений на это конечное ***о*** приходится ударение (*тогó, товó* и т. д.).

Некоторые сторонники фонетического объяснения этого ***в*** (Б. О. Унбегаун) также допускают возможность влияния притяжательных прилагательных типа *отцов,* но п о с л е того как в родительном ед. м. и ср. р. фонетически установилось окончание ***-о/ево.***

В женском роде в родительном ед. в литературной речи и в большей части говоров в конце концов установилась форма на ***-ой, -ей*** (из ***-оѣ: еѣ***); *доброй* (<*доброѣ*), *синей* (<*синеѣ*) и т. д. Но имеются говоры (особенно на севере), где до сих пор

---

[1] Отметим, кроме того, что суффикс *-ов-* в общеславянском языке, повидимому, не был принадлежностью только притяжательных прилагательных. Мы до сих пор употребляем прилагательное *суров — суровый.* И. И. Срезневский в свои „Материалы для словаря древнерусского языка“ включил также и прилагательное *сизовъ (-а, -о) —* „сизый“ (т. III, стр. 344).

еще уцелела старая форма на -ыѣ (>*-ые*>*-ыё*) и возникшая под ее влиянием форма на *-иѣ* (вместо *ѣѣ*, с дальнейшими изменениями: *-ие*>*-иё*): от *молодые* жены, у *родимые* у матушки, мукѝ *ржаные*, „маленькая собачька лаёт — *от большыё* слышыт" и т. п. В Москве эта форма сохранялась до конца XVII в. В Уложении: „для *рыбные* ловли", „выше *торговые* цѣны", „без *лишние* волокиты" и т. п.

§ 84. Формы сравнительной степени. В современном русском языке имеется несколько форм сравнительной степени: 1) на ***-ее***, откуда: ***-ей*** (главным образом не после шипящих): ***новее*** (или ***новей***), ***добрее, сильнее*** и пр.; 2) на ***е*** (почти исключительно после шипящих): ***ниже, выше, короче, чаще*** и т. п.; также *дешевле*, и только у писателей XIX в.: ***бо́ле, ме́не, до́ле, ста́ре*** и пр.; например у Пушкина: „Я вам пишу... чего же *боле*" и пр.; 3) на ***-ше: тоньше***, ***старше*** и пр.

Но с каким бы суффиксом ни употреблялась сравнительная форма, она всегда остается неизменяемой. Не только в тех случаях, когда сравнительная форма по своей грамматической роли в предложении является наречием: „в этой комнате *светло*, а в той еще *светлее*" (т. е. более светло) и т. п., но и в тех случаях, когда она является прилагательным: „я знаю человека *сильнее*" тебя (т. е. более сильного) и т. п., она не изменяется, не согласуется с определяемым словом в роде, числе и падеже, как полагается прилагательным.

В древнерусском языке, как и в других славянских языках в древности, сравнительная степень прилагательных изменялась по родам, числам и падежам. Мы, например, говорим: „мой брат *добрее* меня" и „твоя сестра *добрее* тебя", а по-древнерусски следовало бы сказать: „мой брат *добрѣи* мене", но: „твоя сестра *добрѣйши* тебе". Мы скажем: „эти люди *добрее* нас", употребляя все ту же форму *добрее*. А по-древнерусски надо было бы сказать: „ти людье *добрѣйше* насъ".

Прилагательные сравнительной степени общеславянской эпохи употреблялись и в краткой, и в полной форме. Основа кратких прилагательных сравнительной степени образовывалась с помощью или суффикса ***-ѣйш-*** [из ***ѣ-jьш-***, причем после шипящих согласных вместо *ѣ* (здесь из индоевропейского ē)употреблялся *а*]: *добрѣйш-, новѣйш-, крепчайш-, позднѣйш-* и пр., или суффикса ***-ьш-*** (из *-jьш-*): *больш-* (из *бол-jьш-*), *хужьш-* (из *худ-jьш-*) и т. д.

Суффиксом сравнительной степени в общеславянском языке, собственно, являлся * *-j-ъs-*(+*jŏ-*) из индоевропейского *-j-ŭs-*<**j-ŏs-* (ср. латин. *major, majus* — „бо́льший"), дополненный на общеславянской почве суффиксом *-jŏ-*. Таким же общеславянским дополнением является и *ѣ* в первом варианте формы сравнительной степени. С этим суффиксом и, следовательно, с основой на ***ш*** прилагательные сравнительной степени употреблялись во всех падежах, кроме именительного ед. м. и ср. р., где суффиксального ***ш*** не оказывается:

Им. ед. мужск. р.:	добрѣи,	женск. р.:	добрѣйши,	сред. р.:	добрѣе
	новѣи		новѣйши		новѣе
	болии		больши		боле
	хужии		хужьши		хуже

С исторической точки зрения в форме им. ед. ж. р. *добрѣйши* гласный ***и*** является окончанием (ср. им. ед. ж. р. *кънягыни*), тогда как такое же ***и*** (<**jьs*) в форме им. ед. м. р. и ***е*** (<**jes*<**jos*) в форме им. ед. ср. р. являются не окончаниями, но суффиксами. Впрочем, в среднем роде очень рано установилась форма на ***-ѣйше, -ьше:*** *добрѣйше, больше.*

Склонялись такие прилагательные (с мягким ***ш***) по образцам: *конь (край), земля (кънягыни)* и *поле (съпасенье).*

Род. ед. мужск. р.:	добрѣша,	женск. р.:	добрѣйшѣ,	сред. р.:	добрѣйша
	больша		большѣ		больша

и т. д.

Особо отметим только:

вин. ед. мужск. р.:	добрѣйшь,	женск. р.:	добрѣйшу,	сред. р.:	добрѣе (или: добрѣйше)
	большь		большу		больше
им. мн. мужск. р.:	добрѣйше,	женск. р.:	добрѣйшѣ,	сред. р.:	добрѣйша
	больше		большѣ		больша

Форма сравнительной степени с суффиксом ***-ѣйш-*** употреблялась чаще, чем с суффиксом ***-ьш-*** (из ***-jьш-***). С этим последним суффиксом сравнительная форма образовывалась только от определенных категорий прилагательных: а) от некоторых „первичных", точнее — бессуффиксальных прилагательных, вроде *худъ, -а, -о; хужии, хужьши, хуже;* б) от „первичных" же прилагательных, образующих сравнительную форму от другой основы: *великъ, -а, -о: болии, больше, боле;* или: *вячии, вячьши, вяче*

(корень *вęт-*), *малъ, -а, -о: мьнии, мьньши, мьне; добръ, -а, -о: лучии, лучьши, луче* и пр.; в) от корневой основы некоторых прилагательных с суффиксами ***-ок, -ък:*** *выс-окъ, -а, -о: вышии, вышьши, выше; низ-ъкъ, -а, -о: нижии, нижьши, ниже; глуб-окъ, -а, -о: глублии, глубльши, глубле* и т. п. (суффикс при этом отбрасывался).

От некоторых прилагательных, в частности с суффиксами ***-ок, -ък,*** можно было образовать сравнительную форму и по первому, и по второму способу: *крѣпъкъ, -а, -о:* а) *крѣпъчаи, крѣпъчаиши, крѣпъчае,* или: *крѣпъчайше*, и б) *крѣплии, крѣпльши, крѣпле,* или: *крѣпльше* (*пл* из *пj*). Ср. *высочаи, вышии; глубочаи, глублии* и пр.

Полные формы сравнительной степени образовывались из кратких путем присоединения к ним соответствующих форм местоимения ***и, я, е:*** *добрѣи, добрѣйшия, добрѣйшее,* откуда потом: *добрѣйший, добрѣйшая, добрѣйшее; болии, большия, большее,* откуда потом: *больший, большая, большее* и т. д. Склонялись полные прилагательные сравнительной степени точно так же, как полные прилагательные положительной степени мягкого варианта.

История к р а т к и х форм сравнительной степени сильно отличается от истории полных форм.

В связи с перестройкой структуры древнерусского предложения, с усилением глагольности предложения и роли примыкающих к глагольному сказуемому второстепенных членов предложения к р а т к и е формы перестали употребляться в роли определения и в связи с этим потеряли склонение, как бы застыв в форме именительного ед. ср. р.: на ***-ее*** из ***-ѣе*** (*добрее* и пр.), на ***-е*** (*выше* и т. п.), на ***-ше*** (*старше* и пр.). В говорах форма сравнительной степени на ***-ее*** явно преобладает и вытесняет другие формы, в особенности на ***-е:*** *хужее, ближее, сушее, тужее*; (ср. у Ершова в „Коньке-Горбунке“: „Да завязывай *тужее*“; рифма: „на шею“). Ср. в литературном языке: „(оглушил) *звончее* всяких труб“ (Грибоедов), но: „*звонче* жаворонка пенье“. Долгое время употреблялась (в литературном языке — до середины XVIII в.) еще форма на *ши: больший, меньший*, восходящая к форме им. ед. ж. р.

Особо следует отметить форму сравнительной степени на ***-яе (-'аɥэ)*** (и далее: ***-яй, -яя***) не после шипящих, типа *добряе, сильняе* и т. п., возникшую под влиянием таких образований, как *крепчае* (где ***а*** из ***ѣ***), и получившую распространение главным образом на севере. Эта форма на ***-яе*** (как и ее прототип на ***-ае*** после

шипящих) была в разговорном языке известна и в Москве и в подмосковных говорах уже в середине XVII в. Например, она встречается в документах Посольского приказа: „*честняе* тебя" (1656 г.); также в письме боярина Б. И. Морозова 1660 г.: „чтоб *поскоряе* отказали"; в письмах Петра I: „*веселяй было*" (т. III), „нужняя" (т. VI) и др. Впоследствии эта форма долго сохранялась в Москве (почти до начала XIX столетия). Она нередко встречается в произведениях москвича Сумарокова: „Сыр мыши *пожирняе*, | Так стала кошка *посмирняе*"; „*Страшняе* дьявола неправедной судья" (в „Притчах"), „Привычка естества *сильняе* иногда" („Синав и Трувор"); „Что *зляй* минут мне сих?" („Хорев"), „смотрит *добряе*" („Трессотиниус") и т. п. Ее употребляет А. В. Суворов в своих письмах и в приказах: „*сильняе* в исходе века" (1799 г., № 339), „мне это *миляе* победы" (1799 г., № 435).

Но уже Ломоносов в своей „Российской грамматике" (1757), хотя и не очень решительно, отдает предпочтение форме сравнительной степени на ***-ее (-ѣе)***, утверждая, что „*блеклее, светлее* (при: *блекляе, светляе*) равное или и лучшее достоинство имеют".

Иначе сложилась история полных прилагательных сравнительной степени. Они сохранили свою прежнюю роль в предложении и свое изменение по родам, числам и падежам. Но прилагательные на ***-ейший, -айший*** утратили свое прежнее значение и получили новое значение превосходной степени: *добрейший, -ая, -ее, сильнейший, -ая, -ее, крепчайший, -ая, -ее* и т. д. Впрочем, со старым значением сравнительной степени эти прилагательные были возможны еще в недавнее время: „(он) *огромнейший* первого камень схватил" („Одиссея", в переводе Жуковского), „о летней работе, впятеро *тяжелейшей*" (Достоевский, „Записки из мертвого дома"), „вскричала она в еще *сильнейшем* испуге" (Достоевский, „Униженные и оскорбленные").

Со старым значением сравнительной степени употребляются: *бо́льший, -ая, -ее* и *меньший, -ая, -ее*. Еще недавно можно было употребить в этом значении также и *старший, -ая, -ее*. Ср. у Герцена: „у моего отца был еще брат, *старший* обоих" (XII, 21).

Превосходная степень в старину выражалась не только морфологически (с помощью суффиксов), но и при участии лексических средств, путем прибавления к положительной степени особых усилительных слов: *вельми* (ср. белорусское *вёльмi* — очень) и др., с XVII в.: *очунь* > *очень* и др., еще позже: *самый, самая, самое*.

Этой же цели в книжном языке служили приставки ***прѣ-*** (заимствованная из старославянского языка): *прѣдобрый* и пр. и отчасти ***наи:*** *наименьший* и пр.

3. МЕСТОИМЕНИЯ

Склонение личных и возвратного местоимений

Ед. ч.	И.	язъ, я	ты	
	Р.	мене	тебе	себе
	Д.	мънѣ, ми	тобѣ, тебѣ, ти	собѣ, себѣ, си
	В.	мя, мене	тя, тебе	ся, себе
	Т.	мъною	тобою	собою
	П.	мънѣ	тобѣ, тебѣ	собѣ, себѣ
Дв. ч.	И.	вѣ	ва	
	В.	на	ва	
	Р.-П.	наю	ваю	
	Д.-Т.	нама	вама	
Мн. ч.	И.	мы	вы	
	Р.	насъ	васъ	
	Д.	намъ, ны	вамъ, вы	
	В.	насъ, ны	васъ, вы	
	Т.	нами	вами	
	П.	насъ	васъ	

§ 85. Личные и возвратное местоимения. Личные местоимения первого и второго лица с доисторического времени не имели родового значения и не выражали его, но изменялись по падежам и числам.

Заслуживает внимания прежде всего форма именительного падежа ед. числа. Старейшей формой именительного ед. в народном древнерусском языке следует считать *язъ*, откуда в разных говорах, в разное время — *я* (может быть, под влиянием односложной формы на гласный звук *ты*). В древнерусском литературном языке употреблялась и форма *азъ*, представляющая собой старославянский вариант формы *язъ*, без йотации начального *а*. В Мстиславовой грамоте около 1130 г. все три формы употребляются одна за другой: „се *азъ* Мьстиславъ"; „а *язъ* далъ"; „а се *я* Всеволод..."

Из современных славянских живых языков форма *аз* употребляется только в болгарском (в литературном и в говорах), а *яз* — в словенском. В других славянских языках и в русском

имеется в настоящее время только *я*. Но форма *яз* долго сохранялась в русском. В Москве в первой половине XVI столетия она еще была обычной, если не единственно возможной, формой. В середине XVII в. *яз* употреблялось на одинаковых правах с *я*, в дальнейшем постепенно отступая на второй план. Любопытно, что в письмах царя Алексея Михайловича уже преобладает форма *я*: „*я* топере кладуся на васъ“ и пр. (хотя встречается и *язъ*: „*яз* ему не вспомянулъ“ и др.), тогда как в письмах и грамотах Никиты Одоевского обычной формой является *яз*: „пожаловалъ *язъ*“, „и ныне *язъ* мяса купилъ на Москве“ и т. д. Ср. и в Новгородских бобыльских порядных XVII в.: „се *язъ* порядился есми“.

Конечно, эта форма не сразу и не рано исчезла повсеместно в русском языке. Заслуживает внимания, что форма ***-яз*** иногда встречается в былинах, записанных на северо-западе в XIX столетии: „*яз-то* Дюку ведь не матушка“, „только *яз*, Владимир, один холост“ и т. п.

Форма родительного, а позже и винительного ед. в древнерусском языке, как и в современных славянских языках, кроме русского и словацкого, сначала оканчивалась на ***-е***: *мене, тебе, (себе)*. В современном литературном русском и во многих говорах (севернорусских и среднерусских) она оканчивается на *'а (-я)*: *меня, тебя, (себя)*. Это новое окончание появилось сравнительно поздно, по памятникам — с XIV—XV вв. Объясняют его по-разному, но наиболее вероятным является предположение, что окончание *-'а* (*-я*) возникло не фонетически, а под влиянием „первичной“ формы винительного ед. *мя, тя, ся* (о которых см. ниже) и было подкреплено формой родительного-винительного ед. на *-а, -я (-'а)* личных существительных м. р.: *отца, брата, учителя, Петра, Андрея* и т. п. Может быть, имело место и отталкивание от формы предлож. ед.: *мънѣ, тебѣ, себѣ*.

Форма дательного-предложного ед. личного местоимения 2-го л. и возвратного в народном древнерусском языке с дописьменного периода по большей части употреблялась с ***о*** после ***т***: *тобѣ, собѣ*. Ср. *собѣ* уже в новгородской Минее 1096 г. Но была известна и форма с ***е***: *тебѣ, себѣ*. С течением времени форма с ***е***, поддержанная книжно-литературной традицией (в старославянском языке не было формы с ***о***), получила большое распространение и вытеснила старую форму с ***о*** во многих говорах, в частности в языке Москвы и московской письменности к началу XVII

столетия. Ср. еще в Судебнике 1550 г.: „*собѣ* посулъ увозметъ“, „скажетъ на *собя*“.

Другие падежные формы этих местоимений ни в единственном числе, ни во множественном не вызывают особых замечаний. Не следует упускать из виду, что, кроме единственного и множественного числа, в древнерусском языке еще имелось двойственное число. Формы двойственного числа: *вѣ, на, наю, нама: ва, ваю, вама* встречаются только в старших письменных памятниках народного древнерусского языка. Так, в „Слове о полку Игореве“: „аще его *опутаевѣ* ни *нама* будет сокольца, ни *нама* красны дѣвицы, то начнутъ *наю* птицы бити въ полѣ Половецкомъ“. Ср.: „а *вѣ* (Гза и Кончак) сокольца *опутаевѣ*“ (=мы с тобой опутаем).

Особо следует остановиться на судьбе первичных или так называемых „энклитических“ местоимений личных и возвратного: *ми, ти, си* (дат. ед.), *мя, тя, ся* (вин. ед. из *мę, тę, сę*), *ны, вы* (дат. и вин. мн.). Кроме краткости, их характерной чертой являлось также то, что они могли употребляться и без ударения и в этом случае примыкали к предшествующему слову. Главным образом это относится к *ми, ти (си)*. Отсюда возможность утраты ***и*** в *ми, ти (си)*. Например, в Ипатьевском списке летописи: „досадили ***мь*** погань-сь“; „ци мала *ть* твоя земля“ и т. п.[1]. Ср. в псковском Прологе начала XIV в. Козьмы Поповича: „что *ть* се такъ написахъ“. Первичные местоимения долго жили в народной восточнославянской речи. В деловом и разговорном языке Москвы в единственном числе они употреблялись еще в первой половине XVI в.: „скажи *ми*“, „велѣлъ *ми*“, „отдали *ми* соболи“, „имѣти *ти* меня собѣ господином“, „а как *ми тя* отпустити“; „а не скупилъ *мя,* господине, нихто“ и т. п. (но *си* уже исчезло). К середине XVII в. первичные местоимения в старомосковской речи вообще вышли из обращения. Только одна из этих форм *(ся)* пережиточно сохранилась в качестве залоговой частицы, которая сначала могла употребляться свободно, т. е. отдельно от глагола, и лишь постепенно была закреплена в положении за глаголом.

Исчезновение первичных местоимений, несомненно, находится в связи с превращением возвратного *ся* (<*сę*) в залоговую частицу и с закреплением ее в положении за глаголом. Утрата значения

---

[1] По данным А. А. Никольского. См. „Русский филологический вестник“, стр. 274. кн. 1—2, 1891.

возвратности и расширение залогового значения *ся* в сочетании с глаголами имело следствием выпадение местоимения *ся*, а также *си* (которое также могло иногда употребляться на правах залоговой частицы) из системы „энклитических“ местоимений, что в свою очередь повлекло за собой разрушение всей этой группы.

В пользу предположения о зависимости одного процесса (исчезновения первичных местоимений) от другого (превращение *ся* в залоговую частицу) свидетельствует не только хронология обоих процессов (закрепление *ся*, которое можно рассматривать как последний этап превращения „энклитического“ местоимения *ся* в залоговую частицу, в положении за глаголом, в общем закончилось также к середине XVII в.), но и некоторые другие факты: в инославянских языках,—в южнославянских, в чешском, с известными ограничениями — в польском, сохраняющих энклитические местоимения, сохраняется и более или менее свободное употребление *ся* (южнославянское *се*, чешское *se*, польское *się*) в качестве залоговой частицы.

§ 86. Личное местоимение 3-го лица. Первоначально в славянских языках личные местоимения были только 1-го и 2-го л. Личного местоимения 3-го л. не было. Но оно появилось очень рано, во всяком случае в эпоху до возникновения письменности у славян. Речь идет об указательном местоимении ***и, я, е***, точнее сказать, о косвенных падежах этого местоимения. Новое личное местоимение было образовано путем замены родовых форм именительного падежа единственного и множественного числа в склонении местоимения ***и, я, е***, изменявшегося по образцу *мой, моя, мое* (см. § 86), соответствующими формами из склонения другого указательного местоимения — *онъ, она, оно* (склонявшегося по образцу *тъ, та, то*; см. § 85). Вместо ***и, я, е*** (им. ед.) стали говорить *онъ, она, оно*; вместо ***и, ѣ, я*** (им. мн.) — *они, оны, она*. Замена эта была вызвана рядом причин, но главным образом она находится в связи с невыразительностью родовых форм именительного п. ***и, я, е***, не отличавшихся от винительного в м. и ср. ед., в ж. и ср. мн. и совпадавших по своему фонетическому облику с другими словами (союз ***и***, личное местоимение ***я***). Таким образом возникли парадигмы склонения личного местоимения 3-го лица с разными основами в именительном п. и в косвенных. Ср. в склонении личного местоимения 1-го л. (с очень древнего времени) подобные же отношения между именительным падежом и косвенными: *язъ*, но *мене* (род. ед.), *мънѣ*

(дат. ед.) и пр., *мы,* но *насъ* (род. мн.) и пр., *вѣ* (им. дв.), но *наю* (род.-предл. дв.) и т. д.

Замечаний требуют только отдельные падежные формы:

а) В именительном падеже личное местоимение 3-го л. еще в древнерусскую эпоху отличалось по ударению от указательного (*óнъ, онá, онó,* но: *онъ, óна, óно* и т. д.). Отметим, что еще в Чудовском Новом завете XIV в. (древнейшей рукописи с ударениями) наблюдается колебание: *óни*: *оні́* (в личном местоимении 3-го лица).

б) Винительный падеж (старый, не равный род.) этого нового личного местоимения: *и, ю* (< *jǫ*), *е* (вин. ед.; по-старославянски: и, ѭ, ѥ), *ѣ, ѣ, я* (вин. мн.; по-старославянски: ѩ, ѩ, ꙗ), нередко встречается в древнерусских текстах, постепенно уступая место родительному: *его, еѣ, его* (ед.), *ихъ* (мн.). Так, в „Повести временных лет“: „взяша *и* (его) в лодью“, „учашеть *и* (Владимира) мати (Ольга) креститися“;...„и принесоша *я*“ (деревлян; старославянское ѩ)...„ вринуша *е* (= ѥ из *ѣ*) въ яму“; (-их); „побегоша людье... и повелѣ Ольга имати *е* (= ѥ из *ѣ*)“ и т. д.

После предлогов, оканчивавшихся на гласный: *въ, на, при* и др., форма вин. ед. м. р. была *нь*: *въ* (*во*) *нь* и т. д. Например, в „Повести временных лет“: „и вступи *во нь* душа“ (6605 г.), там же: „взложи *на нь*“, „иду *по нь*“ и т. п. Ср. старосл. въ н҄ь (< *н-jь*).

Новая форма винительного в письменных памятниках появилась в XII—XIII столетиях. Особенность этой формы винительного (равной родительному) заключается в том, что она употребляется независимо от того, идет ли речь об одушевленном предмете или о неодушевлённом: вижу *его* (*волка, стол* и т. д.).

Из этих старых родовых форм винительного падежа в севернорусских говорах (северо-западных, поморских и др.), в разговорной речи и в фольклоре уцелела форма вин. ед. ж. р. *ю* (после предлогов: *ню*). Например, в „Онежских былинах“ по записи А. Ф. Гильфердинга: „целовал *ю* во устā во сахарнии“, в песнях, записанных П. И. Рыбниковым: „он *ю* (поленицу) надвое порозорвал“; „на *ню* (супротивницу) красное солнышко не оппекёт...“; в былинах новой записи (советского времени): „добру-молодцу-богатырю| *ю* (т. е. силушку) не объехать-то на добром кони“ (Былины М. С. Крюковой).

в) В литературном языке XIX в. в родительном-винительном ед. ж. р., кроме обычной, народной по происхождению формы *её* (из *еѣ*), была употребительна еще форма *ея* (из старославян-

ского юга). Например, у Пушкина: „На крик испуганный *ея* | Ребят дворовая семья | Сбежалась шумно...“ („Евгений Онегин“, VII).

г) В косвенных падежах после предлогов формы личного местоимения 3-го л. с древнейшего времени начинаются с *н: у него, к ней, с ними* и т. д. С мягким *н* (из *nj*) эти формы употребляются и в старославянском языке: ȣ н҄ѥго и т. д. Это протетическое *н* появилось сначала после определенных предлогов: *въ, съ, къ*, оканчивавшихся некогда на *н* (ср. в латинском *cum* = с и т. д.); оно оторвалось от предлогов и примкнуло к местоимению: *сън имь* > *съ нимь*. Тот факт, что *н* было закреплено только за формами косвенных падежей личного местоимения 3-го л. [ср. *с Иваном, с елью* (*-cjел'ӵу*) и т. п.], можно поставить в связь с тем обстоятельством, что все местоимения, изменяющиеся по родам, в славянских языках начинаются с о г л а с н ы м и звуками (не *j* или *ӵ*): *сего, чего* и пр В сербском языке употребление этого *н* не ограничено положением после предлогов: род. ед: *њега*, дат. ед. *њему* и т. д. И у нас кое-где по говорам встречается подобное употребление *н:* например, в говорах Шенкурского р-на: *него* люди науцили, хвастал *ней*, говорит *ним*. Но чаще, наоборот, это новое *н* отсутствует даже после предлогов: *у его, к ему, с им, с ими* и пр. С другой стороны, ср.: *снять* (из *сън-я-ти*), а также: *принять, унять, вынять* (вытесненное в ряде говоров новообразованием *вынуть*) и другие (с обобщенным новым корнем *ня* вместо *я*); ср. *обнять* и *объять*. Такого же происхождения *н* в *нутро* (ср. *утроба*) и, возможно, в *нéдра* (< др. русск. *нядра* < *ядра*).

д) В именительном мн. вместо первоначальных трех родовых форм: *они* (м. р.), *оны* (ж. р.), *она* (ср. р.) установилась одна общая для всех трех родов: в одних говорах и в языке Москвы *они*, а в других *оне* (< *онѣ*), *оны*.

Склонение неличных местоимений

		м. р.	ж. р.	ср. р.	м. р.	ж. р.	ср. р.
Ед. ч.	И.	тъ тътъ	та	то	мой	моя	мое
	Р.	того	тоѣ	того	моего	моеѣ	моего
	Д.	тому	той	тому	моему	моей	моему
	В.	тътъ	ту	то	мой	мою	мое
	Т.	тѣмь	тою	тѣмь	моимь	моею	моимь
	П.	томь	той	томь	моемь	моей	моемь

Дв. ч.	И.-В.	та	тѣ	тѣ	моя	мои	мои
	Р.-П.	тою	тою	тою	моею	моею	моею
	Д.-Т.	тѣма	тѣма	тѣма	моима	моима	моима
Мн. ч.	И.	ти	ты	та	мои	моѣ	моя
	Р.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	моихъ	моихъ	моихъ
	Д.	тѣмъ	тѣмъ	тѣмъ	моимъ	моимъ	моимъ
	В.	ты	ты	та	моѣ	моѣ	моя
	Т.	тѣми	тѣми	тѣми	моими	моими	моими
	П.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	моихъ	моихъ	моихъ

И.	къто	чьто, чь	В.	кого	чьто
Р.	кого	чего	Т.	цѣмь	чимь
Д.	кому	чему	П.	комь	чемь

§ 87. **Указательные местоимения.** В общеславянском языке указательных местоимений было больше, чем, например, в современном русском языке. Некоторые из них с течением времени вышли из употребления.

Местоимение *тъ, та, то* можно считать обычным способом „указания“ в древнерусском языке. В древнейших памятниках письменности имеется только форма *тъ* (им. ед. м. р.). Например, в Мстиславовой грамоте около 1130 г.: „*тъ* с(вѧ)тый Георгий“; в ростовском „Житии Нифонта“ 1219 г.: „в *тъ* бо годъ“, 353; „имѧше мужь *тъ* ѥлени многы”, 312 и др. Эта форма была вытеснена в большинстве русских говоров и в московском просторечии удвоенной формой этого местоимения, известной с XIII в.: *тътъ*>*тот*, а в остальных говорах формой на *-й*: *тъй*>*тый*> *той*. Только в функции определительного постпозитивного члена еще возможно кое-где употребление этой формы: *дом-от, старик-от, пирог-от* и т. д. [ср. также в московском просторечии,— например, у Грибоедова: „И в чтеньи *прок-от* не велик“ („Горе от ума“], где *от* восходит к *ъ*+*тъ* (*домъ-тъ*). Нетрудно понять причину вытеснения *тъ*>*тътъ*: после падения глухих из *тъ* должно было получиться *то*, и произошло бы совпадение с формой им. ед. ср. р. *то*.

В родительном ед. м. и ср. р. (неличных местоимений вообще) вместо окончания *-го* с течением времени (по памятникам с XV в.) появилось *-во́*, может быть, под влиянием нового окончания *-о/е во:ва* полных прилагательных (см. § 81): *тово́*, *само́во́*, *моево́* и пр., тем более, что некоторые местоимения изменялись по склонению полных прилагательных: *самый*, *который* и др. Возможно,

что в склонении неличных местоимений этого типа окончание *-го* сохранялось дольше, чем в склонении полных прилагательных. В некоторых севернорусских говорах, например с. Пустошенки, Судогодского р-на, Владимирск. обл. (по описанию Д. В. Бубриха) не наблюдается изменения *г* в *в* перед ударенным *о: того́, кого́* и пр., тогда как в остальных случаях имеется *в*, в частности, как правило, в склонении сложных прилагательных: *злово* (или *злова*) и т. п.

При предположении, что в *тово́* и пр. *в* появилось под влиянием соответствующей формы полных прилагательных, мы бы ожидали (хотя бы по говорам и как исключение из правила), что форма родительного-винительного на *-ва* не чужда и местоимениям. И действительно, в некоторых говорах, например на Колыме, в Сибири, как очень редкое явление встречается (под ударением) окончание *-ва* и в склонении неличных местоимений: *това́, кова́, всева́* и пр. Ср. в московском сборнике песен П. А. Квашина конца XVII в.: „и на *това*-то напраслину наводят".

По-видимому, в этом случае имело место не только влияние флексии род. ед. существительных I склонения, но также влияние местоимений: *таковъ*, род. ед. *такова́, ка́ковъ*, род. ед. *кова́*.

В родительном ед. ж. р. (неличных местоимений вообще) вместо окончания *-оѣ* во многих говорах и в литературном русском языке с очень давнего времени употребляется *-ой, -ей: той, самой, моей, своей* и пр. Но нередко встречается в говорах и форма *тое* (= *тоjэ*) или, еще чаще, *тоё*, также: *моё*, *всё* и т. п.: „из *тоё* деревни" и пр. Она употребляется и в качестве формы винительного ед. ж. р. вместо *ту*: в *тоё* деревню; ср. также: *всеё* кость (ср. уж в „Статейном списке" Микулина 1600 г.: „и мы ныне *тое* нужу *всее* забыли" и т. п.). Форма *тоё* иногда встречается у писателей XIX в., писавших в народном стиле: у Крылова в баснях: „Кого ж подстерегли? *Тоё* Лису-Злодейку" („Лиса-строитель"), у Ершова в „Коньке-Горбунке": „Доставать *тоё* жар-птицу" и др. Ср. в современном литературном: *самоё* (= саму).

В именительном и винительном мн. с течением времени было ликвидировано изменение по родам, и в Москве к XV в. установилась одна общая форма для всех трех родов: вместо *ти* (*столи*), *ты* (*стѣны*), *та* (*села*) (им. мн.) и *ты* (*столы*), *ты*

(*стѣны*), *та* (*села*) (вин. мн.) — *тѣ*. Так же и в склонении всех других неличных местоимений, теперь изменяющихся по родам только в ед. ч.: *сами, мои* и т. д. Эта форма *тѣ* возникла, несомненно, под влиянием форм косвенных падежей *тѣхъ, тѣмъ* и пр. Но другие неличные местоимения твердого различия и в литературном русском языке, и, по большей части, в говорах получили (по крайней мере с XIV в.) в косвенных падежах окончания ***-их***(ъ), ***-им***(ъ) и т. д. по мягкому различию: *самих, самими* пр., вследствие чего и в именительном мн. появилась форма *сами* (ср. *моих, моими, моим* и т. д. при *мои* в именительном и винительном мн.).

Что касается местоимения *этот, эта, это* (также склоняющегося во мн. ч. с окончанием мягкого различия), то в древнерусском языке этого местоимения не было. В письменном языке это местоимение появилось со второй половины XVII столетия. Оно употреблялось для указания на более близкий предмет мысли и заменило собой древнерусское *сь* (*сий*>*сей*): *сьсь* (>*сесь*), *си* (>*ся*), *се* (см. ниже). По своему происхождению оно является сложным словом, возникшим в результате сложения местоименной основы *э*(-*е*-) (или, может быть, *he*) с местоимением *тот* (<*тътъ*), *та, то*. Ср.: *экий, экая, экое*; *этакий* и пр. Ср. в говорах: *эвот* (даже у Пушкина: „вон, тятя, *э-вот*, („Утопленник"), *эвон, этак, эстолько, этта* (возможно, из *этуто*), *этуды* и т. д. Первый элемент этого сложения сначала в некоторых случаях мог употребляться отдельно от второго: *э* с *того, э* к *тому* и т. д. Например, в письме Ф. Ю. Ромодановского Петру I от 8/IV 1696 г.: „моя *е* в *том* вина". Позже у московского жителя Лукьянова в „Путешествии в св. землю" 1710—1711 гг. (М., 1862): „малодушны греки *е* к *тем* цветам". Ср. у него же: *етут* (вм. *тут*).

К той же эпохе восходит сохраняющееся (по говорам и в наши дни) повторение (полное или частичное) некоторых предлогов после *э*: к *э* к *тому* (или вследствие диссимиляции: к *э* х *тому*), с *э* с *тѣм*, в *э* в *том* (или вследствие ассимиляции: в *э* ф *том*), на *э* н *том*. Так, например, в говоре дер. Парфенки Ново-Петровского р-на и др., также в Никольском р-не Вологодской обл. и др.

Но гораздо чаще в наши дни в диалектальной речи, в частности и в подмосковных говорах, наблюдается употребление вставочных ***к(х), с, в(ф), н*** (из предлогов) независимо от каких-либо условий:

эфтот, *энтот* и пр. Так, уже в письмах ц. Алексея Михайловича к Никону: „и *енто* все делалось...“

По-видимому, образования этого типа были возможны в разговорной речи старшего поколения дворянской интеллигенции еще в начале XIX в. По словам Тургенева, „тогдашние тузы, в редких случаях, когда говорили на родном языке, употребляли одни—*эфто*, другие—*эхто*: мы, мол, коренные русаки, и в то же время мы вельможи, которым позволяется пренебрегать школьными правилами“ (см. „Отцы и дети“, гл. X).

Из других указательных местоимений, склонявшихся по типу *тъ*, *та*, *то*, были еще известны в древнерусском языке: *онъ*, *она*, *оно*, род. ед. *оного*, *оноѣ*, *оного* и т. д. и *овъ*, *ова*, *ово*, род. *ового* и т. д.

Местоимение *онъ*, *óна*, *óно*, употреблявшееся со значением, близким к *тот*, *та*, *то* (точнее, пожалуй, со значением „тот другой, не имеющий отношения ко мне, к тебе, к нам“), встречается чаще в книжном языке и там может рассматриваться как элемент старославянской языковой системы. Но оно не было чуждо и народной речи. Известно, например, что в древнем Новгороде (судя по летописным данным) часть города, отделявшаяся от Кремля рекой Волховом, называлась „*онъ* полъ“: „погорѣ *онъ* полъ города“, „побѣгоша на *онъ* полъ“; „а друзии (сташа) на *ономь* полу“ и пр. Отсюда — новообразование *ониполовичи* (= жители *оного* полу): „переѣхаша *ониполовици* в лодьяхъ“ (I Новг. летопись по Синод. списку, л. 90 об.). В современных, особенно севернорусских, говорах отмечено несколько наречных образований с этим местоимением: (*о*)*номедни*) (из *ономь дьне* — в тот день), *онýпору*; с суффиксом *-гда*, *-гды*: *оногдысь* (>*надысь* и пр.) и т. п.

В книжном языке старый именительный был рано вытеснен новым на ***-ый, -ая, -ое***: *оный, оная, оное* (вследствие „омонимического отталкивания“ от личного местоимения 3-го л.); в этом виде он долго у нас держался в книжно-литературном языке (в канцелярском языке—до конца XIX столетия). В связи с этим слово *оный* довольно рано перешло в склонение полных прилагательных: съ *онымь* (твор. ед. м. и ср. р., вместо *онѣмь*), без *оныхъ* (род. мн., вместо *онѣхъ*) и т. д.

В отличие от других славянских языков восточнославянские языки не сохранили склоняемых форм местоимения *овъ*, *ова*, *ово*. Оно также было известно и с окончаниями полных прилагательных. Например, в I Новг. летописи „*овыхъ* избиша, а *инѣхъ* ...“

К этому местоимению (имевшему главным образом „противопоставительное“ значение „тот, а не другой“ и т. п.) восходят современные диалектальные (впрочем, редкие) наречные образования *овогда* — „иногда“ и др.

К указательным местоимениям, изменявшимся по мягкому различию, относилось местоимение с основой *с-:се-: сиј-*. В древнейших памятниках нашей письменности (как и в старославянском языке эпохи Кирилла и Мефодия) оно употреблялось в именительном падеже в виде *сь* (столъ), *си* (стѣна), *се* (село), наряду с *сий* (>*сей*), *сия*, *сие*: „видиши миръ *сь*“ („Житие Нифонта“ 1219 г., 353) и т. д. Косвенные падежи были одинаковы у того и другого варианта этого местоимения: род. ед. *сего, сеѣ, сего* и т. д., за исключением вин. ед. ж. р.: *сю*, наряду с *сию*.

Трудно, однако, сказать, были ли присущи все эти родовые формы именительного ед. народному древнерусскому языку. При наличии старой формы им. ед. ж. р. *си* в книжной речи: „не люба грамотица *си*“ (Поучение Владимира Мономаха) и т. п., в памятниках актового языка, по крайней мере с XIII в., встречается новая форма *ся*: „*ся* грамота есть выдана“ (Смоленская грамота 1229 г., список А) и пр. Эта новая форма им. ед. ж. р. (по образцу *та*) с течением времени вытеснила старую. В памятниках московского приказного языка XVI—XVII вв. она часто встречается в шаблонной фразе: „а(и) какъ к тебе (вам) *ся* наша грамота придетъ“ и т. д.

Ср., однако, в Перемирной грамоте 1371 г. князя литовского Ольгерда с в. князем Дмитрием (Донским), возможно, написанной в Москве: „а *си* грамота аже будет князю не люба...“

В мужском роде вместо старой формы им. (и вин.) ед. **сь** одновременно с появлением формы *тот* (из *тътъ*) и по той же причине появилась удвоенная форма *сесь* (из *сьсь*). Первые случаи употребления этой новой формы по памятникам относятся к XIV в., в Москве — к XV в. Например, в Московской договорной грамоте 1445 г. (№ 41): „до Петрова дни на *сесь* годъ“.

Таким образом, именительный (а в мужском и среднем роде и винительный) падеж ед. ч. этого местоимения получил новый вид: *сесь*, *ся*, *се*. В таком виде оно употреблялось (например, в Москве) не только в XVI столетии („царь *сесь* Судебник уложилъ“ — первые строки Судебника 1550 г.), но и в XVII в. и даже несколько позже. Например, в указных книгах московских приказов середины XVII в.: „*сесь* нашъ указъ“, „*сесь* свой при-

говоръ“ и пр. (но в Уложении — только *сей*). Форма *сесь* в словосочетании „по *сесь* час“ имеется и в комедии Фонвизина „Недоросль“ (в издании 1817 г.: „по *сесть* час не разберёт“, 72).

Но в общем в XVIII в. в литературном языке и в говорах *сесь* и *ся* уже вышли из обращения, а *се* (*сё*) оставалось только в известных словосочетаниях: то да *сё*; ни то, ни *сё* и т. п., как держится оно и в современном русском.

Форма же именительного ед. *сей*, *сия*, *сие* (и им. мн. *сии*) продолжали употребляться в книжно-литературном и канцелярском языке по крайней мере до половины XIX столетия. Впрочем, в ироническом употреблении они возможны и в наши дни: „*сей* неугомонный политикан“, „*сие* от нас не зависит“ и пр.

Что касается косвенных падежей, то в народной разговорной речи они были утрачены одновременно с формой именительного ед. (и им. мн.: *си*, *сѣ*, *ся*; старослав. си, сиѩ, си). В литературном языке продолжали употребляться косвенные падежи от *сей*, *сия*, *сие* с теми небольшими изменениями, которые вообще типичны для всех неличных местоимений. В современном русском литературном языке некоторые из форм этого местоимения употребляются в наречных выражениях: *сейчас*, *сегодня*, и в определенных словосочетаниях: *сию* минуту, по *сию* пору (ср. по *сю* сторону), по *сие* время, по *сей* день, а также: на *сей* счет, до *сих* пор и т. п. Канцеляризмы: *сего* месяца, *сего* года, при *сем* прилагается. В говорах таких пережиточных форм больше.

§ 88. История других неличных местоимений: притяжательных, определительных и др., не представляет ничего сложного. Все притяжательные местоимения: *мой*, *моя*, *моё*, *твой* и т. д., *чей*, *чья*, *чьё*, изменялись по мягкому склонению. В отдельных русских говорах с некоторого времени эти местоимения во множественном числе подверглись воздействию со стороны местоимений твердого различия. Появляются (по памятникам с XIII в.) формы косвенных падежей: *моѣхъ*, *моѣмъ* и т. д., под влиянием которых и общая форма именительного (и винительного) мн. получает окончание *-ѣ*: *моѣ*. Эти новые формы теперь широко распространены в говорах: „*мое* (-мојә) дочери“, „*мое* трудодни“ и т. п.

Местоимение (определительное) *вьсь* (>*весь*), *вься* (>*вся*), *вьсе* (>*все*) еще с доисторического времени в некоторых падежных формах подверглось воздействию со стороны твердого склонения: *вьсѣмь* (твор. ед. м. и ср. рода), *вьсѣхъ* (род.-предл. мн.), *вьсѣмъ* (дат. мн.), *вьсѣми* (твор. мн.). Под влиянием этих падежных

форм возникла новая, общая для всех трех родов, форма именительного (и винительного) мн. числа: *вcѣ* (вместо *вьси, вьсѣ, вься*), хотя и не повсеместно. Даже в подмосковных говорах встречается *вси* вместо ожидаемого *все* (из *вьсѣ*). В Книге о ратном строе, изданной в Москве в 1647 г., также находим обычно *вси*: *вси* промыслы, *вси* пойдут, *вси* сторожи и пр.

Но прежде чем установилась эта новая форма, старые формы род., дат., твор., предл. мн. с *ѣ* в некоторых говорах, в частности в старомосковском XIV в., были на некоторое время вытеснены формами с *и*: *всих*, *всими*, *всим*. Ср., например, в Духовной Ивана Калиты около 1339 г.: „по *всимъ* п(иско)пьямъ", „со *всими*... волост-ми" и др.

Из других местоимений, изменявшихся по местоименному склонению, а не по именному, как: *таковъ, -а, -о*, *каковъ, -а, -о* и пр., и по склонению сложных прилагательных, как: *самый, -ая, -ое*, *который, -ая, -ое, вьсякый, -ая, -ое* и др., следует отметить: *кый*>*кой, кая, кое*, род. ед. *коего, коеѣ, коего* и т. д. Впоследствии это местоимение, как и некоторые другие, исчезло. Но сохранились отдельные падежные формы от *кой, коя, кое* в сложных образованиях: *кое-кто, кое-как* и пр., и в отдельных случаях: на *кой* (шут), в *кою* пору, в *кои* веки и т. д. Ср. также: *некий*, род. *некоего* и т. д.

Что касается местоимения *каждый*, то оно появилось сравнительно поздно. В древнерусских (и в старославянских) памятниках оно имеет другое образование и другое склонение: *къжьдо* >*кождо* (без изменения по родам) или *кыижьдо* (>*коиждо*), *каяжьдо, коежьдо*. В обоих случаях изменялась только первая часть сложения; в первом: *когожьдо, комужьдо* и т. д. Например, в „Повести временных лет": „обѣдаша... *кождо* с бояры своими" (под 6580 г.), в Новгородской I летописи по Синод. списку: „вои... приде *кождо* въ свояси" (под 6732 г.). Раньше, чем форма *каждый*, в письменности появилась форма *кажный* (в „Книге о ратном строе" 1647 г., 207 об.). Но в XVIII в. местоимение *каждый* (сначала наряду с *кождый*) встречается уже нередко.

Трудно сказать, употреблялось ли в разговорном древнерусском языке относительное местоимение *иже, яже, еже*. Оно было обычным в старославянском языке и поэтому—в книжном древнерусском. Возможно, что в некоторой мере оно было известно и живой восточнославянской речи. Недаром оно имеется и в „Слове о полку Игореве", и в сочинениях Владимира Мономаха, и в дру-

гих памятниках книжной литературы, написанных на языке, близком к народному, и в „Русской правде", и отчасти в грамотах. Например, в „Слове": „Мстиславу, *иже* зарѣза Редедю... „Игоря... *иже* истягну умь крѣпостію своею..."

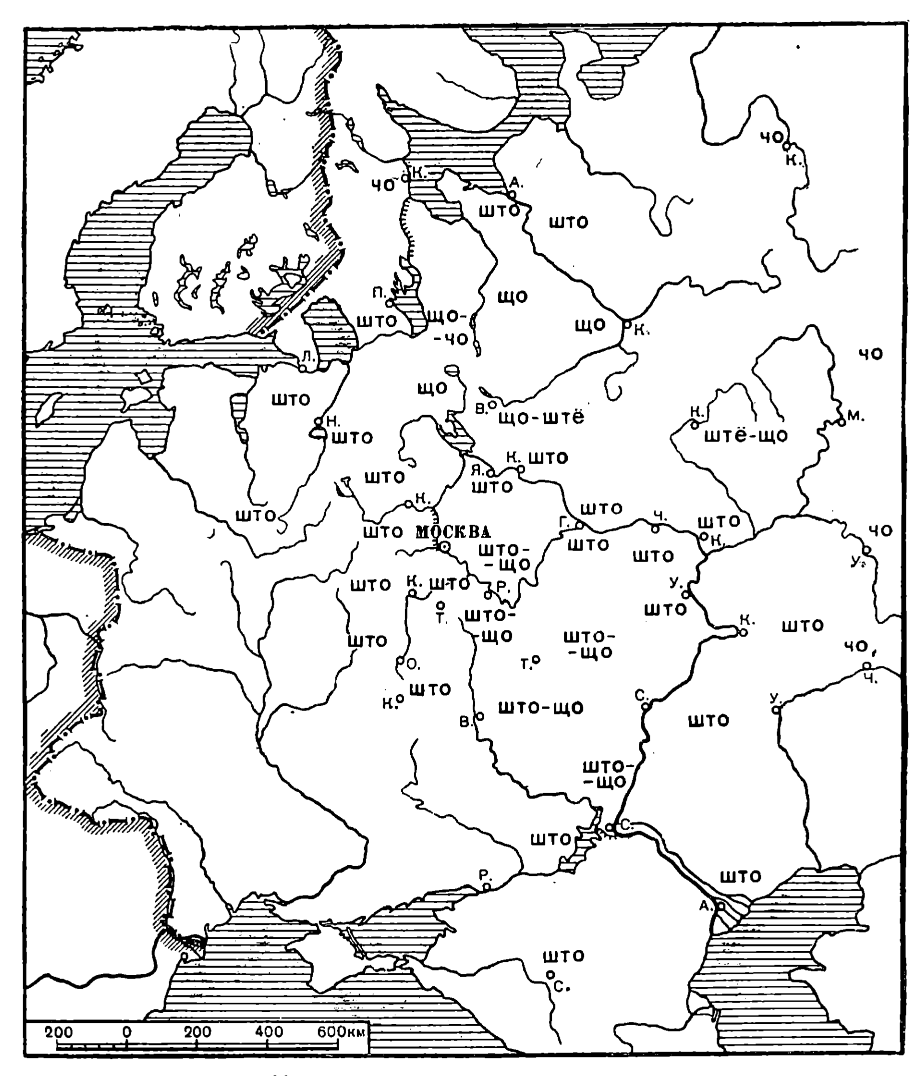
Это местоимение сложилось из двух элементов, путем присоединения к указательному *и*, *я*, *е* частицы *же*. Склонялась, разумеется, только первая часть сложения: род. ед. *егоже*, *еѣже*, *егоже* и т. д. Например, в сочинениях Владимира Мономаха: „*еже* умѣеть, то забудеть, а *егоже* не умѣеть, а тому ся не учить",... „принуди мя сынъ твой, *егоже* еси хр(ес)тилъ..." и т. д.

Если это местоимение и употреблялось в разговорном древнерусском языке, то оно рано вышло из обихода, задержавшись в книжно-литературном языке, в связи с укреплением и усилением церковнославянских элементов в языке нашей письменности после „второго южнославянского влияния". Как любопытный пережиток можно отметить у Пушкина в „Сцене из Фауста": „Таков вам положен предел, |*Его ж* никто не преступает" (т. е. которого).

§ 89. Местоимения *къто, чьто*. В древнерусском языке, как и в современном русском, эти вопросительно-относительные местоимения, изменявшиеся — первое по твердому различию, а второе — по мягкому, имели только формы с окончаниями ед. ч. м. и ср. рода. И кроме изменений, общих для всех неличных местоимений м. и ср. р. (***го*>*во*** в род. ед. и др.), собственно говоря, следует отметить лишь немногое.

О фонетических изменениях было упомянуто выше: *къто*> >*кто*>*хто*, *чьто*>*что*>*што*. Обе последние формы *хто* и *што* известны в старомосковской письменности: первая—с XIV в., вторая — с начала XV. В других русских говорах эти формы, в частности вторая, возможно, появилась еще раньше, сразу после падения глухих.

Но форма *што* далеко не является единственной. В говорах получили широкое распространение другие формы именительного-винительного падежа этого местоимения. Например, на севере, северо-востоке и в Сибири употребляется форма *чё*: „*чё* тебе надо", „ты *чё* сказал" и пр.; в частушках: „Милой, *чё*, милой, *чё*,| Милой, сердишься на *чё*" и т. д. Можно полагать, что она восходит к очень редкой в письменном языке древнерусской форме *чь* (без частицы *то*, составляющей вторую часть местоимения *къто*, *чьто*). Ср., например, в ростовском „Житии Нифонта" 1219 г.: „не вѣдый... *чь* ѥсть разумъ пѣнию", 264. С обычным (для

Местоимение *что* и его варианты.

конца XI в.) *чь*>*че*>*чо* это местоимение отмечено в Путятиной Минее: „да *че* криво да исправите". С изменением *че*>*чо* оно встречается в Ипатьевском списке летописи: „а *чо* ти дасть", в северодвинских грамотах XV в.: „все то, *чо* его". Не редкость оно и в новгородских берестяных грамотах (в форме *цо*; см. № 11, 19, 61). Ср. *ча* (что) в сербских (так называемых „чакавских") говорах.

Вследствие контаминации формы *што* (из *чьто*) и старой формы *че* (из *чь*), можно полагать, возникли другие варианты, например *шчё* (на севере и на юге). Севернорусский вариант *штё* мог возникнуть вследствие прогрессивной ассимиляции: *ч'ьто*> *ч'то*>*ш'то*>*ш'т'о* (см. карту). Форма *щё* (*шчё*) была зарегистрирована на севере уже в XVIII в., в одном из областных словарей (северодвинском).

Из истории других падежных форм следует отметить:

а) что в разговорном древнерусском языке, по-видимому, никогда (со времени распадения общеславянского языка) не существовало формы родительного *чесо*, *чьсо* [откуда в западнославянских языках — *со*(-цо)], правда, встречающейся в некоторых наших древнейших рукописных книгах, но попавшей туда скорее всего из старославянского;

б) что в творительном падеже формы *кѣмь* (из более раннего *цѣмь*) и *чимь* оказали с течением времени известное воздействие друг на друга, и таким образом возникли формы *ким* и *чем* (<*чѣм*, *чѣмь*), известные уже в древнерусскую эпоху. В московской письменности XVI столетия при *кѣмь*>*кѣмъ* употребляются обе формы творительного от *что* (<*чьто*): *чимь* и *чѣмь* (*ъ*). Первый вариант впоследствии был вытеснен вторым.

4. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 90. Числительные *один, два, три, четыре*. Из количественных числительных мы уже до некоторой степени познакомились с историей первых двух.

Известно, что в древнерусском языке *одинъ, одьна, одьно* склонялось по местоименному склонению типа *тъ, та, то,* и те изменения, которые были пережиты в этой области, имеют отношение и к *одинъ* (***во*** вместо ***го*** в род. ед. и пр.). Отметим только, что числительное *одинъ* в такой же мере подверглось влиянию мягкого склонения, как и *самъ*. Ср. в современном литературном русском языке: им. мн. *одни*, род. мн. *одних* и т. д.

Следует заметить, что в древнейших наших рукописях это числительное в известных падежных формах (им. ед. женск. р.: *одьна*, род. ед. *одьного*, *одьноѣ*, *одьного* и т. д.) употребляется

не столько с основой *одьн-*, сколько с основой *один-*, например в Смоленской грамоте 1229 г. (А): „ни *одиному* же русину". Ср. в I Новг. летописи по Синод. списку: „*одиному* бѣ имя Аскольдъ"; в московских грамотах: „блюсти с *одиного*" (1390 г.) (примеры приведены также в фонетике, § 32).

В этимологическом отношении общесл. *јединъ* представляет собой сложное двухосновное слово: *-ед-* (тот же корень, что в *едва*) + *инъ* [которое, возможно, не следует отделять от местоимения *иной* > рус. *иной*, но которое имело другое значение: „один"; ср. *иноходьць* в „Слове о полку Игореве", *инорогъ* (= единорог) в „Хождении" игумена Даниила; *инокъ* (первоначально „монах-отшельник", „монах-одиночка").

О числительном *дъва, дъвѣ* и его истории была уже речь в связи с историей двойственного числа в склонении. Необходимо подчеркнуть некоторые подробности.

Дъва (им.-вин.) имело значение сначала только мужского рода, а *дъвѣ* — женского и среднего. В связи с тем, что в процессе разрушения категории двойственного числа такие формы существительных м. р., как *брата, стола, коня* и т. п., в сочетании с *дъва* получили значение род. ед., а существительные ср. р. типа *село, поле* имели одинаковую с существительными м. р. форму род. ед. на *-а,-'а: села́, по́ля,* — в конечном счете *два* (из *дъва*) получило значение и среднего рода.

В род.-предл. (как и в дательном-творительном) не было изменения по родам, но тем не менее первоначально употреблялись две формы: *дъву* (по именному склонению) и *дъвою* (по местоименному) — каждая для всех трех родов. Форма *дъвою* встречается в старославянских рукописях, но современные славянские языки, и в том числе русский, и их письменные памятники свидетельствуют о том, что она была рано вытеснена формой *дъву*. Впрочем, форма *двою* (из *дъвою*) изредка встречается и в древнерусской письменности: в Смоленской грамоте 1229 г. (А): „от *двою* капию" („капь" — мера веса), вплоть до XVI в. Она до сих пор сохраняется в таких образованиях, как *двоюродный*.

Напротив, в дат.-твор. из двух первоначальных форм: *дъвома* (по именному склонению) и *дъвѣма* (по местоименному) еще до появления письменности получила преобладание вторая форма. В русском языке первая форма *дъвома* > *двома*, по всей видимости, никогда (с начала формирования языка русской народности в XIII — XIV столетиях) не была известна. Всегда (в историческое

время) употреблялась форма *дъвѣма*>*двѣма*. Но в современном украинском: *двома́* (правда, в памятниках украинского языка до XVI в. эта форма также не была известна). С течением времени форма *дву* (из *дъву*) была использована в качестве общей основы косвенных падежей, к которой стали добавлять окончания косвенных падежей множественного числа неличных местоимений. Так получилось: *двух, двум* и т. д. С этими же окончаниями склонялись в это время *три* и *четыре*: род. *трех* (вместо ожидаемого *трей* из *трьи*: числительное *три* изменялось в древности по склонению типа *кость* во мн. ч.), *четырех* (вместо ожидаемого *четыр* из *четыръ*: числительное *четыре* изменялось по склонению типа *камы* в мн. ч.); *трем* (из *трьмъ*), *четырем* (из *четырьмъ*).

Сложнее обстояло дело с твор. падежом. В одних говорах: южнорусских, многих среднерусских и значительной части севернорусских (Владимирско-поволжской группы) от числительных *три, четыре* до сих пор употребляется старая форма на ***-ми*** в склонении *три* и *четыре*: *тре**ми́*** (из *трь**ми***) и *четырь**ми́**,* под влиянием которой была образована и новая форма *двуми́*, тогда как в других говорах (в значительной части севернорусского наречия) и в литературном русском возникла новая форма на ***-мя:*** *дву**мя́**, тре**мя́**, четырь**мя***.

Не подлежит сомнению, что окончание ***-мя*** находится в какой-то связи с окончанием ***-ма*** формы дат.-твор. *дъвѣма*. Под влиянием этой формы с новым окончанием ***-ма*** стали употребляться: *трема, четырьма* (дат.-твор.) в одних говорах, наряду с *треми, четырьми* (твор.) — в других. Вследствие взаимовлияния этих форм появились контаминированные формы творительного *тремя, четырьмя* (по памятникам — с XIV—XV вв.). Несколько позже под влиянием этих новых форм твор. падежа возникло *двумя*.

По-видимому, в какой-то зависимости от этих форм творительного на ***-мя*** в склонении неличных местоимений (приблизительно одновременно с ними, но не в одних и тех же говорах) находится появление таких образований, как: *имя́* (дат.-твор.): я *имя́* сказал; он с *имя́* ходил и пр., а также: *тѣмя́, всемя́* и др., теперь распространенных на севере и в Сибири (но известных и в белорусских говорах). Иногда это окончание употребляется только в творительном: к *ним,* но: с *имя*.

Процесс формирования нового склонения числительных *два, три, четыре* (в косвенных падежах), начавшийся еще в древне-

русскую эпоху, закончился по говорам в разное время. В Москве, надо полагать, он закончился только в течение XVII в. В первой половине XVI столетия обычной формой дат.-твор. падежа можно еще считать форму на ***-ма:*** *двѣма, трема, четырьма,* а в остальных падежах: *дву, трех, четырех.* Еще в Уложении 1649 г. наряду с формой *двух* нередко употребляется *дву*: „после *дву* месяцовъ", „в *дву* разбояхъ" и т. п. Дат. падеж здесь только на ***-м:*** ***двум***, но, с другой стороны, отмечено *обѣма* („и имъ *обѣма* стать", 114). Творительный от *два* (отсутствующий в Уложении) не только в сороковых годах XVII в., но и много позже мог еще употребляться в форме *двѣма*. Например, в Книге о ратном строе 1647 г.: „*двѣма́* шéренгами" (там же: „*трема́* перстами"). В „Житии" Аввакума: „со *двѣма* пищáльми...", („*трема́* перъсты крестятся"), но: „за *четырми́* замъками".

Что касается числительного *оба, обѣ*, которое первоначально также склонялось по двойственному числу, то оно едва ли не раньше, чем *дъва, дъвѣ*, на гораздо большей территории, в косвенных падежах было вытеснено соответствующими формами от родственного образования *обои*, *обоѣ*, *обоя* (например, „*обои* кони" и т. п.), т. е. стало склоняться: род. *обоих*, дат. *обоим* и т. д. (по образцу *мои*). Основа *обѣй-* (*обѣихъ* и пр.) гораздо моложе, чем *обой-*.

Остается сказать только об им.-вин. падеже от 3 и 4. Первоначально оба эти числительные в именительном падеже изменялись по родам: *трье* (мужской род), *три* (женский и средний), *четыре* (мужской род), *четыри* (женский и средний), но в вин. для всех трех родов: *три, четыри*. Можно полагать, однако, что в живом древнерусском языке в историческое время уже не существовало ни изменения по родам в именительном падеже, ни разницы между им. и вин. падежами (употреблялись только формы *три* и *четыре* или *четыри* для всех трех родов им.-вин. пад.). Другое дело — книжно-литературный язык древней Руси. Чем ближе он к старославянскому языку (церковные книги), тем последовательней различаются там эти формы.

§ 91. Числительные *пять—девять*. Числительные от 5 до 9 включительно изменялись по типу *кость* в единственном числе. Во многих говорах и в литературном русском языке они и теперь сохраняют свое прежнее склонение.

Числительное *девять*>*девęть* [а оно, надо полагать, из *невęть*<*новęть* или даже *новę* (ср. латин. *novem* — „девять");

ср. наше *девясил* — название растения *Inula helenium*=немецкое *Neunkraft*, при сербском *невесиљ*, а также название города *Девягорск*] в доисторическую эпоху, по-видимому, могло употребляться как единица счета (т. е. счет мог вестись девятками). Об этом свидетельствует самая этимология этого числительного в индоевропейских языках и связь его с корневым гнездом *neu-*: *nou-* (рус. *новый*, латин. *novus*). Отсюда выражение „*за тридевять земель*". Ср. также любопытный пример, отмеченный Б. О. Унбегауном: „и ты бы мнѣ прислал *тридевять* (=27) кречетов" („Пам. дипл. снош. Моск. гос. с Крым. орд.", II, 156, запись 1515 г.).

Следует упомянуть еще об одной особенности числительных 5—9 (а также и новых образований типа *пятнадцать*): в некоторых отношениях они были очень близки к существительным. Так, они имели родовое значение (женского рода). В XVI в. и даже позже в Москве говорили: „*та пять* деревень сгорѣла", „в *ту пять* ден", „в *ту* шесть лѣт", „взяли *ту* восмь городов", „подожди *одну пятнадцать* ден" и т. п.

§ 92. Числительное *десять*. *Десять* в древнерусском употреблялось как существительное V склонения с твор. ед.: *десятью* (из *десęтьjǫ*). Другие формы: род.-предл. ед. ч. *десяте* > *десяти*, им. мн. ч. *десяте* и *десяти*, род. мн. *десятъ*, им.-вин. дв. ч. *десяти* и т. д.

С помощью этого числительного как раз и производился счет от 11 до 100. Так, понятие *11* выражалось сочетанием *одинъ на десяте* (т. е. „на десятке"), *12 — дъва* или *дъвѣ на десяте*, *15 — пять на десяте* и т. д. (где *на десяте* — предл. ед.), причем склонялось только *первое* слово. Оно и потом в течение долгого времени, после того как вторая часть сложения изменилась в ***-дцать***, еще сохраняло свое склонение: например, из *пятинадцати*, с *пятьюнадцатью* и пр. Понятие *20* выражалось сочетанием: *дъва десяти*, причем оба слова склонялись в двойственном числе. Понятие *30* выражалось словосочетанием *трье* или *три десяте* (или *десяти*), причем склонялись обе части сложения. Понятие *50*: *пять десятъ* (где *десятъ* — род. мн.), но склонялось только первое числительное. И так — до 100.

Следует, однако, оговориться, что в таком (первоначальном) виде эти числительные употреблялись в славянских языках только в доисторическую эпоху и в старославянском языке. Но в живом древнерусском языке, поскольку можно о нем судить на основании таких письменных памятников, как грамоты и т. п., в исто-

рическое время они находятся в процессе перестройки. С течением времени вся система склонения этих числительных была преобразована, не говоря уже об изменениях чисто фонетического порядка, например *десяте*: *десяти* > *дцать* и др. Перестройка системы выразилась в том, что, во-первых, словосочетания превратились в слова, а во-вторых, эти слова стали склоняться по-новому. Числительные от 11 до 50 получили флексию по IV склонению, точнее — стали склоняться, как *пять*: *одиннадцать*, род. *одиннадцати* и т. д., *двадцать*, род. *двадцати* и т. д. Числительные 50 и подобные превратились в своеобразные сложные слова (с единым ударением) со склонением по образцу *пять* обеих частей: *пятьдесят*, (род., дат., предл.) *пятидесяти*, (твор. пад.) *пятьюдесятью*.

§ 93. Числительные *сорок* и *девяносто*. Особо следует сказать о выражении понятий *сорок* и *девяносто*. Вместо ожидаемых *четыредесять* (из *четыре десяти*) и *девятьдесятъ*, сохраняющихся (с некоторыми фонетическими изменениями) во всех других славянских языках, в языке восточных славян с древнерусской эпохи (по крайней мере с XIII столетия) для выражения этих понятий употреблялись другие слова. Вместо *четыредесять* — счетное существительное *сорок* (древнейший случай — в „Русской правде" по Синод. списку: „*сорокъ* гривенъ"), склонявшееся по первому склонению мужского рода (ср.: „посланъ тотъ *сорокъ* в Литву" — Расх. кн. 1584 — 1585; „в трехъ *сорокѣхъ* бѣлки" — Закладная 1399 г. и т. д.), с производнымъ *сорочькъ* = сорочóк (ср. еще в документах конца XV в.: „*сорочекъ* соболей", например в „Пам. дипл. снош. Моск. гос. с Польшей", I, 186, запись 1495 г.). Вместо *девятьдесят* — *девяносто*.

Первое слово, о происхождении которого было высказано немало догадок (как, впрочем, и относительно происхождения *девяносто*), как полагают (Педерсен, Фасмер и др.), является мужским вариантом[1] слова *сорока*, производным от которого было *сорочка* — „исподняя рубаха"[2]. Следовательно, *сорокъ* сначала значило „рубаха", а также, по-видимому, „мешок". Ввиду того что в каждый *сорок*, *сорочёк* (или в каждую *сороку*, *сорочку*)

---

[1] Выше, в § 63, мы уже говорили о том, что в древнерусском языке наблюдаются случаи колебания в области грамматического рода: *мытъ* и *мыто* и т. п.

[2] Следует заметить, однако, что в наиболее ранних памятниках письменности в значении „рубаха" ни слово *сорокъ*, ни слово *сорока* не обнаружены. Говорили: *сорочица*, *сорочька*.

укладывалось примерно четыре десятка собольих или беличьих шкурок (на полную шубу), это слово (в мужском варианте) стало употребляться (сначала, может быть, в речи охотников, а потом и за ее пределами) как единица измерения и в конце концов получило значение 40[1]. Некоторые языковеды возводят это слово к средневековому греческому σαράκοντα < древнегреческому τεσσαράκοντα (от τέσσαρε — „4") — 40. Но в пользу ранее приведенного мнения свидетельствуют, во-первых, общевосточнославянский и общенародный характер этого образования и, во-вторых, сравнительно позднее отражение этого явления в памятниках письменности (в пору, когда особенно интенсивные в X — XI вв. связи древней Руси с Византией уже прекратились).

Загадочным по происхождению остается (во второй его части) числительное *девяносто* [видимо, из „*девę* (< *невę*) *до съта*"]. Подобно некоторым другим числительным (*пять, девять, десять*), оно могло и само служить единицей счета: „*двѣ девяностѣ* мужь" — в I Псков. летописи; съ „*тремя девяносты*" — в IV Новгородской летописи и др.

§ 94. Числительные *сто* и свыше. Числительное *съто* > *сто* в древнерусскую эпоху употреблялось как существительное и склонялось по типу *село*. Подобно слову *сорок*, оно еще при жизни Ломоносова, судя по „Российской грамматике", сохраняло свое склонение не только во множественном числе (как в современном русском: *двухсот, двумстам* и т. д.), но и в единственном: род. — *ста*, дат. — *сту*, твор. — *стом*, предл. — о *сте* (из *сътѣ*).

В современном русском *сто* в ед. ч. имеет только две формы: *сто* (им.-вин.) и *ста* (для всех остальных падежей).

Под влиянием *съто* в древнерусском языке получило склонение и упомянутое новообразование *девяносто*: одиномь *девяностомь*, во единомь *девяностѣ* и пр. В современном русском письменном языке *девяносто* имеет только две падежные формы ед. ч.: на ***-о*** (им.-вин.) и на ***-а*** (для всех остальных падежей).

Остальные количественные числительные:

а) *200 — дъвѣ сътѣ*. Склонялось в обеих частях по двойственному числу: род. *дъву съту* и т. д. Теперь в обеих частях

---

[1] Таким же образом, полагают, в датском языке слово snes, которое значило „длинный прут", „обструганная ветка" (ср. швед. snes — „копна"), на которой можно поместить примерно 20 рыб, со временем получило — сначала, может быть, в речи рыболовов — значение 20 (Falk-Torp).

изменяется по множественному числу: род. *двухсот*, дат. *двумстам* и т. д. Форма им.-вин. *двести* в современном русском, следовательно, имеет *и* вместо *ѣ*, очевидно, такого же происхождения, как *и* в *колени* (из *колѣнѣ*), *брыли* (из *брылѣ*, от *брыло*) и т. д., возможно, по аналогии с *плечи* от *плечо* и т. п., при ударении на основе. Разумеется, это конечное *и* — довольно почтенного возраста. Ср. в Книге о ратном строе 1647 г.: *двѣсти*, но там же и *двѣсте*. Форма на *е* (из *ѣ*) возможна в литературном языке еще в середине XVIII в.

б) *300—400 — три съта, четыри съта* (где *съта* — им.-вин. мн. ч.). Склонялись в обеих частях по множественному числу. Можно сказать (учитывая фонетические и морфологические изменения, о которых была речь выше), что и в современном русском в общем они изменяются так же.

в) *500—900—пять, шесть* (и т. д.) *сътъ*. Как и в современном русском языке, эти числительные всегда склонялись в обеих своих частях: род. *пяти сътъ* (>*пятисот*), дат. *пяти сътомъ* (>*пятистам*), твор. *пятью съты* (>*пятьюстами*) и т. д.

Понятие *1000* выражалось словом *тысяча* (<*tysętja).

Для выражения понятия *10 000* с давнего времени пользовались словом *тьма*>*тма*, которое в свою очередь могло употребляться как единица счета. Можно было, например, сказать не только „взято душь боле *тьмы*“ (Ипат. сп. летописи), но и: „*двѣ тьмѣ*“, (Апостол 1307 г., запись), „*пять темъ* гривенъ серебра“ (I Новг. лет. по Акад. сп.) и т. д.

Это слово сохранялось долго. Оно встречается в „Хожении“ Афанасия Никитина и позже. Ср. в печорских былинах новой записи: „На кажного короля-королевиця | По три было *тмы*, по три тысяцы“. По говорам это слово иногда употребляется в форме *кма*, даже *хма* и со значением *много*. Например, в Киров. обл.: „у него *хма* денег“ и т. п.

Международные счетные слова *миллион, миллиард* и др. — сравнительно нового происхождения и попали к нам с Запада. Первое из них (первоисточник — итальянское *milleone*, от *mille* — тысяча) встречается уже в памятниках начала XVII в., окончательно утвердилось у нас главным образом с Петровской эпохи (в словарях отмечается с 1704 г.). Второе (французское *milliard*), как и *биллион* (французское *bilion*) и др., вошло в употребление лишь с XIX в. (в словарях *миллиард* отмечается с 1865 г.; *биллион* — с 1803 г.).

Наконец, о „присоединительном" характере счета. С доисторической эпохи в славянских языках, в частности в языке восточных славян, такие числовые понятия, как например *22, 193, 856* и т. п., выражались путем присоединения названий меньших чисел к названию большего числа с помощью соединительных союзов ***и, да***: *дъва десяти **и** дъва*, впоследствии: *двадцать **и** два* (*22*) и т. д. Так еще в XVI — XVII столетиях: *сто **и** девяносто **и** три* зерна (193), *на тысячу **и** на триста **и** на шестьдесять **и** на четыре* рубли (1364), или: *на тысячу **да** на триста **да** на шестьдесятъ **да** на четыре* рубли и т. д.

§ 95. Собирательные и дробные числительные. Современные „собирательные" числительные *двое, трое, четверо, десятеро* и другие на ***-ро,*** имеющие косвенные падежи по склонению нечленных местоимений во множественном числе: (род.) *двоих, троих, четверых* и т. д., представляют собой остаток, по-новому использованный и с другим значением, древнерусских числительных типа *дъвой, дъвоя, дъвое* и *обой, обоя, обое* (изменявшихся по образцу *мой, моя, мое*) или *четверъ, четвера, четверо* (по образцу *тъ, та, то*). Они употреблялись то со значением, близким к соответствующим количественным числительным: *дъва, четыре* и пр., то (и чаще всего) со значением *двоякий* и т. п. Эти числительные давно уже потеряли свое склонение с изменением по родам в единственном числе, за исключением формы им. ед. ср. р. *двое, трое, четверо* и т. п., получившей значение „собирательности". Если в конце XVI в. еще и возможны такие словосочетания, как отмеченное Б. О. Унбегауном: „на ужинѣ *двоя* рыба" (т. е. двоякого сорта в одном документе 1590 г.), то их надо считать пережиточным явлением. Мы также еще можем сказать „*обоего* пола" в смысле „того и другого", хотя других форм единственного числа от „*обой* полъ" нет.

В говорах (особенно на севере) и у писателей XIX в. встречается еще форма им.-вин. мн. *двои, трои, четверы* в таких словосочетаниях, как „*трои* сутки" (например, у И. А. Гончарова в „Обломове", ч. I, III); в говорах: *двои* сани, *обои* ворота, *трои* двери, *четвёры* сутки и пр.

Дробные числительные. Понятие „части от целого", понятие дробности выражалось с помощью суффикса *ин-а*: *пятина* ($-^1/_5$), *десятина* ($-^1/_{10}$) и т. д. Отсюда, конечно, наше существительное *десятина* (мера обрабатываемой земли).

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 96. Порядковые числительные с грамматической точки зрения являются прилагательными. Главная их особенность заключалась в том, что они имели не только полную форму, как в современном русском, но и краткую: *пьрвъ, -а, -о: пьрвый, -ая, -ое, въторъ, -а, -о* или чаще: *другъ, -а, -о: въторый, -ая, -ое* или *другый, -ая, -ое* (ср. в „Слове о полку Игореве": „*другаго* дни вельми рано", т. е. „на второй день"), *третьи*>*третей, -ья, -ье: третий, -ья, -ье, четвертъ, -а, о: четвертый, -ая, -ое* и т. д. Заметим, что от числительного *семь* порядковое в литературном русском имеет форму с *д*: *седьмой* вместо ожидаемого *семой*, как в говорах; форма с *д*, несомненно, книжного, церковнославянского происхождения (ст.-сл. седмь, седмыи). После 10 порядковые числительные первоначально представляли собой сложные образования: *пьрвъ* (или *первый*) *на десяте* и т. д., причем изменялась по падежам только первая часть сложения. Потом, в связи с возникновением числительных на *-дцать*, появились порядковые *одиннадцатый, -ая, -ое* и т. д. со склонением второй части.

Краткие порядковые числительные вышли из обращения одновременно с краткими непритяжательными прилагательными (см. § 78). Память о них сохраняется в таких выражениях, как *сам-пят* (например: „у него семья большая — *сам-пят*", т. е. сам пятый) и т. п., и отчасти в числительном *полтора, полторы* из *полъ вътора́* (рубля), *полъ вѣторы́* (копейки), в смысле: „один рубль да еще половина второго" и т. д. Косвенные падежи: *полутора*.

§ 97. Числительные типа *полтора*. Дело в том, что в древнерусском языке одной из форм дробного счета являлось употребление существительного *полъ* (т. е. половина), род. *полу* с порядковым кратким числительным, согласованным с определяемым словом: *полъ вътора́, третья́, пята́* и пр. *рубля*, или *полъ въторы, третьѣ* и пр. *копейки* и т. д., или (например, в Мстиславовой грамоте около 1130 г.): „*полъ третья десяте* гривьнъ" (т. е. половина третьего десятка, или 25). Склонение: род. *полу вътора* рубля, дат. къ *полу въто́ру* рублю и т. п. Ср. подобные образования в более позднее время, например в Москве в XVI в.: денегъ *полудесята* рубля $\left(9\frac{1}{2}\right)$, в *получетвертѣ* рублѣ (или рубли, $3\frac{1}{2}$), на *полутретьи* пустоши, *полушестынадцати* гри-

венки $\left(15\frac{1}{2}\right)$. Ср.: *полтретьядцать* лѣтъ (25), *полчетвертадцать* десятин (из *полъ четверта десяте,* следовательно: 35) и т. д. В XVII в. они встречаются уже значительно реже и вскоре исчезли.

5. ГЛАГОЛ

ФОРМЫ СПРЯЖЕНИЯ

Историю форм спряжения принято начинать с тех изменений, которые были пережиты в области форм времени: настоящего, прошедшего и будущего.

§ 98. Формы настоящего времени

а) Глаголы на -*мь*

Ед. ч.	1-е л.	есмь	дамь	ѣмь
	2-е л.	еси	даси	ѣси
	3-е л.	есть	дасть	ѣсть
Дв. ч.	1-е л.	есвѣ	давѣ	ѣвѣ
	2—3-е л.	еста	даста	ѣста
Мн. ч.	1-е л.	есмъ	дамъ	ѣмъ
	2-е л.	есте	дасте	ѣсте
	3-е л.	суть	дадять (дадуть)	ѣдять

б) Глаголы на -*у*, -*ю*

Ед. ч.	1-е л.	нес-у, кол-ю	виж-у
	2-е л.	нес-е-шь	вид-и-шь
	3-е л.	нес-е-ть	вид-и-ть
Дв. ч.	1-е л.	нес-е-вѣ	вид-и-вѣ
	2—3-е л.	нес-е-та	вид-и-та
Мн. ч.	1-е л.	нес-е-мъ	видимъ
	2-е л.	нес-е-те	вид-и-те
	3-е л.	нес-уть, кол-ють	вид-ять

I. Глаголы нетематического спряжения. Значение настоящего времени имели только глаголы несовершенного вида: *несу, колю, ѣмь.* Глаголы совершенного вида: *принесу, брошу, дамь* и т. д., спрягавшиеся так же, с теми же личными окончаниями, рано (надо полагать, еще в общеславянском языке) получили значение будущего времени. Прежде всего следует отметить, что, кроме обычных (с нашей, современной точки зре-

ния) глаголов с „тематическими"[1], т. е. основообразующими, гласными *е* и *и*, в историческое время оторвавшимися от основы и примкнувшими к окончаниям, например, с одной стороны, ты *нес-ешь* и т. д., с другой — ты *прос-ишь* и т. д., в древнерусском языке (как и в других славянских) существовали еще глаголы нетематического спряжения. Это было спряжение без тематического гласного *е* или *и*, с окончаниями, которые прямо соединялись с корнем, причем сами окончания были другие, чем у глаголов тематического спряжения. Таких глаголов было всего четыре, но это были слова, часто употреблявшиеся, важные или по своей служебной роли: *есмь* (с корнем *ес-*, инф. *быти*), или по самому своему значению: *ѣмь, дамь, вѣмь* (т. е. знаю) — все с корнем, некогда оканчивавшимся в настоящем времени на согласный *д*: *ѣд-мь* (инф. *ѣсти*, из *ѣдти*), *дад-мь* (инф. *дати*), *вѣд-мь* (инф. *вѣдѣти*). Изменение *дм* > *м* относится еще к общеславянской эпохе.

В старославянском языке был в употреблении еще пятый глагол с окончанием *-мь* в 1-м л. ед. ч.: *ймамь* (инф. *имѣти*). Знают основу *има-* и современные инославянские языки. Но нет необходимости думать, что этот глагол, вообще говоря, нередкий в нашей древнейшей, особенно церковной письменности, являлся достоянием не книжно-литературного языка древней Руси, а разговорного[2].

Этот глагол на *-мь* в старославянском языке имел все остальные личные окончания — по тематическому спряжению: *имаши* (2-е ед.), *иматъ* (3-е ед.), *имамъ* (1-е мн.), *имате* (2-е мн.) и т. д.

Как же изменялись по лицам в настоящем времени глаголы нетематического спряжения? Они отличались от тематических глаголов главным образом в 1-м и 2-м л. ед. ч.:

1-е л.	ѣмь,	дамь,	вѣмь,	есмь
2-е л.	ѣси,	даси,	вѣси,	еси

В остальных личных формах у этих глаголов окончания (присоединявшиеся к основам: *ѣ-*, *да-*, *вѣ-*, *ес-*) первоначально не

[1] Слово „тема" греческого происхождения (θέμα) — в лингвистике употребляется в смысле „основа".

[2] Не следует смешивать этот старославянский глагол с русским глаголом *имáти* несов. вида, 1-е л. ед. *имаю* (беру, ловлю), при наличии *яти*, сов. вида, 1-е л. ед. *иму*. Ср. в современном русском: *по-н-имать*, 1-е л. ед. *понимаю; понять*, 1-е л. ед. *пойму*.

отличались от соответствующих окончаний глаголов тематического спряжения. Например, в 3-м л. ед. ч.: *ѣд-ть*>*ѣсть* (вследствие диссимиляции **дт**), также: *дад-ть*>*дас-ть*, *вѣд-ть*>*вѣсть*, особо: *ес-ть*. Но еще до появления письменности у славян *с* оторвалось от корня и примкнуло к окончанию. Таким образом появилось новое окончание 3-го л. ед. числа—***-сть***. Таким же образом возникли новые окончания нетематического спряжения ***-сте*** во 2-м л. мн. ч.; ***-ста***—во 2-3-м л. дв. ч. Старая форма 3-го л. мн. ч. *дадять* является обычной в XIV в. и несколько позже. Например, в Москве: „а что. . . моих поясовъ. . . а то *роздадять*“ (в духовной Ивана Калиты).

В современном русском литературном языке из всех глаголов нетематического спряжения до некоторой степени сохранились только два: *ем* (<*ѣмь*) и *дам* (<*дамь*). Кроме 1-го л. ед. ч., старое окончание имеется еще в 3-м л. ед. ч.: *ест* (<*ѣсть*), *даст* (<*дасть*) и в 3-м мн. от *ем*: *едят*. В других личных формах употребляются окончания тематических глаголов: *ешь, дашь* (2-е л. ед.), *едим* (вместо *ѣмъ*), *дадим* (вместо *дамъ*) (1-е л. мн.) и т. д.

В некоторых севернорусских говорах (вологодского и новгородского типа и других) встречается от этих глаголов еще старая форма 2-го л. ед. ч.—*есй* (или: *éси, йси, исй*), *дасй* (*дáси*), или производные *продасй* и т. п. Например: „сам не *исй* и другим не *дасй*“, „хлеба *поисй*, себе силы *придасй*“ и т. п. В песнях: „Что ты, милая, картошку не *исй*?“; „Неужели ты платочка не *дасй*?“

И это все, что осталось у нас от глаголов нетематического спряжения. Впрочем, можно еще отметить словосочетание „бог *весть*“, где *весть* восходит к *вѣсть* (=знает; 3-е л. ед. от *вѣмь*). Ср. в „Горе от ума“ Грибоедова: „и *нé-весть* что наскажет“. Ср. еще в старых пословицах: „*ем*, а дела не *вем*“, „и глух и нем—греха не *вем*“ и т. п.

Представляет интерес странное новообразование: *создам* (от *создать*, из *създати*), с корнем ***зьд-***, на месте древнерусского *създжу* (ст.-сл. сѣзиждѫ), спрягаемое теперь по образцу *дам*.

Старые формы: мы *дамъ*, вы *дасте*, мы *ѣмъ*, вы *ѣсте* и т. п. в русском языке были вытеснены новыми формами: мы *дадимъ*, вы *дадите*, мы *ѣдимъ*, вы *ѣдите* и т. п., заимствованными из повелительного наклонения. Вытеснение было вызвано тем обстоятельством, что формы 1-го л. мн. *дам, ѣм* (<*дамъ, ѣмъ*) и т. п. после падения глухих совпали с формами 1-го л. ед. *дам, ѣм* и т. п. (из *дамь, ѣмь* и пр.). Произошло так называемое „омони-

мическое отталкивание", вследствие чего совпадение было ликвидировано.

Зато в украинском и в белорусском языках, лучше чем в каком-либо другом из живых славянских, эти два глагола сохранили свое старое спряжение. Например, в украинском:

Ед. ч.	1-е л.	їм,	дам	*Мн. ч.* 1-е л.	їмó,	дамó
	2-е л.	їсй,	дасй	2-е л.	їсте́,	дасте́
	3-е л.	їсть,	дасть	3-е л.	їдя́ть,	дадуть

Сохранился в украинском языке также и глагол *вѣмь,* только он употребляется всегда с приставками, например: *повім, відповім.* Спрягается по тому же образцу: 2-е л. ед. *відповісй*, 3-е л. ед. *відпові́сть* и т. д.

Но нигде в восточнославянских языках не сохранилось глагола *есмь,* если не считать таких его пережитков, как употребляемые без согласования: *есть* („у них *есть* деньги") и *суть* („не *суть* важно"). Ср. уже в „Повести временных лет": „От них же *есть* поляне в Киевѣ". Впрочем, *есть* иногда употребляется и со значением 3-го л. ед. ч. в таких искусственно-книжных образованиях, как: „лошадь *есть* животное". Ср. украинское *є*.

Исчезновение этого глагола, вызванное отчасти причинами синтаксического свойства — влиянием предложений типа „орел — птица" с именным сказуемым на предложения типа „орел *есть* птица" — с глагольным сказуемым (оба типа предложения с древнейшей поры существовали во всех индоевропейских языках), можно считать вообще одним из важнейших явлений в области исторической морфологии восточнославянской речи.

В зарубежных славянских языках, напротив, только этот глагол из нетематических сохранил свое старое спряжение, в частности старую флексию во 2-м л. ед. ч. и др. Например, в сербском языке: 1-е л. ед. *јесам* или *сам,* 2-е л. ед. *јеси* или *си* и т. д. Ср. 1-е л. ед. *дам, јем,* 2-е л. ед. *даш, јеш* и т. д. В чешском языке: 1-е л. ед. *jsem,* 2-е л. ед. *jsi,* но *daš* и т. д. Ср. в польском: 1-е л. ед. ч. *pisałem,* где *-em* восходит к *есмь* и т. д.

Что касается форм спряжения этого глагола, употреблявшегося главным образом как вспомогательный, то следует отметить, что на древнерусской почве, примерно с XIV — XV вв., после падения глухих, мало-помалу входят в употребление новые формы первого лица в единственном и во множественном числе: *есми* (в единственном) и *есме* (во множественном). Форма *есме* возникла, по-

видимому, на северо-западе (окончание *ме*). Позже произошло ее распространение на севере и в среднерусских говорах, причем она стала произноситься *есмя*. Так, например, в „Хожении“ Афанасия Никитина, начиная с первых листов: „и поехалъ *есми* с ним“, „и пришелъ *есми* в Гурмызъ, а в Гурмызе былъ *есми* мѣсець“, но: „и шли *есмя* моремъ“, „и Сарай и Берекезаны проехали *есмя* доброволно“; „и выехали *есмя* в Бузань рѣку“ и т. д., как правило. Так же в памятниках московской приказной речи XVI—XVII вв. Это новообразование (сначала ограниченное в территориальном отношении) было вызвано, возможно, отвердением губных на известных участках древнерусской территории и, вследствие этого, совпадением формы первого лица единственного числа (*есмь* > *есм'* — *есм*) с формой первого лица множественного (*есмъ* > *есм*). Постепенно оно распространялось и на говоры без отвердевших губных в конце слова. Могло произойти отвердение *м* и только в *есмь* (в положении после согласного).

II. Глаголы тематические. Глаголы тематические в основном сохранили (с древнерусской поры) свои прежние формы настоящего времени. Все же некоторые изменения (отнюдь не разрушительного характера) и здесь имели место.

Следует при этом иметь в виду, что глаголы с темой на *е* (первого спряжения) в древнерусском языке по своей основе делились на две основные группы:

а) с основой на твердый согласный звук в 1-м л. ед. и 3-м л. мн. ч.: *несу, несуть; веду, ведуть; пеку, пекуть; гребу, гребуть, начьну, начьнуть* и т. д. (твердого различия), и

б) с основой на мягкий согласный: *колю, колють; борюся, борються; пишу* (т. е. *п'иш'у*), *пишуть* (т. е. *п'иш'ут'ь*) (мягкого различия).

При этом различают глаголы, у которых основа инфинитива в общеславянском языке или совпадала с основой настоящего времени: ср. *нести, несѫ* (> русск. *несу*); также: *вести* (< *ведти*), *пекти* (> русск. *печй*), *грести* (< *гребти*), *начѧти* (> русск. *начать;* корень *-чьн-*) и т. п. (I класс, подразделение *а*); или не совпадала с основой инфинитива, потому что в основе инфинитива за корнем следовал формант *-а: зъвати*, а, кроме того, обе основы различались и в отношении вокализма корня: ср. *зовѫ* (> русск. *зову*) (I класс, подразделение *б*); в особую группу выделяют глаголы с суффиксом инфинитива *-нѫ-* (> русск. *-ну-*): *дви(г)нѫти* (> русск. *двинуть*) и с суффиксом настоящего времени

н: дви(г)нǫ (> русск. *двину*); но ср. *воздвигнуть* и т. п. (II класс); или это глаголы, у которых основы инфинитива и настоящего времени имели разные форманты: [причем формантом (суффиксом) основы настоящего времени являлся *-j-*] ср. *писати* и *писjǫ* (> русск. *пишу*), *читати* и *читаjǫ* (> русск. *читаю*) и т. п. (III класс, подразделение *а*); или формант (*-j-*) оказывался только в основе настоящего времени: ср. *колти* (> русск. *колоть*) и *колjǫ* (> русск. *колю*) (III класс, подразделение *б*).

Глаголы же с тематическим гласным *и* (т. е. второго спряжения) всегда имели мягкую основу, причем в настоящем времени всегда с суффиксальным-*j*, а в инфинитиве или с формантом *и*: *просити*, 1 лицо *просjǫ* (> русск. *прошу*) (IV класс, подразделение *а*); или с формантом-*ѣ*: *видѣти*, 1 лицо *видjǫ* (> русск. *вижу*) и т. п. (IV класс, подразделение *б*).

III. Личные окончания. Замечаний требуют лишь отдельные личные формы настоящего времени.

а) Прежде всего — об окончании третьего лица.

В 3-м л. ед. и мн. древнерусский язык знал только мягкое окончание ***-ть:*** ***несеть, колеть, пишеть, просить, говорить; несуть, колють, пишуть, просять, говорять.*** Так же и у нетематических глаголов: ***ѣсть, дасть, вѣсть***[1], ***ѣдять, дадуть, вѣдять, суть.*** Так во всех древнейших наших памятниках письменности, начиная с Остромирова евангелия. Между тем в старославянском языке обычным окончанием 3-го л. следует считать ***-тъ:*** несетъ и пр., в частности: естъ и сѫтъ, хотя в некоторых памятниках известно и ***-ть.***

В наши дни мягкое окончание ***-т'*** (из ***-ть***) является характерной чертой южнорусских (южновеликорусских) говоров, а также украинских и белорусских в целом, тогда как в севернорусских и среднерусских говорах обычным окончанием 3-го л. ед. и мн. ч. можно считать ***-т*** (твердое): севернорусск.: ***несёт, несут; просит, просят; ест, едят*** и т. д.; южнорусск.: ***несёть*** (или ***нисёть, нясе*** и т. д.), ***нясуть; просить, просють; есть, едять*** и т. д. Правда, на севере, главным образом в заонежских говорах, известно и мягкое ***-т,*** но только в форме 3-го л. мн. ч. у глаголов первого спряжения: ***несуть, играють,*** но: ***говорят.***

Таким образом, на севере мягкое окончание было вытеснено твердым в одних говорах раньше, в других — позже. Так, судя

---

[1] Как уже отмечалось, в этих трех глаголах *с* получилось из *д* вследствие давней диссимиляции со следующим *т*.

по двинским грамотам, на Северной Двине в XV в. употребление твердого *-т* не только еще не установилось, а, наоборот, преобладающей формой 3-го л. в то время была форма на *-ть (т')*.

В Москве твердое окончание в 3-м л. установилось во второй половине XIV в. В подлинной духовной (второй) грамоте Дмитрия Донского 1389 г.: „*вѣдаетъ* свою треть“; „Володимеръ *дастъ*“, „волостели *судятъ*“ и т. д. (тогда как в более ранних московских грамотах и даже в первой духовной того же князя имеется только *-ть*).

Относительно происхождения твердого *-т* в 3-м л. в севернорусских и среднерусских говорах были высказаны различные предположения. Фонетическое объяснение этой формы (будто бы вследствие отвердения конечного *т'* в 3-м л., не подкрепленного родственными формами, как в других случаях: *путь,* при *пути, путём* и пр.) можно считать неудовлетворительным, так как мягкое *т,* не защищенное родственными формами, также не отвердело и в *есть,* и в *опять, чуть* и т. д. Объяснение теперь ищут на морфологической почве. Акад. С. П. Обнорским было высказано предположение, что и севернорусское *-т,* и южнорусское *-ть* в русском языке представляют собой позднее новообразование и восходят к указательным: *тъ* (им. ед. м. р.) — на севере и *ти* (им. мн., откуда *ть*) — на юге.

Можно, однако, полагать, что форма 3-го л. на твердое *-т* возникла (на севере) в результате омонимического отталкивания от формы инфинитива на *-ть,* сначала в таких случаях, как он *говорить, солить* (инф. *говорить, солить*), они *двинуть* (инф. *двинуть*), они *стоять, лежать* (инф. *стоять, лежать*) и т. п., а потом, по аналогии, и в остальных. Следует учесть при этом, что сокращенная форма инфинитива на *-ть (т')* из *-ти* появилась очень рано, по крайней мере не позже XIII столетия, и что во многих случаях форма 3-го л. ед. и мн. ч. в старое время не отличалась по ударению от формы инфинитива, как в современном русском: он *ва́рит* (при инф. *вари́ть*). Глаголы этого типа в старину в 3-м л. ед. и мн. ч. имели ударение на окончании. Например, в Соборном Уложении: *положи́тъ, потопи́тъ, погуби́тъ, держа́тъ, не платя́тъ, объявя́тся* и пр.; в автографе „Жития“ Аввакума: *учи́тъ, притащи́тъ, получи́тъ, повали́тся, не дыша́тъ* и т. п.[1].

---

[1] Изменение места ударения — переход ударения с глагольного форманта (тематического гласного) и на корень, как в южнорусских говорах, с одной

Любопытно, что в тех севернорусских говорах, которые знают мягкое *т*, оно иногда наблюдается в 3-м л. мн. ч. только у глаголов первого спряжения, имеющих разные (несовпадающие) формы в 3-м л. мн. ч. и в инфинитиве: *несуть*, но *нести*, *играють*, но *играть* и т. п. (см. выше стр. 247).

б) Необходимо отметить, что во многих русских (на севере и юге) говорах (но не в Сибири) личное окончание в 3-м л. вовсе отсутствует или в обоих числах: *несё, ведё, плаче, люби, беру, посылаю, говоря, ходя* и пр. (чаще — на севере), или только в ед. ч., особенно у глаголов первого спряжения: *несе, знае, пише* и пр. В памятниках письменности, однако, отсутствие *ть* в 3-м л. представляет собой явление очень редкое, хотя и известное с XI в.: „да иже горазнѣе сего *напише*, то..." (в послесловии к Остромирову евангелию), „радость анг(е)ли приносѧ" в Минее 1096 г. и др. Очень возможно, что оно имело место только в особых случаях, главным образом в условных придаточных предложениях, как в приведенной записи дьякона Григория. Это явление (т. е. отсутствие личного окончания в условных придаточных предложениях) наблюдалось на Северной Двине и в XV в., судя по грамотам, изданным Шахматовым.

Можно полагать, что первоначально, на ранней стадии развития общеславянского языка, форма 3-го л. употреблялась без *тъ* или *ть*. Современные инославянские (южно- и западнославянские) языки не имеют *т* в форме 3-го л. (за исключением болгарского языка, где в 3-м л. мн. ч. употребляется *т*: *несат, знаят* и пр.; ср., однако, 3-е л. ед. ч. *несе, знае, види* и пр.). Но окончание *ть* в говорах восточного славянства стало почти обязательным и установилось как норма еще в доисторическое время. Правда, от этой нормы по говорам были возможны отступления: формы без *ть* могли пережиточно сохраняться при более или менее ограничительных условиях (особенно в 3-м л. ед. ч. глаголов первого спряжения). Впоследствии это явление получило более широкое распространение и в грамматическом, и в территориальном смысле.

в) О других личных формах

1) Гласный *у* в окончаниях 1-го л. ед. и 3-го л. мн. восходит к *ǫ*; гласный *'а(я)* в окончании 3-го л. мн. восходит к *ę*.

стороны, и сохранение формы инфинитива на *-ти* (особенно, но не только в украинских говорах), с другой, способствовали тому, что в этих говорах (южнорусских, белорусских, украинских) фактор „отталкивания" от формы инфинитива не мог сыграть такой роли, как на севере.

2) Обычным окончанием 2-го л. ед. ч. в древнерусском языке служило *-шь* (откуда *ш*). Так же и в других славянских языках, в частности в новоболгарском. Но в старославянском (древнеболгарском) обычным окончанием 2-го л. ед. ч. следует считать *-ши*: несеши, просиши; камо грѧдеши (= куда идешь?). Старославянское окончание *-ши* встречается и в древнерусском литературном языке, например в „Слове о полку Игореве" (в обращении к Ярославу Осмомыслу): „высоко *сѣдиши*", „*отворяеши* Кыеву врата", „*стрѣляеши* съ отня злата стола" и т. д.[1].

3) Окончание 1-го л. мн. ч. *-мъ*, обычное в древнерусском языке, не было единственным. В некоторых восточнославянских говорах употреблялись и другие окончания: *-мо* (особенно в языке южной группы восточнославянских племен; ср. в украинском: мы *несемó, колемо, чуємо, їмó* = едим и пр.), *-ме*[2] [окончание, составлявшее особенность памятников северо-западного происхождения, древненовгородского и древнепсковского диалектов: „*не проливаиме* кръви" (I Новг. лет. по Син. сп., л. 19); ср. в „Слове о полку Игореве": „*мужаимѣся* сами" (вместо *мужаиме* ся), как окончание 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения; ср. северно-русское и московское *есме*>*есмя* (1-е мн.) в памятниках XIV — XVII вв.], наконец, *-мы* (наименее употребительное).

4) Формы двойственного числа с окончаниями: 1-е л. *-вѣ*, 2—3-е л. *-та* — встречаются главным образом в древнейших памятниках письменности, например в „Слове о полку Игореве": „млъвитъ Гзак Кончакови:... соколича *рострѣляевѣ; вѣ* соколца *опутаевѣ;* оба *есвѣ* Святославича"; и др.

§ 99. Формы прошедшего времени

а) Аорист

Ед. ч.	1-е л.	несо-хъ	вид-ѣ-хъ
	2-е л.	нес-е	вид-ѣ
	3-е л.	нес-е	вид-ѣ
Дв. ч.	1-е л.	нес-о-ховѣ	вид-ѣ-ховѣ
	2—3-е л.	нес-о-ста	вид-ѣ-ста
Мн. ч.	1-е л.	нес-о-хомъ	вид-ѣ-хомъ
	2-е л.	нес-о-сте	вид-ѣ-сте
	3-е л.	нес-о-ша	вид-ѣ-ша

[1] Следует отметить, что окончание *-ши* небезызвестно на восточнославянской территории и является особенностью некоторых карпатоукраинских говоров (лемков): *маєши, йдеши* (2-е ед.).

[2] Это окончание было известно и на юге древнерусской территории и до сих пор употребляется в карпатских украинских говорах: *ходиме* и пр.

б) Имперфект

Ед. ч.	1-е л.	нес-я-хъ	вид-я-хъ
	2-е л.	нес-я-ше	вид-я-ше
	3-е л.	нес-я-ше (шеть)	вид-я-ше (шеть)
Дв. ч.	1-е л.	нес-я-ховѣ	вид-я-ховѣ
	2—3-е л.	нес-я-ста (шета)	вид-я-ста (шета)
Мн. ч.	1-е л.	нес-я-хомъ	вид-я-хомъ
	2-е л.	нес-я-сте (шете)	вид-я-сте (шете)
	3-е л.	нес-я-ху (хуть)	вид-я-ху (хуть)

в) Перфект

Ед. ч.	1-е л.	неслъ, -а, -о есмь	видѣлъ, -а, -о есмь
	2-е л.	неслъ, -а, -о еси	и т. д.
	3-е л.	неслъ, -а, -о есть	
Дв. ч.	1-е л.	несла, -ѣ, -ѣ есвѣ	
	2—3-е л.	несла, -ѣ, -ѣ еста	
Мн. ч.	1-е л.	несли, -ы, -а есмъ	
	2-е л.	несли, -ы, -а есте	
	3-е л.	несли, -ы, -а суть	

г) Плюсквамперфект

Ед. ч.	1-е л.	неслъ, -а, -о бяхъ	видѣлъ, -а, -о бяхъ
	2-е л.	неслъ, -а, -о бяше	и т. д.
	3-е л.	неслъ, -а, -о бяше (бяшеть)	
Дв. ч.	1-е л.	несла, -ѣ, -ѣ бяховѣ	
	2—3-е л.	несла, -ѣ, -ѣ бяста	
Мн. ч.	1-е л.	несли, -ы, -а бяхомъ	
	2-е л.	несли, -ы, -а бясте	
	3-е л.	несли, -ы, -а бяху (бяхуть)	

Или:

Ед. ч.	1-е л.	неслъ, -а, -о былъ, -а, -о есмь;	видѣлъ, -а, -о былъ, -а, -о есмь
	2-е л.	неслъ, -а, -о былъ, -а, -о еси	и т. д.
	3-е л.	неслъ, -а, -о былъ, -а, -о есть	

И т. д.

д) Прошедшее сослагательного наклонения

Ед. ч.	1-е л.	неслъ, -а, -о быхъ	видѣлъ, -а, -о быхъ
	2-е л.	неслъ, -а, -о бы	видѣлъ, -а, -о бы
	3-е л.	неслъ, -а, -о бы	и т. д.
Дв. ч.	1-е л.	несла, -ѣ, -ѣ быховѣ	
	2—3-е л.	несла, -ѣ, -ѣ быста	

Мн. ч.	1-е л. несли,	-ы,	-а	быхомъ
	2-е л. несли,	-ы,	-а	быстe
	3-е л. несли,	-ы,	-а	быша

Формы прошедшего времени в славянских языках первоначально отличались большим разнообразием. Это разнообразие не имело прямого отношения к видовым значениям, хотя в известной мере заменяло видовые формы и как бы компенсировало их слабое развитие.

В древнерусском разговорном языке с доисторического времени употреблялись четыре формы прошедшего времени (изъявительного наклонения). Два прошедших времени (аорист и имперфект) были простые, а два (перфект и плюсквамперфект[1]) — сложные, образовывавшиеся при участии вспомогательного глагола.

Частота употребления этих форм прошедшего времени, вообще зависевшая от жанрово-стилистических установок книжника или писца, не была одинаковой даже в одном и том же памятнике. Например, в Новгородской I летописи по Синод. списку обычной формой прошедшего времени (и вообще самой употребительной формой времени) является аорист [по подсчету одного исследователя (В. А. Семянко) — 83,3%, тогда как имперфект встречается несравнимо реже (около 5%), еще реже — перфект (около 3%) и особенно плюсквамперфект (1,2%)].

§ **100. Аорист** первоначально употреблялся в славянских языках для обозначения недлительного, продолжавшегося короткое время, в некоторых случаях — даже мгновенного прошедшего действия. Но в древнерусскую эпоху (к XIII—XIV вв.) это первоначальное значение было уже забыто, и аористом пользовались (в повествовательных жанрах литературы) во всех тех случаях, когда известное прошедшее действие нужно было изобразить просто как факт, имевший место в прошлом.

Аорист первоначально мог быть образован от глаголов не только совершенного вида, но и несовершенного: „Ольга *собра* вои... храбры и *иде* на деревьску землю“ („Повесть временных лет“ под 6454 г.). Или: „и *придохомъ* в нѣмци... а красоты не *видѣхомъ*“ (там же, под 6495 г.) и т. д. Однако употребление его от глаголов совершенного вида, начиная с древнейшего

---

[1] Названия этих времен в научной грамматике заимствованы или из греческой (аорист), или из латинской (остальные термины) грамматики.

времени, явно преобладает, а потом становится исключительным. Аорист образовывался от основы инфинитива.

Форма 1-го л. ед. ч. в древнерусском языке всегда оканчивалась на ***-хъ,*** причем у глаголов первого спряжения типа *несу* (см. § 97) это окончание присоединялось к основе инфинитива (на согласный) при посредстве соединительного гласного *о* (также в 3-м л. мн. ч. и в дв. ч., а во 2—3-м ед. ч. вместо *о* употреблялся гласный *е*). В остальных случаях, т. е. когда основа инфинитива оканчивалась гласным звуком, окончание ***-хъ*** присоединялось непосредственно к основе инфинитива. Следовательно: а) *несохъ, ведохъ, могохъ, пекохъ* и пр.; б) *писахъ* (инф. *писа-ти*), *просихъ, дахъ, прияхъ* (инф. *прияти*), *быхъ, пихъ, чухъ* (инф. *чути*) и т. д. Таким образом, во 2—3-м л. ед. ч., за исключением глаголов I класса, форма аориста представляла собой чистую основу инфинитива: (ты, он) *писа, проси, пи* и пр., (князь) *прия* и т. д., но *несе, веде, пече* и пр. Что же касается этих последних форм, то они по всей видимости, представляют собою формы 2—3 ед. простого аориста, о котором см. ниже.

В 3-м л. ед. ч. у глаголов нетематического спряжения иногда оказывается вторичное окончание ***-сть,*** занесенное из 3-го л. ед. ч. настоящего времени: (онъ) *ѣсть* (=ел), *дасть* (=дал), *бысть*. Ср. в былинном языке: „*бысть* князь весел и радостен".

Во множественном числе аорист имел окончания: 1-е л. ***-хомъ,*** 2-е л. ***-сте,*** 3-е л. ***-ша,*** из ***шę*** (по-старославянски -шѧ). В двойственном: 1-е л.***-ховѣ,*** 2—3-е л.***-ста***. Например, в „Слове о полку Игореве": „оба багряная стлъпа *погасоста*"; в I Новг. лет.: „*утопоста* -в҃- (=2) попа". Следует, однако, отметить, что в старославянском языке 2-е л. дв. (на ***-ста***) отличалось от 3-го л. дв. (на ***-сте***). Отсюда, например, в „Житии Нифонта" 1219 г.: „*отвьрзосте* ми *ся* очи", „*дьржасте ся* нозѣ его" и т. п.

Некоторые глаголы типа *несу* образовывали аорист в 1-м л. ед., 3-м л. мн. ч., 1, 2, 3-м л. дв. ч. без помощи соединительного гласного *о*. Например, от глагола *речи* (из *ректи*) аорист можно было образовать двояко: (язъ) *рекохъ* и: (язъ) *рѣхъ*. Так, в „Повести временных лет" по Лавр. списку, под 6453 г.: „*рекоша* дружина", но „*рѣша* же деревляне..."

Когда аорист образовывался без соединительной гласной, гласный корня (еще в эпоху общеславянских языковых пережи-

ваний) подвергался известным изменениям: гласный *ĕ* заменялся гласным *ѣ* (из долгого *е*), *ŏ* — *ā* и т. д., очевидно, в связи с удлинением коренного гласного (ŏ > ō > ā).

Тот аорист, который употреблялся в древнерусском языке, называется сигматическим — от греческого слова „сигма" (название буквы *с*). Полагают, что согласный *с* некогда являлся суффиксальным элементом (впоследствии примкнувшим к флексии), с помощью которого образовывался сигматический аорист сначала во всех своих личных формах. Это *с* еще в историческое время сохранялось (как элемент флексии) в таких формах аориста, как: *несо-сте, писа-сте, проси-сте* и пр. (с окончанием *-сте* вместо *-те*) и т. п. Но в некоторых формах аориста (1-е л. ед. ч. и др.) *с* очень рано, еще в доисторическую эпоху, изменился в ***х***, сначала при строго определенных фонетических условиях (после ***к, р***, а также ***и, у*** долгих, кратких или неслоговых, не перед ***т, п, к***): *рѣк-с-ъ > рѣк-х-ъ > рѣ-х-ъ; би-с-ъ > би-х-ъ* и т. п., а потом, по аналогии, и в других случаях: *писа-хъ* и т. п. В 3-м л. мн. ч. вместо ***хę*** получилось ***шę***, откуда потом на древнерусской почве: ***ша***.

В старославянском языке, кроме сигматического аориста, употреблялся еще простой аорист, совсем другого типа, чем сигматический. В древнерусском языке, в народной речи, в живом употреблении в XI—XII столетиях простого аориста уже не было. В древнейших наших рукописях встречаются только единичные случаи таких образований, попавшие туда из старославянских оригиналов. В Остромировом евангелии сюда относится единственный пример: *възможете* — 2-е л. мн. ч. от простого (несигматического) аориста: *възмогъ*. В старославянском языке этот глагол спрягался так:

Ед. ч.	1-е л. (въз)могъ	*Мн. ч.* 1-е л. (въз)могомъ
	2—3-е л. (въз)може	2-е л. (въз)можете
		3-е л. (въз)могѫ
Дв. ч.	1-е л. (въз)моговѣ	
	2-е л. (въз)можета	
	3-е л. (въз)можете	

Ср. также в других памятниках древнерусской письменности: „*приду* ученици" (=пришли), „*обрѣту* народи" (=нашли) и др. — в Архангельском евангелии 1092 г.; в „Поучении" Владимира Мономаха: „и ту *блюдъ* городъ тихъ" (хранил, сохранил) и др.

Аорист как одна из форм прошедшего времени был унаследован древнерусским языком от более ранней эпохи. Можно полагать, что он находился уже в состоянии разложения, которое продолжалось в течение древнерусского периода и в конечном счете привело к полному исчезновению этой формы прошедшего времени, к вытеснению ее перфектом (см. § 100). Некоторые исследователи полагают, что в разговорной древнерусской речи аориста не существовало уже в XII—XIII столетиях. Так, или иначе, в актовом языке древней Руси, сравнительно хорошо отражающем особенности живой восточнославянской речи, с XII в. в качестве нормальной формы прошедшего времени употребляется перфект. И только как исключение иногда встречается аорист. Так, в новгородских грамотах XIV—XV столетий: „се *доконча* князь" (1318 г., 1373 г.); „*повелѣхо*(м) судъ дати" (1471 г.); „се *приехаша*... посадники" (1471 г.) и др. В северодвинских грамотах XV в. еще встречаются отдельные формы аориста в определенных словосочетаниях, имеющих характер юридической формулы: „се *дахъ*", „се *заложи* Уласей Степанович", „се *купи* игуменъ Василеи", „и Савка *рче* (=*рече*, сказал)", „и посадники *испросиша*" и т. д., причем иногда вместо единственного числа оказывается множественное, и наоборот: „а *даша* Иван Семеновичь" (№ 95); „и *да* Констянтине и его братья" (№ 80).

По-видимому, в некоторых наиболее архаических севернорусских говорах употребление аориста (может быть, только в определенном контексте) имело место даже в эпоху Московской Руси.

В самой Москве, в разговорной речи, судя по грамотам XIV—XV столетий, в это время аориста уже не употребляли, если не считать таких пережиточных форм, как *бы* (см. ниже). Выражение *умре* (умер), иногда без согласования: „оба *умре*" (Дворовая тетрадь, 1550 г.), часто встречающееся в памятниках делового языка XVI—XVIII вв., вероятно, заимствовано из книжной речи, где оно церковнославянского происхождения.

В книжно-литературном повествовательном языке (летопись, такие произведения, как „Слово о полку Игореве", сочинения Владимира Мономаха и пр.), не говоря уже о церковнобогослужебных книгах, аорист всегда был любимейшей формой прошедшего времени. После периода „второго южнославянского влияния" (конец XIV и весь XV в.) употребление аориста (как и имперфекта) возобновилось в книжно-литературных текстах.

В это время уже началось формирование нового церковнославянского языка, обогащавшего язык книжных жанров.

§ **101. Имперфект** первоначально употреблялся для обозначения длительного (длившегося долгое время), в некоторых случаях — повторяющегося, прошедшего действия, для обозначения действия в его развитии в прошлом. Когда летописец писал, рассказывая о голоде в Новгородской области в 1215 г.: „кадь ржи *купляхуть* по .ї. (10) гр(иве)нъ“, (I Новг. летопись по Синод. сп.), то он, очевидно, имел намерение сказать, что людям приходилось очень дорого платить за рожь, но они все-таки покупали и даже по нескольку раз.

Эта форма простого прошедшего времени в древнерусскую эпоху образовывалась почти исключительно от глаголов несовершенного вида, причем не только от основы инфинитива, но в некоторых случаях и от основы настоящего времени.

Древнерусский имперфект и по своей основе, и, отчасти, по своей флексии, в некоторых отношениях отличался от старославянского. Как известно, в старославянском языке имперфект, как правило, образовывался путем присоединения к основе (инфинитива) окончаний ***-хъ*** (1-е л. ед. ч.), ***-ше*** (2-е и 3-е л. ед. ч.), ***-хомъ*** (1-е л. мн. ч.), ***-шете*** (2-е л. мн. ч.), ***-хѫ*** (3-е л. мн. ч.), ***-ховѣ*** (1-е л. дв. ч.), ***-шета, -шете*** (2-е и 3-е л. дв. ч.), но не прямо к основе, а при помощи суффиксального элемента: или ***ѣа,*** если основа оканчивалась на согласный звук: 1-е л. ед. ч. *нес-ѣа-хъ,* 2-е л. ед. ч. *нес-ѣа-ше* (инф. *нес-ти*) и т. е., или ***аа,*** если основа оканчивалась на гласный звук ***и,*** который при этом (еще в эпоху общеславянских языковых переживаний) изменялся в *j* и оказывал соответствующее воздействие на предшествующий согласный: 1-е л. ед. ч. *нош-аа-хъ* (из *носj-аа-хъ,* инф. *носи-ти*), *рожд-аа-хъ* (инф. *родити*), *купля-ахъ* (инф. *купити*).

Вместо ***ѣа*** (у глаголов типа *несу*) в положении после задненебных согласных, которые при этом (в эпоху общеславянских языковых переживаний) изменялись в шипящие, также оказывается ***аа*** [в связи с изменением *ѣ* (здесь из *ē*) после шипящих в *ā*]. Например: (азъ) *можаахъ* (инф. *мощи,* из *мог-ти*).

Если основа (инфинитива) оканчивалась на гласный (***а, ѣ***), то в качестве суффиксального элемента употреблялось одно ***а:*** 1-е л. ед. ч.: *писа-а-хъ* (инф. *писа-ти*), *видѣ-а-хъ* (инф. *видѣ-ти*). От основы настоящего времени: 1-е л. ед. ч. *ид-ѣа-хъ* (наст. вр.:

ид-ǫ). С *ѣа* образовывался имперфект также от *быти*: 1-е л. ед. ч. *бѣахъ*, 2-е л. ед. ч. *бѣаше* и т. д.

Так обстояло дело в старославянском языке.

В древнерусском же:

1. Вместо суффиксальных элементов *ѣа*, *аа* (после твердых и после мягких согласных) обыкновенно (даже в книгах церковных жанров) имеется одно *а*, в результате ассимиляции и стяжения гласных: 1-е л. ед. ч. *нес-я-хъ*, *пис-а-хъ*, *вӣд-я-хъ*, *им-я-хъ*, *нош-а-хъ*, *прош-а-хъ*, *рожахъ*, *купляхъ*, *можахъ*, *идяхъ* и т. д. Правда, в Остромировом евангелии на 573 нестяженные формы приходится только 54 стяженных, но в других памятниках стяженные формы часто господствуют.

2. Вместо окончаний 2-го л. мн. ч. ***-шете***, 2-го л. дв. ч. ***-шета*** и 3-го л. дв. ч. ***-шете*** наблюдаются ***-сте*** (2-е л. мн.), ***-ста*** (2—3-е л. дв.): вы *несясте*, она (двое) *идяста*, (очи) *видяста* и пр. Правда, из этого правила в некоторых наших древнейших рукописных книгах имеются исключения.

3. В 3-м л. ед. и мн. ч. нередко имеется вторичное окончание ***-ть***, занесенное из соответствующих форм настоящего времени. Сначала оно появилось на юге Киевской Руси, но вскоре получило широкое распространение в древнерусском языке. Оно нередко встречается в „Повести временных лет": „Володимѣръ... *чтяшеть* ю акы матерь", „руцѣ *съвязывахуть*", „гвозди железныи посреди главы *въбивахуть* имъ" и т. п. Ср. в „Слове о полку Игореве": „не лѣпо ли ны *бяше́тъ*" (***тъ*** вместо ***ть***); (о Бояне) „*помняшеть* бо", „тогда *пущашеть*", „*растѣкашется* мыслию", „ратаеве *кикахуть*", „врани *граяхуть*" и т. д.

Очень возможно, что имперфект как одна из форм прошедшего времени в древнерусскую эпоху в какой-то мере не был чужд не только литературному, но и разговорному языку. Правда, в памятниках актовой письменности XII—XIV вв. и в „Русской правде" имперфект почти совсем не встречается. Но он составляет обязательную принадлежность русского литературного языка „старшей поры" (сочинения Владимира Мономаха, „Слово о полку Игореве", „Моление Даниила Заточника" и др.).

Во всяком случае в разговорной народной речи эта форма прошедшего времени вышла из употребления значительно раньше, чем аорист, может быть, до XIII в.

§ 102. Перфект. Кроме простых форм прошедшего времени, употреблялись в древнерусском языке еще две сложные

формы: перфект и плюсквамперфект[1]. Основной частью этих форм, представлявших собой новообразования общеславянской эпохи, следует считать причастие, т. е. особое образование от основы инфинитива с суффиксом прошедшего времени *л* и окончаниями кратких прилагательных им. падежа ед., мн. и дв. числа, нечто вроде отглагольного прилагательного от спрягаемого глагола, но без изменения по падежам: *неслъ, -а, -о* (инф. *нести*), *пеклъ, -а, -о* (инф. *печи* из *пек-ти*), *писалъ, -а, -о* (инф. *писати*), *просилъ, -а, -о* (инф. *проси-ти*), *ѣлъ, -а, -о* (инф. *ѣсти*), *далъ, -а, -о* (инф. *дати*) и т. д.

Возможно, что в языке фольклора в таких случаях, как „*пролегла* лежит широкая дороженька" (как бы: „пролеглая" лежит), еще сохраняется память об употреблении этих форм в функции определения.

Конечно, эти отглагольные прилагательные могли быть употребляемы и в полной форме, и в этом случае они уже ничем не отличались от прилагательных, т. е. изменялись и по падежам. Например, в современном литературном русском языке: *бывалый, -ая, -ое* (глагол: *бывал, -а, -о*), *пришлый, -ая, -ое* (глагол: *пришёл, -а, -о*), *усталый, -ая, -ое* (глагол: *устал, -а, -о*), *блёклый (поблёклый), -ая, -ое* [глагол: *поблёк* (из *поблѣклъ*), *-ла, -ло*], *кислый, -ая, -ое* и т. д., ср. *беглый, -ая, -ое* [с разными оттенками значения; ср. „*беглый* каторжник" =бежавший; „*самобеглая* коляска" =самобегающая, об изобретении Шамшуренко в XVIII в. (от глагола *бѣчи* из *бѣгти*); ср. в просторечии, в говорах: *убёг*=убежал)]. В старомосковской речи таких прилагательных было гораздо больше. Например, в Уложении 1649 г.: „к тѣмъ *зарослымъ* межамъ", „своихъ *пропалыхъ* животовъ" и т. д. Ср.: „и о таких *потоплых* судах объявлять (1735 г.). Позже ср. у Пушкина: „облизать *поспелую* сливу" („Песни западных славян"); у Тургенева в „Вешних водах": „двинула *повислою* рукою" и т. п.

Образование перфекта происходило путем присоединения к этому причастию (от спрягаемого глагола) в качестве вспомогательного элемента глагола *есмь* (настоящего времени): 1-е л. ед. ч. *неслъ, -а, -о есмь; кололъ, -а, -о есмь; писалъ, -а, -о есмь; пѣлъ, -а, -о есмь; далъ, -а, -о есмь; просилъ, -а, -о есмь* и т. д., причем вспомогательный глагол мог быть употреблен не только

---

[1] От индоевропейского перфекта в старославянском языке уцелела лишь форма *вѣдѣ* (ср. греч. οἶδα, 1 л. ед.), которая, однако, искони употреблялась там со значением не прошедшего, а настоящего времени, как синоним к форме *вѣмь* (знаю). Эта форма встречается (как заимствование из старославянского языка) и в древнерусском книжном языке (например, в ростовском „Житии" Нифонта 1219 г.: „что створю, не *вѣдѣ*" (=не знаю). Остатком этой формы является наша частица *ведь*.

после формы на *л*, но и перед ней. Глагол *есмь* как раз и был носителем спряжения:

Ед. ч. 1-е л. неслъ, -а, -о *есмь*	*Мн. ч.* 1-е л. несли, -ы, -а *есмъ*
2-е л. неслъ, -а, -о *еси*	и т. д.
3-е л. неслъ, -а, -о *есть*	

Следует обратить внимание на формы множественного числа; они первоначально изменялись по родам: мы (мужчины) *несли* есмъ, но: мы (женщины) *неслы* есмъ и т. д. Впрочем, это изменение по родам во множественном числе довольно рано прекратилось, и установилась одна общая форма для всех трёх родов на *-и*: *несли, писали, пѣли* и т. д.

По своему значению перфект сначала отличался и от аориста, и от имперфекта. Значение перфекта определялось значениями составляющих элементов: отглагольного прилагательного (или причастия) прошедшего времени и форм настоящего времени вспомогательного глагола. Он употреблялся не просто для констатации какого-нибудь факта, имевшего место в прошлом (как аорист), а для обозначения такого прошедшего действия, результат которого продолжается и в момент высказывания. Когда в дарственной грамоте Мстислава Владимировича около 1130 г. говорится: „се азъ... *повелѣлъ есмь*", то это значит: „вот я... *есть повелевший*" (или: „являюсь лицом, повелевшим"). Также в „Слове о полку Игореве", в „Золотом слове" Святослава: „О мои сыновчя, Игорю и Всеволоде, рано *еста начала*" (и т. д.); в плаче Ярославны: „О Днепре Словутицю, ты *пробилъ еси* каменныя горы... ты *лелѣялъ еси* на себѣ святославли носады..."

Вследствие этого и момент указания на лицо, совершившее известное действие, в тех случаях, когда в функции сказуемого употреблялся перфект, играл гораздо большую роль, чем в других случаях, и эта роль еще больше возросла, когда вспомогательный глагол стал опускаться.

Но первоначальное значение перфекта рано начало утрачиваться. Все чаще перфект начинают употреблять вместо аориста, к которому он был ближе по значению, и вместо имперфекта, поскольку последний еще сохранялся. Некоторую роль сыграл и тот момент, что формы 2-го и 3-го л. ед. в перфекте различались, тогда как в аористе и имперфекте совпадали. То обстоятельство, что перфект в одинаковой степени образовы-

вался как от глаголов совершенного вида, так и от глаголов несовершенного вида, в свою очередь весьма способствовало расширению функции перфекта и вытеснению им аориста и имперфекта. Перфект с помощью форм вида с течением времени (в общем довольно рано) получил способность передавать самые разнообразные оттенки значения прошедшего действия.

В связи с таким расширением функции перфекта вспомогательный глагол *есмь* стал не нужен как связка, но не как заменитель личного местоимения, и его начали опускать, сначала в форме 3-го л. ед. (особенно в безличных предложениях) и 3-го л. мн., а потом и в 1-м и во 2-м лице.

Уже в надписи 1068 г. на Тмутороканском камне наблюдается отсутствие связки в 3-м л. ед. ч.: „Глѣбь князь *мѣрилъ* море" (вместо *мѣрилъ есть*). В древнейшем памятнике актового языка, в Мстиславовой грамоте, связка отсутствует и в 1-м л. ед. ч.: „а язъ *далъ* рукой своей" (вместо *далъ есмь*). В Смоленской грамоте 1229 г., где перфект в форме 3-го лица встречается 23 раза, он ни разу не употреблен со связкой: „владыка ризкий *умьрлъ*", „*уздумалъ* князь", „та два *была* послъмь" (двойств. число) и т. д.

Тем не менее, если речь идет не только о форме 3-го лица, было бы неправильно думать, что к XIII в. повсеместно в древней Руси уже прекратилось употребление связки в перфекте. Во многих восточнославянских говорах в устной, разговорной речи связка (в 1-м и 2-м лице, особенно при отсутствии личного местоимения) употреблялась долго. Она встречается в берестяных новгородских грамотах XIV—XV вв.: „рожь *есмь роздилило*" (№ 23), *реклъ еси* (№ 4); „*дале* еси рубль" (№ 30) и др., но: „*ты дале* серебро" (№ 30). Да и в Москве, в деловом, официальном языке формы 1-го и 2-го л. перфекта продолжали употребляться со связкой почти до конца XVII столетия. Так, например, в Судном деле 1649 г.: „да о том бы *еси отписалъ*", но: „и ты б *прислалъ* к намъ"; в документах второй половины XVII в. „и *велѣли* б есте тому истопнику ѣхать" (1658 г.). В царском указе 1653 г. Б. И. Морозову о беспошлинной торговле говорится: „а прочитав сю нашу грамоту *отдавали б есте*" и т. д. Однако в письмах царя Алексея Михайловича и в хозяйственных распоряжениях самого Морозова перфект не имеет связки.

В современном русском языке перфект (без связки) или, точнее, „форма на *л*" вообще является единственной и, так сказать, „общей" формой прошедшего времени.

Впрочем, пережиточные явления имеют место и в этой области. В Заонежье и других северо-западных говорах были отмечены формы: деревня *населилася есь*, он *ушол есть* и др. В „Онежских былинах“ Гильфердинга встречаются такие случаи, как „она *брала* его *есь* за руценьки“ и т. п. Правда, вспомогательный глагол встречается на севере и в сочетании с настоящим временем, например в тех же былинах: „видно, тут же *есть* богатырь да *кончается*...“

§ 103. Плюсквамперфект. Что касается плюсквамперфекта, то его судьба была теснейшим образом связана с судьбой рассмотренных выше форм прошедшего времени.

Плюсквамперфект употреблялся для обозначения прошедшего действия, предшествовавшего другому прошедшему („преждепрошедшего“), и вообще „давнопрошедшего“ действия. Это была наиболее редкая в литературном языке древней Руси форма прошедшего времени. По подсчету одного исследователя, в I Новгородской летописи по Синод. списку процент употребления плюсквамперфекта не превышает 1,2%, тогда как употребление аориста почти равно 83,3%. Но эти процентные отношения неодинаковы для памятников древней письменности.

В древнерусском языке было два способа образования плюсквамперфекта: а) с помощью имперфекта от вспомогательного глагола: 1-е л. ед. ч. *бяхъ*, 2-е л. ед. ч. *бяше* и т. д. (очень редко аориста); б) с помощью перфекта от вспомогательного глагола: 1-е л. ед. ч. *былъ*, *-а*, *-о есмь*, 2-е л. ед. ч. *былъ*,*-а*, *-о еси* и т. д. Этот второй способ образования плюсквамперфекта в памятниках старославянского языка не известен, и поэтому его иногда называют „русским“, хотя его распространение в славянских языках не ограничивается только пределами русского языка или только восточнославянских.

В обоих случаях вспомогательный глагол присоединялся к отглагольному образованию на *л* от спрягаемого глагола: а) 1-е л. ед. ч.: *неслъ*, *-а*, *-о*, *писалъ*, *-а*, *-о*, *просилъ*, *-а*, *-о* (и т. д.) *бяхъ*; б) 1-е л. ед. ч.: *неслъ*, *-а*, *-о*, *писалъ*, *-а*, *-о*, *просилъ*, *-а*, *-о былъ*, *-а -о есмь* и т. д. Например, в сочинениях (в частности в «автобиографии») Владимира Мономаха: а) „и хотѣхомъ с ними (половцами) ради битися, но оружье *бяхомъ услали* напередъ на повозѣхъ“; „и Стародубу идохо(м) на Олга (Олега) зане ся *бяше приложил* к половце(м)“, т. е. „приложился“, „перешел на сторону половцев“; б) „хвалу б(ог)а ... иже не ленива мя *былъ створилъ*“.

В новгородских грамотах XIII—XIV вв.: „а что селъ и свободъ дьмитриевыхъ, то *дали есме* были Андрею“; в берестяной грамоте XIV в. (№ 4): „Юрги *былъ выдалъ*“ и т. д. В московских грамотах: „а которыѣ деревни *отоималъ былъ* князь Володимеръ... а те деревни потянутъ“ (Духовная Дмитрия Донского 1389 г.).

Плюсквамперфект п е р в о г о типа вышел из употребления еще в древнерусскую эпоху в связи с исчезновением имперфекта. Зато в т о р а я форма плюсквамперфекта оказалась весьма устойчивой и продолжала употребляться также и после исчезновения вспомогательного глагола *есмь*. В некоторых севернорусских говорах эта форма (без связки) употреблялась еще недавно, причем иногда со значением, близким к древнерусскому. Например (по наблюдениям Мансикки, относящимся к 1912—1913 гг.), в говорах Шенкурского р-на Архангельской обл.: „земля *была высохла*, но опеть промокла“; другие случаи: „*простудиусе быу*, лес возиу“ (когда лес возил); „ошшо *не собрались были*“. Такие же формы были отмечены и в других пунктах на севере: в Никольском и Грязовецком р-нах Вологодской обл., в Пудожском р-не Карельской АССР и др.: „товару *был заводил*“; „*был осталсы* от отця“; „у ей *была болела* голова“ и т. д. Ср. также в „Беломорских былинах“: „а когда *уехал был* Добрынюшка Никитич млад“; в „Былинах“ М. С. Крюковой, т. 1: „ета силушка *залегла была* в темны леса“ и т. д. Формы плюсквамперфекта представляют собой обычное явление в украинском языке: *пошов був*, *ходили були* и т. д. и в белорусском: „Я *быў зрабіў*“ и др.

Может быть, сказочный зачин: *жил был*, *жили были* и т. п. также следует относить к пережиткам „давнопрошедшего“ времени.

Своеобразным преломлением этой формы в современном русском языке является сочетание прошедшего времени с неизменяемым словом *было*: я *пошел было*, мы *хотели было* и т. п. Значение такого прошедшего времени можно определить как „прерванное прошедшее“ или „нерешительное действие, имевшее место в прошлом“. Эта форма прошедшего времени, возникшая еще до того, как плюсквамперфект вовсе вышел из употребления, по памятникам известна только с XVI—XVII вв.

§ 104. Сослагательное наклонение. Рассмотренные выше четыре древнерусские формы прошедшего времени были формами изъявительного наклонения. Но в древнерусском языке, как и в других славянских языках, была еще одна форма прошедшего времени не изъявительного, а с о с л а г а т е л ь н о г о или, лучше сказать,

условного наклонения, поскольку она обычно употреблялась в условных предложениях. Во всех славянских языках условное наклонение с доисторической эпохи выражалось только формой прошедшего времени. С этой целью к отглагольному образованию на *л* от спрягаемого глагола прибавляли аорист от глагола *быти:* 1-е л. ед. ч. *быхъ*, 2—3-е л. ед. ч. *бы*, 1-е л. мн. ч. *быхомъ* и т. д. (в старославянском — также бимь, би и т. д.). Таким образом: 1-е л. ед. ч. *неслъ*, *-а*, *-о*, *писалъ*, *-а*, *-о*, *просилъ*, *-а*, *-о*, *ѣлъ*, *-а*, *-о* (и пр.) *быхъ* и т. д. Например, в „Слове о полку Игореве“: „а *быхъ не слала* к нему слезъ на море рано“ (не слала бы); „а *бы* ты сіа плъкы *ущекоталъ*“ (если бы... ты ущекотал); „аже *бы* ты *былъ*, то *была* бы чага по ногате“; в сочинениях Владимира Мономаха: „аще *бы* тогда свою волю *створилъ*...., ся *быхо(м) уладили*“ (мы бы „уладились“, достигли „лада“) и пр.

В некоторых западноукраинских говорах, особенно гуцульских, до сих пор еще сохраняются остатки старых форм условного наклонения с аористом, который при этом не воспринимается как категория прошедшего времени: „*рубав бых* калиноньку — не вмію, |*Любив бых* дівчиноньку—не смію...“ В этом отношении гуцульские говоры примыкают к соседним словацким. Ср. в словацком *nesol bych*.

В других славянских зарубежных языках старые сложные формы сослагательного наклонения с аористом *быхъ* вообще сохраняются как норма. Ср., однако, в польском: 1-е л. ед. *pisałbym*, 2-е л. ед. *pisałbyś* и т. д. (слитные формы сослагательного наклонения, образовавшиеся по аналогии с формами перфекта: *pisałem* (1-е л. ед.), *pisałeś* (2-е л. ед.) и т. д.

В русском языке старых сложных форм сослагательного наклонения не сохранилось. Исчезновение их находится в явной связи с исчезновением простых прошедших времен, в частности форм аориста. В сослагательном наклонении аорист *быхъ*, *бы* и т. д., еще встречающийся в памятниках некнижных жанров в первой трети XIII в. (например, в Смоленской грамоте 1229 г.: „того богъ не даи, аж *бы* промьжю нами бои былъ“, „то дѣржати, аж *быхъмъ*, что тако учинили“ и др.), примерно с половины XIII столетия перестает изменяться по лицам, причем в качестве общей неспрягаемой формы устанавливается форма ***бы*** (2—3-е л. ед. ч.). Например, в Московском евангелии 1339 г.: „аще *бы* слѣпи (вы) *были*“ и пр. Представляет интерес (и не только по значению) случай в Духовной грамоте Симеона Гордого 1353 г.: „а лихихъ

бы есте людии не *слушали... слушали бы е[сте]* о[т]ца нашего вл[ады]ки Олексея“ (вместо причастной формы на *л* употребляется форма перфекта).

В связи с утратой спряжения *быхъ, бы* и пр.: 1) находится появление сложного союза *чтобы, кабы* и т. п. (ср., например в Новгородской I летописи по Синод. списку: „добиша челомь новгородьци... *чтобы* еси, господине, ѣхалъ“, или в той же Духовной Симеона Гордого: „пишу вам, *чтобы* наша свѣча *бы* не угасла“); 2) прекращается употребление ***бы*** и в роли самостоятельного сказуемого или в составе сказуемого (в значении *был, -а, -о*): в 3-м л. ед. ч. вместо ***бы*** входит в употребление *бысть* (со вторичным окончанием ***-сть,*** заимствованным из настоящего времени: *е-сть*): „а на Търожку все челó (т. е. цело, *ч* — вместо *ц*) *бы[сть]*“ (IНовг. летопись по Синод. списку, под 6723 г.).

Так была преобразована древнерусская система прошедших времен. Форма на *л,* с изменением по родам и числам (ед. и мн.), но без изменения по лицам, что отчасти компенсируется в формах 1-го и 2-го лица обязательным присутствием личных местоимений в функции подлежащего, является теперь в сущности единственной формой прошедшего времени. Но она обладает способностью с помощью форм вида и с помощью вспомогательных слов (*было, бы*) не только выражать все те значения, которые выражались в древнерусском языке пятью формами прошедшего времени, но и некоторые новые глагольные значения.

В этом отношении, в смысле экономии обозначения прошедшего действия, русский язык отличается от других славянских языков. Некоторые из них (южнославянские) до сих пор сохраняют (с незначительными изменениями) ту систему прошедших времен, которая некогда была общей для всех славянских языков. Так, например, в сербском языке имеется и аорист: *(ja) плетох* (плел), и имперфект: *(ja) плетиjах,* и перфект: *(ja) сам плео,* и плюсквамперфект обоих видов: 1-е л. ед. ч.: а) *(ja) биjах плео* и б) *(ja) био сам плео,* и прошедшее условного наклонения: *(ja) плео бих.* Впрочем, и в сербском языке, даже литературном, формы аориста и особенно имперфекта вытесняются формами прошедшего сложного (перфекта). То же явление наблюдается в болгарском языке.

§ 105. Формы будущего времени

Будущее первое

Ед. ч.	1-е л. иму	(или: начьну, буду и др.) нести	иму (или: начьну, буду и др.)	видѣти
	2-е л. имешь	нести	имешь	видѣти
	3-е л. иметь	нести	и т. д.	
Дв. ч.	1-е л. имевѣ	нести		
	2—3-е л. имета	нести		
Мн. ч.	1-е л. имем	нести		
	2-е л. имете	нести		
	3-е л. имуть	нести		

Будущее второе

Ед. ч.	1-е л.	буду	неслъ, -а, -о	буду	видѣлъ, -а, -о
	2-е л.	будешь	неслъ, -а -о	будешь	видѣлъ, -а, -о
		и т. д.		и т. д.	

Будущее время в древнерусском языке, как и в современном русском, выражалось по-разному, в зависимости от видовых значений глагола.

Глаголы совершенного вида, как уже было отмечено выше (§ 96), имели простое будущее, с флексией настоящего времени: *принесу, брошу, дамь* и т. п. Глаголы несовершенного вида имели сложное будущее.

§ 106. Первое будущее. Первое сложное будущее представляло собой сочетание вспомогательного глагола с инфинитивом спрягаемого глагола. Но в отличие от современного русского в древнерусском в качестве вспомогательного элемента употреблялись не *буду*, а другие глаголы: *начьну, почьну* и т. п., *иму*, реже: *хочу*. Так, в Мстиславской грамоте: „который кнѧзь... *почьнеть хотѣти* ѡ[т]ꙗти" (*захочет* отнять); в новгородских грамотах XIII—XIV вв.: „а холопъ... *почнеть* (в других грамотах: *иметь*) *вадити* на господу" (обвинит); „а *имуть* чего *искати* на новгородце[х]" и др.; в „Русской правде": „а онъ *ся начнеть запирати*" (будет запираться); в „Повести временных лет" (по Лавр. списку): „се уже *хочемъ померети* отъ глада" (вот-вот помрем)[1] и т. д. Также в московских

[1] Ср. любопытный случай употребления такого будущего в пьесе А. Н. Островского „Свои люди — сочтемся". „Анафема *хочу быть*, если разболтаю" (реплика свахи).

грамотах XIV—XV столетий, например в Духовной Симеона Гордого 1353 г.: „а хто сю грамоту *иметь рушити*...“; в договорной 1390 г.: „а перемѣнитъ богъ орду, а не *иму давати* в орду“; в грамоте 1486 г.: „а хто у нихъ *учнетъ жыти* людей“; также в двинских грамотах XV столетия и др. Так и в наши дни — во многих современных севернорусских говорах, например Вологодской области и соседних: *иму делать, иму курить; имёшь ли обедать-то?, имём робить, имём ись* (будем есть); *учну реветь* (зареву) и т. п.

Ср. в украинском языке: *знатиму, знатимеш* т. д., *пектиму, пектимеш* и пр. (из: *знати, пекти*+*иму, имешь* и пр.), — формы, которые в литературном украинском языке известны с XVI—XVII вв. (например, в „Лексиконе“ Памвы Берынды 1627 г.: *диспутуватиметь*=будет диспутировать, спорить, 3-е л. ед.).

Что касается глагола *буду* (<*бǫдǫ*) в составе первого сложного будущего от глаголов несовершенного вида, то для периода XI—XIV вв. можно указать лишь единичные случаи его употребления в памятниках. Ср. в „Русской правде“ по Синод. списку: „дѣти *ся будуть печаловати*“ (ст. 99). Но несколько позже, в XV в., в новгородских и других грамотах на севере такие случаи уже не редкость.

С течением времени глагол *буду* в составе будущего времени (малоупотребительный в этой функции в древнерусском языке — не только народном, но и книжном) вообще получил широкое распространение за счет *начьну, иму* и прочих глаголов, в частности в Москве, в новом русском литературном языке на московской основе. Здесь глагол *буду* (как наиболее абстрактный, отвлеченный) вытеснил другие глаголы, потому что он не имел никакого иного значения, кроме значения будущего времени, и поэтому больше годился для того, чтобы служить вспомогательным элементом в составе будущего времени от глаголов несовершенного вида. Но в сороковых годах XVII в., в таких памятниках, как Уложение 1649 г., в этой роли употребляется еще *учну*: „кто на кого *учнетъ* доводити государево дѣло“; „кто *учнетъ* у кого *красти*“ (будет красть, украдет) и т. д.; вообще глагол *буду* здесь употребляется лишь в качестве самостоятельного сказуемого, в значении будущего от *есмь* и (в форме *будет*) — в значении условного союза *если*: „а *будетъ* кто у кого наймется...“

В других памятниках московского приказного языка этого времени встречается и форма будущего с *буду*, но редко. В „Книге о ратном строе“ 1647 г. имеем: „*буду писати*“, 216.

С помощью *буду* образуются формы будущего времени в западнославянских языках. Иначе — в южнославянских языках[1].

§ 107. Второе будущее. Кроме первого сложного будущего, в древнерусском языке было известно еще второе. Оно и по образованию, и по значению сильно отличалось от первого. Второе будущее, употреблявшееся главным образом в условных придаточных предложениях, образовывалось с помощью упомянутого отглагольного образования на *л* от спрягаемого глагола: *неслъ, -а, -о* и пр., обыкновенно, но не исключительно, от глаголов несовершенного вида в сочетании *с буду*. Оно выражало идею „преждебудущего“ времени, т. е. обозначало будущее действие, которое должно совершиться раньше другого будущего или другого действия вообще. Иногда это значение можно определить, как „предполагаемое в будущем действие“. Например, в „Русской правде“: „а кто *будеть началъ* тому платити 60 кунъ...“ (кто начнет); в новгородских грамотах XIII—XIV вв.: „взяти куны колико *будеть далъ* по исправѣ“ (сколько даст). Также в московских грамотах XIV в., в частности в Духовной Симеона Гордого 1353 г.: „кого *буду прикупилъ* или хто ми *ся будеть* в винѣ *досталъ* или хто *ся будеть* у тыхъ людий *женилъ*, всѣмъ тѣмь людемъ далъ есмь волю“ (т. е. кого прикуплю, кто мне достанется по суду и кто из этих людей женится). В Москве, в разговорном языке, употребление второго будущего прекратилось по крайней мере к XVI в.

В других славянских языках, особенно в польском, второе будущее (со значением „первого“ будущего) до сих пор является „нормальной“ формой: *ja będę chodził* и пр., а в болгарском языке оно даже сохранило свое прежнее значение.

§ 108. Формы повелительного наклонения. Переходим теперь к истории других глагольных форм, и прежде всего форм наклонения. Кроме изъявительного наклонения (индикатива), в древнерусском языке употреблялись еще сослагательное (конъюнктив) и повелительное (императив). Мы уже располагаем некоторыми данными по истории сослагательного наклонения в связи с исто-

[1] Например, в сербском языке для выражения будущего времени был использован глагол *хочу* (по-сербски *хоћу*: *хћу*). Например: *пићу* (= буду пить, выпью) и т. п. [из *пи* (*ти*) + (*х*) *ћу*], 2-е л. ед. *пићеш* и т. д.

рией прошедшего времени в целом. Но у нас еще не было речи о **повелительном** наклонении (которому в других индоевропейских языках соответствует так называемое „желательное наклонение" (optativum) с его приметой — суффиксальным *oi*; ср. греческое φέροις (древнерусское *бери*), φέροιτε (древнее русское *берѣте*).

В древнерусском языке формы спряжения в повелительном наклонении несколько отличались от подобных им форм в современном русском:

1) Повелительное наклонение имело не только единственное и множественное число, но и двойственное.

2) Повелительное наклонение во множественном и двойственном числе имело **две** личные формы: 1-го и 3-го л., а не одну форму 2-го л., как в единственном числе.

3) Повелительное наклонение, образуемое, как и в современном русском, от основы настоящего времени, имело во множественном и двойственном числе у глаголов первого спряжения другие окончания (точнее — другой тематический гласный, соединившийся с историческим окончанием), а у нетематических глаголов — другую основу, чем в настоящем времени **изъявительного** наклонения.

У глаголов первого спряжения типа *несу* (с твердой основой в 1-м л. ед. ч.) и типа *колю, пишу* (с мягкой основой) были разные окончания, кроме 2-го л. ед. ч.:

Ед. ч.	2-е л.	неси	пеци	пиши	Ср.	проси
Мн. ч.	1-е л.	несѣмъ	пецѣмъ	пишимъ		просимъ
	2-е л.	несѣте	пецѣте	пишите		просите
Дв. ч.	1-е л.	несѣвѣ	пецѣвѣ	пишивѣ		просивѣ
	2-е л.	несѣта	пецѣта	пишита		просита

Изменения были пережиты следующие:

1) Вышли из употребления формы двойственного числа, еще нередкие в древнейших памятниках. Например, в „Повести временных лет" о единоборстве Мстислава с Редедей: „да *снидеве* (<*сънидѣвѣ*) сами ся боротъ" (= „давай сами сойдемся с тобой бороться").

2) Форма 1-го л. мн. ч., как особая, специальная форма императива, отличавшаяся от формы 1-го л. мн. ч. изъявит. накл.: *несѣмъ: несемъ, пишимъ: пишемъ,* вышла из обращения. Если мы теперь говорим: *понесём!, идём!, скажем!, напишем!* и пр.

(или: *идёмте!, напишемте!* и пр.), то мы пользуемся формой 1-го л. мн. ч. изъявительного наклонения: здесь ***ём*** из ***ем***. Она не имеет собственно повелительного значения. Отметим кстати, что формы типа *идёмте* существуют уже несколько столетий. Известно, что в песнях, записанных в 1619—1620 гг. для Р. Джемса, встречается: „да *грѣнемте* братцы в яровы веселца“.

3) Во 2-м л. мн. ч. у глаголов типа *несу* возникло новое окончание ***-ите***: *несите, ведите, пеките* (с ***к*** под влиянием *пеку* и пр.), и соответствующим образом в 1-м л. мн. ч. ***-имъ,*** в 1-м л. дв. ч. ***-ивѣ,*** 2-м л. дв. ч. ***-ита***. Новое окончание в книжно-литературном языке (наряду с историческим ***-ѣте***) известно у нас уже с древнейших памятников. Так, в Остромировом евангелии: *приведите* и т. д. (правда, оно могло попасть сюда из старославянских рукописей). В деловом же языке оно известно с XIII в. Например, в Духовной новгородца Климента около 1270 г.: „у Фомы 8 грив(е)нъ *възмите*“ (вместо *възмѣте*).

4) Окончание 2-го л. ед. ч. ***-и,*** при отсутствии на нем ударения, в случае, если ему предшествует не больше одного согласного, отпало во многих русских говорах, в частности в московском: *верь* (из *вѣри*), *сыпь* (из *сыпи*), *сядь* (из *сяди* < *сѧди*), *будь, встань* (< *въстани*) и др. Примеры усечения этой формы в памятниках встречаются с XIII в. Например, в новгородских берестяных грамотах: „*будь гостемъ*“ (№ 68, XIII в.), „*поѣдь* сѣмь“ (= сюда; XV в.) и др. Ср., однако, в Москве еще в середине XVII в. в „Книге о ратном строе“ 1647 г.: „*стани* на прежнее место“, „*постави* правую ногу“, „*изготови* подсошекъ“ и пр., наряду с: *стань, примѣрь, повѣсь* и пр. В говорах формы вроде: *сяди, встани* и пр. сохраняются до сих пор. Окончание ***-те*** (2-го л. мн. ч.) стало употребляться для образования множественного числа от 2-го л. единственного: *вѣрь:верьте, сыпь: сыпьте* и пр.; *ляг* (вместо *лязи*): *лягте*.

5) У глаголов нетематического спряжения формы повелительного наклонения изменились особенно заметно. Так, форма 2-го л. ед. ч. в древнерусском языке от глагола *ѣмь* имела форму *ѣжь* (ст.-сл. ꙗждь), от глагола *дамь — дажь,* от глагола *вѣмь — вѣжь*.

Во множественном и двойственном числе повелительного наклонения нетематические глаголы имели другую основу: 1-е л. мн. ч.: *ѣдимъ, дадимъ* и пр., 2-е л, мн. ч.: *ѣдите, дадите* (см. о них выше на стр. 244) и пр.

Но от этого спряжения почти ничего не осталось. Правда, мы говорим: *ешь* (2-е л. ед. ч.), употребляя одинаковую форму для настоящего времени изъявительного и для повелительного наклонений, хотя в повелительном наклонении *ешь* восходит к *ѣжь*. Под влиянием этой формы возникла и новая форма 2-го л. мн. ч. *ешьте* вместо *ѣдите* — старой формы повелительного наклонения. Форма *ѣдите* сохранилась, однако, в качестве формы изъявительного накл., как сохранилась в качестве формы 1-го л. мн. ч. изъявит. накл. старая форма 1-го л. мн. ч. повелительного: *ѣдимъ*, чему весьма способствовало и то обстоятельство, что в 3-м л. мн. ч. настоящего времени изъявит. накл. этот глагол исстари имел форму *ѣдять* с той же самой основой *ѣд-*. Подобные же формы 1-го и 2-го л. мн. ч. в настоящем времени получил и глагол *дамь: дадим, дадите*. Надо полагать, что этот процесс закончился в Москве и в других говорах к концу древнерусской эпохи.

От глагола *вижу* (инф. *видѣти*), спрягавшегося по тематическому спряжению, форма 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения образовывалась по нетематическому же спряжению: *вижь* (ст.-сл. и новоцерковносл. виждь; ср. у Пушкина в стихотворении „Пророк": „и *виждь*, и внемли"). К пережиткам этой формы можно отнести вводное *ишь* („*ишь*, какой прыткий" и т. п.) из *вижь*.

6) Следует, наконец, отметить, что в некоторых случаях, в связи с перестройкой глагольной основы, старые формы повелительного наклонения исчезли. Например, в Книге о ратном строе имеются такие формы, как: „*дми* на полку" (дуй, при *дму* вместо *дую*), „*выми* фетиль" или „*вымь*" (от *вынять*; ср. *пойми, займи* и пр.; наше *вынь* — новообразование). В современном русском языке эти формы вытеснены другими.

В украинском языке старые формы повелительного наклонения сохранились в некоторых случаях лучше, чем в русском: *бери* (2-е л. ед. ч.), *берíмо* (1-е л. мн. ч., с *i* из *ѣ*, при *беремó* 1-го л. мн. ч. наст. вр.), но *берiть* (2-е л. мн. ч., вместо ожидаемого *берiте;* при *берете* 2-го л. мн. ч. наст. вр.); далее: *їж* (2-е л. ед. ч.), *їжте* (2-е л. мн. ч.). Но: *дай* (2-е л. ед. ч.) и пр.

§ 109. Формы вида. История форм вида (как и форм залога) в подробностях еще не выяснена в достаточной степени. Несомненно, однако, что она находится в теснейшей связи с историей форм времени, в частности с такими (исчезнувшими в рус-

ском языке), как формы **имперфекта**, — общеславянского новообразования, которое в славянских языках рано получило характер простого прошедшего времени **несовершенного** вида.

Очень возможно, что первоначально в общеславянском языке, на ранней стадии его развития, не существовало никаких форм вида, как не имеется их, например, в немецком языке. Видовые значения выражались с помощью форм времени. Формы же вида образовались только с течением времени. По мнению А. А. Потебни, сначала получили выражение видовые оттенки „недлительности" и „длительности", или „определенности" и „неопределенности". Ср. в современном русском: *несу: ношу, веду: вожу, бегу: бегаю* и т. п. „Неопределенные" глаголы (*ношу, вожу, бегаю* и пр.) морфологически отличались от „определенных" (*несу, веду, бегу* и пр.) в том отношении, что от „неопределенных" нельзя было образовать глаголы со значением „совершенности" действия: они **и с приставкой** сохраняли значение несовершенного вида. Ср.: *ношу* и *приношу*, с одной стороны, и *несу* и *принесу* — с другой.

Несколько позже, но, по-видимому, еще на общеславянской почве, в связи с возникновением и развитием **приставочных** глаголов, начали складываться значения „совершенности" и „несовершенности": *нести: принести, дѣлати: съдѣлати, пьсати: напьсати* и т. д., причем значение приставок постепенно абстрагировалось то в большей, то в меньшей степени. Например, приставка *на-* в известных случаях перестала означать „направленность известного действия на поверхность" (ср. в современном русском: *набросать* на что-либо и *написать* и т. п.); приставка *съ* — „соприкосновение", „соединение" и т. п. (ср. в современном русском: *собрать* и *сделать* и т. п.).

Можно полагать, что именно в рамках **приставочных** глаголов „определенных", „недлительных", типа *принести*, как раз и возникло значение „совершенности", в данном случае — законченности действия. Несколько позже значение совершенного вида получили и такие бесприставочные глаголы, как *бросить*.

Однако не все языковеды склонны отводить решающую роль в процессе формирования вида развитию **префиксации**.

С другой стороны, нельзя не учитывать и роли так называемых „итеративных"[1] глаголов (обозначавших повторяемость действия)

---

[1] От латинского *itero* — „повторяю".

на *-а-ти, -ја-ти*. Эти итеративные глаголы, кроме суффикса, имели еще одну примету. Они отличались от глаголов, не имевших итеративного значения, вокализмом корня в таком соотношении:

без значения итеративности: ***о:е:ъ:ь***
со значением итеративности: ***а:ѣ:ы:и***

Например (в древнерусском языке): *просити:прашати, родити:ражати, погрести* (из *по-греб-ти*): *погрѣбати, призъвати: призывати, прильнути* (из *при-льп-ну-ти*):*прилипати*. Различие в вокализме корня получилось вследствие того, что у глаголов со значением итеративности гласный корня (если это был краткий гласный) подвергался удлинению: *ŏ*: *ō, ĕ*: *ē* и т. д., а становясь долгим, он потом перерождался качественно, причем вместо долгого *о* возникло *а* (например, в „Русской правде": „людье не *помагають*", в „Поучении" Владимира Мономаха: „старѣйшимъ *покарятися*" и др.), вместо долгого *е* — *ѣ*, вместо удлинившихся *ъ, ь* — *ы, и*. Но ср. *съпасти* (с гласным *ā*): *съпасати* и т. п.

На русской почве с течением времени старые соотношения в области вокализма корня в первых двух случаях (*о:а, е:ѣ*) были забыты. Давно уже установилось и в окающих говорах до сих пор наблюдается произношение, получившее отражение в орфографии: *рож(д)ать, погребать* и т. д., причем фонетические процессы, например совпадение *ѣ* с *е* во многих говорах и в литературном языке, здесь роли не играли. Просто был восстановлен первоначальный (до удлинения гласных) вокализм корня. Например: *родить: рожать, загрести: загребати*. Но в отдельных случаях (перед слогом с ударенным *а*) мы все еще по-старому пишем *а* (из *ō*): *касаться* при наличии *коснуться, полагать* при наличии *положить*. В украинском: *помага́ти* при наличии *помогти́*.

Память о существовавшем в древности различии в области вокализма корня, в частности о чередовании гласных, сохраняют теперь наши глаголы на *-ывать: -ивать*, вроде *поха́живать* (ср. *ходит*), *изна́шивать* (ср. *носит*), *посма́тривать* (ср. *смотрит*), *разламывать* (ср. *ло́мит*) и т. д., с ударенным гласным *а* вместо *о* в корне. Дело в том, что глаголы многократного вида на *-ывати: -ивати* (с основой на *-ыва-+ј-*: *-ива+ј-* в формах настоящего времени), получившие столь широкое распространение

именно на русской (великорусской) почве, по своему происхождению явно связаны с итеративными глаголами на *-ати, -j-ати* [с основой *-а* + *j-* в формах настоящего времени (в роде *полагаю*)], хотя и не только с этими глаголами; на образование этих глаголов оказали влияние также глаголы на *-овати,* с основой настоящего времени на *-у* + *j-* — типа: *бесѣдовати, бесѣдую.*

Примеры глаголов на *-ывати: -ивати* встречаются в памятниках письменности примерно с XII в. Например, в „Повести временных лет": „*умыкиваху* у воды дѣвица", в „Поучении" Владимира Мономаха: „люди *оправливати*" и др.

Правда, глаголы на *-ывати: -ивати* с коренным гласным *а* из *о* встречаются главным образом с XIV — XV вв.: *съпрашивати, высъпрашивати* — в Псковской I летописи, под 6977 г., 6985 г.; *переговариватця* — в новгородской Судной грамоте XV в. и т. п., но это не значит, что таких форм не существовало раньше: нужно принять во внимание, что глаголы этого типа — особенность народного русского языка. Старославянскому и, следовательно, книжному древнерусскому языку они совершенно чужды.

Следует отметить, что в древнерусском языке и даже в более позднее время круг этих образований был гораздо шире, чем в современном русском. Глаголы несовершенного вида на *-ывати: -ивати,* приставочные и бесприставочные, могли образовываться не только от других глаголов несовершенного вида, но также и от глаголов вида совершенного (например, в Устюжской купчей 1612 г.: „да что *купливал* у Максима у Третьяка..." и т. п.). Другие примеры: в Новгородской грамоте 1305—1308 гг.: „а двора не затворяти, а приставовъ не *приставливати*" (не ставить, не приставлять). Ср. в поздних московских памятниках — в „Книге о ратном строе" 1647 г.: „и то онъ *прибавливаетъ*", „другъ друга *заставливаютъ* битися" и пр.; в Уложении 1649 г.: „у кого *служивалъ*", „никакова бесчестья не *учинивали*", „онъ своей вотчины... не *продавывалъ*...", „свою рухлядь *оставливаютъ*", „ни на какомъ воровствѣ не *объявливалися*". Ср.: „государя *ссариваютъ*" (с султаном; Донские дела, 1625 г.). Ср. также в актах середины XVII в.: „и (он) из Ростова не *бегивалъ*", „*пускивалъ* в городъ людей" и т. п.

В современном литературном русском языке некоторых из этих глаголов (как глаголов несовершенного вида) уже нет, но в говорах, особенно севернорусских, они употребляются и до сих пор и являются там нормой. Например, около пятидесяти

лет назад Мансикка отметил в говорах Карельской АССР (б. Пудожского уезда): *посылывать, бирывать, торгивать, купливать* и пр., в говорах Архангельской области (б. Шенкурского уезда): *бирывать* („откуля ты *бирывала*, молодиця"), также: *умирывать,* даже *сказывливать;* в говорах Вологодской области (б. Никольского уезда): *доставливал* и т. д.

Формы прошедшего времени бесприставочных глаголов на *-ывать: -ивать* с известного момента в русском языке получили значение давнопрошедшего времени. С таким значением они употребляются уже в двинских грамотах XV в., как это было обнаружено А. А. Шахматовым. Ср. позже, например у Пушкина: „Вот камин. Здесь барин *сиживал* один" (=когда-то сидел) „И не *слыхивал,* чтоб рыба говорила" и др.

Таким образом, глагольная категория несовершенного вида на русской почве сложилась в процессе многовекового преобразования в глаголы несовершенного вида праславянских форм „неопределенных", „длительных" глаголов, вроде *носити* (при наличии *нести*) и т. п. и форм „итеративных" глаголов, вроде: *прашати* (при наличии *просити*), и вследствие развития префиксации (*принести* и т. п.), приведшей к тому, что бесприставочные „определенные", „недлительные" глаголы вроде *нести* или такие „неитеративные", как *просити*, получили значение „несовершенности" действия.

Одновременно происходило образование категории совершенного вида на основе главным образом „определенных", „недлительных" глаголов вроде *нести*. Развитие префиксации явилось важным фактором в этом отношении.

Если выделение обширной группы „многократных" глаголов на ***-ывати, -ываю***: ***-ивати, -иваю*** на русской почве можно рассматривать как сравнительно позднее образование в рамках „несовершенного" вида, то таким же сравнительно поздним образованием можно считать и выделение группы „однократных" глаголов на *-нути* (< *-нǫти*), *-ну* (< *-нǫ*) в рамках „совершенного" вида. Глаголы однократного действия типа *двигнǫти* (ср. старославянское двигнѫти) > русское *двинуть*; но: *воздвигнуть*, возможно, начали формироваться еще на общеславянской почве. Они образовались от глаголов, которые впоследствии стали глаголами несовершенного вида, но со значением переходного действия: *двигати* и т. п. В памятниках древнерусской письменности (как и старославянской) они встречаются редко. Ср. все же в

„Слове о полку Игореве“: „*прысну* море полуноци“, „*кликну, стукну* земля, въшумѣ трава“ (при *кликати, стукати*) и т. п. Но ср.: *тянути* (< *tęgnǫti*), *мокнути* (< *моknǫti*) и т. п.

Наконец, еще одно замечание. В отношении вида в памятниках древнерусской письменности встречается вообще немало всяких неожиданностей, сравнительно с более упорядоченным употреблением форм вида в современном русском языке.

Так, многие глаголы, как приставочные, так и бесприставочные, являющиеся глаголами совершенного вида в современном русском языке и поэтому не имеющие значения настоящего времени, в древнерусском гораздо более свободно, чем в современном русском, могли употребляться в сочетании с глаголами несовершенного вида и со значением настоящего времени.

а) Например, в „Повести временных лет“ (по Лавр. списку): „а Двина ис того же лѣса *потечеть*, а идеть на полунощье“ (вытекает); „а Днѣпръ *втечеть* в Понтьское море“ (впадает); или (о новгородских банях): „и *возмуть* на ся прутье младое, и бьють ся сами и того ся добьють, едва слѣзуть лѣ живи“ (берут и бьют себя). Так и позже, в памятниках XVII в. московского происхождения, например у Котошихина: „а доходов в тотъ приказъ... *соберется* в годъ...“ (собирается), „и потомъ царица или царевны ихъ поздравляютъ, а бывъ у нихъ *поѣдутъ* к себѣ“ (едут) и пр. Ср. в Разрядных столбцах 1612 г.: „и я отъ тое раны животъ свои мучу: не *заживетъ*, только гниетъ“ (не заживает). Ср. в песнях, записанных для Р. Джемса в 1619—1620 гг.: „*Сплачется* (плачет) малая птичка. | Бѣлая пелепелка...“

Это относится и ко многим бесприставочным глаголам. Так, глагол *купити*, как и некоторые другие подобные (в современном русском — совершенного вида), сначала, в течение долгого времени, не имел такого ограниченного видового значения. Ср. в Новгородской грамоте 1265 г.: „а в Бежищах, княже, тобе... селъ не дьржати, *ни купити* (не покупать), ни даромъ приимати“ и пр. И позже в памятниках московского приказного языка: „и приставы говорили, что тотъ шолкъ сырецъ здѣсь годится и *купятъ* его пудъ дорогою цѣною“ (покупают; документ 1658 г. „Памятн. дипл. сношений с Римской империей“, III, 817). Ср. также: „се *дасть* (дает) Иван Михайлович“ — обычная формула купли-продажи в юридических документах XIV — XVI вв.; „Новгородъ ти держати по пошлинѣ... а мужа ти... волости не *лишити*“ (не лишать) — в Новгородской грамоте 1304—1305 гг.

§ **110. Формы залога.** Как известно, формы залога (служившие для обозначения разнообразных отношений между 1) субъектом, производителем действия, 2) самим действием и 3) объектом, на которое оно направлено) отчасти выражались средствами словосочетания (формы с причастием страдательного залога: *есмь несомъ, писанъ* и т. п.), отчасти с помощью энклитического местоимения ***ся*** (=себя, вин. ед.). Это местоимение, ставшее потом частицей, как правило, употреблявшейся только в безударном положении, при известных условиях (в положении после гласных звуков) сократилось (в течение XVI—XVII вв.) во многих русских говорах, между прочим в московском. Но эволюция ***ся***> ***се***>***сь*** ***(-с')*** на этом не кончилась. Сокращение частицы ***ся*** повлекло за собой ее отвердение: *моюс, боюс, началос* и пр. Например, в литературном языке в фонетической транскрипции: *мóйус, бајýс, нъчилóс* и пр. Ср. в „Горе от ума", в первом явлении: „— Что-с? — Всё в доме *поднялос (ь)*". Отвердение ***с*** в положении после твердого ***л*** в таких формах, как *мылса*, и тем более после ***т*** в 3-м л. в связи с переходом в ***ц:*** *моется*>*моетца*, надо полагать, протекало независимо от отвердения конечного ***с'***.

В старом русском языке и в некоторых современных (особенно южнорусских и среднерусских) говорах в роли залоговой частицы, особенно при непереходных глаголах, встречается иногда ***си***. Например, в южнорусском говоре села Матыр Рязанской области: *астал**си**, саскучил**си**, даждём**си*** и пр., даже под ударением: *дал**сú***. Это явление (***си*** вместо ***ся***) трудно объяснить на почве изменения ***ся***>***си*** в неударенном положении: ***си*** встречается в этой функции (правда, очень редко) и в памятниках древней письменности. Например: в Лаврентьевском списке летописи 1377 г.: „галичане *сътъснуша си*" (из *сътъскнуша си,* встревожились) и т. п. Надо полагать, что здесь ***си*** является энклитическим местоимением дательного ед. (=себе). Ср. наше: „пошёл *себе*" и т. п. Впоследствии глаголы, сочетавшиеся с ***си,*** в некоторых акающих говорах стали смешиваться с глаголами, сочетавшимися с ***ся*** (=себя) и, таким образом, новые возвратные формы на ***си*** в этих говорах получили преобладание.

Частица ***ся,*** как было упомянуто выше, в § 83, в течение долгого времени могла употребляться отдельно от того переходного глагола, с которым она была связана по смыслу, причем не только в положении за глаголом (постпозитивно): „*на-*

чати же *ся* тъй пѣсни" („Слово о полку Игореве"), „*подѣлити* вы *ся* тыми волостми" (Духовная Ивана Калиты 1339 г.) и пр. Очень часто, особенно в начальной части фразы, она предшествовала глаголу: *ся мóю* (*моюсь*) и т. п., как нередко и в современных зарубежных славянских языках. Ср. в „Русской правде": „а он *ся запирати* начнеть" и пр.; в Новгородской летописи по Синод. списку: „копая подъ другомь яму, сам *ся* в ню въвалить" (л. 136); в „Слове о полку Игореве": „ту *ся* брата *разлучиста*"; из более поздних памятников — в „Хожении" Афанасия Никитина: „судно *ся* мое *разбило* подъ Тархы" и т. д.; в Угличском следственном деле конца XVI в.: „и он *ся заперъ* и его в колокольню не пустилъ", XX, 7; „да ножикомъ (царевич) *ся* самъ *покололъ*", XXVII, 9 и т. д.

В Москве еще в середине XVI столетия *ся* могло предшествовать глаголу и быть отделено от него другими словами. Так, в Судебнике 1550 г.: „чей *ся* жребий *выйметъ*, тотъ"; „сына... которой *ся* у него *родитъ*", „а тотъ *ся вѣдаетъ* со своим знахоремъ" и т. д. Но в начале XVII столетия свободное употребление *ся* в разговорной речи уже представляет собой очень редкое явление и вскоре прекращается. Ср. все же в Книге о ратном строе 1647 г.: „о силѣ, которой они *ся предаютъ*" (= предаются). В Уложении 1649 г. не имеется случаев употребления *ся* отдельно от глагола. Но это явление еще возможно в пословицах и в поговорках, записанных в XVIII в.: „лиска лжот, да на хвост *ся шлiôт*"; „куда *ся* не *кинуть*, так по уши в смолу" и пр.

Именно с закреплением этой частицы в положении за глаголом связано и упомянутое выше ее сокращение (*сь*) и прочие изменения: отвердение *с'а* в положении после твердых согласных [*мылъся* > *мылса*; по памятникам — с XVI в. (ср. в угличском следственном деле: „*тешилса* деи царевич", XXVII, 9 и пр.)], а потом и после гласных (*мы́лиса*), и изменение *с* > *ц* в сочетании с предшествующим *т* (*моется* > *моетца*; по памятникам — с XIV в.).

Следует отметить, что в старину с отдельным употреблением ***ся*** были возможны и такие глаголы, которые теперь не употребляются без ***ся*** > ***сь***. Сюда относятся, например, глагол *бояться*. Ср. в „Повести временных лет" по Лавр. списку: „ничего же *ся боять* бѣси, токмо креста". Ср. в современном польском: „ten się *nie boi*, kto nic złego nie broi" („тот не боится, кто ничего плохого не делает"). Ср. в „Молении Даниила Заточника":

„очима бо плачють со мною, а сердцемъ *смиють* ми *ся*". Правда, это явление встречается исключительно редко.

С другой стороны, в древнерусском языке могли употребляться без ***ся*** многие переходные глаголы, которые в современном русском в качестве переходных уже невозможны без этой частицы. Например, в „Слове о полку Игореве": „*кають* князя Игоря" (порицают; теперь только *каяться*); в „Повести временных лет" по Лавр. списку: „и не *очютиша* ихъ половци" (на нашли; теперь только *очутиться*). Ср. в договорной грамоте 912 г.: „*жаловати* начьнуть Русь" (= жаловаться); позже в Ипатьевском списке летописи: „(он) *жалова* на кыяны" (= жаловался).

Можно полагать, что первоначально, в доисторическую эпоху, любой глагол из тех, которые употребляются в современном русском языке с частицей ***ся (сь)***, мог быть употреблен не только раздельно с ***ся***, но (в другом контексте) и вообще без этой частицы.

Можно полагать, что утрата местоимением ***ся*** его былой самостоятельности, закрепление частицы ***ся*** началось с непереходных глаголов состояния типа *бояться, смеяться* и т. п. и таких переходных, как *кусаться* и т. п.

Что касается развития основных залоговых значений русского глагола, то оно закончилось до появления письменности у славян. В глубокой древности возникли в языке наших отдаленных предков значения „переходности" и „непереходности" действия, значения „действительного" (переходного) залога и „страдательного" залога, который сначала выражался только с помощью „страдательных" причастий. Очень рано появилось значение „возвратного" (может быть, возвратно-взаимного) залога, для выражения которого было использовано местоимение ***ся*** (и отчасти ***си***), ставшее постепенно терять свое прежнее значение *себя*.

Но дальнейшая дифференциация возвратно-залоговых (как и видовых) значений в литературном языке и в говорах относится уже к историческому времени, особенно к новому периоду истории русского языка.

§ 111. Причастия действительного залога. Причастия действительного залога настоящего и прошедшего времени в древнерусском языке, как и в других славянских, употреблялись и в краткой, и в полной форме (подобно прилагательным в сравнительной степени и порядковым числительным).

а) Краткие причастия действительного залога настоящего времени образовывались от основы настоящего времени с помощью суффиксов *-уч-* (из-*ǫtj*-, ст.-сл. -ѫщ-) в первом спряжении и *-ач-* (из *-ętj*-, ст.-сл. -ѧщ-) во втором, причем согласные перед суффиксом *-уч-* могли быть или твердые (у глаголов типа *несу*, т. е. с твердой основой в настоящем времени), или мягкие (в остальных случаях), а перед суффиксом *-ач-* — всегда мягкие. Эти древнерусские суффиксы восходят к общеславянским *-ont-jŏ-* : *-j-ont-jo-* (в первом спряжении) и *-int-jŏ-* (во втором), где *o* и *i* — тематические гласные. Общеиндоевропейским же суффиксом причастий действит. залога наст. времени был *-nt-*. Ср. латин. *amans*, род. ед. *amantis*, от *amare* — „любить", *volens*, род. ед. *volentis*, от *volere* — „хотеть".

Форма им. п. ед. ч. ж. р., оканчивавшаяся на *-и*, имела такой вид: 1) *несучи* (ст.-сл. несѫщи), *колючи*, *пишучи* (*п'иш'у-ч'и*); 2) *просячи* (ст.-сл. просѧщи), *слышачи* (*слыш'ач'и*), *видячи*.

В мужском и среднем роде в именительном п. ед. ч. упомянутые суффиксы отсутствовали. Окончание же (которое в общеславянском языке возникло из суффиксов причастий настоящего времени) было (при наличии в старославянском языке двух окончаний: ы — у глаголов типа несѫ и ѧ — в остальных случаях) в древнерусском одно *а* с предшествующими согласными или твердыми (у глаголов типа *несу*), или мягкими (в остальных случаях): а) *пека, мога, неса* (ст.-сл. несы), *веда, ида* и т. п., б) *коля* (ст.-сл. колѧ), *пиша, прося* (ст.-сл. просѧ), *видя* и пр.

Окончание *-а* после мягких согласных возникло на восточнославянской почве из *ę*. Что касается окончания *-а* после твердых согласных, сближающего древнерусский язык с чешским языком, где эти формы и до сих пор употребляются: *nesa*, *reka*, *moha* и пр., то происхождение его остается пока неясным. Нужно было бы ожидать такого же *ы*, как в старославянском языке. Но, как полагают, на восточнославянской почве, в связи с изменением *ę* > *'а* и появлением таких образований, как *коля́, прося́* и пр. (возможно, еще до появления письменности в древней Руси), под влиянием этой формы им. ед., причастия действ. залога наст. вр. глаголов I класса получили новое окончание *-а* (вместо *-ы*) в таких случаях, как: *пека, мога* и далее: *неса, ида* и пр. Примеры этой новой формы иногда встречаются уже в древнейших памятниках, например в новгородских Минеях 1096 г.:

мога; 1097 г.: *зова, жива* (ст.-сл. живы). Ср. в I Новгородской летописи по Синод. списку: „присла послы... *река* тако“ и т. п.

Эта форма долго держалась впоследствии. Ср. в ростовском „Житии Нифонта“ 1219 г.: „вълкъ *прида* распудить ıа“, 362 и др. Она еще является нормальной формой в Москве в XIV столетии. Иван Калита начинает свое завещание словами: „Се язъ... пишу д[уше]вную грамоту *ида* във орду...“ Но к XV в. и в Москве, и вообще в русском языке форма на ***а*** была вытеснена формой на ***'а (я)***, с предшествующим мягким согласным (т. е. *неся* вм. *неса* и т. п.). Первые примеры ее употребления в письменном языке начинаются с конца XIII в. К пережиткам старой формы на ***а*** следует отнести такие севернорусские формы, как: *глядá* (=кажется; Вологод. обл. и др.), *не смога* (=невмочь; Пошехонье); и в поговорке: „кто кого *смога*, тот того в рога“.

Следует, однако, помнить, что в древнерусском языке образования вроде *неса>неся, несучи; коля, колючи; прося, просячи* и т. п. сначала не имели значения деепричастий. Это были причастные формы со значением: *несущий, несущая, несущее; колющий* и т. д., изменявшиеся по родам, числам и падежам. Как же они изменялись? Они изменялись в косвенных падежах так же, как краткие прилагательные с мягкой основой типа *синь, синя, сине*. Следовательно:

		м. р.	ж. р.	ср. р.	
Ед. ч.	И.	нес-а (>нес-я)	не-су-чи	нес-а (>нес-я)	
		кол-я	кол-юч-и	кол-я	
		прос-я	прос-яч-и	прос-я	
	Р.	нес-уч-а	нес-уч-ѣ	нес-уч-а	
		кол-юч-а	кол-юч-ѣ	кол-юч-а	
		прос-яч-а	прос-яч-ѣ	прос-яч-а	
	Д.	нес-уч-у	нес-уч-и	нес-уч-у	и т. д.

Особо подчеркиваем:

	В.	нес-уч-ь	нес-уч-у	нес-уч-е	
		прос-яч-ь	прос-яч-у	прос-яч-е	
Мн. ч.	И.	нес-уч-е	нес-уч-ѣ	нес-уч-а	
		кол-юч-е	кол-юч-ѣ	кол-юч-а	
		прос-яч-е	прос-яч-ѣ	прос-яч-а	и т. д.

Так изменялись краткие причастия действительного залога настоящего времени в языке восточных славян древнейшей поры.

Но в XII—XIII столетиях от этого первоначального склонения, по-видимому, оставалось в разговорном языке уже немногое. В деловом языке и в книжно-литературном русские формы (с ***ч***, а не с ***щ***) в качестве определения, правильно согласованного с определяемым словом, почти совсем невозможны.

Обыкновенно они употреблялись в форме им. падежа, в роли предикативного члена составного сказуемого, и были согласованы с подлежащим. Например, в сочинениях Владимира Мономаха: „*сѣдя* на сане[х] помысли[х] (я)"; „прислалъ ко мнѣ... грамоту *река* (он)"; „и сядеть (сноха) акы горлица... *желѣючи*"; „ходихо[м]... (мы) на ярославца... не *терпяче* злобъ его"; „рѣчь *молвяче*... не клянитеся б[ого]мь (вы)". Нередко в им. мн. м. р. вместо ***е*** оказывается ***и:*** „ти бо *мимоходячи* прославять человѣка".

С течением времени краткие причастия действ. залога настоящего времени перестали изменяться по родам и числам и окончательно превратились в то, что мы теперь называем деепричастием. При этом в качестве общей формы деепричастия в литературном языке установилось употребление формы на ***'а (я):*** *неся, коля, прося* и т. п. В живой разговорной речи эта форма никогда не была единственной. На одинаковых правах с нею употреблялась и форма на ***-учи, -'учи (-ючи)*** и на ***-'ачи (-ячи),*** восходящая или к форме именительного единственного женского р., или к форме именительного множественного мужского р. (с заменой ***е>и,*** еще в древнерусскую эпоху): ***и́дучи, игра́ючи, смеючи́сь*** и т. д.

С течением времени форма на ***-учи*** в народном языке получила распространение и за счет ***-'ачи: гля́дючи*** и т. п.

Деепричастие на ***-учи, -'учи (-ючи)*** с ударением (как и вообще в народном языке в этой форме) или на основе, или на втором слоге суффикса ***(чи)*** долго держалось в московской речи. Оно часто встречается не только в письменных памятниках московского происхождения XVII в., как, например, в Уложении: „*идучи́*... учнутъ", „*живучи́* в холопстве", „*бьючи́*... изувечитъ", „кто *стреля́ючи*... убьетъ", „лѣсъ *расчища́ючи*... дерево обсѣчетъ" и т. д. В „Житии" Аввакума на сто деепричастий типа *неся́* приходится тридцать шесть на ***-учи, -ючи, -ачи.*** Еще Пушкин мог сказать в „Полтаве" о палаче: „И в руки белые берёт *Играючи* топор тяжёлый...", или в „Подражании Данту": „И обе *си́дючи* пустились вниз стрелой" и т. д. Мы теперь избегаем этих образований, хотя говорим: *будучи, умеючи, кра́дучись.*

Память о причастном происхождении деепричастий на *'а (я)* и *-учи, -'учи (-ючи)*, о том, что наши деепричастия по происхождению своему являются формой именительного падежа, о некогда существовавшей связи и согласовании их с подлежащим, все же сохраняется в современном, по крайней мере литературном, языке. Еще Ломоносов в своей „Российской грамматике" (§ 532) осудил такие словосочетания, как: „*идучи* (я) в школу, встретился со мною приятель". В личных (т. е. с подлежащим) предложениях деепричастие у нас не может иметь какого-либо собственного „субъекта", производителя действия; действие, обозначаемое деепричастием, производит лицо или вообще тот предмет, который выражен подлежащим. Можно сказать; „войдя в комнату, я увидел, что Ваня сидит у окна". Но нельзя сказать: „войдя в комнату, Ваня сидел у окна".

В говорах этот закон употребления деепричастий никогда не отличался устойчивостью. Например, в песнях: „Зимушка, зима... не морозь меня | При дороженьке коня *ведучи*, сбрую *несучи*" (смысл: „меня ведущего и несущего..."). Нарушение правила о связи деепричастия с подлежащими часто наблюдается и у наших писателей прошлых столетий.

Наконец, чтобы покончить с деепричастиями типа *неся, несучи* и т. п., остается еще упомянуть, во-первых, о деепричастиях на *-'а (я)* от глаголов совершенного вида: *принеся, войдя, услыша* и т. п. Деепричастия этого типа, употребляемые со значением прошедшего времени, появились довольно рано. В XIII—XIV вв. они, по всей видимости, были уже вполне нормальным явлением в русском языке.

Что касается кратких причастий настоящего времени от нетематических глаголов, то вопрос этот остается неясным. Следовало бы ожидать (в им. ед.) таких образований, как: *ѣда, ѣдучи, ѣда* (от *ѣмь*); *дада, дадучи, дада* (от *дамь*); *вѣда, вѣдучи, вѣда* (от *вѣмь*); *са, сучи, са* (от *есмь*) и т. д. Но из этих форм в древних памятниках встречаются только некоторые. Например, в „Русской правде": „а пьрвии... не *дадучи* ему кунъ... (начнуть)".

б) После всего, что было сказано о судьбе кратких причастий действ. зал. настоящего времени, нетрудно представить себе основное в развитии причастий прошедшего времени.

Они образовывались (независимо от видового значения) от основы инфинитива и прошедшего времени: или 1) с по-

мощью суффикса *-ъш-* в случае, если основа инфинитива оканчивалась на согласный: *несъши* (инф. *нес-ти*), *ведъши* (инф. *вес-ти*, из *вед-ти*), *пекъши* (инф. *печи*, из *пек-ти*), *ѣдъши* (инф. *ѣсти*, из *ѣд-ти*) и пр.; кроме того: *шьдъши* (корень тот же, что в *ходити*, но на другой ступени вокализма), *възьмъши* (от *възяти*<*възęти*, корень *-ьм-*), *вънъмъши* и т. д., или 2) с помощью суффикса *-в-ъш-* в случае, если основа инфинитива оканчивалась на гласный: *писавъши, просивъши, видѣвъши, давъши* и пр. Примеры здесь даны в форме им. ед. ч. женского рода.

В мужском и среднем роде в именительном ед., который оканчивался на *-ъ*, суффикс *-ъш-* отсутствовал: *несъ, ведъ, шьдъ, възьмъ, вънъмъ* или *писавъ, просивъ* и т. д. Ср. в „Русской правде": „кто ударить... *вынезъ* мьчь" (от *выньзти* — „вынуть нож из ножен", с корнем *-ньз-*, тем же, что в нашем *нож* и в *вонзить*).

Склонялись эти причастия с теми же самыми окончаниями, что и причастия настоящего времени. Следовательно:

Ед. ч. И. нес-ъ, нес-ъш-и, нес-ъ
Р. нес-ъш-а, нес-ъш-ѣ, нес-ъш-а
и т. д.

Причастия (краткие) прошедшего времени также утратили свое первоначальное склонение, как и причастия типа *неса, несучи, неса*. Они также превратились в деепричастия (прошедшего времени, теперь по большей части от глаголов совершенного вида), причем сохранили только одну форму им. падежа ед. ч. или мужского-среднего рода: *взявъ, написавъ* и пр., или женского: *взявши, написавши* (эта форма может восходить и к форме именительного мн. м. р., оканчивавшейся на *-е*, которое еще в древнерусскую эпоху заменялось окончанием *-и*). Обе формы: *взяв* и *взявши* равно допустимы в современном литературном языке (и в говорах), но первая явно начинает преобладать. Это не относится, впрочем, к глаголам на *ся:* мы можем сказать только *взявшись*, но не *взявся*, как можно было сказать в старое время. Ср. в Уложении 1649 г.: „не *дождався* указу, *проигрався* воруютъ", „*собрався* слѣдомъ придутъ", „лошадь *испужався*... разнесетъ" и т. д., и позже, у Сумарокова в притчах: „конечно, *сжалився* вздохнула ты о нем" и т. п. Только женская концовка установилась и в таких случаях, как *несши, принесши* (возможно, вследствие „омонимического отталкивания" от *нес*<*неслъ* в функ-

ции перфекта). Также: *ушедши* и т. п. (под влиянием *принесши* и т. п.); здесь не было совпадения с прошедшим временем (ср. *шел* из *шедлъ*), поэтому старые формы вроде *ушед* > *ушод* держались долго. В XVII в. в Москве чаще можно было встретить „*пришедъ* из-за рубежа... учнуть", „*отшедъ* от нихъ бьютъ челомъ" и т. д., чем *пришедши*, *отшедши* и пр. Ср. еще позже у Пушкина в „Медном всаднике": „Домой *пришед*, Евгений (стряхнул шинель)". В севернорусских говорах еще сохраняются формы: *ушод*, *пришод* (и *пришодши*, *пришодчи* > *пришотци*).

в) Полные причастия действ. залога образовывались (в общеславянскую эпоху) путем присоединения к кратким формам соответствующих форм местоимения ***и, я, е:***

Настоящее время

	м. р.	ж. р.	ср. р.
Ед. ч. И.	нес-аи	нес-уч-ия	нес-уч-ее (<несаи)
Р.	нес-уч-его	нес-уч-еѣ	нес-уч-его
	и т. д.	и т. д.	и т. д.

Прошедшее время

	м. р.	ж. р.	ср. р.
И.	нес-ъи	нес-ъш-ия	нес-ъш-ее
Р.	нес-ъш-его	нес-ъш-еѣ	нес-ъш-его
	и т. д.	и т. д.	и т. д.

В именительном падеже под влиянием полных прилагательных в конце концов установились формы: *несучий, несучая, несучее; колючий, колючая, колючее; просячий, просячая, просячее* и т. п.; *несший, несшая, несшее; коловший, коловшая, коловшее; просивший, просившая, просившее.*

В косвенных падежах также были пережиты некоторые изменения, аналогичные тем изменениям, которые были пережиты в области полных прилагательных (см. § 80).

Но в современном литературном русском языке полные причастия прошедшего времени сохранили не только свое склонение, но и значение. Между тем полные причастия настоящего времени получили значение прилагательных, причем сохранились далеко не все из них, и появилось много новых образований:

живучий, -ая, -ое	стоячий, -ая, ее
колючий, -ая, -ое	горячий, -ая, -ее

Их место в системе глагольных форм в новое время в литературном языке заняли причастия на *-у(-ю)щий* или ***-я(-а)щий, -ая, -ое*** (с *щ*, заимствованным из церковнославянского языка: *несущий, -ая, -ее, колющий, -ая, -ее, просящий, -ая, -ее, горящий, -ая, -ее, кричащий, -ая, -ее* и т. д.). Процесс накопления этих причастий продолжается и в наши дни.

§ 112. Причастия страдательного залога. Причастия страдательного залога образовывались: 1) причастия настоящего времени (вымершие в других славянских языках) — от основы настоящего времени при помощи суффикса ***-м-*** (с предшествующими тематическими гласными: ***-о-*** — у глаголов типа *несу*, ***-е-*** — у остальных глаголов первого спряжения и у глаголов второго спряжения);

2) причастия прошедшего времени — от основы инфинитива и прошедшего времени с помощью суффиксов: во-первых, ***-н-*** [при условии: а) если основа инфинитива первоначально оканчивалась на ***-а-***, на ***-ѣ-***, на согласный (причем в этом последнем случае перед ***-н-*** оказывалось ***-е***) — у глаголов первого спряжения — или б) если основа инфинитива оканчивалась на ***-и***, причем в этом случае перед ***и*** оказывалось *je* — у глаголов второго спряжения] и, во-вторых, ***-т-*** (в остальных случаях). Имелись краткие и полные формы, с окончаниями кратких и полных прилагательных. Например: 1) *несомъ, -а, -о: несомый, -ая, -ое; ведомъ, -а, -о: ведомый, -ая, -ое; просимъ, -а, -о: просимый, -ая, -ое;*

2) а) *несенъ, -а, -о: несеный, -ая, -ое; писанъ, -а, -о: писаный, -ая, -ое; видьнъ, -а, -о: видѣный, -ая, -ое* (инф. *видѣти*; но ср. прилагательное *видьнъ, видьна* и пр.); *прошенъ, -а, -о: прошеный, -ая, -ое*. Видовые различия при этом не играли никакой роли.

Эти причастия могли быть образованы и от глаголов несовершенного вида, в частности от глаголов многократных. Большое распространение они имели еще в XVII и даже XVIII вв. Они часто встречаются, например в Уложении 1649 г.: „*даваны*... вотчины", 33; „вотчины *отдаваны* челобитчикомь", 218; „земли *продаваны* бояром", 232 об.; „кабаны... *присыланы*", 52; „и тѣ его животы... *пересматриваны*", 145 об. Ср. в „Донских делах": „он *распрашиванъ*" (1623 г.), „им жаловаться не *суливано* и не *сказывано*", „и в городы указу не *посылывано*" (1648 г.). Были возможны и формы вроде „вина не *давывано*" (в Московской грамоте 1651 г.) и т. п. Ср. позже в документах 1735 года: „тот фураж *покупан*" и т. п. В современном русском подобные формы невозможны.

б) *начатъ, -а, -о: начатый, -ая, -ое* (с *а* не из *а, из ę;* инф. *начę-ти); възятъ, -а, -о: възятый, -ая, -ое* (с *'а из ę;* инф. *възęти*); *битъ, -а, -о: битый, -ая, -ое: обутъ, -а, -о: обутый, -ая, ое; пьтъ, -а, -о: пьтый, -ая, ое* (инф. *пѣ-ти, с ѣ* коренным); ср. *видѣнъ, где ѣ* не является коренным.

В литературном русском языке полные страдательные причастия сохраняют и в наши дни склонение по родам, числам (ед. и мн.) и падежам с теми изменениями, которые вообще характерны для полных прилагательных. Но причастия с суффиксом **-н-** в полной форме употребляются теперь с удвоенным *н: несенный, -ая, -ое* (*при-, у-, занесенный* и пр.), *писанный, -ая, -ое* (*на-, за-, выписанный* и пр.), *прошенный, -ая, -ое* (*спрошенный* и пр.) и т. д. Второе *н,* очевидно, остаток **-ьн-** вторичного суффикса. Между прочим, с этим суффиксом в старину образовывались полные отглагольные прилагательные, по значению очень близкие к полным страдательным причастиям. Например, в Уложении 1649 г.: „*находные* рухляди не держать" (найденной рухляди), „*отсрочные* челобитные" (отсроченные), „на *указный* срокъ", „*распашные* земли", „в *оговорномъ* человѣкѣ" (оговоренном) и т. д. Ср. в современном русском: *сходная* цена, *отварной* картофель и т. п. Суффикс **-ньн-** (в образованиях причастного типа), откуда удвоенный суффикс **-нн-,** как признак полных страдательных причастий, вообще говоря, появился рано, и по-видимому, на старославянской почве. Из старославянского языка он получил некоторое распространение в древнерусском книжном, «приподнятом» языке. Например, в I Новгородской летописи (по Синод. списку): „утвердиша твердостию *несказаньною*", л. 153, и т. п.

Народному русскому языку страдательные причастия на **-нный** долгое время были чужды. Судя по данным Уложения 1649 г., в московском просторечии в середине XVII в. страдательных причастий на **-нный** не знали. В этом памятнике соответствующие образования употребляются только с одним *н* и со значением прилагательных: „искати *кошеного* сѣна"; „в *разореныхъ* городѣхъ"; „*потравленой* хлѣбъ" и т. п. Ср. в современном русском: *варёное* мясо, *солёные* грибы, *сушёные* фрукты и т. п. Именно превращение полных страдательных причастий с суффиксом **-н-** в прилагательные и необходимость восполнить эту утрату в системе глагольных форм послужили причиной появления в живом языке новых причастных образований с двойным *н.*

Краткие страдательные причастия, уцелевшие как глагольная категория, имели совершенно одинаковую судьбу с краткими качественными прилагательными (см. § 78).

§ 113. Инфинитив. Первоначально, в эпоху общеславянского языкового единства, инфинитив, будучи неизменяемой глагольной формой, употреблявшейся для обозначения действия без отношения к определенному «лицу» (к предмету мысли, который мог бы производить это действие) и без отношения к определенному времени, когда это действие могло бы быть осуществлено, всегда оканчивался на *-ti*: **nesti*, **kolti* — ***нести, колти*** (древнерусское *коло**ти***), **pьsati*, **vesti* (<*vedti*), **prositi*, **dati* и т. д. Но с течением времени, после того как уже окончился период общеславянских языковых переживаний, вследствие фонетических изменений и вызванного ими переразложения в составе инфинитива (перемещения границы между морфемами), возникла новая форма инфинитива — на восточнославянской почве — на ***-чи*** у глаголов с основой на задненёбный: ***печи*** *(< *pekti)*, ***речи*** *(< *rekti)*, ***мочи*** *(< *mogti)*, ***беречи*** *(< *bergti)* и т. д. Наблюдаемые в некоторых русских говорах, в частности севернорусских, образования вроде: *пекти, стерегти* и т. п., отсутствующие в памятниках письменности, не представляют собой пережиточного явления, а возникли сравнительно недавно под влиянием основы настоящего времени *(пеку)* на основу инфинитива *(пе-чи)*: *пекчи > пекти.*

Полная форма инфинитива на ***-ти*** в большей части русских говоров, в частности в языке Москвы и, стало быть, в литературном русском, сохранилась при наличии ударения на ***-ти***: ***нести́, вести́, идти́, уйти́*** и пр. (а оно бывает на ***-ти*** при условии, если основа инфинитива оканчивается неслоговым звуком), и без ударения у тех же глаголов, сложенных с приставкой ***вы-***: ***вы́нести, вы́йти*** и пр. В остальных случаях, т. е. при наличии ударения на основе инфинитива, конечное ***и*** отсутствует: ***писать, думать, просить, ходить, есть*** и пр.

Но в говорах, особенно севернорусских, главным образом на северо-востоке русской территории (в Европе), в говорах Кировской области и в других, наблюдается сохранение полной формы инфинитива независимо от ударения: *игра́ти, спати, ходити, умерети* и т. п., также: *йсти* (из *ѣсти*). Последнее слово *(ести, исти* из *ѣсти)* вообще широко распространено с окончанием ***-ти*** и встречается в говорах с инфинитивом на ***-ть*** во всех других случаях: *спать, просить* и пр. Вот почему и этот факт можно

объяснить как следствие „омонимического отталкивания" от *есть* (= est, от глагола *есмь* — *быти*).

В украинском языке (в литературном и во многих говорах) преобладает полная форма инфинитива: *нести, лізти, [и]грати, ходити* и т. п. Из инославянских языков так же дело обстоит в сербском (литературном); в других славянских, например в польском, употребляется усеченная форма инфинитива.

В некоторых русских говорах, особенно южнорусских, усеченная форма получила еще большее распространение за счет полной, чем в литературном языке. В этих говорах употребляются формы не только *играти* и пр., но и *несть, весть, плесть* и т. п. Надо полагать, что эта усеченная форма инфинитива возникла одновременно с другими усеченными формами, вроде *сядь* из *сяди* и т. п., *мать* из *мати* и т. п. В письменных памятниках, отражающих живое произношение, усеченная форма инфинитива на ***-ть (т')*** известна с XIII столетия. Но преобладает в это время повсюду в древней Руси полная форма. Так—в Смоленской грамоте 1229 г., в новгородских грамотах XIII—XIV вв., в ранних московских и т. д.

В Москве в приказном (канцелярском) языке наблюдается колебание в отношении форм инфинитива. Одни приказные люди предпочитают пользоваться полной формой, другие — краткой. В Соборном Уложении в первом издании 1649 г. преобладала полная форма (*чинити*), а во втором, последовавшем вслед за первым в том же году, краткая (*чинить*). Между тем в частных письмах этого времени полная форма почти неизвестна. С другой стороны, даже в Уложении 1649 г. встречаются такие случаи усечения инфинитива, как *отнесть, свесть, привесть*.

В XVIII в. полная форма инфинитива все еще изредка возможна, особенно в произведениях „высоких" жанров, но там явно под влиянием церковнославянского языка. Так, у Радищева в „Путешествии из Петербурга в Москву": „*отъяти* жизнь", „рубище *подъяти*" и др.

Форма инфинитива на ***-чи*** была нормальной в Москве в течение всего XVII столетия и позже. Например, в Соборном Уложении: „отданъ... *беречи*" (наряду с *беречь*), „*отсѣчи* рука" и др. Крылов еще в начале XIX в. мог сказать: „Беда, коль пироги начнёт *печи* сапожник" („Щука и Кот"), „Вот волка стали *стеречи*" („Пастух") и т. п. Но теперь подобные образования возможны только в говорах.

Поздним, хотя в некоторых случаях все же старым образованием является форма инфинитива на *-сти*. От глагола *гребу* инфинитив в общеславянском языке звучал *грети* из *греб-ти*. Ср., например, в Остромировом евангелии: „*погрети* своѩ мрьтвьцѧ“ (= погрести, похоронить). Но в древнерусском уже встречается *грести*. Например, в Лаврентьевском списке летописи под 6657 г.: „повелѣ и *погрести*“. Суффикс *-сти* здесь новообразование, возникшее под влиянием глаголов вроде *мести* (<*мет-ти*) и т. п. Такого же происхождения[1] и столь же старым новообразованием является *-сти* в *клясть*: от *кляну* (др.-русск. *кльнǫ*>*клену*) инфинитив должен быть *клять* (др.-русск. *клęти*>*кляти*); например, в послесловии к Остромирову евангелию: „не мозѣте *клѧти*“. В современных севернорусских и особенно сибирских говорах форма инфинитива на *-сти* получила широкое распространение: *взясти, продасти* и т. д.

От глагола *ѣду* старая форма инфинитива (*ѣти*; ср. лит. *jóti*) еще до начала письменности была вытеснена формой *ѣхати*.

От глагола *иду* (<*идǫ*) форма инфинитива первоначально звучала *ити*. В своем первоначальном виде (с одним *т*) она сохраняется в литературном языке только в сочетании с приставками: *уйти, зайти, найти* и пр., а в говорах (например, некоторых севернорусских) иногда и независимо от этого условия, хотя наиболее распространенной формой нужно считать *итти* (явно из *идˡти* — формы, известной по памятникам с XIV столетия, — под влиянием основы настоящего времени: *ид-у* и пр.; ср. в говорах и другие случаи влияния основы настоящего времени: *сясти*: *сяду* или: *жгать* : *жгу*, *вóить* : *вою* и т. д.). Форма *итти* (пишется: *идти*) является литературной формой.

Но в говорах, главным образом юго-западно-(велико)русских, получила широкое распространение форма инфинитива *идить*, возникшая под влиянием основы настоящего времени (*ид-у*), откуда, по-видимому, вследствие межслоговой ассимиляции, *итить* (как бы с двойным окончанием инфинитива). Под влиянием этой формы в свою очередь возникли, не позже XVII в., новообразования: *вестить* (ср. в московском — середины XVII в. — переводе Литовского Статута: „*вывезтить* повинен будет“, 99), *плестить, спастить* и некоторые другие (даже *умыватцать* и т. п).

---

[1] Если не из общеславянского *клę-т-ти*, с неполно удвоенным суффиксом инфинитива.

Первые примеры употребления в письменности формы *итить* (*идить* не встречается) относятся к самому началу XVI в.: „некуда *итить*" — в Челобитной новгородцев не позже 1504 г. („Русск. Ист. биб.", т. 15, стр. 80). Форма *итить* была обычной разговорной формой инфинитива от *иду* в Москве в XVI и особенно в XVII столетии. Ср. в московских памятниках XVII в.: „денегъ приготовилъ с чѣм *итить*", „велѣли имъ *итить*", „не смеетъ и *войтить*", „блюлись *подойтить*" и т. д. В XVIII в. употребление формы *итить* и т. п. (судя по „Запискам" С. А. Порошина, обычное еще в шестидесятых годах этого столетия) в литературном русском языке начинает ослабевать, а потом, в XIX в., и совсем прекращается. Впрочем, не только Пушкин изредка еще употреблял эту форму: „не *разойтиться* ль полюбовно?" (в „Евгении Онегине"), „мог *обойтиться*" (Отрывок 1830 г.), но и писатели более позднего времени вплоть до Герцена.

Глагол *бегу* (< *бѣгѫ*) в общеславянском языке имел форму инфинитива *бѣчи* (из *бѣгти*). Ср. *бѣгати* (1-е л. ед. *бѣгаjѫ*); *бѣжати* (1-е л. ед. *бѣжѫ*). Инфинитив *бѣчи* > *бечь* с приставками **(*у-, из-*)** долго жил в русском языке: „*избечь* недостатков", „*избечь* столкновения" и т. п. в литературном языке можно было сказать еще лет 50 назад. В настоящее время этой формы в литературном языке не употребляют. Но в говорах подобные формы возможны до сих пор. Отсюда и такие диалектальные образования от старой основы инфинитива, как: *убёг* и т. п. Ср. в украинском языке: *збіг*, при *збігти;* ср. *бігти*. Таким образом, „разноспрягаемость" глагола *бежать* в современном русском языке объясняется тем обстоятельством, что некоторые формы (1-е л. ед., 3-е л. мн.) этого глагола, правильно спрягавшегося по второму спряжению, были вытеснены соответствующими формами глагола *бѣчи*, который утратил свое первоначальное спряжение (вероятно, по типу *несѫ*) еще в общеславянскую эпоху.

§ 114. Супин. Кроме инфинитива, во всех славянских языках с доисторической эпохи была в употреблении очень похожая на него в морфологическом отношении форма так называемого „достигательного наклонения" (как назвал ее А. Х. Востоков), или „супина" (supinum), как ее чаще называют. Супин оканчивался на ***-тъ: пастъ, спатъ, проситъ, воеватъ, битъся*** и т. д.

Он употреблялся при глаголах, выражавших движение (например, *иду* и т. п.) или действие, требовавшее движения, для обозначения цели движения: „иду на вы *воеватъ*" (на вас воевать)

и т. п. Так, в „Повести временных лет“: „идеть рыбъ *ловитъ*“, „посла Ярополкъ *искатъ* брата“ и др.; в Смоленской грамоте 1229 г.: „русину не звати латина на поле *битъся*“; в Новгородской грамоте 1270 г.: „приехаша послы... *сажатъ* Ярослава“ и др.; в Синод. списке I Новгородской летописи: „идоша *блюстъ* Торжку“ (т. е. Торжка = Торжок), л. 154 об. См. еще § 316. Супин и в синтаксическом отношении отличался от инфинитива: дополнение при нем употреблялось в форме родительного падежа.

Но уже в ранних памятниках и в книжном, и в деловом литературном языке супин явно вытесняется инфинитивом. Например, в той же Смоленской грамоте 1229 г. читаем: „ехали тамо *твердити* миръ“ (после глагола движения вместо ожидаемого *твердитъ*). Тем не менее можно полагать, что в некоторых русских говорах в течение всего XIV столетия супин еще мог употребляться в качестве живой формы в разговорном языке. Об этом, между прочим, свидетельствуют и любопытные записи на полях некоторых псковских рукописей, в частности Шестоднева 1374 г.: „поѥхати *питъ* в Зрѧковици“ [т. е. „поехать пить(?)“], „полести *мытъсѧ*“ (т. е. „пойти мыться“) и т. п. По-видимому, только к концу XV в. прекратилось повсюду в живой речи употребление супина как одного из элементов грамматической системы русского языка.

6. НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

§ 115. Пережиточные формы изменяемых именных и глагольных слов, сохранившиеся в функции наречий. Кроме наречий с местоименным корнем праславянского происхождения: *как* (< *како*), *так* (< *тако*), *где* (< *кътдѣ* : *къде*), *везде* (< *вьсьдѣ* : *вьсде*), *здесь* (< *сьдѣсь*; оно возможно было и без второго *сь*: *сьдѣ* > *зде*), *тут* (< *туто*; ср. в „Хожении“ Афанасия Никитина: „и они нас *туто* взяли“), *куда*, *туда* [с корнями: *к(о)*, *т(о)* и суффиксальной частью (из общеслав. *-ǫd-*)]; или: *куды*, *туды* (ср. еще в „Горе от ума“, в музейном автографе: „*Куды* один, другой *туды* же“); также: *сюда* [с корнем *с(е)*], или *сюды* (ср. еще у Сумарокова: „Не для владения пришли они *сюды*“ — „Синав и Трувор“, 1750 г.); *всюду* (< *вьс'ǫду* < *вьхǫду*, от корня *-вьс-* < *-вьх-*) и т. д.; кроме наречий на ***-о, -е***: *сильно* и пр., на ***-ски***: *по-русски* и т. п., имеется много наречий, теперь широко распространенных в русском языке, литературном и диалектальном, которые возникли в историческое время из изменяемых слов, склоняемых или спрягаемых.

Так, например, наречия нередко представляют собой застывшие косвенные падежные формы существительных, причем в одних случаях такое происхождение наречий ясно для всякого и не нуждается в исторических комментариях (*шагом, вчера́* < *вьчера* < *вечера, вслух, вдали, снизу, кстати* и т. п., иногда с другим ударением: *круго́м* при *кру́гом* — твор. ед. и т. п.), тогда как в других случаях дело обстоит иначе. Например, *пешком*, так же как и *шагом*, восходит к твор. ед., но от слова, которое не сохранилось как склоняемое существительное. Оно должно было звучать примерно *пѣшькъ* (образец склонения *стол*). Ср. древнерусское прозвище *Пѣшекъ*. Дьяк *Пешек* Жуков упоминается в одной грамоте 1609 г. (Акты исторические, т. 1, с. 85). Ср. также др.-рус. *пѣшьць* — пешеход. Похожее слово, но с другим суффиксом, имеется в болгарском: *пеша́к*, в сербском: *пе́ша̄к* (значение: „пешеход", „пехотинец"). У нас удержалась только женская форма этого слова: *пешка*. Такого же происхождения, по-видимому, *босиком, нагишом* и т. п.

Во многих случаях, однако, происхождение наречий не является вполне ясным. Сюда относятся, например, наречия *домой* и *долой*. Первоначально они представляли собой форму дательного ед. от существительных *домъ, долъ* (склонявшихся, хотя и непоследовательно, по образцу *сынъ*): *домови, долови*. Так, в „Повести временных лет" (по Лавр. списку): „идѣте с данью *домови*" (домой). В древнерусском языке дательный ед. без предлога часто употреблялся для обозначения цели движения. Например, в той же „Повести": „Ольгъ бѣжа *Тмутороканю*, Мстислав же възративъся вспять *Суздалю*", „Ольга приде *Царюгороду*" и т. д. Такого же рода дательным цели движения являлся и *домови*. Отсюда впоследствии в некоторых памятниках *домовь*: „отпусти я *домовь*" — I Новг. летопись по Синод. списку; „понесеть его *домовь*" — Смоленская грамота 1230 г. и др. В Москве форма *домовь* или *домов* (и теперь еще кое-где сохраняющаяся на севере, например в говорах Шенкурского р-на Арханг. обл. и др.) была нормальной еще в XVII в. Например, в Уложении 1649 г.: „збѣжит к себѣ *домовь*"; в сочинении Котошихина „О России" и пр.: „отпустить его к себе *домовь*" и т. д. Новая форма *домой*, возникшая (в других говорах), по-видимому, также фонетически из *домови* (*домо*[*в*]*и* > *домои* > *домой*), вытеснила форму *домовь* не раньше петровского времени.

Одинаковую судьбу имело наречие *долови*. Первоначальное значение этого слова было другое, не „прочь", а „вниз". С этим

значением оно встречается еще в XVII в. Например, в „Сказании о самозванце“: „убиша тамо же вверху и скинуша его *доловь* на землю“.

Некоторые наши наречия (иногда употребляемые и в функции предлогов) восходят к винительному ед. К беспредложному винительному восходят, например в говорах и у писателей начала XIX в.: *вечóр* (в частности, у Пушкина: „*Вечор,* ты помнишь, вьюга злилась...“) в смысле „вчера вечером“, в говорах: *ночесь* (из *ночь-сь*), *летось* (ср. ст.-сл. дьньсь) и т. д.

К винительному падежу с предлогом восходит *около* от *коло* (круг, ср. *колесо.*) Первоначальное значение: „вокруг“, „кругом“: „шесть *круговъ,* три *около* солнца“ — в I Новг. летописи по Синод. списку. С этим первоначальным значением наречие-предлог *около* употреблялось еще в начале прошлого столетия. Например, в „Северном Вестнике“ за 1804 г., № 2, напечатана „Инструкция Академии наук профессору Тилезиусу для путешествия *около* свѣта“. Впрочем, и значение „вблизи“, „подле“ известно с давнего времени. Также *опять* (из *о* + *пęть* — „пята“, „пятка“; ср. литов. *péntis* — „пята“, „обух“). К той же группе (с винительным ед.) относятся: с приставкой *о: обок, одаль, окрест* и т. д.; с приставкой *по-: поперек* (ср. др.-рус. *перекъ* — „широкая поперечина“; в письменных памятниках XVI—XVII вв. обычно: *поперег* с нефонетически возникшим *г*).

К форме родительного-местного п. двойственного числа от *межда* (при вост.-слав. *межа*) восходит у нас книжно-литературное *между,* обыкновенно с творительным мн. Наше *меж* получилось не из *между,* а из *межи* (например, в Московской грамоте около 1367 г.: „а тому тако же *межи* нас исправа“ и т. д.), вероятно, формы местного ед.

Таким образом, процесс превращения существительных в косвенных падежах в наречия часто обусловливается тем обстоятельством, что некоторые старые формы, как, например, беспредложный дательный цели при глаголах движения, выходят из употребления. То же следует сказать о „местном падеже“. С исчезновением местного падежа связано появление целого ряда наречий. Например, *кроме* (из *кромѣ* в старину с ударением на конце; ср. еще у А. С. Грибоедова: „Скромна, а ничего *кромѐ* | Проказ и ветру на уме“); по происхождению оно является местным падежом от существительного *кромá* — край, предел, граница; следовательно, *кроме* первоначально значило „на краю“, „на грани“;

а потом уже получило значение „вне“. В старом книжно-литературном языке сюда же относится наречие *горѣ* (вверху); в говорах: *у́тре* (<*утрѣ*), или *утресь, зи́ме* (<*зимѣ*) и т. п. Наречие *поделóм* восходит к словосочетанию *по дѣломъ*, со старой формой дательного мн. по первому склонению.

Утрата склонения краткими непритяжательными прилагательными способствовала возникновению многих наречий: *справа, слева, сгоряча, досыта, сослепу, помалу, наготове, вдалеке* (также заимствованное из церковнославянского языка: *вкратце*, из *въ кратъцѣ*) и пр.

В XVII в. появилось наречие *очень*. В старину в Москве оно употреблялось, а в говорах и до сих пор возможно, в форме *о́чунь*. Только с *у*: *ю* после *ч* это наречие встречается в Книге о ратном строе 1647 г.: „*не очюнь* бы дóлги были“ и пр. Оно было известно в литературном языке и позже. Тредиаковский в сочинении „Езда в остров любви“ говорит: „язык славенский... *очюнь* темен“. В переводных „Итальянских комедиях и интермедиях“ тридцатых годов XVIII в. оно встречается десятки раз и, как правило, в форме *очунь* : *очюнь*. Можно думать, что это наречие восходит к краткому прилагательному *очуньнь*, при полной форме *очуньний* или *очуньный* (с корнем *чу*) — „явный“, „настоящий“ (ср. *очунѣть* — „очувствоваться“, „прийти в себя“ и т. п.). Стало быть, „*очуньнь* добръ человѣкъ“ сначала могло значить „по-настоящему, явно добрый“ и т. д.

Наречие *лишь* восходит к сравнительной степени от *лихъ* (лишний) и сначала значило „больше“. Например, в Московской уставной грамоте Василия Дмитриевича 1392 г.: „а *лише* того оброка не имати“ (т. е. больше, сверх). *Лише* или *лишо* в Москве употреблялось еще в XVII в.: „ты *лишо* мне везде убыль чинишь“ — в бумагах боярина Б. Морозова. Ср. в „Житии“ Аввакума: „и он *лишо* излаялъ меня“ и пр.

Некоторые наречия по происхождению являются словосочетаниями. Так, наречие *теперь* возникло из первоначального словосочетания *то пьрво* (>*то перво*>*то перьво*), что значило „в первый раз“, „впервые“ или „сначала“. Отсюда, уже в древнерусскую эпоху, развилось значение „только что“, а потом и значение „в настоящее время“. Позже произошло сокращение *топерь (во)*> *топерь* и, вследствие межслоговой ассимиляции гласных, вместо ***то*** получилось ***те***: *теперь*. В Москве *топерво* и другие варианты этого наречия: *теперво, топере, топерь* — были воз-

можны еще в XVII в.: „*топѐрво* говорить“, „*тепѐрво* ожидают“ и т. п., — в документах Посольского приказа 1654—1656 гг. и т. д.; „лихорадка де знобит и *тоѝпере*“ — в письмах царя Алексея.

Наречие-союз *пока* также восходит к целому словосочетанию *по ка мѣста* (где *-ка* является местоимением в форме винительного мн., согласованным с *мѣста*; ср. *кѣ-то, ко-го* и пр.). Так, в Уложении 1649 г.: „а *покамѣста* они долгов своихъ свободятся, и им служить“ или: „отсрочить до тѣхъ мѣстъ, *покамѣста*...“ и т. п. Еще в начале XVII в. можно было сказать: „*пока* я *мѣста* живъ буду, мнѣ ходить“ и пр. (см. об этом ниже, на стр. 334). Но в Книге о ратном строе 1647 г. уже встречается *пока*. Впоследствии более простая и краткая форма этого наречия вытеснила более сложную, как и во многих других случаях.

В этом отношении представляет интерес также история некоторых других союзов и частиц. Так, например, частицы, которыми мы и теперь пользуемся при пересказе чужой речи: *де*, *мол* и др., являются сильно сокращенными формами полных слов, выражавших понятие „говорит“ или „говорят“. Частица *де* восходит к форме *дѣеть* (3-е л. ед. ч. наст. вр.) от *дѣяти* — глагола, который употреблялся в древности не только со значением „действовать“, „делать“, но и со значением „говорить“ (как и латинское facere). Например: „аже *дѣеши*: ты мой еси отьць“ и пр. (смысл: „если ты скажешь...“) — в Ипатьевском списке летописи (под 6658 г.). В начале XVII в. в Москве еще говорили *дее* или *деи*: „и они *деи* преж того били челом“, „они *деи* на Устюге купили“ и пр. — в Жалованной грамоте царя Василия Ивановича 1606 г. После Смутного времени устанавливается форма *де* вместо *деи*. Что касается частицы *мол*, то она, по-видимому, восходит к *мо̀лвить* (3-е л. ед. ч. наст. вр.). С исчезновением аориста (ср. *чухъ*, *чу* и т. д.) в русском языке обычно связывают происхождение частицы *чу*, нередко встречающейся у писателей первой половины XIX в.: „Тише, *чу*, гитары звон!“ (Пушкин). Возможно, однако, что эта частица восходит к *чую* (или к *чуй* — 2-е л. повелительного наклонения) от *чути* (слышать). Ср. в говорах Костромской обл.: „я *чу*, ты придёшь“. В пользу этого предположения свидетельствует позднее появление этого *чу*.

Не совсем выяснено происхождение частицы *су*, известной по памятникам письменности XVI—XVII столетий. Например, в „Житии“ Аввакума: „Никон говорит... *знаю-су* я пустосвятов

тех“ и т. п. В фольклоре: „*выходили-су* девушки, *выходили-су* красные“ и пр. Возможно, оно — из *слышу*, как *чай* (частица) из *чаю* (жду, надеюсь). Некоторые языковеды пытаются вывести *-су* из *осударь*>*сударь* (особенно при наличии *-осу*, например в „Жалованной грамоте“ 1604 г.: „князь *Федор-осу* Иванович“), как и частицу угодливо-почтительного обращения *с*: *извольте-с, да-с, нет-с* и т. п. (однако на этот раз уже без всякого основания). Эта последняя частица, не имеющая ничего общего (ни по значению, ни по происхождению) с *су*, появилась в конце XVIII—XIX столетий, сначала как принадлежность жаргона верхушечных слоев имущих классов (ср. у Пушкина в „Евгении Онегине“: „Сосед наш неуч... Не скажет *да-с* иль *нет-с*“), а потом получила широкое распространение в разговорной речи городского населения, особенно чиновничества. В говорах этой частицы никогда не было. После Великой Октябрьской социалистической революции она вообще вышла из употребления. О происхождении частицы *ведь* см. в § 102.

Наша утвердительная ч а с т и ц а *да* представляет интерес в том отношении, что в древнерусском языке, судя по памятникам письменности, этой частицы еще не существовало, хотя с о ю з *да*, с которым она этимологически связана, встречается в памятниках очень часто с древнейшего времени. И в других славянских языках эта частица употребляется далеко не повсеместно. Украинцы, белорусы, поляки говорят не *да*, а *так*; чехи — *ano*. Знают эту частицу болгары, отчасти сербы.

Отрицательная частица *нет* восходит к *не е(сть) ту* (ср. *туто*>*тут*)>*нѣту*, которое теперь сохраняется в просторечии, но в первой половине XIX в. еще было употребительно и в литературном, даже поэтическом языке. Ср. у Пушкина в „Евгении Онегине“: — „Представь меня! — Ты шутишь. — *Нету!*“ и т. п. Форма *нѣтъ* встречается в памятниках письменности примерно с XIV в.

Синонимическим выражением к *не мочно* и более позднему *не можно* является древнерусское *не льга* и *не льзѣ*, где *льзѣ* по происхождению дательный ед. от *льга*>*льзя*. Ср. в Новгородской I летописи по Синодальному списку: „*нелга* вылести“ (=нельзя), л. 12, об.; ср. также с приставкой: *польга* (в памятниках с *г* не встречается)>*пользя*, книжное *польза* (корень тот же, что в *льгота, льгько* и пр.). Форма *нельзя* — более поздняя, но встречается уже в Ипатьевском списке летописи.

Основная группа наших предлогов [*в* < *въ* < *вън* (<собственно *ън* с протетическим *в;* ср. греч. ἐν, лат. *in* и др.); *с* < *съ* < *сън* (< индоевроп. *$\widehat{k}$om*: ср. лат. *cum*); *к* < *къ* < *кън* (индоевроп. **kom;* ср. древнеинд. *kam*); *при* (ср. лат. *prae*) и т. д.] употребляется с общеславянской эпохи. Некоторые из них имели более сложную судьбу. Так, предлог *для* сначала был известен только в форме *дѣля* (ср. укр. *ділá*). При этом он обыкновенно употреблялся з а словом, к которому относился. Например, в Духовной Симеона Гордого 1353 г.: „а пишу вамъ се слово *того дѣля,* чтобы...“; в „Хожении“ Афанасия Никитина: „и ты бы их отпустил *меня дѣля*“ и т. п. Ср. также *богадельня,* восходящее к „*бога дѣля*“ (= ради бога). Форма *для* (сначала также в постпозитивном употреблении) известна лишь с конца XIV в.

В области предлогов необходимо отметить одно явление, характерное для древнерусского языка и некоторых современных русских говоров, сближающее русский язык с некоторыми другими славянскими: возможность удвоения предлогов *въ* и *съ*. Явление это не было чуждо и старомосковскому говору. Например, в грамоте кн. Дмитрия Юрьевича 1440 г.: „а моимъ воеводам ити *със* твоими воеводами“, 97 [1]; в грамоте кн. Андрея Васильевича: „а быти ми *със* твоим братом... и *със* твоею великою княжнею с *със* твоими дѣтми“, 267. Сюда же можно отнести в Духовной грамоте Ивана Калиты около 1339 г.: „ида *във* орду“, 7[2]. Ср. в „Песнях“ Рыбникова: „*вов* синё море“, „*вов* высок терем“ и т. п. Ср. в говорах Московской обл.: *сас* трёх рас и т. п.; в Сибири: *сос* лесу выехал, *сос* кем и т. д. То же явление в болгарском языке: *във* вода-та (= в воду).

§ 116. Некоторые выводы. История грамматического строя русского языка снова позволяет сделать прежде всего тот вывод, что развитие всякого языка представляет собой движение вперед, в направлении улучшения, совершенствования языка. В данном случае прогресс можно видеть прежде всего в ликвидации тех лишних вариантных грамматических форм, которые не могли получить нового применения, и вообще лишних грамматических категорий и форм, ставших ненужными по мере развития человеческого мышления, развития культуры и форм общественной жизни. Исчезновение двойственного числа в склонении и спряже-

---

[1] Страницы по изданию 1950 г. под ред. Л. В. Черепнина.

[2] Это место нельзя читать: „в ворду“: слово *орда* в московских грамотах XIV—XV вв. с начальным *в* никогда не употребляется.

нии и особой звательной формы, параллелизма в склонении существительных одного рода, вытеснение некоторых категорий прошедшего времени (аорист, имперфект, плюсквамперфект) формами прошедшего на *лъ*, исчезновение склоняемых кратких прилагательных, кратких порядковых числительных и кратких причастий, ставших лишними при наличии полных прилагательных и пр., можно рассматривать как упорядочение грамматического строя русского языка, его грамматики. Чем проще и в то же время выразительнее грамматическая структура языка, чем меньше загромождена она параллельными грамматическими формами, не используемыми данным языковым коллективом в процессе речи, чем меньше в ней пережиточных категорий, тем она удобнее как инструмент мысли, как орудие, помогающее превращать слова в речь. Устранение лишних, ненужных, без нужды загромождающих язык дублетных грамматических форм, как и лишних слов, не есть обеднение языка, а, напротив, помогает языку лучше справляться с его назначением в общественной жизни людей — служить средством общения и обмена мыслями[1].

Едва ли можно оспаривать тот очевидный факт, что современная русская система склонения существительных с распределением склоняемых форм по родам в соответствии с родовыми формами прилагательных, причастий и пр. является гораздо более простой и удобной, чем в древнерусском языке XI—XIX вв., — главным образом благодаря устранению таких морфологических дублетов, как, например, параллельные падежные формы, которые не могли быть использованы ни в семантическом, ни в стилистическом планах. Вместо четырех склонений мужского рода на согласный (оказавшийся конечным после падения глухих): *стол, конь, гость, камень*, установилось одно, правда, с твердой и мягкой основами, но уже без расхождения в окончаниях, как в старину. Если вместо пяти способов выражения прошедшего времени, существовавших в древнерусском языке, у нас остался только один (*нёс, просил*), то это нельзя рассматривать как „ущерб". То, что было утрачено в отношении оттенков значения прошедшего времени, вследствие исчезновения форм

[1] Не следует, однако, думать, что в тех родственных языках, где некоторые старые грамматические категории и формы, исчезнувшие в русском языке, сохранились, не имеется движения вперед, улучшения и совершенствования. Прогресс имеет место в развитии каждого языка, но он осуществляется по-разному, в соответствии с внутренними законами развития каждого языка.

аориста, имперфекта, плюсквамперфекта, было сторицей восполнено благодаря развитию категории **в и д а**. Краткие формы прилагательных и порядковых числительных, после того как они перестали отличаться по значению от соответствующих полных форм, оказались на положении „грамматического балласта“, который только затруднял пользование языком, затруднял выражение мысли. Поэтому они были устранены, причем краткие формы качественных прилагательных были использованы как **п р е д и к а т и в н ы е** формы, как новые специальные формы выражения сказуемого. Не бессмысленным является (с исторической точки зрения) также исчезновение энклитических личных местоимений (*ми, мя* и т. п.) при наличии полных личных местоимений, исчезновение супина при наличии инфинитива и т. д.

Название предмета мысли (например, лица), к которому обращаются с речью, в разговорном языке не выражается только с помощью особой падежной формы, но обязательно также и синтаксически, и средствами ритмико-мелодического характера. Употребление особой звательной формы в русском языке всегда играло второстепенную роль тем более, что в двойственном и во множественном числе, а в известных случаях и в единственном в обращении употреблялся именительный падеж. Поэтому звательная форма с известного времени стала ненужной и исчезла.

С другой стороны, такие явления, как исчезновение конкретной категории **д в о й с т в е н н о г о** числа и вытеснение ее отвлеченной категорией **м н о ж е с т в е н н о с т и**, как развитие категории **о д у ш е в л е н н о с т и**, как утрата собственно-лексического значения глагольными **п р и с т а в к а м и** (*написать, сделать* и т. п.) в связи с развитием форм **в и д а**, как превращение возвратного местоимения ***ся*** в залоговую частицу и развитие залоговых значений, как усиление отвлеченности количественных числительных в связи с упорядочением их склонения (история числительных 2, 3, 4, 10, 40 и др.: *та пять деревень* > *те пять деревень*) и т. д., — все это можно рассматривать как проявление длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления.

Это движение от частного и конкретного к общему и абстрактному является одной из характернейших черт движения языка вперед его обогащения, его развития.

Б. ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС

РАЗВИТИЕ ПРОСТОГО И СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СЛОВОСОЧЕТАНИЙ ВНУТРИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 117. Многие синтаксические особенности древнерусского языка в пределах простого предложения уже были отмечены выше, в учении о частях речи. Например, многое из того, что было сказано о двойственном числе в склонении и спряжении, о категории одушевленности, о звательной форме, об отношениях именительного и винительного падежей, имеет прямое отношение и к синтаксису, к учению о строе предложения, о структуре фразы. Отсутствие предлога в таких словосочетаниях, как „сѣде *Кыевѣ*“ (в Киеве), т. е. употребление так называемого «местного» падежа, конечно, прямым образом касается выражения второстепенных членов предложения, как и употребление кратких прилагательных в косвенных падежах. Наличие в древнерусском языке спрягаемого глагола *есмь* позволяло нашим предкам (или, лучше сказать, з а с т а в л я л о их) вообще иначе строить предложения, иначе выражать мысль, чем это делаем мы.

Всякий раз, когда мы рассматриваем употребление частей речи: употребление падежей, употребление времен и т. п., мы выходим за рамки грамматической морфологии в строгом смысле слова и вступаем в область синтаксиса.

Но синтаксический строй древнерусского языка отличался от синтаксического строя современного русского еще во многих д р у г и х отношениях.

1. ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 118. Двусоставные предложения (с подлежащим и сказуемым). В древнерусском языке не было каких-либо особенных форм простого предложения, помимо тех, которые известны и в современном русском. Можно, однако, утверждать, что в современном русском литературном языке форм предложения, т. е. способов выражения законченной мысли, несколько больше, чем их было в древнерусском языке Киевской эпохи, и они лучше организованы.

Славянские языки, как и другие индоевропейские, характеризуются н о м и н а т и в н ы м с т р о е м предложения, т. е. таким

построением предложения, когда подлежащее при глагольном сказуемом, как правило, имеет форму именительного падежа и, значит, формально отличается от дополнения, которое обыкновенно выражается косвенными падежами, в частности от прямого дополнения в винительном падеже без предлога.

Сказуемое при этом выражается или личной формой глагола (если сказуемое — простое) или сочетанием личной формы связки с предикативным членом (если сказуемое — составное). Например, в Новгородской I летописи по Синод. списку: „за грѣхы наша *богъ казнить* ны“, „и *рече Ярославъ* дружинѣ“, „*умьрлъ бяше Михалко*“, „а кого *дойдеть рука*, а ты (=тех) ведоша“, „*новгородци* тебе *не слушають*“, „*пльсковичи выпроводиша* князя Олександра от себе“; „*солнце помьрче,* яко на часу и боле, и *звезды быша*“, „*уби* всю ярь *морозъ*“, „а *брат* его *Романъ* и *Мьстиславъ пожгоста* Лукы, а *луцяне*... *отступиша*“ и т. д. (простое сказуемое); „*хлѣбъ бяше дорогъ*“, „въ то же лѣто *бяше буря велика*“, „а на Търожку *все чело* (= цело) *бысть*“, „*слепленъ бысть Василко*“, „томъ же лѣтѣ *сътворена бысть черкы* (=церковь)“, „и *ради быша людье* Новѣгородѣ“, „и не *то бяше зло*“ и т. п. (составное сказуемое). В отдельных памятниках, — в „Повести временных лет“: „*есть служба* ихъ *паче* всех стран“, „Руси *веселье есть питие*“ (составное сказуемое); в Мстиславовой грамоте „се *азъ, Мьстиславъ*... *повелѣлъ есмь*“, „донелѣ же ся *миръ състоить*“, „*кто ся изоостанеть* въ манастыри“, „коли *игуменъ обѣдаеть*“, „да *судить* ему *богъ*“ и т. п. (простое сказуемое); „то *вы* тѣмь *дължьни есте* молити за ны бога“ (составное сказуемое); в новгородских пергаментных грамотах XIII—XIV вв.: „а вынесуть тобѣ изъ орды кн(я)жение великое, намъ *еси кн(я)зь*“, „а *пожни,* великие кн(я)зи, *ваши* и *ваших мужеи,* то *ваши* и *ваших мужеи*“, „а Новгороду *то не надоби*“ и т. п. (составное сказуемое).

§ 119. Связка *есмь, еси* и др. в составном сказуемом. Связка настоящего времени не была обязательной. В упомянутой Новгородской I летописи иногда на одной и той же странице встречается составное сказуемое и со связкой, и без связки. Например: „азъ *есмь цесарь*“, 66 об: „язъ вашь *цесарь*“, 67 об.; „ты ми *еси сынъ,* а язъ тѣбе *отець*“, 76; без связки: „ты нашь *князь*“, „а вы *вольни* въ князехъ“ и др. Составное сказуемое без связки находим в „Молении Даниила Заточника“, но лишь в третьем лице: „не *скотъ* в скотѣхъ коза, ни *звѣрь* в звѣрехъ ожь,

ни *рыба* в рыбахъ ракъ, ни *потъка* в потъкахъ нетопырь, ни *мужь* в мужехь, иже кимь своя жена владѣеть". Но: „*сладка сут(ь)* словеса твоя". Ср. „аще *есми* на рати не велми *храбръ*" и т. п.

Неупотребление или употребление связки в составном сказуемом, по-видимому, зависело не только от жанрово-стилистических установок в письменной речи (ср. выше в высоком стиле: „азъ *есмь* цесарь": „язъ вашь *цесарь*"), но и от наличия подлежащего или от отсутствия его, когда оно не названо (в 1-м и 2-м лице это могли быть лишь местоимения: *азъ: язъ, ты, мы* и др.), а лишь подразумевается (ср. выше в § 102 об употреблении связки в перфекте.) Исчезновение связки в составном сказуемом началось, как и в формах перфекта, с 3-го лица, но закончилось раньше, чем в рамках перфекта.

§ 120. „Второй именительный". Во многих случаях, когда в современном русском языке употребляется творительный падеж имени существительного в составе сказуемого, в древнерусском языке оказывается именительный. Именительный предикативный обычно употреблялся в сочетании со спрягаемыми формами прошедшего и будущего времени от глагола *быти:* „*бѣ* Каинъ *ратай*"; „Кий *есть перевозникъ былъ*" и т. п. — в „Повести временных лет"; „а вѣ ему *будевѣ местника*" (мы с тобой будем мстителями; *вѣ* и *местника* им. дв.) — в сочинениях Владимира Мономаха и т. д. Также в новгородских и прочих грамотах. Например, в Духовной Ивана Калиты 1339 г.: „ты имъ *будешь печальникъ*" (и т. п.). Ср. у Пушкина в „Полтаве": „Ты *будешь царь* земли родной" (не: *царем*).

Отметим также употребление именительного падежа имени сущ. в сочетании с инфинитивом *быти,* примыкающим к знаменательному глаголу: „научися... *быти* благочестью *делатель*" — в сочинениях Владимира Мономаха. Но ср. в поэме „Пётр Великий" Ломоносова: „И каждая волна *быть* кажется *гора,* что с ревом падает, обрушась на Петра" (здесь *быть* = est).

Это явление наблюдается также в тех случаях, когда сказуемое выражено знаменательным или полузнаменательным глаголом со значением „слыть", „именоваться", „называться" и т. п. Например, в „Повести временных лет": „(они) нарицахуся *Поляне*", „и нарекошася *Сѣверъ*"; „на горѣ еже ныне зоветь *Угорское*"; „что ради (монастырь) зоветься *Печерский*" и т. п.; в сочинениях Владимира Мономаха: „азъ... нареченъ есмь въ кр[е]щ[е]нии *Василий*".

К словосочетаниям со „вторым именительным" в синтаксическом отношении близки такие случаи, как (в „Повести временных лет"): „и паде *мертвъ*" (мертвым), „я *живъ* не иду из своеѣ волости", „едва слѣзуть ле *живи*" (еле живыми) и др. „Второй именительный" выражается здесь краткой формой прилагательного. В современном русском языке в этих случаях употребляется творительный падеж полных прилагательных.

Употребление творительного падежа вместо именительного в составе сказуемого, известное во всех славянских языках, и у нас известно с давних пор, но сначала оно было весьма ограничено, особенно после „глаголов бытия", после связки. В „Русской правде" не отмечено ни одного случая. В „Повести временных лет" имеются лишь единичные случаи творительного предикативного: „у Ярополка же жена грекини (имен. ед.!) бѣ и бяше была *черницею*" (под 6485 г.). Ср. в Смоленской грамоте 1229 г.: „та два была *послъмь* у Ризѣ".

Чаще творительный встречается после знаменательных и полузнаменательных глаголов. С течением времени именительный падеж в составе сказуемого стал вытесняться творительным, особенно после знаменательных и полузнаменательных глаголов. Процесс этот продолжается и в современном русском языке.

Позже других предикативных членов составного сказуемого появился творительный полных прилагательных. Его распространение относится едва ли не к XVII столетию [в начале XVIII он встречается уже нередко: „чтоб всем суд был *истинным*" (Указы Петра I), „а ежели те челобитчики *довольными* не будут" (там же) и т. п.]. В именительном падеже полные прилагательные в памятниках письменности отмечаются главным образом с XV в., но, вероятно, они были возможны в этой функции и раньше (ср. в „Молении Даниила Заточника": „их ризы *свътлые*" и т. п.). В настоящее время употребление полных прилагательных в составе сказуемого особенно характерно для украинского и белорусского языков, где краткие прилагательные в предикативном употреблении почти неизвестны.

§ 121. **„Второй винительный".** Похожим на „второй именительный" явлением можно считать оборот „второй винительный", которому в современном русском языке также соответствует словосочетание с творительным падежом. Это явление, заключающееся в том, что при переходных глаголах со значением

„называть“, „считать“, „назначать“, „принять“ и т. п., кроме прямого дополнения, допускалось еще употребление второго беспредложного винительного (существительных и прилагательных), отвечавшего на вопросы „кем, чем?“ (называть, считать), „в качестве кого, чего?“ (назначить, сделать). Например, при „глаголах называния“ в „Повести временных лет“: „зовуть *я татары* (= их — татарами), „нарече *и Переяславль*, зане перея славу отрок-от“ (= его — Переяславлем). Также: „(Коцел) постави *Мефодья епископа* в Панонии“ (= епископом) и др. Ср. в Новгородской I летописи по Синод. списку.: „а *сына* моего, рече, приимите собе *князя*“ (под 6649 г.). В книжных жанрах этот оборот (не чуждый и старославянскому языку) встречается и в XVI—XVII вв. Например: „*еретика мене* называют“ — в сочинениях Максима Грека, „нарицают *его патриарха* и облагают всеми священными ризами“ — в „Сказании Авраама Палицына“.

К этой конструкции очень близки словосочетания с кратким прилагательным, являющиеся не столько определениями, сколько дополнениями вместо существительного: в „Повести временных лет“: „*налѣзоша* Тугоркана *мертва*“ (нашли... мертвым); в I Новгородской летописи под 6723 г.: „и *въвьргоша* и в грѣблю *мьртвъ*“ (ввергнули его в ров мертвым); в сочинениях Владимира Мономаха: „тебе (вин. ед.) бо *имуще помощницю*“ (помощницей); „*не лѣнива мя былъ сотворилъ*“ (не ленивым) и т. п. Сюда не относится: „кони мѣдяны... *мнять я мрамаряны суща*“ (= „думают, что они — мраморные“).

Употребление творительного падежа вместо „второго винительного“ наблюдается чаще и известно с древнейшего времени: „нарекъ *ю дщерью* собѣ“ — в „Повести временных лет“, „поставиша *игуменомъ Саву*“ — в Новгородской I летописи по Синод. списку и т. п. Это относится и к творительному полных прилагательных, как, например, в „Поучении“ Владимира Мономаха: „ти бо мимоходячи прославять *человѣка* по всѣм землям любо *добрым*, любо *злымъ*“.

§ 122. Краткие причастия действительного залога в составе сказуемого. Одной из важнейших особенностей выражения составного сказуемого в древнерусском языке следует считать употребление кратких причастий действительного залога (главным образом несовершенного вида) в качестве именной части составного сказуемого в сочетании со спрягаемыми формами глагола *быти* или с другими глаголами. Это явление характерно главным образом

для книжно-литературного языка древней Руси; в грамотах и других памятниках деловой речи оно отражено очень слабо. Возможно, однако, что до некоторой степени оно также было известно и народным говорам.

Примеры из „Повести временных лет“ (по Лаврент. списку):

„и *есть* ц(ь)рки та *стоящи* въ Корсунѣ градѣ“ (та церковь стоит); „*суть* же кости его и доселѣ тамо *лежаче*“ (кости его лежат); „в Печеру (в) люди еже *суть* дань *дающе*“ (к людям, которые дань дают); „*бѣ* бо Володимеръ *любя* дружину“ (любил); „*бяхуть* бо борци *стояще* горѣ во броня[х] и *стрѣляюще*“ (стояли вверху и стреляли) и т. п.

Краткое причастие действительного залога в некоторых случаях могло и самостоятельно, т. е. без сопровождения связки *есмь* и пр., выступать в роли сказуемого, особенно в придаточных предложениях. Например, в той же „Повести“: „прозвашась имены своими, гдѣ *сѣдше*“ (где сели); „умыкиваху жены собѣ, съ нею же кто *свѣщався*“ (с которою кто уговорился); „не вѣдяху, камо *бѣжаще*“ (куда бегут) и т. п.

Такое причастие употреблялось и в сочетании с другими глаголами, знаменательными или полузнаменательными, с собственным реальным значением. Например, в „Повести временных лет“: „*измывшеся* придите ко мнѣ“ (вымывшись, придите); „*убоявся* побѣже Олегъ“; „сѣде *княжя* ту въ Переяславци, *емля* дань на грьцѣхъ“ (сидел, княжа и собирая дань). Сюда же относится первая фраза Мстиславовой грамоты: „се азъ Мьстиславъ... *държа* русьску землю... повелѣлъ есмь...“ По своей синтаксической роли такое причастие очень напоминает наше обособленное деепричастие и поэтому обычно переводится с помощью деепричастного оборота, который действительно и развился в связи с утратой причастием его согласования с подлежащим в предложениях этого типа.

Глагольность кратких причастий действительного залога в сочетании со знаменательными глаголами была настолько велика, что словосочетания с такими причастиями могли отрываться от глагольного сказуемого и получали значение как бы самостоятельных предложений-спутников, но без собственного подлежащего, причем выражением этой самостоятельности служило употребление сочинительных союзов, особенно ***и***. Например, в Синодальном списке I Новгородской летописи: а) „и *створше* вѣче на Ярославли дворѣ, **и** *поидоша* на владыцьнь дворъ“ (сотворили

вече и пошли), „тъгда *увѣдавъше* татари, оже идуть рустии князи противу имъ, и *прислаша* послы“ (узнали и прислали послов); „а они *исѣкше* полонъ весь, а сами *побѣгоша*“ (изрубили пленников, а сами побежали); б) „и иде Ростову... а сынъ *оставивъ* Новѣгородѣ“ (пошел в Ростов, а сына оставил).

В „Слове о полку Игореве“: „Ярославна рано плачетъ... *а ркучи*“ (плачет и говорит).

Нередко и в грамотах. Например, в Московской договорной 1368 г.: „а который бояринъ поѣдеть исъ кормленья... а службы не *отслуживъ*, и тому дати коръмленье по исправѣ“. В Ярославской грамоте около 1497 г.: „и судья *възрѣвъ* в грамоту, и пишет“.

Иногда подобные словосочетания с кратким причастием действ. залога в памятниках имеют даже собственное подлежащее (иногда лишь подразумеваемое). Так, например, в I Новгород. летописи по Синод. списку: „той же нощи *просивъше* мира, и не *да* имъ посадни(к)“ (они просили мира, а посадник не дал). Также изредка в новгородских грамотах, например в грамоте 1305 г.: „*дали* (новгородские власти) Федору Михайловицю городъ стольный Пльсковъ, и он *ѣдъ* хлѣбъ“ (они дали... и он ел).

С течением времени согласование таких кратких причастий с подлежащим, в связи с утратой ими склонения и превращением их в деепричастия, мало-помалу прекращается. Поэтому для более позднего времени следует уже говорить о свободном употреблении не причастий, а деепричастий. Так, в Москве деепричастие свободно употреблялось еще в XVII в., и это явление не сразу прекратилось после XVII в. В Уложении 1649 г. таких случаев можно отметить немало, причем подлежащее является или общим с глагольным сказуемым, или не совпадает с ним, или может даже вовсе отсутствовать: а) „будетъ кто... *хотя* московскимъ государствомъ завладѣть и государемъ быть, и для того своего злово умышления, начнеть рать збирать, и такова измѣнника казнить“; б) „а которые сторонние люди *слышачи* крикъ и вопъ... и тѣ люди на крикъ и на вопъ не пойдутъ... а про то сыскати“; в) „а будетъ кто *стреляючи* ис пищали, или из лука... и стрела или пулька... убьетъ кого... и за такое убийство... не казнити“; г) (при отсутствии подлежащего): „и тѣхъ людей *взявъ* у него, и отдать тому, чьи тѣ люди“.

Свободное употребление деепричастия до сих пор еще пережиточно сохраняется в современных говорах, например подмо-

сковных: „ни *стирпя* серцъм, и ушол домой" (дер. Парфенки, Ново-Петр. р-на).

В связи со сказанным выше следует отметить, что в говорах вообще широко распространено употребление деепричастных форм, но только на ***ши, вши, мши*** и только совершенного вида в функции сказуемого (иногда составного сказуемого со связкой *был* и реже *буду*): он *уехавши*; мы *выпивши*; „она *обумши*" (обувшись, обулась); „што ш ты *растигнумши*" (расстегнулась); „мы не *выспавшись*"; в сев.-зап. говорах: он *ушодци*; „никак сонце-та *севши*"; „что ты *задумавши*"; „окно было *заткнувши*" и т. п.

§ 123. Согласование сказуемого с подлежащим. Из области согласования сказуемого с подлежащим следует отметить явление согласования во множественном числе по смыслу в таких, например, случаях, как: „*рекоша дружина* Игореви" (т. е. дружина не „сказала", а „сказали") — в „Повести временных лет". Ср. в „Слове о полку Игореве": „не ваю ли храбрая *дружина рыкаютъ* аки тури". Это явление обыкновенно наблюдается при условии, если подлежащее выражено собирательным существительным, обозначающим лиц, людей: „*начаша братья* просити", „*приходиша Русь*", „*воеваша Литва*" и т. п. Так в Синод. списке I Новгород. летописи: „и весь *Новъгородъ* с честью *посадиша* и" (его); „*ходиша* вся *роус(ьс)ска земля*" и пр., но: „*конь* мъножьство *помре*" (не: *помроша*), „и *скотъ помре* рогатый" и т. п.

Такие случаи нарушения согласования в числе наблюдаются в памятниках письменности разных жанров в течение всего древнерусского периода. Ср. в двинских грамотах XV в.: „*корьла* (= корелы, племя) за моромъ двинянъ *грабили*", № 15. Ср. в „Книге о ратном строе" 1647 г.: „первая *шеренга выстрелили*", 60; „*ступятъ* первая *шеренга*", 61; „первое *крыло выстрелили*", 121, даже: „*всякъ* за своею ротою *стоятъ*", 183.

В современном русском языке согласование по смыслу также известно, хотя и в более ограниченных размерах. В литературном: „*большинство зрителей ушли* из театра" и т. п. Но уже нельзя согласовать: „*стража... держат*", как мог еще сказать Пушкин в „Сказке о рыбаке и рыбке": „Вкруг стоит её грозная *стража*, | На плечах топорики *держат*".

В говорах это явление встречается гораздо чаще: „*весь народ* на пожар *побежали*" и т. п.

§ 124. Двусоставные несогласованные предложения. В памятниках древнерусской письменности не получили отражения не-

которые теперь очень распространенные (особенно в разговорной речи) формы двусоставных предложений, может быть, именно потому, что в древней Руси они являлись достоянием только разговорной речи. Сюда можно отнести предложения типа: „И царица *хохотать*, | И плечами *пожимать*“ (и пр.) у Пушкина (в „Сказке о мертвой царевне“...) или: „Увидевши Слона, ну на него *метаться*“ у Крылова, и т. п., — т. е. со сказуемым, выраженным формой инфинитива [1].

Однако в древнерусском языке вовсе не были редкостью двусоставные несогласованные предложения. В „Повести временных лет“ и ее продолжении по Лавр. списку встречаются, например, такие случаи отсутствия согласования глагольного сказуемого с подлежащим в лице, числе, роде: „от них же *есть поляне* в Києвѣ“, „въ Торжку *туча* (= дождь, ливень) на одном часу ровъ *учинило*“, „*згорѣ... города мало* не половину“. Ср. в I Новгородской летописи по Синод. списку: „и *бысть сѣчи* злѣ“ (*сѣчи* — им. мн.).

Особый интерес в „Повести временных лет“ представляют такие предложения, как: „*поручено* же *бысть* ему стража морьская“ (с безличной формой на *о* кратких страдательных причастий). Ср. в современных севернорусских говорах: „сапоги *куплено*“, „сахарница куды-то *дёвано*“ и т. п.

На этой почве в дальнейшем развился распространенный на севере, особенно на северо-западе, оборот типа „у него *уехано*“ (он уехал), „у волков тут *хожено*“ (волки ходили) и т. п.

§ 125. Односоставные безглагольные предложения. В древнерусском языке очень редко наблюдается употребление «назывных предложений» (т. е. именных, односоставных, с одним главным членом, выраженным формой им. пад. существительного), — предложений, получивших такое широкое распространение в русском литературном языке XIX в. [например: „*Гроза!* Побежали домой!“ (А. Н. Островский); „*Зима!*.. Крестьянин торжествуя, | На дровнях обновляет путь“ (А. С. Пушкин); „*Поздняя осень*. Грачи улетели“ (Н. А. Некрасов); и пр.] и в современном.

Примеры подобных образований, изредка отмечаемые некоторыми исследователями в памятниках древней письменности, по

---

[1] Может быть, сюда относится (как ранний случай) одно место в „Житии“ протопопа Аввакума: „Я-су, вышед, — *обниматца* с ними, што с чернцами, а сам говорю...“, 44 („я — обниматься с ними“, „я стал обниматься“ и т. п.).

большей части являются случаями неполных предложений с приглагольными второстепенными членами предложения, свидетельствующими об опущении сказуемого. Например, в „Повести временных лет“: „живяху в лѣсѣ... *срамословье в них предъ отци и предъ снохами,* браци не бываху въ нихъ“ (очевидно, с пропуском глагольной формы, вместо: *срамословье бывает в них* или *у них* и пр.).

Правда, в грамотах, например новгородских, в качестве условной формулы „зачина“ иногда встречаются, по всей видимости, назывные предложения: „*Благословение от владыкы... къ князю Ярославу*“ (1265 г.) или: „*Поклонъ от князя от Михаила къ отьцю ко владыцѣ*“ (около 1301 г.). Но это еще не дает основания говорить о назывных предложениях как о широко распространенном явлении в древнерусском языке.

Очень напоминают современные «назывные предложения» такие примеры, встречающиеся в I Новгородской летописи (по Синодальному списку): „въ лѣто 6651 стояше вся осенина дъждева, от Госпожина дни до Корочюна, — *дъжгь*“, 23; „и сташа денье зли: *мразъ, вьялица*...; страшно зѣло“, 15 об. (пунктуация, как и повсюду, современная).

Таким образом, можно полагать, что назывные предложения получили распространение в русском языке (литературном и в говорах) только с течением времени. В XVII в. они уже были широко распространены. Например, у Аввакума в „Житии“: „в памети Никонъ пишет. *Год и число.* По преданию“ (и пр.). Сюда же относятся междометные предложения типа: „*И горе, и смѣх.* Иногда робенка погонятъ“ и т. п.

§ **126. Безличные предложения.** В общем они отличались таким же разнообразием (по характеру выражения сказуемого), как и в современном русском. Сказуемое могло быть выражено глаголом в форме 3-го лица ед. ч. (*а*) или родовым словом в форме среднего рода ед. ч. (*б*) или предикативным наречием (*в*) и др. Например:

а) „не *достоить* ея пояти“, „*загорѣся* (= загорелось) на Холопьи улици“;

б) „с встока *свѣтло*“, „*невѣдомо*, камо ю дѣша“ (куда ее дели);

в) „у нас князя *нѣтуть*“, „оже намъ нѣту Исаковиця... да *луче* ны есть умрети“, „*нѣльзѣ* доити до търгу“, „а *жаль* ми своея отцины“, „нам не *надобе*“ и т. п. (примеры здесь и выше — из Новгородской I летописи по Синод. списку).

Конечно, безличные предложения были возможны и с составным сказуемым. Например, в „Повести временных лет“: „не *любо* ми *есть* в Киевѣ быти“; „не *бѣ льзѣ* Володимиру помочи“, „и *бѣ* видѣти *страшно*“ и т. п.

Тем не менее можно говорить о развитии в более позднее время и безличных предложений и о распространении безличных предложений за счет личных. Например, такие предложения, как „лодку унесло ветром“, т. е. с косвенным указанием на производителя действия, выраженным формой творительного падежа, столь обычные в современном русском, были очень редким явлением в древнерусском языке.Ср., например, в Псковской I летописи: „нивы иные... в о д о ю *подмыло*“,6978 г.; в Новгородской II летописи: „людей г р о м о м *побило*“, 72 и др. В памятниках XVI—XVII вв. они встречаются заметно чаще. Ср., например, в поэтической „Повести об Азовском сидении“ XVII в.: „подкопнымъ п о р о х о м ъ живыхъ в городъ *кинуло* 1400 человекъ“ и др.; в „Житии“ протопопа Аввакума: „барку от берега *оторвало* в о д о ю“ (л. 260).

§ 127. Инфинитивные предложения. Это предложения со сказуемым, выраженным формой и н ф и н и т и в а (обычно с дополнением в д а т е л ь н о м падеже), встречаются в древнерусских памятниках очень часто. Особенно часто они встречаются в письменных памятниках „некнижных“ жанров: в „Русской правде“ (например: „ажь убьеть мужь мужа, *то мьстити* брату брата“, „а кто будеть началъ, тому *платити*“ и т. п.), в новгородских пергаментных грамотах (например: „а Новъгородъ ти *держати* в старинѣ“ в грамоте 1265 г. и др.) и т. д. Но они не чужды и книжному языку, как например в „Слове о полку Игореве“: „*начати* же *ся* тъй пѣсни по былинамь сего времени“ и пр. Такие инфинитивные предложения в древнерусском языке могли, как и безличные предложения с неглагольным сказуемым, заключать в себе связку — в настоящем времени *есть*. Например, в „Повести временных лет“, под 6420 г.: „от чего ми *есть умрети*“.

§ 128. Предложения с отрицанием. В древнерусском языке отрицание выражалось с помощью тех же отрицательных частиц, что и в современном русском: *не, ни*. Но в употреблении их наблюдаются некоторые особенности, которые впоследствии исчезли. Во-первых, отрицание *не* употребляется главным образом с глаголом: „*не хотяху* иного князя, разве Святопълка“; „*не даша* его жива“, „*не пустиша* его, донелѣ же инъ князь приде“ (Новгородская I летопись по Синод. списку). В д р у г и х случаях

отрицание *не* в составе сказуемого встречается гораздо реже: „язъ вамъ *не князь*“, „намъ есте *не брат(ь)я*“ (примеры — здесь и дальше — из того же памятника). Отрицание *ни* употребляется при отрицательном выражении сказуемого как усилительная частица: „*не пусти* в городь *ни воза*“, „*не пустиша ни мужа*“. При однородных членах предложения оно повторяется: „*не бе* мира съ ними: *ни съ суждьдалци, ни съ смольняны, ни сь полоцяны*“.

Если в предложении оказываются два или больше отрицательных глагольных сказуемых, то отрицание *не* ставится только при первом сказуемом, а в остальных случаях употребляется *ни*: „и *не покоришася* пльсковици имъ, *ни выгнаша* князя от себе“.

Иногда при втором сказуемом отрицание вообще отсутствует: „а на весну *не пустиша* из Новагорода своихъ *ни одного* мужа за море, *ни съла въдаша* варягомъ“; „а Нифонт его (кн. Святослава Олеговича) *не вѣньця, ни попомъ..., ни церенцемъ дасть*“ (не венчал и не дал венчать...). В отдельных случаях отрицание *ни*, по-видимому, могло заменять *не*: „новгородьци... оттоле въспятишася в Новгородъ, *ни* ладожанъ ждавъше“ (возвратились, не дождавшись ладожан). Ср. на той же странице (л. 103): „Володиславъ... съ ладожаны, *не* жьдя новгородьць, гонися по нихъ въслѣдъ“ (погнался за ними, за племенем Емь).

§ 129. Оборот типа „земля пахати“. Именительный ед. женского р. на ***-а, -я*** иногда встречается в роли прямого дополнения в сочетании с инфинитивом переходных глаголов (оборот: „*земля пахать*“, „*косить трава*“ и т. п.). Обычно это явление не распространяется на одушевленные существительные. Чаще, но не как правило, это явление наблюдается при условии, если инфинитив не зависит от личной формы глагола (в сказуемом).

В древнерусском языке этот оборот являлся особенностью главным образом северо-западной группы восточнославянских говоров (словенских и, по-видимому, западнокривичских). Он часто встречается в письменных памятниках древненовгородского наречия. Например, в „Русской правде“ (пространной редакции): „уставиша (сыновья Ярослава Мудрого) ... *взяти гривна* кунъ за соромъ“ и т. п.; в I Новгород. летописи по Синод. списку: „дай богъ *исправити правда* новгородская“ и т. п.; в новгородских грамотах (только в инфинитивных предложениях): „а *та грамота*, княже, *дати* ти назадъ“ (около 1270 г.) и др., а также в Смоленской грамоте 1229 г. „будѣте холъпъ убитъ, — *одна гривна* серебра *заплатити*“ и т. д. В более позднее время этот оборот

получил распространение и в других говорах. С давнего времени он был известен и в Москве и держался там до первых десятилетий XVIII в. Например, в Уложении 1649 г.: „и того казнити, *отсѣчь рука*"; „и *та записка... подъклеити*"; „а сажень, чѣм *мѣрить земля*, дѣлать в три аршины"; „*учинить торговая казнь*"; „и ему *та мелница строити* волно"; „а велено им *служить городовая осадная служба*" и т. п. В Книге о ратном строе 1647 г.: „*торговля* ему... *надобно вѣдати*". В инфинитивном предложении, в Московской грамоте 1601 г.: „и наша царская жаловальная *грамота велѣти* им *дати*" и т. д.

Как видно из примеров, инфинитив в словосочетаниях этого типа сам мог быть в зависимости или от глагольного сказуемого (*уставиша... взяти*), или от наречного сказуемого в безличном предложении (*велено... служить, вольно... строити, надобно... вѣдати*), — в зависимости или явной, или подразумеваемой.

Очень возможно, что этот оборот сначала появился в безличных предложениях со сказуемым *надобе, надо* (из *надобѣ*), *нужно, придется* и т. п. До сих пор нередко на севере конструкция типа *пахать земля* наблюдается только в предложениях с *надо, нужно: надо земля подборанивать, надо баня топить* и т. п. Ср. также: „Не плюй в колодец — *случится вода напиться*" (= придется). Но в других говорах употребление этого оборота, видимо, уже не зависит от упомянутого условия: „чтоб тебе *голова сломить*", „некому *пецка истопить*", „*потерять*-то нам будет *слава добрая*", „где бы мне *живая вода достать?*"

По большей части словосочетания типа *земля пахать* и т. п. употребляются для выражения долженствования или повеления, возможности или необходимости. Поэтому можно считать правдоподобным предположение, выдвинутое некоторыми учеными (А. А. Шахматов), что оборот типа *земля пахать* по своему происхождению находится в связи с оборотом: именительный женского р. на ***-а, -я*** при сказуемом *надо, нужно*: (мне) *надо земля*, т. е. нужна земля (при отсутствии инфинитива).

Во многих севернорусских говорах в сочетании с *надо, нужно* с давнего времени употребляется именительный падеж существительного в неопределенной роли не то подлежащего, не то дополнения: мне *надо коса*; мне *деньги не надо*; нам *нужно дом* и т. п. (ср. в литературном: *надо косу* и т. п.).

Оборот с *надобѣ* и им. падежом существительных обычен в древнерусском языке: „*послуси* (свидетели) ему (купцу) *не*

надобѣ" — в „Русской правде" (пространной редакции); „тъть *товаръ* не *надобѣ* боле" — в Смоленской грамоте 1230 г. и т. д. Также и много спустя, в московском приказном языке, например в Книге о ратном строе 1647 г.: „в ином мѣстѣ *многолюдная сторожа надобѣ*", „в роте *надобно лѣкарь*" и пр.

Можно полагать, что в словосочетаниях типа „*мънѣ земля (есть) надобѣ*" первоначально существительное в им. падеже было подлежащим, а *надобѣ* (*на добе*, от *доба* — польза, необходимость, „добрый час" и пр.) — сказуемым. Но так как *на добѣ* или *есть на добѣ* могло употребляться еще и как сказуемое безличного предложения в сочетании с инфинитивом, например: „*мънѣ на добѣ* (есть) *пахати*", то с течением времени обе конструкции стали смешиваться, и появился оборот „*мънѣ земля* (есть) *на добѣ пахати*", откуда: „*мне надо земля пахать*" и т. п. Потом произошло выделение словосочетаний типа *земля пахать* из предложений с *надо*. Стали говорить: *велено земля пахать; можно земля пахать; хочу земля пахать* и т. д. Безличные инфинитивные предложения типа: „а та *грамота* (ти) [есть] *дати*" с их обычным „значением долженствования" сами по себе оказались важной „питательной средой", способствовавшей дальнейшему распространению этого оборота.

Конечно, такие словосочетания могли возникнуть только при условии, если именительный падеж существительных отличался от винительного (*вода*, *земля* и т. п. при винительном *воду*, *землю* и т. п.)[1], потому что в противном случае он воспринимался бы как винительный: *надо хлеб купить* и т. п. (поскольку система языка вообще допускала здесь употребление формы им.-вин.: в таких случаях, как: *надо отец просить*, наша система языка не допускает употребления формы *отец*, потому что это существительное обозначает одушевленный предмет).

В Москве и ее окрестностях оборот типа *земля пахать* сохранялся примерно до первых десятилетий XVIII в. Он изредка встречается еще в „Письмах и бумагах Петра Великого", например: „*давать* из адмиралтейства в годъ *пара* рубахъ... а *шуба* — въ три" (в три года; т. IV, стр. 456) и др.

§ 130. Второстепенные члены предложения. О некоторых второстепенных членах предложения, о выражении их в древнерус-

---

[1] В таких случаях, как „*учинити* ему торговая *казнь*" и т. п., следует видеть более позднюю ступень в развитии этого оборота.

ском языке мы уже располагаем некоторыми сведениями. Например, об определении была речь в § 80. Об обстоятельстве, об обстоятельственных словах в древнерусском языке особых замечаний (в кратком очерке), кроме того, что было сказано выше, в § 115 и § 116, пожалуй, не требуется. Больше всего изменений было пережито в области дополнения, пояснительных, дополняющих членов предложения.

а) Представляют интерес способы выражения непрямого объекта при глаголах со значением „сообщать", „говорить", „узнавать", „слышать", „думать" и т. п., также при существительных вроде *повесть* и т. п. В современном русском мы обычно пользуемся в этих случаях формой предложного падежа с предлогом *о*: „*говорить* (слышать, думать и пр.) о ком-либо, о чем-либо", или (реже) винительным с предлогом *про*. То же самое находим и в древнерусских памятниках. Например, в „Слове о полку Игореве": „начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий *о пълку* Игоревѣ"; „начяша князи *про малое* се великое млъвити". Сочетания с *про* получили особенное распространение к XVII в., однако потом началось ослабление их эффективности. Но главное—в том, что в древнерусском языке наименование объекта (не имеющее прямой связи с подлежащим, как при прямом дополнении) при глаголах упомянутой группы могло быть выражено также винительным без предлога. Например, в том же „Слове": „поютъ *время* Бусово" (=о времени); в „Повести временных лет": „повѣдаша ему всю *речь* Рогънѣдину" (=о речи...), „*убьенье* его послѣди скажемъ" (=об убиении) и др. Ср. в Новгородской I летописи по Синод. списку: „слышавъ *насилье* отъ князь" (=о насилии) и др. Ср. в повестях XVII в. об Азове: „послыша *приходъ* царя" и т. п. Кроме беспредложного винительного (который в таких словосочетаниях не является прямым дополнением, как в современном русском: „пою *песню*" и т. п.), объект мог обозначаться еще с помощью беспредложного родительного-винительного [например, „рабы и рабыни плачущеся *господина* своего" (=о господине своем) — в Киево-Печерском патерике], а также местного (например, „не помысли *красотѣ* женстей" — в „Молении Даниила Заточника"). Пережиточно случаи подобных беспредложных конструкций встречаются даже у Пушкина: „(Петр)... вспомнил некоторые черты

Ибрагимова младенчества и рассказывал *их* с таким добродушием и веселостью" (=о них) — в „Арапе Петра Великого".

б) Выражение принадлежности. Следует отметить некоторые особенности древнерусского языка в области выражения „принадлежности", т. е. отношения какого-либо одного предмета мысли к другому как отношения по принадлежности, по „притяжательности". Этой цели служили главным образом притяжательные прилагательные с суффиксами: *-ов-ъ: -ев-ъ, -ин-ъ, j-ь, ьj-ь, ьнj-ь* (см. § 81) и относительные прилагательные (с суффиксом *-ьск-* и др.). Например, в „Повести временных лет": „отроци *Свѣньлъжи* изодѣлися суть", „приде Брячиславъ, сын *Изяславль*, внук *Володимѣрь*", „бѣжа Олегъ, сын *Святославль*", „Ярославъ же, сын *Святополчь*" и т. п., также: „яша корабль *Глѣбовъ*", „пришла бѣ вѣсть о *отьни* смерти" и т. д. Позже, с XV — XVI вв., появились прилагательные с суффиксом *-овьскъ-: -евьскъ-*: „село *Михайловское*", „деревни *Петровские*" и т. п. — в московских грамотах великих и удельных князей XIV в. и пр.

Были и другие средства обозначения принадлежности. Она могла быть выражена также с помощью формы родительного падежа имени существительного: „Олегъ вниде в градъ *отца* своего", „*то* есть волость *отца* моего и *брата*" — в „Повести временных лет", но чаще не от собственных личных имен, и вообще это явление очень редко. В дальнейшем, однако, (в XV—XVII вв.) наблюдается вытеснение притяжательных прилагательных в этой функции родительным имени, обозначающим лицо (или его заместителя), которому что-либо принадлежит.

Представляют интерес предложения с двумя или несколькими наименованиями одного лица. Обычно в таких случаях наблюдается сочетание обоих способов выражения принадлежности. Например, в „Повести временных лет": „Иворъ, солъ (посол) *Игоревъ*, великого *князя* русского", „преставися Всеволодъ, сынъ *Гюргевъ* благочестивого *князя*, внук *Володимера*", „и повѣдаша ему всю рѣчь *Рогънѣдину*, дщери *Рогъволожѣ*, *князя* полотьского" (=речь Рогнеды, дочери Рогволода, князя полоцкого; Рогъволожѣ — притяж. прилаг. ед. женск. р.; „князя полотьского"—приложения к „Рогволода"). Ср. в надписи на чаре князя Владимира Давидовича до 1151 г.: „а се чара *кня(жа) Володимерова Давыдов(и)ча*". То же явление и в более поздних памятниках, например в московских грамотах XV—XVI вв.: „из моей отчины

княжы Федоровы Борисовича" (1499 г.), „по новому письму по *княжу Васильеву Ивановича Головкина*" (1506 г.).

Наконец, значение принадлежности, правда, в редких случаях и преимущественно в книжном языке, могло быть выражено дательным падежом имени (названия лица, которому что-либо принадлежит). Например, в „Повести временных лет:" бѣ Добрыня уй *Володимеру*" (= дядя по матери Владимира, Владимиров дядя по матери); „яша Мстислава и Ярослава, сыновчя *ему*" (= его), „домъ мой — дом *молитвѣ* прозовется" (=молитвы, молитвенным), „копье летѣ сквозѣ уши *коневи*" (= коня, конские) и т. п. В памятниках XVII в. этот оборот можно встретить больше в произведениях книжного жанра. Ср., однако, в повестях об Азове середины XVII в.: „имена *пашамъ*", „стражь *гробу божию*" и т. п. Ср. в говорах: „сын *ему*", „фамилия *ему*" и т. п.

в) Как в древнерусском языке средствами синтаксиса выражалось понятие о цели, например о цели движения?

Главным образом с помощью формы супина, который, как это было уже отмечено выше, употреблялся после глаголов движения для обозначения цели движения. Например, в „Повести временных лет": „они же поидоша *убитъ* Игоря" (= пошли с целью убить Игоря"), „сиидевѣ *ся боротъ*" (= „мы с тобой сойдемся, чтобы бороться"), „приведе брата своего... Переяславлю *княжитъ*", „сниде дъщи фараонова *купат(ъ)ся*" и пр.; в новгородской договорной грамоте 1264—1265 г.: „а на Озвадо (название урочища) ти, княже, ездити лѣтѣ звери *гонитъ*" и др. В историческое время в этой функции допускается также форма инфинитива, но супин является старшим и специальным способом обозначения цели движения.

Однако к средствам выражения цели при глаголах движения можно также отнести употребление беспредложного дательного в таких словосочетаниях, как (в той же „Повести"): „иде Вольга *Новугороду*", „придоша *Киеву*", „Ярославъ же приде *Новугороду*", „бѣжа из Бѣлагорода *Полотьску*", и т. п., где с помощью дательного падежа названий городов обозначается „конечный пункт следования", „пункт прибытия". В этих словосочетаниях дательный падеж отвечает не только на вопрос „куда?", но до некоторой степени и на вопрос „к какой цели?". Еще в большей степени этот „целевой" оттенок значения имеется в таких примерах, как: „хощу тя пояти собѣ *женѣ*" (= взять себе женой, в жены), или „и ходи Игорь *ротѣ* и люди его", „заходил

ротѣ с Володимеромь" [„(за)ходити *ротѣ* или к *ротѣ*" значило „давать клятву", „присягать" и т. п., от *рота* — „клятва", „клятвенное обещание"]; также: „*чему* к нам идеши" „мои люди *чему* выдаешь" (=с какой целью идешь, выдаешь) и т. п.

г) Много своеобразного было в древнерусском языке и в выражении причины, в выражении пространственных и временных отношений и др.

Значение „причинности" в простом предложении выражалось главным образом при помощи беспредложного творительного падежа имени, причем употребление его не было ограничено пределами неодушевленных и неотвлеченных существительных, как в современном русском. Например, в „Повести временных лет": „изнемогаху людье *гладомь и водою*" (= по причине голода и жажды), „есть же путь до горъ-техъ непроходимъ *пропастьми, снѣгом*(*ь*) и *лѣсом(ь)*" (= из-за пропастей и пр.), „не бѣ лзѣ вкрастися в градъ *множествомь* вои ратных(ъ)" (= из-за множества воинов), „(церковь) учала бѣ рушитися *старостью*" (= по причине старости, по старости), „*гражаны* же не бѣ льзѣ убити его" (об Ярополке, что его нельзя было убить из-за горожан в Киеве, которые не хотели выдать Ярополка Владимиру в 980 г.), и т. д. Ср. в Новгородской I летописи по Синод. списку: „*смородомь* нелга вылести" (= нельзя выйти из-за смрада), „не мочи ни коневи ступити *трупиемь*" (= из-за множества трупов), „съблюде ю богъ *добрыми людьми*" (= благодаря добрым людям, по причине доброты людей) и т. п. Ср. в „Деле о смерти царевича Дмитрия": „убили *черные*", 186.

Такое употребление беспредложного творительного „каузального" можно считать нормальным еще для XVII в. Ср. в Уложении 1649 г.: „кто... недругу городъ здастъ *измѣною*", „а поѣхалъ онъ не своею *охотою*", „и тотъ долгъ своимъ *безумиемъ* пропьетъ", „учнетъ бити челомъ на губного старосту *недружбою*", тому двору учинится запаление... его (сторожа) *небережениемъ*".

С течением времени, однако, круг существительных, от которых допускалось образование беспредложного творительного причины, сильно сузился, и он стал быстро вытесняться словосочетаниями с предлогом. Впрочем, остаточные случаи употребления такого творительного возможны даже в XIX в. Ср. у Пушкина в „Путешествии в Арзрум": „это — могилы... умерших *чумою*" (= от чумы). Ср.: „умер *горячкою*" в письме Н. И. Тургенева (декабриста) от 9 VI—1817 года.

Кроме беспредложного творительного падежа, значение причинности выражалось (хотя и реже) с помощью родительного (например, в поздних памятниках: „а я *отцовских моих вотчинъ* и ныне живу“ (=благодаря отцовским вотчинам) — в „Повести об Ерше Ершовиче“ XVII в.) и дательного [например, в „Слове о полку Игореве“: „*чему* мычеши хиновькыя стрелки... на моея лады вои?“ (по какой причине, вследствие чего); позже в письмах протопопа Аввакума: „вси бо живы *Христу*, хотя и сожжены и повешены“ (=благодаря Христу)]. Потом эти приемы выражения идеи причинности вышли из употребления, и установилось выражение этой идеи при помощи предложных дополнений с предлогами *ради, отъ, съ, по, дѣля*, употреблявшимся примерно до XVII в., а потом окончательно вытесненным предлогом *для* (ср. в деловом языке XVII в.: „*для бедности* быть ему на городовой службе немочно“ и т. п.), позже — с XVII в.: *из-за* — с родительным, а также (и в большей степени) *за* — с творительным. Например, в Уложении 1649 г.: „будетъ кто здастъ помѣстье *за старостью*“, „в приказъ не приѣдутъ *за* своею *болезнью* или *за* инымъ своимъ какимъ нужнымъ домашнимъ *недосугомъ*“, „ему конскихъ кормовъ *за* своею *скудостию* купить будетъ немочно“ и т. п. Ср. и у нас: *за ненадобностью* и т. п.

То же явление, т. е. вытеснение беспредложных словосочетаний конструкциями с предлогом, наблюдается и в области выражения пространственных и временных отношений.

д) Пространственные отношения в древнерусском языке обычно выражались (если не считать дательного цели, о чем см. выше) с помощью беспредложных падежей: винительного, творительного и местного. Например, в „Повести временных лет“: *а*) „Глѣбъ же внида (прич. д. з. наст. вр.) *Черниговъ*“ (вин. ед.!) (=в Чернигов), „ту и убиша и (=его) *конець всходъ*“ (=в конце *всхода*, лестницы); *б*) „идоша угри *мимо Киевъ* горою“ (=берегом), „*оконцемъ* малым(ъ) бесѣдоваше“ (=через оконце). Ср. в „Слове о полку Игореве“: „копие преломити *конецъ* поля Половецкаго“ (=в конце, на дальней границе). О местном падеже см. § 71. Из этих конструкций с известными ограничениями сохраняется лишь конструкция с беспредложным творительным (идти *берегом*, пройти *ущельем* и т. п.). Ср., однако, в былинах (из собрания Рыбникова): „идет он княженецкой *двор*“ (=на, во двор). Словосочетания с беспредложным дательным А. М. Селищев отметил на северо-востоке

Сибири: „пошол этому *городу*“, „этой *юрте* приехал“ и т. п. Там же — и словосочетания с беспредложным винительным: „положил *карман*“, и с местным: „бул *Нижном*“, „у нас *Песчаном*“ и т. п. В этих говорах наблюдается тенденция вообще к устранению предложных словосочетаний с предлогами *в, к*.

е) Временные отношения при отсутствии предлога выражались с помощью падежей: родительного, дательного, винительного, творительного, а также местного (о чем см. выше). Например, в „Повести временных лет“: а) „*тое же осени* да ему отець волость“ (= той же осенью; здесь: род. ед.), „въгна... въ городъ... *тое* же *ночи*“; б) „азъ *утро* послю по вы“ (здесь: вин. ед.; = *утром*), „*осень* умре половечьскый князь“ (= осенью; здесь—вин. ед.). Ср. в новгородских пергаментных грамотах XIII в.: „а в Русу ти, княже, ездити *осень*“. — Ср. в Новгородской I летописи по Синод. списку: (с дательным) „*скончанию* временъ явитися тѣмъ“ (= к скончанию, когда наступит скончание века); (с творительным) „приде... на вьрьбницу ... *м(а)ртъмь мѣсяцем*“, 116 (= в марте). Из всех этих конструкций в современном русском сохранилась (с известными ограничениями) главным образом конструкция с беспредложным творительным. В отдельных случаях можно сказать: „он является сюда каждый день“ и т. п. Вообще же мы предпочитаем предложные конструкции (*в тот год, в ту* же *ночь, на утро, в марте* и т. п.), которые, конечно, были известны и в древнерусскую эпоху. Но и в рамках предложных конструкций для выражения пространственных и временных отношений произошли разного рода изменения. Так, например, словосочетания с предлогом *о:об* с местным и винительным падежами, обычные в древнерусском языке [например, в „Повести временных лет“: „запроша *о нихъ* истьбьку“ (= за ними), „съступися море о *фараонѣ* и *о воихъ* его“ (= за фараоном и за его воинами); „Мьстиславъ же *о светъ* заутра видѣвъ...“ (= назавтра на рассвете) и т. п.], в настоящее время вышли из употребления в литературном языке. (Ср., однако, у Пушкина в поэме „Руслан и Людмила“: „там *о заре* прихлынут волны“ (= на заре).

ж) Еще несколько замечаний, касающихся употребления творительного падежа, прежде всего — о так называемом творительном „орудийном“ со значением орудия, средства, с помощью которого что-либо делается, происходит, изменяется, кто-либо или что-либо действует. Своеобразие древнерусского языка заклю-

чалось в том, что беспредложный творительный „орудийный" мог употребляться от одушевленных, в частности личных и отвлеченных существительных, чего не наблюдается в современном русском. Например, в „Повести временных лет": „тѣмь же *пророкомь* (он, бог) глаголеть намъ" (= посредством, через); „*тобою* крѣпимся" (=благодаря тебе), „паче же *женами* бѣсовьская волъшвенья бывають" (=через женщин, при посредстве женщин); „волхвують жены *чародѣйством* и *отравою*" (= посредством чародейства и отравы) и др.; „оженися Володимеръ *Глѣбовною* черниговского князя"; в Новгородской I летописи по Синод. списку: „чему еси отьялъ Волховъ *гогол(ь)ными ловци*, а поле отъялъ еси *заячими ловци*" (= при помощи, при посредстве утиных и заячих охотников), „вѣньцяся *своими попы*" (= при посредстве) и т. п. Ср. в новгородских (пергаментных) грамотах XIII в.: „а ты волости дьржати *мужи новгородьскыми*" (=с помощью, при посредстве), „в немецьскомь дворѣ тебе торговати *нашею братиею*" (= через, с участием, при посредстве нашей братии), в новгородской грамоте 1304—1305 гг.: „а Бориса Костянтиновиця кърмилъ Новгородъ *Корелою*" (= через Корелу, корельских людей, при их участии); в двинских грамотах XV в.: „се позва Оксентей Григорьевичь старосту Левонтея *дворяниномъ* на судъ" (№ 88) (= при посредстве дворянина как должностного лица). Сюда же относятся и словосочетания вроде: „умѣя велми *печенѣжьскымь языкомь*" — в Новгородской I летописи по Комиссионному списку. Ср. в повестях XVII в. об Азове: „подписали *языки многими разными*" (= на языках). Ср. еще у Пушкина в „Сказке о царе Салтане": „И царевичу (потом) | Молвит *русским языком*".

3) К творительному „орудийному" в синтаксическом отношении очень близок творительный при переходных глаголах, обозначающих передвижение, — беспредложный творительный средств передвижения. Область употребления этого творительного в древнерусском языке — шире, чем в современном, потому что он употреблялся также от существительных одушевленных. Ср.: „куряне ... придоша *коньми*" — в Ипатьевском сп. летописи. В современном русском (но не в других славянских) так сказать уже нельзя: мы говорим: *на конях, на лошадях*. Кроме того, ср. в „Житии" протопопа Аввакума: „недель с тринадцеть волокли *телегами* и водою и *саньми* половину пути". Теперь мы сказали бы *на телегах, на санях*. Таким образом, в данном слу-

чае беспредложная конструкция с течение времени уступает место предложной.

Близок к творительному орудийному и творительный „образа действия“: „древляне живяху *звѣриньскимъ образомъ*, живуще скотьски“ („Повесть временных лет“); и там же: „ляжемъ костьми мертвы“, „Володимеръ ... бѣ жива (причастие наст. врем. действит. залога) с князи окольними *миромъ*“, „они же *словомъ* суще по нихъ, а *дѣломъ* далече суще“. Ср. в Уложении 1649 г.: „конские кормы продаютъ *дорогою ценою*“, „будетъ кто у кого *насилствомъ* посѣчетъ лѣсъ“, „сибирские служилые люди приѣзжаютъ к Москве *временемъ*“ и т. п. Во многих подобных случаях мы теперь предпочитаем словосочетания с предложными косвенными падежами или с наречием („продают *по дорогой цене*“, „приезжают *временно*“ и т. п.).

§ 131. Словосочетания с приставочным глаголом и с беспредложным дополнением. Одним из древнейших явлений славянского синтаксиса (начиная с памятников старославянского языка) и, следовательно, синтаксиса древнерусского языка можно считать отсутствие некоторых предлогов, особенно *от*, перед дополнением в форме родительного падежа в том случае, если глагольное сказуемое, обозначающее „удаление“, „отделение“ и т. п., начинается с этого или близкого к нему по значению предлога-приставки. Например, в I Новгородской летописи: „*отступи Кыева*“ (и др.); в новгородских грамотах XIII—XIV вв.: „*тѣхъ всѣхъ отступился* есмь Новугороду“ (около 1300 г.); в Рязанской грамоте 1381 г.: „князь великий Олегъ *ступился тѣхъ мѣстъ*... Дмитрию Ивановичу“ (= отступился; из: съступилъся съ тѣхь мѣстъ).

Это явление наблюдается еще в XVII столетии в московском приказном языке, например в Уложении 1649 г.: „(дети) учнутъ... *отцовъ* своихъ и *матерей*... *отпиратися*“ (от отцов), „*матерня имѣния* учнутъ ихъ (детей) *отлучать*“ (от имения) и пр. Ср. в былинах: „Добрыня *того не отпирается*“. Пережитки подобного словоупотребления еще встречаются у наших писателей XIX в. Например, у Жуковского: „И вы *меня* согласны уж *отречься*“ и т. п.

Отсутствие предлога при дополнении в таких случаях, как *отступи Кыева* и т. п., когда глагол обозначает „удаление“, „отделение“ и т. п., можно рассматривать как явление „родительного отложительного“. Следует, однако, помнить, что это явление имеет место не только при условии префиксальности

глагола, но и в таких словосочетаниях, как *бежать* кого-чего и т. п. Например, в Изборнике 1073 г.: „*бѣжа же Саула Давидъ*" и т. д. Ср. еще у Пушкина: „Зачем *бежала* своенравно | Она *семейственных оков*"; „Ее *постели* сон *бежит*" и т. п.

§ 132. Некоторые случаи беспредложного дополнения. В древнерусском языке предлог при дополнении мог отсутствовать и во многих других случаях. Например, при глаголах движения, сложенных с приставкой ***на-***: в „Повести временных лет": „иде (Святослав) и *налѣзе вятичи*" (набрел на ...); в „Хожении" Афанасия Никитина: „и ту *наѣхали насъ* три татарины" (наехали на нас), или с предлогом ***до***: „да слухъ *насъ* тотъ *дошелъ*, что у вас часто сполохи живут" (Акты ист., II, 333, 1611 г.). Ср. в пословицах и поговорках XVII—XVIII столетий „по нитке и *клубка доходят*"; „лишняя говоря (болтовня) *сорома доводит*" и т. п.

Словосочетания этого типа обычны еще в XVIII веке. Ср. в „Притчах" Сумарокова: „...суд определил, | Чтоб тотчас он *быка* с коровой *заплатил*" (УII, 343), „Седок *оленя налетел*" (УII, 83), или: „*Чего* я ныне *дожила*?" („Синав и Трувор").

Отметим здесь же, что и многие беспрефиксальные глаголы, которые в наши дни требуют дополнения с п р е д л о г о м, в древнерусском языке имели б е с п р е д л о ж н о е дополнение. Так, мы теперь говорим „играть на ч е м-н и б у д ь", „играть в о ч т о", а по-древнерусски говорили: „повелѣ и *органы играти*" — Изборник 1073 г. (=орга́нами); „они *зернью* и *карты играют*" (*карты*— здесь — творительный множ. ч.) — в Уложении 1649 г. (вместо в *зернь* и в *карты*).

Мы говорим теперь „пить *за* кого-либо, *за* что-либо", в древнерусском же языке говорили „пити *на* кого-либо, *на* что-либо": „повелѣ (Ольга) отрокомъ своимъ *пити на ня*" (за древлян) — в „Повести временных лет". В современном русском языке глагол *каяться* требует дополнения в предложном падеже с предлогом *в*, а в древнерусском языке — дополнения в родительном падеже без предлога (или с предлогом *о*): „по в(ь)ся д(ь)ни *каятися грѣхъ* своихъ" — в „Житии Феодосия Печерского"; „начаша молити бога... *кающиеся о* первом согрешении" — в „Сказании о Борисе и Глебе".

Мы говорим: „воевать с к е м - н и б у д ь", а по-древнерусски нужно было сказать: „воевать к о г о - ч т о", правда, в этом случае со значением „разорять": „приходиша емь и *воеваша область новгородьскую*" — I Новг. летопись; „не *воевати отчины их*, ни

ихъ людии" — Договорная грамота Дмитрия Донского 1372 г. Если же глагол имел значение „воевать с кем-нибудь", то говорили „воевать на кого-нибудь": „Игорь *воева на печенѣгы*" — „Повесть временных лет", и т. д.

В соответствии с современным словоупотреблением „мстить кому за кого-что" по-древнерусски говорили „мстить кому кого-что": „аж убьеть мужь мужа, то *мьстити брату брата*" — „Русская правда"; „и тако *мьсти имъ кровь* христьяньскую..." — I Новг. летопись и др.

По-древнерусски говорили также: „смеяться кому-чему", в соответствии с нашим „смеяться над кем-чем": „очима бо плачють со мною, а сердцемь *смѣютъ ми ся*" (смеются мне) — „Моление Даниила Заточника". Также в „Житии Нифонта" 1219 г.: „начаша друзии *смиятися* ему", 332. Ср. у Пушкина, в поэме „Цыганы": „Как *смеялись* тогда | Мы *твоей седине*!" И т. д.

Следует вообще помнить, что в древнерусском языке глаголы часто имели другое управление (т. е. требовали дополнения в другом косвенном падеже), чем в современном русском. Например, в Новгородской I летописи по Комиссионному списку: „одолѣ Святославъ *козаромъ*" (дат. мн.); ср. там же: „негодовахуть бо *ему* новгородци" и т. п. Или — из более поздних памятников — в Уложении 1649 г.: „докладывать кого-нибудь": „и о тѣхъ мастеровыхъ людехъ *докладывать государя* именно"; „извещать кому-нибудь": „про то *извѣщати государю*... или его *государевымъ бояромъ* и *ближнимъ людемъ*"; „ручаться по ком-нибудь": „слатца на того, кто *по отвѣтчике* его *ручался*".

§ 133. Повторение предлогов и сочинительных союзов.

Важной особенностью общенародного древнерусского языка с древнейшего времени можно также считать повторение предлогов. Речь идет об употреблении предлогов как перед определением, так и перед определяемым словом, в особенности, если оно предшествует определению, и вообще перед однородными членами предложения. Например, в „Русской правде": „а *за* тиунъ *за* огнищный... 80 гривенъ", „*на* гостинци *на* велицѣ" и др.; в „Слове о полку Игореве": „*на* рѣцѣ *на* Каялѣ тьма свѣт покрыла"; в новгородских грамотах, например в грамоте около 1301 г.: „поклон *от* князя *от* Михаила, *къ* отьцю *ко* вл[ады]це", „*с* братом своимь *съ* старейшимь *с* Даниломь одинъ есмь" и т. п.; в московских грамотах, например в Духовной Ивана Калиты 1328 г.: „а *исъ* судовъ *исъ* серебрьныхъ" и т. д.

В Москве, судя по данным памятников московского приказного языка, повторение предлогов было обычным явлением в течение всего XVII в.: „а *в* угодьяхъ, *во* всякихъ, и *в* лѣсахъ *в* хоромныхъ и *въ* дровяныхъ, тѣ села ... не изверстаны“; „а быть имъ *за* городомъ *за* Землянымъ“, „*в* голодное или *в* иное *в* какое время“, „*с* литовскими и *с* немецкими *с* порубежными людьми живутъ смежно“, „осталися матери ... *з* дѣтьми *с* сыновьями *с* недоросльми“ и т. д. (Примеры из Уложения 1649 г.) Так же и на периферии. Встречается повторение предлогов и в „Житии“ протопопа Аввакума: „скаску имъ тутъ *з* бранью *з* болшою написалъ“; „потужить надобно *о* нихъ *о* бѣдныхъ“ и т. д. И в наши дни на родине Аввакума, в говоре села Григорова, Лысковского р-на, Горьковской обл.: „он, слышь, *по* покойной *по* бабе *по* первой мне-ка тесть“ и т. д. Вообще это явление широко распространено в народной речи. Например, в песнях о Степане Разине, записанных Пушкиным: „*Во* городе было *во* Астрахане“, „Я *со* Камы *со* реки Сеньки Разина сынок“ и т. п. У Пушкина же находим и примеры имитации этой фольклорной особенности: „Что *из* лесу, *из* лесу *из* дремучего“, „*Ко* тому-то медведю *ко* боярину“ и т. п. (в „Сказке о медведихе“). Ср. еще у Лермонтова в „Песне о купце Калашникове“: „Будто сосенка, во сыром бору, | *Под* смолистый *под* корень подрубленная“ и т. п.

Все сказанное относится и к таким случаям, когда предлог повторяется также при наличии сочинительного союза между однородными членами предложения. Например, в книжно-литературном языке: в „Поучении“ Владимира Мономаха: „ѣхахо(м)... *с* детми *и с* женами“, „а въ вятичи ходихомъ... *на* Ходоту *и на* сына его“, „и много бѣды пріяхомъ *от* рати *и от* голода“ и т. п.; ср. в „Молении Даниила Заточника“: „помышляю *на* татбу *и на* разбой“; в „Слове о полку Игореве“: „половци идуть *и отъ* Дона *и отъ* моря *и отъ* всѣхъ странъ“ и пр. Так же и в более позднее время, например в Уложении 1649 г.: „кто стрѣляючи *ис* пищали *или из* лука *по* звѣрю *или по* птицѣ, *или по* примѣте, убьетъ кого *за* горою *и за* городбою“, „*с* польскимъ *и с* литовским *и с* немецкимъ *и с* иными окрестными государствы у государя... вѣчный миръ“ и т. д.

В такой же мере можно считать характерной особенностью древнерусского языка п о в т о р е н и е с о е д и н и т е л ь н ы х с о ю з о в п е р е д о д н о р о д н ы м и ч л е н а м и предложения. Напри-

мер, в новгородских грамотах: „на цемь то цѣловали [крест] дѣди *и* о[т]ци *и* о[т]ець твой Ярославъ“ (около 1265 г.; мы бы сказали: деды, отцы и Ярослав), „а в Бѣжицахъ тобѣ, княже, *и* твоимъ бояромъ *и* твоеи княгыни, *и* твоимъ слугамъ селъ не держати“ (около 1327 г.) и др. Так же в московских грамотах. Позже в московском Уложении 1649 г.: „учнутъ *в* золото *или* *в* серебро мешати медь *и* олово *и* свинецъ“ (мы бы сказали: „в золото или серебро... медь, олово и свинец“); „кто... на своих водахъ... заведетъ мыты *и* перевозы, *и* мостъ, *и* мелницу“, „судити бояромъ и околничимъ, *и* думнымъ людямъ, *и* дьякомъ, *и* всякимъ приказнымъ людямъ, *и* судьямъ... в правду“ и т. д.

Вскоре после XVII в. это явление (т. е. повторение союзов и предлогов), причину которого следует видеть не столько в стремлении подчеркнуть отдельные члены предложения, сколько в характере мышления древнерусских людей, исчезло и в русском литературном языке, и, как правило, говорах.

§ 134. Оборот „дательный самостоятельный“. Некоторые синтаксические конструкции в древнерусскую эпоху употреблялись только в книжно-литературном языке, особенно церковном, и впоследствии долгое время жили только в литературной речи: они были чужды (и раньше, и в новое время) живому разговорному языку. Поэтому их можно считать заимствованными из старославянского языка. Наиболее распространенным в древней Руси и устойчивым из таких оборотов (хотя все же характерным не для всех древнерусских памятников и, в частности, отсутствующим в „Слове о полку Игореве“) является так называемый дательный самостоятельный.

Сущность этого явления заключается в том, что иногда законченная мысль, хотя и второстепенная по отношению к той мысли, которая выражается с помощью подлежащего и сказуемого, в древнерусскую эпоху могла быть выражена простым сочетанием имени существительного или местоимения в дательном падеже и согласованного с ним причастия (преимущественно в краткой форме) действительного или (реже) страдательного залога. Например, в „Повести временных лет“ по Лаврент. списку: „*деревляномъ пришедъшимъ* повелѣ Ольга мовь створити“; „Ярославу сущю Новѣгородѣ приде Мьстиславъ Кыеву“; „надолзѣ *борющемася има* нача изнемогати Мьстиславъ“.

В первых двух примерах дательный самостоятельный имеет значение придаточного предложения — «временного» („когда древ-

ляне пришли", „когда Ярослав был в Новгороде" и т. д.), а в третьем — п р и ч и н н о г о („так как они долго боролись" и т. д.). В некоторых случаях в „Повести" словосочетание с дательным самостоятельным отделяется сочинительным союзом от главного предложения: „*недошедшю ему* града, и прободенъ бы[сть] от проклятаго Нерадьца"; „*Андрѣеви* же *немогущю* супротивити имъ, а от братьи не бы[сть] ему помощи" и т. д.

Примерно с таким же значением и в тех же условиях этот оборот употреблялся и в других памятниках. Например, в I Новгородской летописи по Синод. списку: „убиша Володимири кн[я]зя Андрея ... въ нощь *спящю ему*", „и *концяющюся лѣту* тому, выгнаша Жирослава ис посадницьства", „стояша и до замороза, а *Михаилу кн*[*я*]*зю* тогда *сущю* въ Ордѣ".

Однако еще в древнерусскую эпоху, в связи с утратой склонения краткими причастиями, в словосочетаниях этого типа дательный падеж причастия мог заменяться именительным: „*идучи ми* сѣмо, видѣхъ бани древены" — в „Повести временных лет". Чем дальше шло время, тем больше наблюдалось отступлений от правильного употребления этого оборота. Например, в „Степенной книге" Федора Грибоедова (XVII в.) при дательном самостоятельном употребляется союз „егда" (когда): „а *егда* ж *сему... селикому князю ... представльшуся* ... и по нем бысть наслѣдникъ".

В книжно-литературной (неканцелярской) речи, в частности в Москве, дательный самостоятельный все же продолжал употребляться. Он изредка возможен еще в повествовательной литературе и в переводных сочинениях конца XVII — начала XVIII в. Например, в „Гистории о российском матросе Василии Кариотском": „*Минувшу* же *дни*, по утру рано, прибежал от моря есаул" (*дни* — старый дательный ед.); „потом *стоящу ему* на острове, много мысляще (вм. м ы с л я ш е) и осмотряюще семо и овамо" и пр.

Об остатках этого оборота в новом книжно-литературном языке находим упоминание у Ломоносова в его „Российской грамматике" (1755). „В высоких стихах, — говорит он, — можно, по моему мнению, с рассуждением некоторые (остатки) принять. Может быть, со временем общий слух к тому привыкнет и сия потерянная краткость и красота в российское слово возвратится" (§ 532).

Действительно, дательный самостоятельный в известных жанрах литературного языка у некоторых писателей встречается и в

стихах, и в прозе в конце XVIII в., например неоднократно в „Путешествии из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева: „*едущу мне* из Едрова, Анюта из мысли моей не выходила“ и др. Одним из последних по времени (за рамками стилизованной речи) случаев употребления дательного самостоятельного можно считать следующее (отмеченное еще Ф. И. Буслаевым) место из стихотворения Жуковского „Цеикс и Гальциона“ (1819 г.):

Мчится трахинское легкое судно игралищем бури ...
Вдруг с волной упадет и, кругом *взгроможденному морю,*
Видит как будто из адския бездны далекое небо.

2. СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 135. **Структура сложного предложения** в древнерусском языке также отличалась целым рядом особенностей по сравнению со строем сложного предложения в современном русском. Конечно, и в этом отношении следует учитывать, во-первых, ту разницу, которая существовала между литературным языком древней Руси и разговорной, живой восточнославянской речью, а во-вторых, различия и в пределах литературного языка — между языком книжной литературы и языком актовой письменности, а также между языком церковных книг и языком таких произведений, как, скажем, летопись или „Слово о полку Игореве“. Необходимо также учитывать и наличие диалектальных расхождений.

В общем можно сказать, что в древнерусском языке момент подчинения одних предложений другим, как и подчинения вообще (или так называемого «управления») одних членов предложения другим, не играл такой роли и не был так резко отграничен от сочинения, как в современном русском; еще не существовало той богатой и искусно разработанной системы средств подчинения придаточных предложений главному, которая так характерна для современного русского литературного языка.

Впрочем, и в памятниках древнерусского языка можно наблюдать употребление самых разнообразных приемов подчинения.

Нередко придаточные предложения присоединяются к главным без помощи каких-либо союзов, как это наблюдается и в наши дни в разговорной, особенно диалектальной речи. Например, в „Повести временных лет“ по Лавр. списку: „не бяше льзѣ коня напоити, *на Лыбеди печенѣзи*“ (потому что на Лыбеди стояли печенеги). И позже, например в „Хожении за три моря“

Афанасия Никитина: „а ходять на гору день по единому человеку, *дорога тѣсна*“ (потому что дорога тесна). Еще позже — в „Житии“ протопопа Аввакума: „тутъ же на чепи кинули в темную палатку, *ушла в землю*“ (которая ушла) и т. д. Ср. в современной григоровской речи (на родине Аввакума, в Горьковской обл.): „вы не видели иголку, *тут лежала*?“, „на стоялым дворе росказывали, *в Уральско ездил*“ (когда я ездил).

§ 136. **Развитие средств подчинения.** Но было известно и подчинение с помощью союзов, причем не обязательно только подчинительных. Когда тот же Афанасий Никитин пишет: „*а* жити в Гундустанѣ, *ино* вся еобина исхарчити“, он выражает мысль, которую можно выразить и посредством придаточного условного: „если жить..., то на харчи уйдет все имущество“. Между тем он обходится здесь с помощью лишь сочинительных союзов: *а*, *ино* — „но“, „однако“ [из *и* + *нъ* (> *но*)].

Обычно же подчинение осуществлялось при помощи специальных подчинительных союзов и союзных слов, по большей части местоименного происхождения. Но были среди них и такие сложные союзы, которые в своей первой части являлись по происхождению сочинительными союзами, а во второй представляли собой частицы: *аже* (= если, что), *абы* (= чтобы), *ать* (= пусть, чтобы; из *а* + частица *ти*), *дабы* (= чтобы), *даже* (= если; например, в Мстиславовой грамоте: „*даже* который князь...почьнеть хотѣти...“) и некоторые другие.

Эти союзы и союзные слова не были всегда одинаковыми в книжно-литературном и в разговорном языке. Такие союзы как *чьто* (> *что*), очень распространенный с дописьменной эпохи, употребляющийся для присоединения к главному придаточных предложений, преимущественно изъяснительных, *чьтобы* (> *чтобы*, с XIV в.), *къто*, (> *кто*), *какъ, коли, доколе, аче* и др., встречаются и в разных жанрах древнерусской литературы, и в разговорном языке, тогда как союзы вроде *аще*, союзные слова, вроде *иже, яже, еже* и др., обыкновенно не выходят за пределы книжно-литературной речи.

Развитие средств подчинения прежде всего выражается в расширении группы подчинительных союзов. В XVII в. подчинительных союзов насчитывалось (как утверждают некоторые исследователи) уже до 80.

Появление новых подчинительных союзов влекло за собою разгрузку старых. Так, весьма перегруженный в синтаксическом

отношении союз *чьто*>*что* сначала мог употребляться и в функции „союза цели (например, в Новгородской I летописи по Комиссион. списку: „не думали есме... на Луку, *что* его убити", 211 об. (= чтобы). Возникновение в XIV—XV вв. союза *чтобы* (см. § 104) имело следствием утрату союзом *что* его „целевой" функции. Функциональное многообразие союза *что* еще дает себя чувствовать и в XVII в. Однако в Уложении 1649 г., этот союз употребляется обычно как союз придаточных изъяснительных, дополнительных, придаточных следствия (например: „будет которой холопъ и роспросѣ скажет, *что* прежной его боярин умеръ", „и про то сыщется, *что* он солгалъ", „да его же дати на поруки в томъ, *что* ему без указу ис того городу не съѣжжати" и т. п.); встречается этот союз также с определительным значением: „велѣть доправить ту цѣну, *что* купцы давали", „Знаменского монастыря, *что* на Арбатѣ", и т. п.

То же самое можно сказать о союзе *яко* (>укр. *як* — „как", „как будто", „нежели"), бытовавшем (по крайней мере, на севере) преимущественно в произведениях книжной письменности. С ним употреблялись не только „изъяснительные" придаточные предложения (например, в Новгородской I летописи по Синодальному списку: „и услышаша Новѣгородѣ, *яко* Святопълкъ идеть къ нимъ" и т. п.), но и придаточные времени (например, там же: „и *яко* увѣдаша пльсковичи погоню, отслаша полонъ"), и придаточные причины: [например, в том же памятнике: „новгородьци же... створиша вѣче на посадника Дмитра и на бра(ть)ю его, *яко* ти повелѣша на новгородьцихъ сребро имати"], и придаточные цели [например, „хотя погубити... куманы, *яко* да отмьстять кръвь кр(ес)тьянску"] и другие, да еще присоединялись к главному предложению придаточные с прямой речью (например, „и присла въ Новъгородъ, *яко* не хоцю у васъ княжити"). По мере накопления средств подчинительной связи сокращалась „нагрузка" этого союза и одновременно происходило закрепление его (в форме *яко*) за славянизированными стилями речи.

Союз уступительных придаточных предложений *хотя* по происхождению отличается от других союзов, так как является формой краткого причастия действит. залога наст. вр. (см. выше). В древнерусском языке он встречается редко. Например, в „Русской правде": „а за кормилца 12 гр(ивe)н и за кормилицу, *хотя* си буди холопъ или роба" (по Синод. списку); в Московской договорной грамоте 1372 г.: „а *хотя* и отошлетъ (грамоту), межы

насъ с Олгѣрдомъ войны нѣтъ". Но его синтаксические функции сначала были расплывчаты. Он мог употребляться и со значением „по крайней мере". Значение „несмотря на то, что" установилось лишь с течением времени и главным образом в XVII в.

В эту эпоху, когда начиналось формирование национального русского языка, появилось в общем употреблении много союзов, которые до той поры являлись достоянием только разговорного языка и поэтому не получили широкого отражения в письменности, и много новых союзов. Между прочим, сюда относятся и некоторые сложные союзы, вроде *потому что*, встречающегося уже в Уложении 1649 г.: „а судить ихъ... в тѣ поры, какъ имъ государева служба минется, *потому что* межъ ими тѣ обиды учинилися до государевы службы", „а взяти тѣхъ пошлинъ и исцова иску будетъ нѣнакомъ, *потому что* того, на комъ тѣ пошлины и искъ взяти доведетца, на Москвѣ не будетъ..., и о томъ писати...", и т. п.

§137. Условные, временные и пр. придаточные предложения. Чтобы несколько детализировать сказанное о развитии средств подчинения в русском языке, остановимся на истории условных и временных придаточных предложений.

В новгородских грамотах XIII—XIV вв. условные придаточные предложения могут соединяться с главным, если оно следует за ними, без помощи специальных подчинительных союзов (как это и до сих пор наблюдается в говорах). Например, в грамоте 1326—1327 г.: „*холопъ или роба почнеть вадити на господаря*, тому ти вѣры не яти" (если обвинит) и т. п.; или с помощью соединительного союза *а*: „*а вынесуть тобѣ из орды княжение великое*, намъ еси князь великий" (в другой грамоте — 1371 г.); Иногда союзу *а* придаточного предложения в главном соответствуют *то, ино*: „*а исплатить Новъгородъ* то серебро... *то* великому князю грамота изрѣзати" (в грамоте 1314 г.) и т. д. Что касается собственно подчинительных союзов, то в новгородских грамотах употребляются только *аже* (тот же соединительный союз *а* в сложении с частицей *же*) и *оже* (первая часть которого восходит к местоимению *(*j*)*е*; ср. в старославянском ѥжє): „*аже* будеть тягота мнѣ от Андрея ... вамъ потянути со мною" (1301 г.); „*аже* възыдеть к тобѣ, княже, на мужа обада (из *объвада* — обвинение), тому ти вѣры не яти" (около 1305 г.); „*оже* будеть не чистъ путь въ рѣчкахъ, князь велить... проводити сий гость" (1301 г.). Иногда в роли подчинительного союза находим частицу

ли: „истьца *ли* не будеть ... целовати ему хрестъ“ (1305—1308) и т. д.

В новгородской же „Русской правде“ по списку 1282 г., кроме этих способов выражения условности, еще употребляется *аче*: „*аче* ли будеть русинъ любо гридь... *то* 40 грив(е)нъ, *аче* же и кръвавъ придеть ... *то* ему“... и т. д. Только один раз в этом памятнике употреблено *аще* (старославянский вариант *аче*): „*аще ли* утнеть руку ... *то* полъ виры“. Зато в I Новгородской летописи по Синод. списку старославянское *аще* встречается не реже, чем соответствующие древнерусские союзы, причем не только в тех местах рукописи, которые написаны в „высоком“ стиле: „да *аще* кто из ыстъбы (из избы) вылезеть, напрасно убьенъ бываше“ и т. п. Примерно так же в это время обстояло дело и в Москве, судя по памятникам старомосковского языка XIV—XV вв.

Совсем другую картину представляет, например, язык Москвы в середине XVII столетия. В деловом приказном московском языке в качестве условного союза обычно употребляется *будет* или его более поздний вариант *буде*. В Уложении 1649 г. — только *будет*: „*будетъ* у кого воры животы покрадутъ ... и в томъ подавати явки письменные“, „да *будетъ* сыщется допряма, что они про измѣну того измѣнника вѣдали, и ихъ казнити смертию“, „*будетъ* судья исцу или отвѣтчику недругъ, и на него бити челомъ государю“. Иногда *будет* употребляется в одном придаточном предложении и в старом значении (3-е л. ед. ч. буд. вр.), и в новом (условный союз): „а чего *будетъ* на немъ доправить *будетъ* немошно, и то велѣть доправить на порутчикахъ его“. В других памятниках московского приказного языка в это время уже употреблялось *буде*: „а *буде* сыщутъ какое дурно, и имъ быть в наказаньи“ (пометы на Донских делах, сделанные в Москве в 1648 г.), „*буде* по списку тѣ люди объявятся ... и тѣхъ людей имать“ (документы 1649 г.) и т. д. Во второй половине XVII столетия *будет* в качестве союза было вытеснено вариантом *буде*, теперь уже не употребительным даже в канцелярской речи, где он долго сохранялся.

В Уложении 1649 г. не встречается союза *если*, который, однако, в то время уже входил в употребление в деловой речи и встречается, между прочим, в указных книгах приказов, являющихся одним из главных источников Уложения. Любопытны случаи, когда еще сравнительно новый условный союз *если* (из

есть ли)[1] соединяется с уже привычным союзом *будет*: „пожалуй насъ... тою примѣрною землею, *если будетъ*... объявитца примѣрная земля“ (в Указной книге Поместного приказа первой половины XVII в.). Другие примеры: „а *если* кто въ прпискѣ тителъ объявитца... кажненъ *будетъ*“ (в документах Посольского приказа 1654 г.), „*если* де ты не *будешь*...“ (в документах Посольского приказа 1656 г.). Во второй половине XVII в. этот союз уже получил широкое распространение.

Кроме *будет* > *буде* и *если*, в памятниках приказного языка Москвы встречается еще условное *токо* (из *только* или *токмо*): „*токо* въ дорогу до Дону дать сухарей... ино тѣхъ запасовъ и не останетца“ и др. (в отписках и челобитных московского служилого человека Б. Лазарева 1648—1649 гг.).

Таким образом, в конце сороковых годов и в начале пятидесятых XVII столетия вошли или уже входили в употребление новые условные союзы. С другой стороны, в это время столь распространенные в древнерусскую эпоху союзы: *аже, оже, аче,* а также *ли* уже повсеместно вышли из обихода. Союз же *аще* продолжал употребляться, однако теперь уже только как принадлежность высокого слога. И не только в стихотворениях Симеона Полоцкого (вторая половина XVII в.), написанных на церковнославянском языке: „Монаху подобает въ келии сѣдѣти... *Аще* хощет въ небеси мзду вѣчную имѣти“ и т. п., но и в повестях Петровского времени: „*аще* хощеши в Цесарию или во Францию, азъ тя имамъ отвезти“ („Гистория о Василии Кариотском“), в письмах Петра: „*аще* потребно есть, то ничто же лучше могло быть, еже воевать морем“ и пр. Только к середине XVIII столетия вне сферы церковного влияния прекращается употребление этого союза. Ср. Сумароков в „Епистоле о русском языке“ (1748 г.): „Коль *аще*, *точию* обычай истребил, | Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?“

В XVII в. появился еще один условный союз — *ежели,* по-видимому, из церковнославянского (*ѥже*) в сочетании с *ли*. На первых порах он употреблялся в тех литературных произведениях, которые знают и ѥже. Этот союз получил особенное распространение в конце XVII — начале XVIII в. В письмах Петра встречаем: „въ первыхъ числахъ марта, *ежели* чего жестокого

---

[1] Такое происхождение союза *если* (из сочетания с *ли*), по-видимому, свидетельствует о возникновении этого типа условных придаточных предложений из вопросительных.

не будетъ, может паки домой быть“ (и т. п.). Ср. там же: „*еже* хто уйдетъ, то въсѣмъ быть в казни“ (и пр.).

Сравнительно поздно вошли в употребление в нашем литературном языке в качестве условных другие союзы, по происхождению временные, например *коли, когда*. Со значением „когда“ союз *коли* употребляется в Мстиславовой грамоте около 1130 г.: „на обѣдѣ, *коли* игуменъ обѣдаеть“ и позже. С этим значением, как и со значением „если“, он и теперь еще живет в русских говорах, особенно севернорусских. В современном книжно-литературном русском языке теперь его употребление, пожалуй, прекратилось, но в прошлом столетии он встречается нередко, причем не только в таких художественных произведениях, как сказки Пушкина (например „О мёртвой царевне“: „*Коли* парень ты румяный, | Братец будешь нам названый“ и т. п.), но и в других случаях, у таких поэтов, как А. К. Толстой: „*Коль* любить, так без рассудку; | *Коль* грозить, так не на шутку“ и т. д.

Поздно вошел в обращение в разговорной речи в качестве условного и другой временной союз *когда*: „*Когда* бы вверх могла поднять ты рыло, | Тебе бы видно было“ (Крылов).

То же следует сказать и о *кабы* (из *как бы*, ср. укр. *як би*). В значении „если“ в письменном языке он стал употребляться не раньше XVII в. и продержался здесь недолго. Уже в пушкинское время *кабы* воспринимался как особенность народного просторечия. Как известно, в черновых набросках первых стихов сказки „О царе Салтане“ у Пушкина сначала был употреблен союз *если*: „*Если б* я была царица, | Говорит одна девица“ и т. д. Но поэт заменил это *если б* союзом *кабы*, который казался ему более „фольклорным“.

В развитии средств подчинения, в истории подчинительных союзов имеется много общего. Это общее заключается прежде всего в том, что одни подчинительные союзы, некогда повсеместно употребительные в древнерусском литературном языке, впоследствии исчезли. Например, *оли* < **(j)e-li* (когда, если и т. п.); ср.: в Новгородской грамоте 1371 г.; „а *оли* будеть Нову-городу размирье... пособляти ти, княже, по Новѣгородѣ бес хытрости“; *доньдеже* (из *до-и-де-же*, с протетическим *н* перед местоимением *и* < *jь*; значение: „когда“, „пока“; в „Повести временных лет“ (по Лавр. списку): „на вся лѣта, *дондеже* сьяеть солнце“; в I Псковской летописи: „*дондеже* услышимъ въ Новгородской земли великого князя, тогда на конь всядемъ“ (и пр.); *донелѣ* —

„пока“ в Мстиславовой грамоте около 1130 г.: „*донелѣ же* ся миръ състоить. молите б[ог]а“ (и пр.); *бо* и пр.

Другие союзы сохраняются теперь только в говорах: *ино* (но, то, так как, чтобы, итак; от *инъ, ина, ино*), например в старомосковской речи середины XVII столетия: „да будетъ дадутъ подводы... *ино* ѣхати на подводахъ“ (документы Посольского приказа 1654 г.); в письмах Н. И. Одоевского: „велѣть деньги править... *ино* бъ от воеводы для денегъ и присылки не было“ (=чтобы); в грамотах Б. И. Морозова: „а будетъ не скажетъ, *ино* его и пытать“ (=то) и т. д., но в Уложении 1649 г. этого союза нет. С начала XVII в. он исчез в литературном (общерусском) языке.

Некоторые союзы изменили свою форму, стали короче. Так, нашему *пока* в старом русском языке соответствует *покаместа*: „а *покамѣста* они отъ долговъ своих свободятся, и имъ служить“ (в Уложении 1649 г.). Первоначально это *покамѣста* представляло собой целое словосочетание, которое могло быть разделено вставными словами. Так, в одном дипломатическом документе 1618 г. читаем: „да сказалъ де мнѣ шахъ, что и впредь, *по ка* я *мѣста* живъ буду, мнѣ ходить к царскому величеству“ („Памятники дипломат. и торг. снош. с Персией“, III, 447).

Союз «временных» придаточных предложений *когда* (<*къгда*) как подчинительный союз, встречается уже в летописных текстах, например в I Новгородской летописи по Синодальному списку: „*къгда* бяше брани быти на поганыя, тъгда ся начяша бити межи собою“ (под 6726 г.) [ср. там же придаточные места: „поиди, *где* ти любо“ (под 6727 г.), „поиди, *камо* хочеши“ (под 6729 г.)].

Однако лишь в XVII столетии союз *когда* получил широкое распространение и быстро стал вытеснять другие синонимические средства подчинения придаточных предложений: *как, егда, покамѣста* и др.

§ 138. Определительные придаточные предложения с *который* и пр., столь обычные в современном русском литературном языке, окончательно оформились только в новое время. Во всяком случае, в середине XVII столетия, триста лет назад, в области сложных предложений с определительными придаточными еще не наблюдалось никакой устойчивости и порядка. Можно было, во-первых, еще сказать (как в Уложении 1649 г.): „*которые* люди всяких чиновъ учнутъ...“; „а будетъ кто ни буди пришедъ въ *которой* приказъ“; „...будетъ посланъ приставъ въ *которой* городъ“, и т. д., т. е. местоимение *который* можно было употребить в зна-

чении „какой“ или „какой-нибудь“, или „некоторый“, что невозможно в современном русском литературном языке. Ср. также: „и темъ людемъ... *никоторыхъ* убытков не чинити“ (никаких) и т. д. Во-вторых, можно было сказать: „*которыми* реками суды ходятъ, *и* на тѣх рѣках.. плотинъ не дѣлати“ (7), — т. е. построить фразу так, чтобы между соединяемыми предложениями совсем не ощущалось подчинительной связи. Ср. еще в одном из документов боярина Б. И. Морозова (1659 г.): „а *которые* плотники... присланы были..., *и те* все плотники...отпущены“. С течением времени определительные придаточные предложения с *который* были закреплены в положении только после главного предложения, и прекратилось повторение в придаточном предложении того члена главного предложения, который определялся придаточным (как в предыдущем примере). Следует, однако, оговориться, что в Уложении 1649 г. (как и в более древних памятниках) во многих случаях определительные придаточные предложения употребляются правильно (с нашей точки зрения), т. е. совершенно так же, как и мы их теперь употребляем. Например, „и тѣмъ людемъ, *которые* учнутъ бити челом...отказывать“, „ а жать тот хлѣбъ тѣмъ же крестьяномъ, *которые* тотъ хлѣбъ сѣяли“ и пр.

§ 139. Некоторые выводы и дополнения к истории сложного предложения.

Таким образом, развитие сложного предложения по способу подчинения сопровождалось устранением элементов сочинения, т. е. устранением сочинительных союзов в таком сложном предложении. Почти до самого XVIII в. с глубокой древности наблюдается в письменных памятниках употребление сочинительных союзов в предложениях, где они теперь, в современном русском литературном языке, уже не допускаются. В редкой указной грамоте XVII столетия не окажется фразы, построенной по такой модели: „а *какъ* к вамъ (или к тебе) ся наша великого государя грамота придетъ, *и* вы б (или: *и* ты б) —... (то-то и то-то сделали)“. Сочинительный союз *и* в начале главного предложения употребляется и в других случаях. Например: „буде по списку тѣ люди объявятся... *и* тѣхъ людей имать“ (документ 1649 г.); „а покамѣста бѣглецы не сыщутся, *и* у нихъ имать людей ихъ и крестьянъ“ (документ 1615 г.).

С этим явлением, свидетельствующим о слабости синтаксического подчинения, до некоторой степени находится в связи также

сравнительно свободное местоположение подчинительного союза в придаточном предложении. Примеры: „а Олай (сокол) *какъ* выздоровеетъ, *и* Олаемъ промышлять бы вамъ..." (письмо ц. Алексея Мих.), „на церковный соборъ мало ходитъ, а придетъ *когда*, *и* то пьянъ" (Челобитная 1666 г.) и т. п.

Следует отметить еще одну важную особенность древнерусской манеры изложения мыслей. Речь идет об обилии сочинительных, точнее — соединительных союзов *да*, *и*, *а*, с помощью которых одни предложения, выражавшие законченную мысль, нанизывались на другие. Например, в I Новгородской летописи (по Синод. списку): „вода бяше велика въ Волховѣ, *и* хоромъ много сноси, *и* князь полотьский умре". В „Хожении" А. Никитина: „а тутъ есть индѣйская страна, *и* люди ходятъ наги всѣ, *а* голова не покрыта, *а* груди голы, *а* волосы в одну косу плетены.. *а* мужи и жены всѣ черны" (и т. д.).

С помощью этих союзов соединялись и более крупные „синтаксические целые" (сложные предложения), в то, что мы теперь называем абзацами. Этот способ сочетания самостоятельных предложений сохранялся в течение всего XVII века в различных жанрах литературы и в московском приказном языке. Хорошие примеры имеются в „Житии протопопа Аввакума, им самим написанном": „Таже сѣлъ опять на корабль свой... поѣхалъ на Лѣну. а какъ приѣхалъ въ Енисейской, другой указъ пришелъ: велено в Дауры вести — дватцеть тысящь и болши будетъ от Москвы. *и* отдали меня Афонасью Пашкову в полкъ, — людей с нимъ было 600 человѣкъ. *и* грѣхъ ради моих суровъ человѣкъ: беспрестанно людей жжетъ и мучитъ и бьетъ. *и* я ево много уговаривалъ да и самъ в руки попалъ. *а* с Москвы от Никона приказано ему мучить меня" (л. 210—211) и т. д.

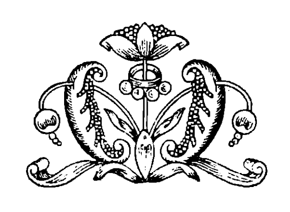
Более того, этот прием сочетания предложений в форме н а н и з ы в а н и я одного предложения на другое в некоторых жанрах литературы держался еще в начале XVIII столетия.

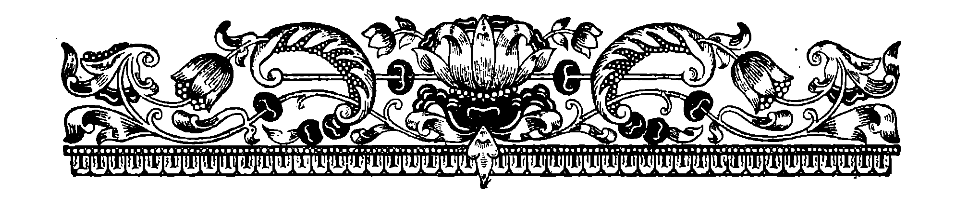
Наконец, говоря о синтаксисе древнерусского языка и изменениях в этой области, необходимо сделать еще одно замечание общего характера. После XVII века в развитии синтаксического строя русского языка, главным образом литературного, наблюдается явление, которое можно было бы назвать „концентрацией в области словесного выражения мысли". Предложение

получает более собранный и цельный характер, усиливает подчинение целому его частей и т. д. Выходит из употребления и присоединительный характер счета: „*сто и девяносто и три*“ и т. п. (см. стр. 240), и присоединительный характер некоторых придаточных предложений, например определительных: „*а которыми реками суды ходят... и теми реками*“ и т. д. (см. стр. 335), и повторение предлогов: „*на* рѣцѣ *на* Каялѣ“ и т. п. (см. стр. 323), и сочинительных союзов (см. стр. 325), и употребление кратких причастий действ. залога и деепричастий с сочинительными союзами типа „тех людей *взяв у него и отдать* тому, чьи...“ (см. стр. 305), и многое другое.

Это явление наблюдается и в области образования слов. См., например, на странице 225 о судьбе раздельного употребления составных частей местоимения *этот* („*е в том деле*“ или „*в е в том деле*“ и т. п., вместо нынешнего *в этом*), на странице 276 о судьбе раздельного же употребления местоимения *ся* в качестве залоговой частицы: „*ся моет*“ и пр., на странице 294 о случаях концентрации в области сложных по происхождению наречий, к которым можно прибавить похожие случаи в истории сложных слов с двумя основами: *чужей земец* (например, в Псковской судной грамоте) превращается в *чужеземец, клятвы преступник* (например, в Книге о ратном строе 1647 г.) превращается в *клятвопреступник; земли трясение* (например, в „Космографии“ 1670 г.) — в *землетрясение* и др. Становятся невозможны такие случаи дробления сложных прилагательных, как например в одном документе 1625 г.: „в *межь* де *усобную* брань“.

Во всех этих и подобных случаях в конечном счете действует одна и та же тенденция „центростремительного“ характера, несомненно, отражающая определенный сдвиг в приемах мышления русских людей Московского государства XVI—XVII столетий.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛЕКСИКА

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

§ 140. Основной лексический фонд. Словарный состав всякого языка состоит, с одной стороны, из основного лексического фонда, с другой — из слов и целых лексических пластов, находящихся вне основного лексического фонда.

Основной фонд — это наиболее устойчивый слой лексики, база для образования новых слов, „действующая" в течение всей жизни языка.

Сюда относятся все основные, наиболее „старые", наиболее „живучие" слова.

Накапливающийся веками он изменяется очень медленно. Лексический фонд современных славянских языков, в том числе и русского, в своей древнейшей части состоит из общеславянских слов.

Общеславянское происхождение этих слов доказывается тем, что слова, соответствующие древнерусским словам основного фонда, встречаются в той или иной форме, отражающей законы фонетического развития того или другого языка, во всех или во многих других славянских языках (если не в литературной речи, то в говорах), причем употребляется там, по всей видимости, с древнейшего времени.

Это такие слова (они даются здесь в древнерусском фонетическом оформлении), связанные с элементарным мироощущением человека, обозначающие жизненно важные понятия, которые употреблялись, например, для обозначения явлений внешнего мира и отношения к ним человека: *земля* (< общеслав.* *zemja*; ср. болг. *земя̀*, серб. зѐмља, чеш. země польск.

zlemia и др.), *вода* (имеющееся во всех славянских языках, но в некоторых из них с ударением на первом слоге: серб. *вòда*, чеш. *voda*, польск. *woda* и др.); *небо, сълньце* (общеиндоевропейск. корень **sāu̯el-*: **su̯el-*, на славянской почве с сокращенным гласным: *sŭl-* откуда *съл-*; ср. лит. sáulė—тж.; ср. болг. *слънце*, серб. *су̑нце*, чеш. slunce, польск. słonce и др.); *дьнь* (с общеиндоевропейск. корнем **dei-*, с вокализмом на ступени сокращения: dĭ-, откуда на славянской почве *дь-*; ср. серб. *да̑н*, польск. dzień и др.); *ночь* (<общесл.* *noktь*; ср. латин. nox, им. множ. noctes; ср. болг. *нощ*, серб. но̑ћ, чеш., польск. noc и пр.); *звѣзда* (ср. чеш. hvězda, польск. gwiazda); *мѣсяць* (<*мѣсęць*; ср. польск. miesiąc, болг. *месец*, серб. *ме̏се̄ц*, чеш. měsíc и др.); *дерево* (<**дерво*; ср. болг. *дърво*, серб. *др̏во*, словен. drevo, чеш. dřevo, польск. drzewo и др.); *лѣсъ* (ср. серб. *ле̑с*, чеш. les, польск. las и др.); *трава* (ср., однако, болг. *тревá*; в остальных славянских: *трава*, но имеются расхождения в ударении); *звѣрь* (не только общеславянское, но и балто-славянское слово; ср. лит. žvėr̃is — тж.); *жити* (ср. лит. gýti — „выздоравливать"; *ѣсти, пити, ити, ходити, бѣчи*, (<* *bĕgti*), *видѣти, дѣлати, речи* (< **rekti*), *слышати, мълвити, съказати, пьсати, чьсти, добръ, зълъ, старъ, молодъ* (<* *moldъ*), ср. болг. *млад*, серб. *млад*, чеш. mlad, польск. młody и пр.), *красьнъ* (с тем же корнем *крас-*, что в словах *краса, красота* и со значением „прекрасный", „светлый") и др.

Общеславянским было и слово *человек* (<*чьловѣкъ*; ср. болг. *човек*, серб. *чòвек*, чеш. člověk, польск. człowiek) — новообразование (с двумя основами) общеславянской эпохи, не имеющее соответствий (как сложное слово) в других индоевропейских языках, и такие слова, как *мужь* (<*мǫжь*, со старейшим значением „мужчина"), *жена* (со старейшим значением „женщина").

К этой группе слов относятся также: названия частей тела: *рука* (<*рǫка*), *нога, голова* (<**golva*), *очи* и т. д.; термины материальной культуры: (жилище): *домъ, истъба*>*изба* (одно из древнейших заимствований с Запада), *клѣть, баня, стѣна, окно, свѣча* (<*свѣтjа*; в смысле „светильник", например, „горящая лучина", „факел" и пр.), *кровъ* (крыша), *стрѣха* и др.; (одежда): *рубъ* (откуда *рубище, рубаха* и пр.); (пища и посуда): *хлѣбъ, коровай* (из **korvajь*; неизвестное западнославянским языкам), *гърнъ* (котел), с производными: *гърньць, гърньчаръ* (горшечник) и пр., *кърчага, лъжица* или *лъжька* (ложка) и др.

История застает славян на стадии разложения первобытнообщинного строя, патриархально-родовых отношений, на стадии формирования классового общества. Отражением этой ступени общественного развития является очень развитая терминология родственных отношений, например, по крови: *отьць, мати, дѣдъ, сынъ, дъчи* (< *dъkti*), *сестра, братъ, стръй* > *стрый* > *строй* (дядя по отцу; ср. укр. *стрий*; польск. stryi, чеш. stryc; ср. лит. strūjus — „старец"); *уй* (дядя по матери; ср. укр. *вуй*, польск. muj; чеш. uj; болг. *уйко*, серб. *ујац* и др.; из индоевроп. * ou̯i̯os; ср. латин. avus — „дедушка", „предок"), тогда как слово с более общим значением *дядя* относится к более позднему времени (XIII—XIV вв.); далее: *свекры* (свекровь) и т. д., а также такие термины, характеризующие общественные отношения и известные с древнейшего времени, как: *родъ, народъ* (первоначально: „то, что нарождается, народилось"), *племя* (из * *pledmen* > *plemę*; ср. *плодъ*), *родина* (семья), *обчина* (община; *обьтјина*, ср. *оптом* из *обтом*), *вѣче* (при ст.-сл. кѣштє; корень вѣт-; ср. *совет* и т. п.), *кнъзь* (< др. верх. нем. kuning), *староста, старѣйшина, господь* (или *господинъ, господарь*, откуда: *государь* и дальше *сударь*), *робъ, робыня, робичичь* (сын рабыни) и пр., *челядь* (< *челędь*) и др.

Значительную часть древнерусского словаря (в самой древней его части) составлял производственный словарь. Уже для ранней ступени культурного развития славянских народов следует считать характерной чертой обилие терминов, относящихся к земледельческому труду: *нива* (* *njiva*), *рало, орати* (пахать), *зьрно* (с тем же корнем, что в *зьрѣти, сьзьрѣвати*), *ръжь* (корень *ръг-*; ср. лит. rugỹs — тж., др. сканд. rugr, нем. Roggen), *пьшено* (с тем же корнем, что в *пьхати*), *овьсь, токъ, гумьно, мука* (< *мǫка*), и некоторые другие; или связанных со скотоводством: *конь* (слово, не имеющее соответствий в других индоевропейских языках за пределами славянской языковой семьи), *корова* (< * *korva*) *быкъ, волъ, овьца* (с корнем *ов-*; ср. латин. ovis — тж.), *скотъ, пасти, доити, молоко* (< * melko), *сыръ* (ср. лит. sūrùs — „соленый") и некоторые другие; с рыболовством; *рыба осётръ* (< * *jsetrъ*), *окунь, щука, мережа* (< * *merža*, сеть), *уда* (< *ǫда*). Терминология ткацкого дела: *веретено*, (< **verteno*), *кудѣль* (< * *kǫdělь*), *льнъ, сукно* (ср. *сучити*), *полотно* (< * *poltьno*), *тъкати, прясти* (< *прęсти* < *прędти*) и некоторые другие.

Из названий орудий производства, обороны и нападения общеславянскими с древнейшего времени являются: *секыра* (топор), *ножь* (< *nozjь*; ср. наше *-нзить* в *пронзить* т. п., с корнем *ньз-*), *пила* (возможно, родственное с литовским pēilis — „нож“), *лукъ* (< *лǫкъ*, ср. наше *излучина*), *стрѣла*, *кый* — „молот“ (ср. литов. kūjis — „молот“; ср. прозвице *Кый* > *Кий*, откуда *Киев*; корень тот же, что в *ковати*, *кую*, но на другой ступени вокализма) и др.

С древнейшего времени во всех славянских языках, в частности восточнославянских, были в употреблении слова, характеризующие военный быт: *воевати*, *рать*, *пълкъ*, *воевода*, *вой* (и *воинъ*), *труба* (< *трǫба*), *мечь*, *сабля*, *стрѣла*, *копье* (с корнем *коп-*, тем же, что в *копати*), *щитъ*, *бръня* и пр.

Этот краткий перечень основных семантических категорий общеславянских слов в древнерусском языке можно дополнить еще некоторыми терминами из области религиозного языческого культа. Сюда относятся такие слова, как например, *богъ*, *божьница*, *жьрьць* (> *жрец*), *капище* (языческий храм), *требище*, *вълхвъ* (неизвестное современным западнославянским языкам) и т. п. Слова, относящиеся к области искусства: *гусли* (корень *гǫд* > *гуд*), *гудьба* (музыка), *скрипа* (откуда *скрипъка*), *сопѣль*, *плясати* (< *плęсати*), *зьдати*, *зьдъчий* (откуда *зодчий*) и др.

К общеславянской эпохе относится появление и целого ряда отвлеченных слов: *умъ*, *истина*, *добро*, *мысль* и др.

Эти слова, перешедшие после распадения общеславянского языкового единства в основной словарный фонд восточнославянских племен и укоренившиеся там, — в некоторых случаях с изменением их фонетического облика (см. § 31—39), — по большей части, происходят от корней общих для индоевропейских языков. Если не говорить о ранних заимствованиях, о которых речь будет впереди, лишь в отдельных случаях они не имеют явных и бесспорных соответствий ни в одном из других индоевропейских языков, как например, общеслав. * *konjь* (> рус. *конь*, старослав. конь, серб. *кȍњ*, чеш. *kůň*, польск. koń и др.), * *mědь* (> рус. *медь*; ср. ст.-сл. мѣдь, серб. обл. мёд, чеш. *měď*, польск. *miedź*) и некоторые другие. Сложное общеслав. * *чьловѣкъ* (см. выше) в целом также не имеет соответствий, но это не относится к его частям: *чьл-* (: *чел-*?) и *вѣк-*. Некоторые из этих слов выглядят „самобытно“ потому, что еще на общеславянской почве

обросли суффиксальными элементами: *отьць* (от индоевроп. детского обращения к родителям: *ătos*: *atta*; ср. латин., греч., гот. *atta* — „отец“, „папа“), *дѣва* (от индоевроп. корня *dhē*(*i*) — с суффиксальным элементом *-v-a*, добавленным на общеславянской почве) и др.

Но наряду с общеславянскими словами, с основным общеславянским лексическим фондом, в древнерусском языке с доисторического времени находились в употреблении (причем, надо думать, в употреблении, как общие для всех восточнославянских племен) слова, неизвестные другим славянским языкам, хотя в своем большинстве и возникшие на основе общеславянских корневых слов.

Так, очень рано, еще на стадии формирования рабовладельческого общества, в древнерусском языке вошло в употребление *семья*: *сѣмья* (по памятникам известное с XI в.), употреблявшееся сначала со значением „челядь“, „прислуга“ (ср. др.-русск. *сѣминъ*. *сѣмьянинъ* — „слуга“, „работник“), позднее — со значением „семья“.

Возникли новые названия для зверей и домашних животных, наименования предметов материальной культуры и пр. Наряду с общеславянским *вѣверица*: *веверка* у восточных славян очень рано вошло в употребление слово *бѣла*, *бѣлъка*, может быть, сначала как название какой-нибудь (теперь уже вымершей) редкой породы этого пушного зверя, если не белой, то, например, так называемой „голубой“ белки. Во всех славянских языках испокон веков употреблялось слово *пьсъ*. На восточнославянской почве очень рано получило широкое распространение новое слово *собака*, возможно, скифо-сарматского, древнеиранского происхождения. К давним восточнославянским, но не общеславянским словам можно также отнести *стягъ* („знамя“), *сапогъ*, *лыжа* [в польском *łyża* (с XVII в.) из восточнославянских языков], *колоколъ* и др.

Таких слов было много, но трудно с уверенностью сказать, что все они употреблялись в языке восточного славянства (и только восточного) с доисторического времени и на всей восточнославянской территории. По памятникам письменности многие из этих слов пока еще не обнаружены раньше XIII—XIV вв., хотя имеются все основания полагать, что они восходят к доисторическому времени. Сюда, между прочим, относится прилагательное *хорошь*, *-ий*, которое, как думают некоторые

языковеды (Ф. И. Буслаев, С. П. Обнорский и др.), является по своему происхождению притяжательным прилагательным от *Хорсъ, Хоросъ* — имени одного из восточнославянских языческих богов, упоминаемых в „Слове о полку Игореве"[1].

Мы видим, таким образом, что из основного словарного фонда древнерусского языка отсеялось с течением времени, в сущности, небольшое количество слов. Например: исчезли некоторые термины родства: *стрый* (= дядя по отцу) и некоторые другие, выпали из действующего словаря некоторые слова, имевшие отношение к языческой религии: *вълхвъ*[2], *капище* (= языческая молельня) и т. п. В ряде случаев имели место лексические замены. Например, вместо *око* или наряду с ним стали говорить *глаз* (не раньше XIII столетия, а в Москве — XVI). Первоначально это слово, по-видимому, значило „камень-кругляк", „голыш", как и до сих пор в польском, или „шарик", „бусина". Ср. в Ипатьевском списке летописи: „находять дѣти наши *глазкы* стеклянии". Память об *око* сохраняется во многих словах: *окно, очки, воочью* и т. п. Одновременно выпало из действующего общерусского словаря сохранившееся кое-где в говорах слово *перст* (< *пьрстъ*; ср. *перстень, напёрсток, перчатка* < *перщатка* и пр.) и было заменено словом *палец*, с уменьшительным суффиксом, образованное от слова, которое, возможно, значило „лемех" или что-нибудь в этом роде. Слово *секыра* было почти повсюду вытеснено словом *топор*, также очень старым, общеславянским; наряду с *пьсъ* стали пользоваться еще словом *собака* и т. п. В этом смысле, т. е. имея в виду вытеснение одних слов другими, можно говорить об исчезновении и некоторых других слов: *котора* (ссора, распри), *вѣжа* (шатер: „*вѣжи* ся половецкии подвизошася" — в „Слове о полку Игореве"), *налѣзти* (встретить, найти: („Святославь... *налѣзе* вятичи" — в „Повести временных лет") и пр.

Однако новых слов основного фонда с течением времени появилось больше, чем отсеялось старых. Основной словарный фонд беспрерывно обогащался, причем в историческое время это обогащение словаря, увеличение его объема осуществлялось

---

[1] Другие языковеды (Мейе) сближают это прилагательное в отношении корня (*хор-*) с восточнославянским *хор-обрый* (из **хор-бръ*), предполагая наличие суффикса *-х-* (как в словах *духъ, женихъ* и т. п.): **хорхјь*>**хоршь*> > *хорошь*.

[2] К этому *вълхвъ* [> *волох(в)*], вероятно, восходит наше *олух*.

главным образом за счет слов и лексических пластов, сначала находящихся вне основного словарного фонда.

Если в эпоху первобытнообщинных отношений не древнейшей, первоначальной, стадии развития языка, до эпохи рабства, объем основного словарного фонда, надо полагать, совпадал с объемом словарного состава языка, то в дальнейшем, в связи с развитием мышления и культуры людей, в связи с возникновением письменности и развитием литературных жанров языка, по мере обогащения языка новыми словами, постепенно в словаре начинается отслоение лексических средств, формирующихся на базе старейших слов основного фонда и путем заимствования из других языков. Чем дальше идет время, тем все заметнее увеличивается разница в объеме между словарным составом языка и основным словарным фондом.

В связи с возвышением Москвы и формированием великорусской народности, а потом (примерно с XVII в.) и нации, основной словарный фонд русского языка, особенно с конца XVI—начала XVII в., пополнился целым рядом слов, не встречающихся в ранних памятниках письменности московского происхождения: *белье, щи* < *с'т'и* < *съти, вор, бросать: бросить* (в смысле „кидать“, „метать“), сначала, возможно, это слово принадлежало профессиональному словарю новгородско-псковских льноводов (см. стр. 314), *улыбаться, пугать* и пр., *очунь* > *очень* и др.

§ 141. Развитие словарного состава древнерусского языка. Говоря о развитии языка в историческое время, следует учитывать целый ряд факторов социально-экономического характера, обусловливающих движение языка вперед.

Развитие производительных сил и производственных отношений, появление классов, возникновение письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной деятельности канцелярий, развитие торговли, еще более нуждавшейся в такой деятельности, появление печатного станка, развитие литературы — все это не могло не отразиться на развитии языка и, конечно, не только литературного.

Воздействие этих факторов следует особенно учитывать при изучении словарного состава русского языка в развитии.

Чаще всего, обычно имеют место три процесса: вытеснение одних слов другими, синонимическими; изменение значения слова; появление производных слов от данного корневого.

Приведем несколько примеров[1].

Так, слово *рало* (< **radlo*) — название древнейшего орудия пахоты, в народной разговорной речи было почти вытеснено ко времени возникновения Киевского государства (в связи с усовершенствованием орудия пахоты) словом *плуг* (<др. верхненемецк. pflug) как названием рала с железным наконечником, а позже словом *соха́* („двузубое рало"). Это последнее слово является общеславянским, но первоначально оно употреблялось с другим значением: „кол", „сук с развильем" (ср. сошка — „подпора", *сохатый* и т. п.). Со значением „кол", „палка" это слово было употребительно еще в XII в.: „приде с мечи и с *сохами*" и т. п. Оно употреблялось также со значением письменного знака в виде римской цифры V, иногда перевернутой („*соха* к земли *рогами*"). Как название орудия пахоты *соха* появляется в памятниках письменности только с XIV в., а в московских грамотах — с XV в.

Социальные сдвиги, связанные с формированием, расцветом и падением Киевской державы, также не могли не отразиться на развитии словаря. Социальная терминология особенно заметно меняется в течение XIII — XV столетий.

Термин *княжие мужи* исчезает, появляется термин (возможно, неславянского происхождения) *бояре*, откуда *боляре* вследствие сближения с *болий* (больший, привилегированные землевладельцы, высшая группа служилого класса). Младшая *дружйна*, носившая прежде название *детских* или *отроков*, а также *гриди*, теперь начинает именоваться *детьми боярскими* и *слугами дворовыми*. или *дворянами*. Также и неслужилое население в актах удельного времени получает новые названия. Сначала эта основная часть свободного населения называлась просто *людьми* (ср. в „Повести временных лет": „рѣша *боляре* и *людие*") и распадалась на две группы: *горожан* и *смердов*, т. е. сельских жителей (последний термин — невыясненного происхождения).

С XIV — XV столетий входит в употребление слово *крестьянин* (из *христианин*, в противоположность *нехристям*, татаро-монгольским захватчикам и всем, кто держал их сторону), термин, возникший, видимо, в Москве (в то время, когда в Новгороде еще продолжали пользоваться старым термином *смерд* < *смьрдъ*), это

---

[1] Мы ограничиваемся, по необходимости, лишь очень краткой и самой общей характеристикой древнерусского словаря и изменений, относящихся к допетровскому времени. Новые явления в лексике рассматриваются главным образом в курсе „История русского литературного языка".

старое общевосточнославянское название класса земледельцев, и в XIV в. местное московское — *сельчанин*.

Если далее лексические средства древнерусской эпохи сравнить с тем, что мы находим в XVII в., то снова наблюдается заметная разница. Правда, много социальных терминов сохраняется с древнерусской эпохи: *князь, бояринъ* (откуда потом, в XVIII в., *барин*), *дворянинъ, гость*, (= знатный купец), *купець, дѣти боярские, тиунъ, крѣстьянинъ, холопъ* и некоторые другие, но многих уже нет: *дружина, гридь, вѣче, полюдье* (сбор дани) и т. д.; много появилось и нового: *царь* (с XIII в., возможно, из *цьсарь: цесарь*), *боярская дума, земский собор, приказ, дьяк, подьячий, работные* или *мастеровые люди, стрельцы и т. д.*

В связи с развитием торговли находится развитие денежной терминологии. Древнейшие названия денежных единиц восходят к словам с предметным значением. Крупнейшая денежная единица в XI в.: *гривьна* (более раннее значение — „ожерелье“, потом: „браслет“; ср. *грива* в древнейшим значением — „шея“). Более мелкие деньги, в порядке убывающей стоимости: *ногата, куна, рѣзана, веверица, вѣкъша*. Термины *куна, веверица, вѣкъша* представляют собой названия пушных зверей: *куна, куница* — „соболь“, иногда: „лисица“ и пр.; два последних слова — название белки. Само слово *бѣла, бѣлка*<*бѣлъка* также могло употребляться в значении „деньги“. Некоторые из этих терминов в этимологическом отношении не совсем понятны. Например, в „Слове о полку Игореве“: „была бы чага по *ногатѣ*, а кощей по *резанѣ*“. *Ногата* иногда толкуют как название цельной шкурки пушного зверя (с лапами; ср. в эстонском nahat (мех) — из древнерусского; ср. также *мордъка*, т. е. шкурка с мордой), но более вероятно, что это слово заимствовано откуда-то с востока; *рѣзана*, по-видимому, часть разрезанной шкурки. *Вѣкъша* была самой мелкой денежной единицей. В одном Прологе XIII в. читаем о монахах: „ни *векши* имуть в келье“ (т. е. ни полушки, ничего). Слова *бѣлка, куна* и *вѣкша* еще в XIV — XV вв. — обычны в новгородских грамотах, но отсутствуют в московских (ср., однако, *мордка*: „с воза по *морткѣ*“ — в московской договорной 1396 г.).

Среди названий денежных единиц в древней Руси встречаются и заимствованные: *златица* (болгарский червонец), *диргем* (арабская монета), *пенязь* (германского происхождения).

Любопытно употребление слова *скот* в его вторичном значении имущество, казна, деньги. Отсюда *скотьница* — „каз-

нохранилище", *скотьникъ*—„казначей", *скотолюбие*—„корыстолюбие". В западнорусских грамотах встречается уменьшительное *скотьць*—„грош".

Гораздо позже, к концу древнерусской эпохи, возникли такие названия монет, обычные в московских грамотах XIV в., как *рубль* (первоначально: „обрубок, кусок", потом: „кусок серебра"), *копейка* (видимо, от изображения всадника с копьем, сменившего изображение пушного зверя на московских монетах XVI в.) *полушка; грош*, заимствованное из немецкого языка (ср. нем. Groschen, где оно восходит к латинск. grossus) при польском посредстве, и др.

Слово *деньги* (неславянского, восточного происхождения)—с общим, отвлеченным значением—получило у нас распространение также только с XIV столетия.

Развитие значений слов, как правило, протекает в направлении от конкретного, предметнообиходного, к отвлеченному, абстрактному. В этом отношении представляет интерес также история некоторых названий мер длины.

В XI—XIII столетиях основной мерой длины была *сажень*, или, как в надписи на Тмутороканском камне 1068 г., *сяжень* (корень **sęг-*, ср. *до-сяг-ать* и т. п.), что значило собственно „размах рук". *Сажень* делилась на три *локтя* (*локъть*), а *локоть* —на две *пяди* (*пядь*<*пęдь* расстояние между краем большого пальца и краем среднего пальца раскрытой ладони). Половина *сяжени* называлась *поясъ*.

Сравнительно новая, более точная система мер длины: *сажень*: *аршин*: *вершок* (<*вьршькъ*) была выработана позже в связи с дальнейшим развитием материальной культуры, особенно зодчества. Слово *аршин*—по своему происхождению нерусское, восточное (первоисточник: перс. *äрш*—„локоть") в русском языке получило распространение не раньше XIII—XIV вв. (при тюркском посредстве).

В связи с развитием материальной культуры словарный состав русского языка обогатился целым рядом новых слов: *ковшь, скамья, стулъ, слуда* или *слюда, дъстканъ* (*стакан*), *рукавицы, пьрщатъка* (от *пьрстъ*—палец), откуда потом *перчатка, чулокъ, пугъвица*, откуда *пуговица*, *струна* и т. д. По памятникам одни из этих слов известны с XII в. (например, *скатерть, слуда*), другие—с XIII в. (ср. *рукавицы*—уже в Смоленской грамоте 1229 г.), третьи—с XIV в. (например, *ковшъ, дъсткинъ* или *достоканъ*, встречающееся во второй духовной в. кн. Ивана

Ивановича 1358 г.: „чашка золотá, *достоканъ*"; ср. у Державина в „Видении мурзы": „И в *досканцах* червонцы шлют"; отсюда: *стакан*). Слово *стул* впервые встречается в памятниках времен Ивана Грозного; сначала в этом значении употреблялось слово *стол*: „Мъстиславъ ... сѣде на *столѣ* Черниговѣ" — в „Повести временных лет" под 6532; ср. также *престол, столица*; ср. укр. *стілець* — „стул"; болг. *стол* — „стул". Слово *чулок* известно с XVI в. со значением „исподняя мягкая обувь": „*чулки* сдѣлати сафьянъ свѣтлозеленъ" — в описи 1593 г. Слово *струна* сначала значило „волос", откуда в памятниках *струнная одежда* — „власяница".

Одним из следствий появления у нас огнестрельного оружия в XIV в. можно считать возникновение целого ряда новых слов, главным образом в результате семантических изменений: *стрелять* (от *стрѣла*), *зелье* (порох), которое в XVII в. вытесняется словом *порох* (ср. *прах*, т. е. порошок, пыль), *пушка* (из *пущька*, от *пущати*, — первоначально: метательное орудие, метательный снаряд), *ружьё*, из *оружье*, первоначально употреблявшееся как собирательное; „а *ружья* мне купити: лук да 20 стрел да копье да топорок" (Поручная 1608 г.), *наряд* (в смысле „артиллерия"), *пищаль* (=ружьё, пушка; первоначально: „свирель") и др.

Наряду с ними вошли в употребление и новые по форме слова, ранее не известные, заимствованные из других языков: *тюфяк* (=огнестрельное оружие; ср. турецк. tüfek—„ружье"), *мушкет* (ружье), *пулька* (с конца XVI в.), откуда потом *пуля* [по-видимому, из *кулька*, которое попало к нам из средневекового немецкого языка (ср.: современное немецкое Kügelchen — „шарик") через чешско-польское посредство].

Военная лексика к концу XVII в. вообще значительно обновилась сравнительно с эпохой XI — XIV вв. Появилось много новых слов: *рейтары, знамя* вместо *стяг* (с XV в.), *барабан* и т. д. Еще более заметные изменения в военном словаре произошли в конце XVII и в начале XVIII в., в Петровское время, в связи с важными нововведениями в области военного дела.

§ 142. Семантические изменения. Когда мы говорим о лексических изменениях, о возникновении новых слов, мы должны иметь в виду не только появление слов, новых по форме, по их фонетическому облику. Слова могут оставаться старыми по форме, но они входят в обращение с новым значением и поэтому воспринимаются как новые.

Можно привести много примеров изменений основного значения слова в истории русского языка.

А. А. Потебня, наш первый лексиколог-историк, так объяснял развитие значения слова *погост*, по корню явно связанного со словом гость (в старом значении также „купец“): сначала — „место гощения“, „постоялый двор где-нибудь на отшибе“; потом — „стан для князей, княжих мужей и тиунов, в период сбора дани“; далее — „поселок на проезжей дороге“; наконец, „кладбище при церкви“ и вообще „сельское кладбище“. По большей части, именно правильное определение корня помогает установить первоначальное и вообще более раннее значение слова. Слово *деревня*, как показывает его корень (*дер-*; ср. *деру*: *драть*<*дьрати*), должно было значить нечто вроде „целина“, „вытеребленное и очищенное от леса место для нивы“; ср. в Домострое: „пашет деревню“[1]; ср. литовск. dirvà — нива. Потом возникло значение „двор“ „дворы“ и дальше „село“. Так и слово *пошлина*, по свидетельству его корня (***ш*** из ***шьд***), связанное со словом *пошлый* (теперь также имеющим другое значение), первоначально значило „обычай“ (то, что пошло исстари), „традиция“ („а Новгородъ ти дьржати по *пошлинѣ*“ — в грамоте 1304 г.). Слово *горница*, от *горний* (т. е. верхний), по корню связанное со словами *гора*, *горный* и т. п., означавшее в старину „комната в верхней части здания“, первоначально могло также значить „плоская крыша дома (на Востоке), как часть жилья“. Ср.: „*Взыде* Петръ на *горницу* помолитися“ — в Деяниях апостольских, гл. 10, 9.

В некоторых случаях, однако, установить первоначальный смысл слова довольно трудно. Древнейшее значение слова *синий* в славянских языках, надо полагать, было „сияющий“, „сверкающий“ (корень **si-*; ср. *сияти*; ср. в „Слове о полку Игореве“: „трепещут *синии* млънии“ и т. п.). Прилагательное *опасный* (ср. *пас-ти*; *пác-тва*) значило сначала „осторожный“, „тщательный“ (отсюда *опасная грамота*, т. е. охранительная, и т. п.). Глагол *бросать, бросить* сначала употреблялся только в форме *бръснути* и только со значением „сбрить“ („да не *бръснете* брадъ ваших“ — в Изборнике около 1300 г.; но ср. в с.-з. говорах: *бросн*уть — „оголять лен“, „снимать“, следовательно, отмётывать головку льняного стебля). Еще в XVII в. говорили: „в тюрьму

[1] По списку Общества истории и древностей российских.

мечут" (бросают), „они лошади *пометали*" (побросали лошадей). Но вскоре глагол *бросать* уже получил настолько широкое распространение, что глагол *метать* стал ненужным.

Таким образом, при изучении древних памятников письменности мы постоянно сталкиваемся с одним и тем же явлением: слова могли иметь другое значение, чем то, с которым они теперь употребляются, что глагол *метать* стал ненужным.

Еще один пример: прилагательное *красный* в древнерусском (как и в общеславянском) языке имело значение „красивый", „прекрасный", „светлый" и т. п.; ср. *Красная площадь* и т. д. (тогда как понятие „красный" выражалось другими словами: *чьрвьчатый, чьрвленый*>*чьрленый*; ср. в „Слове о полку Игореве": „слънце... всѣмъ... *красно* еси", „помчаша *красныя* дѣвки половецкыя", но: „русици преградиша *чрълеными* щиты"; „оба *багряная* стлъпа погасоста" и т. п.; также: *алый, пурпурный* и пр.). Но позже, в эпоху образования национального великорусского языка, *красный* стало употребляться также и как общее обозначение „признака красного цвета". В XIX в., не без связи с развитием революционного движения на Западе и в России (красное знамя как эмблема революционного движения впервые было употреблено во Франции, в 1832 г.), *красный* в русском языке получило новое значение: „свободолюбивый", „революционный", и после Октябрьской революции 1917 года — „коммунистический", „советский".

Очень часто семантические изменения протекают в направлении от частного и конкретного к общему и абстрактному. Например, *понять, пойму* первоначально значило „взять", „охватить"; ср. *пойма*. Слово *веремя* (ст.-сл. врѣмѧ), <**vertmēn*, по-видимому, имеет тот же корень, что и *вертеть*, и некогда значило „нечто вращающееся", „колесо">„след колеса", далее — „путь видимого «вращения» солнца с востока на запад">„время такого вращения, день"; *правьда* сначала значило „управа", „суд"; ср. „Русская *правда*", от *правити* — „управлять", „судить" и т. д. Существительное *основа* происходит от *сновать* (корень *снов-*) и первоначально значило „продольные нити для тканья" (ср. *уток* — поперечные нити), по которым *снуёт* челнок с утком (ср. „*сновать пряжу*"): отсюда позже новое значение этого слова — „основание, фундамент, база".

§ 143. Слова территориально-ограниченного распространения. Некоторые слова, встречающиеся в памятниках древнерусской пись-

менности, можно полагать, не были общевосточнославянскими словами, не имели широкого распространения на всей территории, занятой восточнославянскими племенами.

Так, преимущественно на севере, главным образом на словенской, новгородской земле, с давней поры употреблялись такие слова, как *обилье* (хлеб на корню), *рьль* (заливной луг), *буй* (кладбище), *соломя* (пролив), (*о*) *лоньсь* (в прошлом году), откуда *лоньщина* (годовалый теленок; например, в I Новгородской летописи по Синод. списку: „а за *лоньщину* полъ привнѣ...“), *шнека* (*снека*) („небольшое судно“; ср. норвежск., датск. snekke), *паробокъ* (слуга), *тировати паробокъ* (жить).

В XIV—XV вв. Новгород и Москва заметно различались в отношении словарного состава. В Новгороде говорили *смерд*, в Москве — *крестьянин*. Если в Новгороде понятие „воевать“ выражалось словосочетанием *ити ратью*, то в Москве говорили (*в*) *сести на конь*. Новгородскому *мир имати* или *взяти* (= заключить мир) в Москве соответствовало *мир канчивати*. Когда еще в Новгороде были в ходу старые деньги: *куна, векша* и пр., в Москве входили в употребление новые денежные единицы (и новые слова): *рубль, копейка, алтын*.

Судя по Псковской судной грамоте XV в., в древнем Пскове были в употреблении слова, вовсе неизвестные или малоупотребительные в других древнерусских диалектах: *кром* (= кремль; отсюда: *кромский тать* и т. п.), *ларь* — нечто вроде общественного архива, где хранились *доски* (или *дощки*), по-видимому, документы, в частности долговые расписки, написанные (или нарезанные) на бересте или лубье; *титяга* — „кожаная запона на возу“ и др.

Меньше известно о лексических особенностях древнесмоленского и древнеполоцкого говоров. Возможно, сюда относится употребление слова *колоколъ* в значении „гиря“: „воскъ весять тыми *колоколы*“ и т. п., и некоторые другие слова, иногда встречающиеся, однако, и за пределами Смоленска, в новгородских и псковских памятниках письменности — летописных сводах, грамотах.

Если имя *Москва* (сначала: река, потом — город) восходит к слову *москы*, род. *москъве* (ср. *свекры*, *свекръве*; *тыкы*, *тыкъве* и пр.), что значит „влага“, а имя *Волга* — к слову *вълга* (ср. *волглый*), что значит также „влага“, то, принимая во внимание, что Москва-река является „вятичской“ рекой, т. е. протекает

по бывшей территории вятичей, а Волга в ее верховьях искони была занята кривичами, которые потом мало-помалу спускались по этой реке, и что, следовательно, Москве, реке и городу, имя могли дать вятичи, а Волге — кривичи, можно предположить, что понятие „влага", „вода" передавалось у вятичей словом *москы*, а у кривичей — *вълга*.

Так или иначе, в языке старой Москвы эпохи возвышения общего (в словарном составе) с севернорусскими (в прошлом словенско-кривичскими) говорами было ничуть не меньше, чем специфически московского, в прошлом — вятичского. Например, в XIV—XV вв. вместо *пахать* говорили *орать*: „а луга... ни косити, ни *орати*" — в договорной в. кн. Василия Дмитриевича 1390 г. и др. Употребляли слово *одернь* (навеки): „кто ся будеть продалъ ... *одернь*" — в договорной Дмитрия Донского 1375 г. По-видимому, было известно слово *ушь* (вид сорной травы), часто встречающееся в I Новгородск. летописи. Все эти слова, если они вообще еще сохраняются, в наши дни употребляются только на далеком севере и в Сибири.

Труднее установить, какие из древнерусских слов, известных нам по письменным памятникам, были первоначально распространены только на юге, особенно в Киеве и его окрестностях. Благодаря тому обстоятельству, что литературный древнерусский язык, как общий (не областного значения) в древней Руси, сложился и получил развитие главным образом на юге, в Киеве, южные или юго-восточные по происхождению слова получили широкое распространение и стали употребляться в письменности не только на юге, но и на севере, в Новгороде, в Пскове, также в Смоленске и других древнерусских городах. Можно полагать, например, что слово *веверица* (как уже сказано, известное и в инославянских языках в значении „белка") в древней Руси сначала употреблялось только в южных говорах древнерусского языка (ср. украинское: *вивірка*), но при посредстве литературного языка попало на север, где этого зверька называли *бѣла* или *вѣкъша*. В „Слове о полку Игореве" — произведении, сложенном и написанном где-то на юге (если не в Киеве, то на Северщине или даже в Тмуторокане), встречается слово *яруга* — овраг, ущелье, теперь известное только в некоторых южнорусских говорах. Может быть, такого же (т. е. южного) происхождения слово *лада* — милый (в плаче Ярославны), в других памятниках древнерусского языка нигде еще не отмеченное, и некоторые другие.

О некоторых словах мы можем только сказать, что они не могли быть ни северными, ни западными, ни юго-западными по происхождению, как например слово *лошадь*. Возможно, что это слово заимствованное, как полагают, из тюркских языков, где-то на юго-востоке, сначала употреблялось вятичами, а от них потом перешло к радимичам, к кривичам; может быть, к полянам, в древний Киев и т. д. Известно, например, что киевлянин Владимир Мономах на Долобском совещании князей в 1103 г. в своей речи употребил слово *лошадь*: „половчинъ... *лошадь* его (смерда) поиметь". Теперь это слово на юге (на Украине) уже не употребляется. В Москве, как и вообще на севере, в XII веке и позже говорили *конь*.

§ **144. Формы словообразования.** Основным способом образования новых слов в славянских языках всегда была суффиксация. Это не был единственный способ. Иногда пользовались и другими приемами: не говоря уже о префиксации (*на-родъ*, *за-конъ*, при-вести и пр.), следует отметить сложение основ: *медвѣдь* (= мед едящий; ср. *медв-яный*, с корневой частью *медв-*); *невѣголосъ* (невежда); также *Мьстиславъ*, *Володимиръ* или с соединительными гласными *о*: *е*: *листопадъ* (название месяца), *сѣножать*, *меченосьць*, *земледьржьць* и т. п., далее — удвоение корня: *веверица* (белка; основа *вер-вер-*) и другие, особенно звукоподражательные слова: *колоколъ*, *глаголъ* (из **golgolъ*); известно лишь в старославянском, в чешском: *hlahol*; ср. в русском *голк*<*гълкъ*, *голчить*); такого же происхождения *гоголь* (из **gogolјь*; род нырка), также: *прапоръ* (из *пор-пор-* —знамя; корень — тот же, что в *перо-*; ср. также др.-рус. *перу* — „несусь", „лечу"; инф. *пьрати*); *пéрепелъ* [из *пел-пел-* с диссимиляцией гласных (звукоподражательное)]; с неполным удвоением: *папороть*, откуда впоследствии *папортник* (из**paportь*); *попелъ*>*пепелъ* (корень — тот же, что в *палить*, но на другой ступени вокализма) и др. Ср. удвоение в глагольных основах: *да-д-мь* (откуда *дамь*), *дадимъ* и т. д. Перенос ударения также является одним из давних способов образования новых слов — *мукá*: *мýка* (корень *мǫк-*); ср. польское *mąka*:*męka* и т. п.

Но наиболее распространенным и обычным способом образования новых слов следует считать образование с помощью суффиксальных элементов. Необходимо при этом учитывать, что некоторые суффиксы, в свое время не только живые, но и очень распространенные в славянских языках, с течением времени

„омертвели“ и слились с корнем и что с давнего времени они воспринимаются как принадлежность корня. Например: ***в*** (*пиво, мѣсиво*), ***т*** (*жито*), ***к*** [*знакъ, злакъ* (ср. ст.-сл. злакъ, из общесл. **zolkъ*; корень тот же, что в *зеленый*; у нас — из старославянского) и др.], ***н***: *станъ, сънъ* (из *съп-нъ*, ср. *съпати*), *сукно* (ср. *сучити*), ***р***: *даръ, миръ* (корень *ми-*; тот же, что *милый*: ср. латин. *mītis* — „нежный“ и пр.), ***ть***: *съмьрть*; в общеславянскую эпоху: **mogtь* (откуда в древнерусском *мочь*) и т. д.

Некоторые суффиксы вследствие фонетических изменений могли и вовсе исчезать в языке. Почти исчезнувшим суффиксом, между прочим, можно считать и тот *j*, о котором так часто приходилось говорить в „Фонетике“: *свѣтjа>свеча, хотjǫ>хочу* и пр., но *стая* (=*стаjа*), *знаю* (=*знаjу<знаjǫ*) и т. д.

История суффиксальных образований заключается в том, что одни суффиксы исчезают, другие, новые, появляются. Эти новые суффиксы обыкновенно представляют собой те же общеславянские суффиксы, но с разного рода „наращениями“, главным образом за счет основы или корня (в результате переразложения основы), или других суффиксов. Так, еще в эпоху общеславянского языкового единства наряду с суффиксом ***-к*** появились новые суффиксы, обозначающие лиц мужского пола: ***-ък(ъ)*** (*сынъкъ*), ***-ьк(ъ)*** (*зęтькъ*), ***-ак(ь)*** (*рыбакъ*), ***-икъ*** (*старикъ*), ***-ачь*** (*тъкачь*), а потом и другие.

По-видимому, в историческое время возник суффикс действующего лица ***-ник(ъ)***, как следствие переразложения основы: *начальник-ъ* (ср. *начальн-ый*), *посад-никъ* и пр. Многие из старых слов с этим суффиксом теперь вышли из обращения: *мечникъ, мытникъ, стольникъ* и другие. Несомненно, в историческое время и только на древнерусской почве появился новый агентивный суффикс — ***-чик(ъ)***, с ***ч***, отвлеченным от основы, сначала в таких образованиях, как *мальць*: *мальч-ик-ъ* и пр. Едва ли не одновременно (с XIII в.; на территории Северо-восточной Руси) появился ***-щик(ъ)***: *даньщик, зажигальщик,* позже *заговорщик* (1639 г.) и т. д., сначала вследствие переразложения основы в таких образованиях, как *ямщик* (от *ямской*, прилаг. от *ям* — „почтовая станция“, сло́ва татаро-монгольского происхождения), а также *приказчик* (>*прикашʼик*). Чем дальше идет время, тем больше случаев употребления этого русского суффикса за счет суффикса ***-ник*** наблюдается в памятниках письменности. Так, в связи с ростом государства, с развитием культуры в XV—XIV

столетиях возникло множество новых слов с этим суффиксом для обозначения различных профессиональных групп: *зелейщик* (от *зелье* — порох), *басманщик* (от *басман* — хлеб), *затинщик* (от тин— забор), *наборщик* (с XVI в.) *литаврщик, барабанщик* и т. д. Суффикс ***-щик*** может, в свою очередь, „обрастать" за счет основы. Так появляется, по-видимому, не только в литературном языке, суффикс ***-овщик: -евщик***: *бунтовщик* (уже в XVII в.), *зверовщик, межевщик* и т. п.

В связи с появлением и распространением новых суффиксов ***-чик, -щик*** находится сокращение сферы употребления некоторых *других* суффиксов действующих лиц, например ***тел-ь,*** в прошлом очень часто применявшегося в книжно-литературном языке: *дѣятель* и пр. Сопутствующим явлением можно считать и полное омертвение некоторых суффиксов в словах этой группы: ***-ич*** (*бирич* — „скороход", „глашатай" — правда, в слове с неясным корнем), ***-ит*** *(кърчьмитъ, наймитъ),* ***-тух*** [*памятухъ* — старожилец (например, в послании Ивана Грозного 1573 г.: „у тебя *памятухов* много")], ***-ар-ь*** (*господарь* > *государь*) и т. д.

Подобным образом появление и распространение в более позднее время суффикса ***-к-а (-ък-а)*** для обозначения орудий действия: *вилка, сеялка,* и пр., повлекло за собой вытеснение и омертвение старых суффиксов: ***-л-о***: *било,* („то, во что бьют") и т. п., ***-иц-а***; *вилица* (вилка), *лъжица* (ложка) и т. д.

Некоторые суффиксы с давнего времени составляют особенность только русского (великорусского) языка (или только восточнославянской языковой группы). Сюда относятся, кроме упомянутых ***-чик*** и ***-щик*** для обозначения действующих лиц мужского пола, также и некоторые другие, например ***-ък-а*** для обозначения определенного действия; *чистъка* (от *чистить*), *уборка* и т. п., и суффикс прилагательных ***-чив-ъ*** (в современном русском: *уступчивый, опрометчивый* и т. п.).

Сначала прилагательные этой группы имели суффиксы: по большей части ***-ив-*** [*грязивый*; „по *грязивымъ* мѣстомъ"—в „Слове о полку Игореве"; *струпивый, памятивый* (ныне: *памятливый*) и пр., в современном русском: *спесивый* и т. д.], отчасти ***-ав-, -яв-*** (*лукавый, буявый*, теперь уже вышедшее из употребления и пр.); потом ***-лив-*** (*л*+*ив*), как следствие переразложения основы: *бодль* (т. е. „шип"): *бодл-ив-ый* > *бод-лив-ый* (при *бости: бодати*), далее *гнѣвливый, завистливый* и т. д. Наконец, позже других суффик-

сов, к XVI в., на русской почве возникает суффикс ***-чив-*** (*ч*+*ив*), также в результате переразложения основы: *лайца* (ругатель, от *лаяти*), *лайч-ив-ый*>*лай-чив-ый* (из употребления вышло), далее: *заносчивый*, *доверчивый* и т. д.

Новые суффиксы ***-лив-*** и особенно ***-чив-*** в современном русском языке явно вытесняют старый суффикс ***-ив-*** в словах этой группы, — в древнерусском языке один из самых продуктивных суффиксов прилагательных.

Мы знаем немало случаев слияния суффиксов, усложненного еще фонетическими изменениями. Так, суффикс ***-(ь)ство,*** употреблявшийся для обозначения отвлеченных понятий: *богатство* и т. п., надо полагать, возник в результате „обрастания" суффикса ***-в-о*** (*пиво* и пр.) другими суффиксами: сначала ***-тв***+*о* (*жьнитво*, при *жьниво* и т. д.), потом ***-ьство,*** возможно, вследствие контаминации с суффиксом прилагательных ***-ьск-*** в таких словах, как *дѣтьс(к)тво* от *дѣтьск-ый*, при наличии *дѣти*, откуда: *дѣтьство* и т. п.

В старославянском языке этот суффикс был известен и в виде ***-(ь)ствие:*** *царьствие*, *страньствие* и т. п., т. е. в сочетании с другим суффиксом отвлеченных существительных ***-ье***>***-ие.*** Отсюда — и в древнерусском книжном литературном языке, и в современном русском литературном варианты: *царствие* и *царство*, *бедствие* и *бедство* (например, у Пушкина в „Сказке о попе и работнике его Балде": „Знаю средство, | Как удалить от нас такое *бедство*").

Как уже было отмечено выше, в истории языков нередки случаи, когда в прошлом живой суффикс, хорошо различавшийся в составе слова как его отдельный элемент, перестает различаться в качестве форманта и, следовательно, отмирает. Так, слово *дар,* сначала распадавшееся в сознании говорящих на корень *да-* *(да-ти)* и суффикс *-р* (ср. *пи-р-ъ* и пр.), с давнего времени перестало распадаться на эти составные части. Вот еще один пример. Но в отличие от предыдущих суффикс в этом случае сам по себе не является мертвым. Слово *сокровище* сначала распадалось следующим образом: *съ-кров-ищ-е,* причем суффикс *-ищ-е* здесь имел „местное" значение (ср. *кладбище*, *стойбище, пожарище* и т. п., место кладьбы, место стоянки и пр.). Таким образом, это слово значило: „*место* сокрытия" „тайники" (ср. в древнерусском: „вълѣзѣте въ *съкровища* ваша"). В связи с изменением значения этого слова (>„драгоценность", т. е. то, что нуж-

дается в сокрытии) произошло опрощение основы: она превратилась в непроизводную основу.

Подобно корням, суффиксы иногда заимствуются из других языков. В русском языке имеется ряд заимствованных суффиксов, иногда для выражения отвлеченных понятий, суффиксов, попавших к нам сначала вместе с заимствованными словами, но впоследствии отвлеченных от них. Кроме старославянских суффиксов вроде ***-ствие*** (*шествие* и т. п.; ср. в говорах: *лекарствие* и некоторые другие), ***-знь*** (*жизнь* и пр.) и др., можно отметить западноевропейские, заимствованные XVIII—XIX веках: *-изм* (*реализм, дарвинизм,* ср. *ленинизм* и др.), ***-ация*** (яровизация и т. п.), ***-аж*** (листаж и т. п.) и пр., иногда в сочетании с русскими суффиксами: *маршировать (-ир-ова-ть)* и т. д. в группе глаголов обычно с заимствованной корневой частью.

При изучении суффиксов имен существительных в их истории необходимо учитывать, от какой основы, именной или глагольной образовано то или другое слово. Имеется ряд суффиксов, характерных для отглагольных существительных. Сюда относятся суффиксы ***-нье***, ***-енье***, ***-тье*** (восходящие к ***-ье***). Например, в современном русском: *плавание*, *чтенье*, *взятие*, *питьё* и т. п. Эти слова долго сохраняли свою связь с глаголом. Например, еще в XVII в. можно было сказать *сражение* кого-либо (неприятеля и т. п.).

Представляет интерес история суффикса отвлеченности ***-ость***: ***-есть***, который первоначально мог соединяться только с основой прилагательных: *старость*, *мудрость*, *текучесть* и пр., но позже (особенно с XIX в.) стал допускаться и в таких образованиях от глагольной основы, как *видимость*, *успеваемость* и др. В некоторых случаях он перестал выделяться: *ведомость*, *доблесть*.

§ 145. Славянизмы. В лексическом отношении старославянский язык заметно отличался от языка восточнославянских племен. Разница заключалась не только в том, что общеславянские слова по-разному звучали в старославянском и в древнерусском языках: *градъ: городъ* и пр., или *азъ: язъ, я*, или *седмь: семь* и т. д.; не только в том, что в старославянском языке некоторые слова образовывались с помощью суффиксов, не употреблявшихся в древнерусском: *пришьствие, ц(ьс)арьствие* [древнерусское *ц(ьс)арьство*] и т. д.

В литературном старославянском языке, сложившемся при иных этнических, внешнеполитических и культурных условиях,

чем литературный язык древней Руси, и на основе другого, хотя и родственного языка, употреблялось немало слов, чуждых языку восточного славянства: кроме собственно болгарских, македоноболгарских, употреблялось немало других, издавна неизвестных болгарскому языку, попавших в язык старославянских книг в связи с деятельностью славянских первоучителей в Моравии и Паннонии. Например, *балии* (врач), *къмотръ* (кум), *локъва* (дождь), *рѣснота* (истина), *отокъ* (остров) и др.

Кроме этих славянских слов, здесь находилось в употреблении большое количество слов иного, неславянского, происхождения преимущественно культовых: греческого происхождения: *евангелие*, [<греч. εὐαγγέλιον — „радостная весть", „благовестие", от αγγέλλω — „возвещаю", „приношу весть"; ср. *ангелъ* < греч. ἄγγελος— —„вестник" (γγ произносится как ng)], далее:, *ересь*, *иерей*, *икона* и т. п., отчасти латинского: алтарь (латин. *altare*, от *altus* — высокий), *оцьтъ* (уксус; лат. *acetum*) и др.; (в незначительной мере) — немецкого: *постъ* (<древневерхнем. *fasto* — тж.) и пр.

Старославянский язык можно считать одним из богатейших литературных языков Европы IX—XI столетий в отношении лексических средств, особенно для выражения отвлеченных понятий: *пространьство, разумъ, истина, общество, въселенная, наслаждение, благо* и т. п. не говоря уже о многочисленных греческих словах этой группы вроде *грамота* [<γράμματα (pl.)], *философия, астрономия* и др.

Благодаря тому, что старославянский язык в IX—XI столетиях являлся орудием международного литературного общения на огромной славянской территории, его словарь в течение столетий беспрерывно обогащался за счет других языков славянских и неславянских народов. В связи с этим обстоятельством находится, между прочим, такое важное преимущество старославянского языка (как литературного), сравнительно с другими славянскими языками этого времени, как обилие синонимических средств для выражения одного и того же понятия или близких понятий: *видѣти: зьрѣти; вьрачь: балии; истина: рѣснота; остров: отокъ; часъ: година* и т. д., не говоря уже о таких синонимах, как *аеръ: въздухъ, анагностъ: чътець, иерей: попъ: священникъ* и т. п., где первым компонентом пары являются грецизмы.

С течением времени огромные словарные запасы старославянского языка стали достоянием древнерусских людей, которые сумели хорошо воспользоваться этим лексическим богатством для

того, чтобы свой литературный язык сделать еще более богатым, гибким и выразительным.

§ 146. Заимствование слова в древнерусском языке. Невозможно представить себе племя, народность, настолько изолированные от своих соседей, чтобы между этим племенем, народностью и их соседями не существовало никаких взаимоотношений ни в какой области. Народы земного шара испокон веков делились своим жизненным опытом, своими сведениями о мире, вселенной и достижениями в области искусства. Как говорит Карл Маркс на одной из первых страниц своего „Капитала“, „каждая нация может и должна учиться у другой“[1].

Понятно поэтому, что не существует и таких языков, которые в лексическом отношении отличались бы абсолютной «чистотой», языков, в лексике которых вовсе не заключалось бы слов, заимствованных из других языков в разное время и при различных обстоятельствах.

Заимствованные слова в древнерусском народном языке относятся к разным периодам его самостоятельного существования. Имеются очень давние заимствования. К их числу относится, например, общеславянское *кънęзь* (>русск. *князь*), с производными: *кънęгыни* (>русск. *княгиня*) и др., заимствованное из древневерхненемецкого языка (<*kuning*). К общеславянскому же периоду относятся заимствованные из готского [кроме спорного *мечь* (ср. гот. *mēki*)], также *вельбǫдь* (>*вельблудь*>*верблюд*) из готского *ulbandus*, также: *осьлъ* (>рус. *осел*), *львъ* (>рус. *лев*). Прямых заимствований из немецкого языка в древнерусском немного. Может быть, немецкими являются слова *мастеръ*, встречающееся уже в „Повести временных лет“ (<средневерхненемецкое *meister*, а там оно восходит к лат. *magister*), *бархатъ*, известное у нас с XIV в. (ср.: средневерхненем. *barchât*, оно восточного происхождения; современное нем. *Barchent* — „бумазея“) и некоторые другие.

С IX в. в жизни восточного славянства начинают играть известную роль варяги, наемные варяжские дружины, состав которых не был однороден, а руководство, по-видимому, менялось, переходя от западных славян (с балтийского Поморья) к норманнам (древним шведам и норвежцам) и обратно, пока не закрепилось за норманнами. Не была одинаковой и роль варяж-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, 1960, стр. 7.

ских дружин в общественной жизни древней Руси. Иногда они просто несли пограничную службу; нередко древнерусские князья пользовались услугами предводителей этих отрядов для охраны внутреннего порядка. Бывали случаи, когда варягам удавалось время от времени захватывать верховную власть на местах. По данным летописей, в середине IX в. варягам (по-видимому, уже в значительной мере, ославянившимся) удалось даже обосноваться в Киеве, в период объединения восточнославянских земель вокруг этого центра.

В культурном отношении варяги-норманны, как и германцы на западе, не стояли выше восточных славян. Они очень скоро ассимилировались, слились со славянским населением древней Руси, растворились в нем. Вот почему в современном русском языке почти не сохранилось д о с т о в е р н о норманских слов, кроме некоторых личных имен: *Ольга, Игорь*, (< др.-сканд. *Ingvar*), *Глеб* (< др.-русск. **Гълѣбъ** < др.-сканд. *Guðleifr*), возможно, *Олег*; в древнерусском также *Свенелдъ* (др. -сканд. *Sveinaldr*).

Незначительное количество, видимо, н о р м а н с к и х слов некоторое время держалось в древней Руси, особенно на севере: *гридь* (< др.-сканд. *grið* — „убежище") или *гридьня* — «младшие дружинники», откуда *гридьница* — помещение для *гриди* в княжеском тереме (ср. у Пушкина: „С друзьями в *гриднице* высокой Владимир-солнце пировал"), *тиун* (< др.-сканд. *þjonn* — „слуга") и некоторые другие. Они почти все вышли из употребления уже к концу древнерусской эпохи. К сохранившимся „норманизмам", по-видимому, относится *ябеда*, откуда: *ябедник* (из *ambætti* — „служба", ср. немецкое *Amt*), — слово, получившее примерно с XVI в. новое значение (донос, клевета). По-видимому, из древневерхненемецкого языка, а не из Скандинавии было заимствовано слово *вира* — „денежная пеня за убийство свободного человека". Однако в других славянских языках этого слова не сохранилось.

На юге наши предки с давнего времени находились в добрососедских отношениях с греческим населением бывших причерноморских колоний Греции, и уже в ту эпоху некоторые греческие по происхождению слова могли быть усвоены восточными славянами. Позже, в период военных походов на Византию и особенно после крещения Руси, когда Рюриковичам, наконец, удалось наладить нормальные, мирные отношения с Византией,

в литературном и народном языке появилось и получило распространение немало заимствованных греческих слов. Это были не только слова церковного, ритуального жанра, попавшие к нам, надо полагать, через посредство старославянского языка: *евангилие*, *икона*, *монастырь*, *иерей*, *диакон*, *игумен*, *монах*, *ангел*, *сатана*, *диавол*, *ересь* и пр. (о них смотри выше), но и другие слова, в частности имеющие отношение к древнерусскому быту и характеризующие высокий уровень древнерусской культуры: *грамота*, *хартия*, *тетрадь*, *философ*, *терем*, *палата*, *известь*, (< греч. ἄσβεστος) *крин* („лилия"), *фонарь*, *кровать*, *паполома* [(< средне-греч. πάπλωμα) („покрывало")], например, в „Слове о полку Игореве"; „одѣвахуть мя... чръною *паполомою* на *кровати* тисовѣ"), *аксамит* (дорогая шелковая ткань; например, в том же „Слове": „драгыя *аксамиты*"), *ленътие*, откуда *лента* и др. Многие из этих греческих слов, обычных в литературном языке древней Руси, со временем вышли из обращения; преимущественно это такие слова, как *аеръ*—воздух, *анагностъ* — чтец и т. п., выражавшие понятия, для обозначения которых у восточных славян имелись свои слова. С другой стороны, некоторые греческие (или латино-греческие) слова впоследствии в русском (великорусском) языке вытеснили соответствующие славянские. Сюда относятся, например, названия месяцев: *январь*, *февраль* и пр. вместо древнерусских: *просиньць* (ср. в Остромировом евангелии: „до мѣсѧца *ѥнуара, просиньца* рекомааго", 256), *сѣчьнъ, сухый, брезозоръ* (или *брезозоль*, с корнем *зел: зол;* ср. *зелёный, зелень), травьнъ, изокъ* (по-древнерусски это слово значило „кузнечик") и т. д. Ср. в украинском *січень*—январь, *лютий*—февраль, *березень*, *квітень, травень* и т. д.

На юго-восточных границах своих поселений наши предки с давнего времени соприкасались с кочевыми народами т ю р к с к о г о происхождения: сначала печенегами, потом половцами, еще позже татарами, и вели с ними тяжелую борьбу, защищая с переменным успехом независимость, целостность и славу созданного ими обширного государства и пути в Европу.

Таким образом, еще в эпоху до татаро-монгольского нашествия единичные тюркские слова (или через тюркское посредство — арабские, персидские и другие ближневосточные) получили некоторое употребление в древней Руси. В „Слове о полку Игореве", написанном вскоре после неудачного похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г., встречается несколько таких тюркских

слов: *орьтъма* (ср. турец. örtme — „прикрытие"; örtmek — „покрывать"), *япончица* — верхняя одежда, плащ, *харалугъ* — булат, сталь, *каганъ* — властитель, князь („Олгова *коганя* хоти"), *чага* — невольница, *жемчюгъ* и др. Из этих ранних заимствований из тюркского источника сохранились только отдельные слова, например *жемчуг* (первоисточник — китайское *чженьчжу* — к нам попавшее при тюркском посредстве). К периоду татаро-монгольского ига относится распространение таких татарских по происхождению слов, как: *орда* [с производными *ордынка* — дорога в Орду (ср. *Ордынка* — название улицы в Москве), *ординец* — „пленник" и др.], *тамга* (с XIII в.) — подать, откуда потом *таможня, денга* > *деньга* (с XIV в.); *ям* — денежный сбор на гоньбу, откуда потом *ямской, ямщик* и пр., *караул* [(с XIV в.) < — тюркск. *garaγul*, ср. турец. karakol — „сторожевой пункт"]; *ярлык* (первоначально: „ханская грамота на княжение"). К тюркизмам относятся также многие другие слова: *алый* (< тюрк. al — „красный"), *барыш* (ср. турецк. bariş — „мир", „примирение"; barişmak — „мириться"), *кирпич* (ср. турец. kerpiç — „кирпич-сырец") и др.; далее: *кумач, очаг, таракан* и пр. В тюркских языках эти слова не всегда исконно тюркские. Так, например, слово *деньга, деньги* (ср. казан. тат. *тäнкä* — „серебряная монета" и др.) в тюркских языках заимствовано из среднеперсидского, и т. д.

Многие из тюркизмов и вообще восточных слов, употреблявшихся в древнерусском языке, впоследствии вышли из обращения: *баскак* (татарский чиновник, сборщик дани), *тюфяк* — род пушки и др. Некоторые дошли в переработанном виде: *вьюк* [из *юк* (контаминация с *вью* и т. п.); ср. в „Хожении" Афанасия Никитина: „взял *юкъ* яхонтов"] и т. п. Некоторые из восточных слов, вышедших из оборота в новое время, снова попали к нам через западное посредство; например *джунгли* из персидского *дженгель*. Ср. в том же „Хожении": „со одну сторону *женьгъль* злый и з другую долъ" и т. д. Возможно, тюркского происхождения слово *карман* [(польск. korman); старое значение: „кошелек"; ср. еще в газете „СПБ ведомости" за 1798 г., от I/VI: „некая барыня... шедшая по Фонтанке... обронила *карман* с разными записками"]. То же можно сказать и о старомосковском слове *калита* в том же значении: „поясъ золотъ с *калитою*" — в Духовной Дмитрия Донского 1389 г.

На севере и востоке древней Руси, особенно в процессе расселения и освоения новых земель, восточные славяне (словене-

кривичи, отчасти вятичи) оказались в соседстве с племенами угро-финской группы языков, восточными (меря, весь, мещера, мордва и др.) и северо-западными: сумь (суоми), корела, водь и пр. Эти племена с древнейшего времени начали усваивать отдельные слова у восточных славян и перенимать их язык. В своей значительной части они позднее даже ассимилировались, слились со славянами, стоявшими на более высокой ступени культурного развития. Но и в русский язык время от времени попадали некоторые слова из угро-финских языков. В северно-русских говорах до сих пор употребляется немало бытовых слов, вероятно, финского происхождения: если можно считать спорными как финизм, например, слово *баса* (красота, добротность), откуда *баскóй* — „красивый" и т. п., *баско*, то трудно сомневаться в финском происхождении таких слов, как *конда*, откуда *кондовый* лес [„отборный, строевой лес"; видимо, из *конга*, которое тоже известно на севере и которое восходит к фин. *honka* (основа *hong-*) — „ель", „сосна"]; *лыва* (< фин.-карельск. *liiva*) — „лужа", „топкое место в лесу", „поросль в болотных местах"; с этим последним значением слово встречается у Ломоносова: „из *лыв* густых выходит волк" в „Оде на взятие Хотина"), *салма* (пролив), *шаньга* (лепешка или хлебец, намазанный сметаной) и т. д. Следует, однако, учесть, что эти северно-русские слова финского происхождения в наших древнейших памятниках письменности раньше XIV в. не встречаются (между прочим, *лыва* отмечено в одной двинской купчей XIV в.). Финских же слов, вошедших в общий восточнославянский словарный фонд древнерусской эпохи, указать почти невозможно.

Что касается прибалтийских соседей восточного славянства, предков нынешних литовцев и латышей (по-древнерусски: литва, ятвяги, жмудь, льтьгола, и др.), то здесь положение создалось в основном такое же, как в области славяно-финских отношений. Балтийцы больше заимствовали слов у восточных славян, чем передали им из собственного лексического фонда. Надо полагать, из литовского языка попало в русский слово *ендова* или *яндова* „чаша", „ковш"; (ср. литов. *iñdas* — „посуда", *indaujà* — — „посудный шкаф", „буфет") ср. у Ершова в „Коньке-Горбуньке": „Постучали *ендовой* и отправились домой". Однако в древнейших памятниках нашей письменности (до XVI в.) этого слова не обнаружено. Также: *деготь* (< лит. *degùtas*) и нек. др.

Так в общих чертах обстоит дело с заимствованными словами в древнерусском языке. Разумеется, эти чужие, неславянские слова усваивались в древней Руси не только в процессе непосредственного общения наших предков с другими народами и отдельными их представителями. Некоторая часть этих иноязычных слов была усвоена книжным путем. В XVIII—XIX вв. этот источник заимствования стал играть гораздо большую роль, чем в древнерусскую эпоху.

Изучение такого рода заимствованных слов, попавших в русский язык главным образом при посредстве книги и в своем большинстве не вышедших за пределы собственно литературной речи, неизвестных в говорах, относится уже к истории русского литературного языка.

Не следует, однако, преувеличивать значительность этого чужеязычного вклада в словарном составе древнерусского языка. Многие слова, которые иногда считаются заимствованными в славянских языках из других языков, неславянских, на самом деле, при более спокойном и объективном изучении этих слов, допускают объяснение на славянской почве. Например, слово *блюдо*, часто рассматриваемое как древнее заимствование из готского языка, на самом деле, как полагают С. П. Обнорский и Г. А. Ильинский может быть объяснено на славянской почве (ср. *блюсти*). Не так еще давно общеславянское слово *скот* (употреблявшееся в древнерусском языке также и со вторичным значением „имущество", „деньги") были склонны считать заимствованным из германщины (ср. готск. *skatts* — деньги). Было доказано, однако, что и оно не является германизмом и что славяне и германцы заимствовали это слово у какого-то неизвестного народа. Примерно то же можно сказать и о некоторых более поздних словах. Например, едва ли имеется необходимость возводить, как это обычно делается, древнерусское *варяг* к древнеисландскому *vœringr* (мн. ч. *vœringiar*), что значило, по-видимому, „союзник" или „защитник": оба слова разными путями могли быть заимствованы из ср. греч. βαραγγος. Но др.-русск. *варягъ* можно объяснить и на древнерусской почве. Его корень *вар-*, тот же, что в *варяти*, *варити*, *вароватu* — беречь, хранить, верить, в словах, которые до сих пор сохраняются в других славянских языках и отчасти у нас, особенно в былинном языке (ср. в „Былинах севера", т. 1, стр. 376: „а на то де станичники *не варуют*" и т. п.), а с приставкой *пред-*: *предварять, предварить* и пр. —

и в литературном русском: суффикс же *-яг* засвидетельствован древнерусским словом *работягъ* (откуда потом — *работяга*).

Наконец, еще одно последнее замечание. Процесс заимствования чужеязычных слов, о котором была речь выше, не был односторонним процессом в древнерусском языке. Не только в славянские языки и древнерусский язык попадали слова, заимствованные из других языков, но и, наоборот, из славянских языков и древнерусского немало слов перешло в другие языки, в частности, — в западные, германские (например, в готском, кроме упомянутого *skatts* к заимствованиям из общеславянского языка древнейшей эпохи относится также *plinsjan* — плясать и др.).

Выше было упомянуто об единичных норманских словах в древнерусском языке. Но, разумеется, и норманны кое-что позаимствовали у наших предков.

В шведском языке, т. е. в языке потомков древних норманнов, до сих пор и с древнего времени употребляется немало восточнославянских слов: *lodja* — ладья, барка, *torg* — площадь, *pitschaft* — печать и другие.

Имеются основания вслед за А. И. Соболевским, полагать, что очень ранним заимствованием из древнерусского языка является французское слово sabot — башмак (деревянный), восходящее к восточнославянскому *сапогъ*. В новейшее время оно вернулось к нам в качестве корневой части глагола *саботировать* (фран. *saboter* — первоначально: „стучать башмаками" и т. п.).

Надо полагать, из древнерусского языка (а не других славянских) попало в немецкий слово Zobel — „соболь", известное уже в рыцарской немецкой поэзии XII—XIII вв. (сначала со значением „меховая оторочка", „украшение"). С XV в. известно слово Nörz > Nerz — „норка, Lutreola". Ср. также нем. Besemer — „безмен" (в севернонемецких говорах, после XIII в.), Zoche — „соха" (употреблявшееся в восточнонемецких говорах), Säbel — „сабля", Pallasch — „палаш" и некоторые другие[1].

Если уже в древнерусском языке мы обнаруживаем тюркизмы, то не следует забывать, что с древнейшего времени и в тюркские языки попадали восточнославянские слова.

Из рассказа Константина Порфирородного в его сочинении „О народах", написанном около 949 г., следует, что печенеги

[1] Е. В. Опельбаум, Древнеруські лексичні елементи в німецькій мові, Мовознавство, 1953, т. XII.

употребляли слово *zakana*, т. е. *закон*, заимствованное у древнерусов.

Русское *село* в форме *сала* встречается в одном из древнейших памятников татарского языка в пределах Казанского ханства — в „Ярлыке Сахиб-гирея" 1523 г.

Немало восточнославянских слов (отчасти еще в эпоху до развития полногласия) было заимствовано финнами и балтийскими народами, например фин.-суоми: *artti* (ссора, из *рать*), *varpu* (воробей), *talkoo* (*толока*) и пр. В языке эстов сюда относятся: *tapper* (топор), *sahs* (соха) и др., в том числе, по-видимому, и *mogl* *(mugl: mügl)* — „едкий щелок", — слово, заимствованное едва ли не из древнепсковского *мыгло*[1].

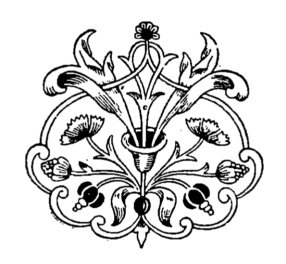
В литовском такими заимствованными из древнерусского языка словами являются: *čerpė* — черепица, *karvojus* — (коровай) и др.

Известны также относящиеся к древнерусскому периоду заимствования из языка восточных славян и у народов Кавказа: *книга* и *печать* — в осетинском языке; *сало* в смысле „принадлежность туалета" отмечено было в одном древнеармянском памятнике — описании хозарской трапезы VII в.

Подобным образом и позже отдельные слова из русского языка заимствовались и в наши дни продолжают заимствоваться в другие языки, в частности западноевропейские, и становятся международными словами.

---

[1] F. Wiedemann, Estnisch-deutsches Wörterbuch, СПБ, 1893.

ТЕКСТ И ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ ДАРСТВЕННОЙ ГРАМОТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МСТИСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА ОКОЛО 1130 ГОДА

ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ ГРАМОТЫ

† Се азъ мьстиславъ володимирь с҃нъ дьржа роу
сьскоу землю въ своѥ кнѧжениѥ повелѣлъ ѥ
смь с҃ноу своѥмоу всеволодоу ѿдати боуи
цѣ с҃тмоу геѡргиеви съ данию и съ вирами и съ
† и вено вотсков
продажами даже который кнѧзь по моѥмь кнѧ
жении почьнеть хотѣти ѿꙗти оу с҃тго геѡрги
ꙗ· а б҃ь боуди за тѣмь и с҃таꙗ б҃ца и тъ с҃тыи геѡ
ргии оу него то ѿтимаѥть· и ты игоумене иса
иѥ· и вы братиѣ· донелѣ же сѧ миръ състоить·
молите б҃а за мѧ и за моѣ дѣти· кто сѧ изоѿста
неть въ манастыри· то вы тѣмь дължьни ѥ
сте молити за ны б҃а и при животѣ и въ съмь
рти· а ꙗзъ далъ роукою своѥю· и осеньнюю по
людиѥ даровьноѥ полътретиꙗ десѧте гри
вьнъ с҃тмоу же геѡргиеви· а се ꙗ всеволодъ да
лъ ѥсмь блюдо серебрьно· въ ·л· гр҃внъ серебра.
с҃тмоу же геѡргиеви велѣлъ ѥсмь бити въ
нѥ на ѡбѣдѣ коли игоуменъ ѡбѣдаѥть·
даже кто запъртить или тоу дань и се блю
до· да соудить ѥмоу б҃ъ въ дн҃ь пришьстви
ꙗ своѥго и тъ с҃тыи геѡргии·:~ ——

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ ГРАМОТЫ

с'э́ а́зъ, м'ьст'ислàвъ, волод'и́м'ир"ь *сы́нъ, д'ърж"а́ ру́
с'ьску з'э́мл"у въ-својэ́ кн'аж"э́н'ицэ, пов'ел'ѣлъ јэ́
см'ь *сы́ну своцэму́ вс'э́володу отда́т'и бу́и

ц"ѣ *св'атому һ'эорһ'ицэв' и съ дан'ицу и съ-в'ирам'и и съ-продаж"ам'и. даж"э который кн'аз'ь по мојэм'ь кн'а ж"эн'ии поч"ьн'эт'ь хот'ѣт'и отјат'и у-*св'атого һ'эорһ'и ца, а *боһъ буд'и за-т'ѣм'ь и *св'атаца боһород'иц"а и тъ *св'атыи һ'эорһ'ии: у н"его то от-имацэт'ь. и ты, иһум'эн'э Исаицэ, и вы, брат'ицэ, дон"эл'э ж"э с'а м'иръ състойт'ь, мол"ит'э *боһа за м'а и за мојѣ' д'ѣт'и. кто с'а изостан'ет'ь въ манастыр"и, то вы т'ѣм'ь дълж"ьн'и цест'э мол"ит'и за ны *боһа и пр'и ж"ивот'ѣ и въ съм'ьрт'и. а јазъ далъ рукоцу својэцу и ос'ен'ьн"эцэ пол"уд'ицэ даров'ьноцэ, полъ тр'эт'ија д'эс'ат'э һр'ив'ьнъ *св'атому ж"э һ'эорһ'цэв'и. а с'э ја, вс'эволодъ, далъ јэсм'ь бл'удо с'эр'эбр'ьно въ тр'и д'эс'ат'и һр'ив'ьнъ с'эр'эбра *св'атому ж"э һ'еорһ'ицэв'и: в'эл'ѣлъ јесм'ь б'ит'и вън"э на об'ѣд'ѣ, кол'и иһум'енъ об'ѣдацет'ь даж"э кто запърт'ит'ь ил'и ту дан'ь и с'э бл'удо, да суд'ит'ь цэму *боһъ въ д'ьн'ь пр'иш"эств'ица своцэһо и тъ *св'атыи һ'еорһ'ии.

ПОЯСНЕНИЕ К ТРАНСКРИПЦИИ

Мы исходим из предположения, что грамота великого князя Мстислава Владимировича и его сына — новгородского князя Всеволода написана не на севере, где она впоследствии хранилась (в Юрьевском монастыре под Новгородом), а на юге, в Киеве (см. стр. 30). Поэтому, во-первых, мы передаем произношение согласного *г* не как согласного взрывного, не посредством буквы *г*, а как длительного звука и обозначаем его буквой *h*. В слове *Георгий* мягкое *h*, возможно, произносилось как *j*. Отсюда древнерусское *Юрьи* > *Юрий*.

Мягкость согласных мы обозначаем здесь не одинаково: так называемую „исконную" мягкость, общеславянского происхождения, — двумя запятыми над буквой с правой стороны, а мягкость вторичную, позднюю, — одной за-

пятой. Возможно, в первой трети XII в. еще имело место различие по степени мягкости согласных на всей территории древнерусского языка: исконная мягкость была п р е д е л ь н о й мягкостью.

Неударенные редуцированные *ъ* и *ь* в начальном слоге и в открытом конце слова мы обозначаем как неслоговые гласные.

Йот (*j*) мы употребляем несколько условно только под ударением. В остальных случаях мы пользуемся знаком *и̯* (*и* неслоговое).

Звездочкой отмечены слова, которые в грамоте написаны под титлом.

Слово *изостанеться* мы читаем с одним *о*. Написание двойного *о* считаем явлением чисто графическим.

В слове *(в) манастыри* после *м* читаем *а*. Оно возникло не на славянской, а на греческой почве (вследствие межслоговой ассимиляции гласных).

Заглавных букв не употребляем.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. ВВЕДЕНИЕ

III. РАЗВИТИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

А. Историческая морфология

1. Имя существительное

Важнейшие изменения в области отдельных типов склонения существительных

Единственное число

Множественное число

2. Прилагательные

3. Местоимения

Павел Яковлевич Черных

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА
РУССКОГО ЯЗЫКА

Редакторы *Г. В. Карпюк, Г. П. Смолицкая*
Редактор карт *Е. В. Смирнова*
Художник *Б. Никифоров*
Художественный редактор *М. Л. Фрам*
Технический редактор *Н. П. Цирульницкий*
Корректор *С. М. Березина*

Сдано в набор 9/XI 1961 г. Подписано к печати 21/VIII 1962 г. 60 × 90 1/16. Печ. л. 23 1/2 + + вкл. 0,2 + карты 0,5. Уч.-изд. л. 22,04 + вкл. 0,15+карты 0,42. Тираж 42 000 экз. Заказ № 833. Цена без переплета 45 коп. + карты 7 коп. Переплет 15 коп.

Учпедгиз.
Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

Учпедгиз, 1962 г.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРОВ

П. Я. Черных „Историческая грамматика русского языка"

- Яканье диссимилятивное архаичного (Обоянского) типа
- Яканье диссимилятивное Суджанского типа
- Яканье диссимилятивное Щигровского типа
- Яканье диссимилятивное Донского типа
- Яканье диссимилятивное белорусского (Жиздринского) типа
- Яканье умеренно-диссимилятивное
- Яканье умеренное
- Иканье
- Яканье умеренное с еканьем (между мягкими согласными - е)
- Еканье
- Яканье сильное
- Яканье ассимилятивно - диссимилятивное
- „Острова" с оканьем
- Южная граница распространения г взрывного
- Южная граница распространения цоканья (в пределах акающих говоров с фрикативным ɣ)
- Восточная граница распространения у из в (в тех же пределах)
- Западная граница смягчения к после мягких согласных
- Западная граница смягчения к после ч

Дано по книге Н. Н. Дурново „Введение в историю русского языка" Брно, 1927 г.

К-105 Отпечатано ЛНФ в 1962 г.

км 50 0 50 100 150 200 км

Учпедгиз, 1962 г.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ в ЕВРОПЕ

П. Я. Черных „Историческая грамматика русского языка"

Сев. полярный круг

БЕЛОЕ МОРЕ · БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ · БОТНИЧЕСКИЙ ЗАЛИВ · ФИНСКИЙ ЗАЛ. · Рижский залив · Ладожское озеро · Онежское оз. · Чудское оз. · оз. Ильмень · оз. Селигер · оз. Белое · оз. Кубенское · Рыбинское вдхр. · Цимлянское вдхр. · Волго-Дон. кан. им. В. И. Ленина · АЗОВСКОЕ МОРЕ · ЧЕРНОЕ МОРЕ · КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

Архангельск · Петрозаводск · Ленинград · Таллин · Новгород · Псков · Рига · Даугавпилс · Каунас · Вильнюс · Гродно · Минск · Витебск · Смоленск · Могилёв · Брянск · Калинин · Москва · Калуга · Тула · Рязань · Орёл · Курск · Воронеж · Тамбов · Пенза · Саранск · Ульяновск · Куйбышев · Саратов · Волгоград · Астрахань · Ставрополь · Орджоникидзе · Новороссийск · Симферополь · Ростов · Новочеркасск · Днепропетровск · Харьков · Полтава · Киев · Чернигов · Житомир · Львов · Ужгород · Черновцы · Кишинёв · Одесса · Хелм · Краков · Череповец · Вологда · Ярославль · Кострома · Иваново · Владимир · Горький · Чебоксары · Йошкар-Ола · Казань · Киров · Ижевск · Пермь · Уфа · Оренбург · Уральск · Вел. Устюг

Сев. Двина · Онега · Мезень · Печора · Вычегда · Сухона · Юг · Ветлуга · Унжа · Вятка · Кама · Волга · Ока · Мокша · Сура · Дон · Сев. Донец · Днепр · Десна · Березина · Припять · Зап. Двина · Неман · Висла · Днестр · Прут · Юж. Буг · Дунай · Кубань · Терек · Урал · Ловать · Волхов · Свирь

Северная группа

Олонецкая „

Западная „

Восточная „

Владимирско-Поволжская группа

} Северновеликорусские говоры

Говоры переходные от средневеликорусских к белорусскому языку (Псковская группа, 1)

Западная группа (2)

Восточная „ (3)

} Средневеликорусские говоры

Говоры с диссимилятивным яканьем (группа А)

Говоры с умеренным яканьем (группа Б)

Говоры с сильным яканьем (группа В)

} Южновеликорусские говоры

Говоры северно белорусские

Говоры южнобелорусские

Говоры переходные от южновеликорусских к белорусскому языку

Говоры полесские (северно-украинские)

Говоры полесско-украинские

Говоры украинские

Говоры севернокарпатские (карпато-угорские)

Говоры южнокарпатские (карпато-угорские)

} украинские говоры

Говоры переходные от украинского к белорусскому языку

Названия диалектных групп в скобках даны по карте Московской диалектологической комиссии (1915 г.)

км 100 0 100 200 300 400 500 км

Н-105 Отпечатано ЛНФ в 1962 г.